

Захар Петров

МУОС

Постъядерный мир. Постъядерный Минск.

Аннотация

Прошли десятилетия после Последней Мировой войны. Жалкие остатки агонизирующего человечества живут в подземельях разрушенного Минска. Свой подземный мир они называют Муос. Муос разделен на враждующие кланы. Кроме голода, радиации, постоянных войн друг с другом, жителям Муоса угрожают мутанты, дикари и ментальные агрессоры. Но в беспредельном отчаянии людей умирающего Муоса есть искра надежды. Они ждут Посланного, который поведёт их на Последний Бой...

Захар Петров

МУОС

Пролог

*Дай Бог, чтобы всё здесь написанное, осталось фантастикой.
Захар Петров.*

Прошли десятилетия после Удара – войны, в которой ведущие страны мира выпустили весь арсенал ядерного, химического, бактериологического, биологического и мутагенного оружия. В один день цивилизация рухнула. Поверхность планеты стала непригодной для жизни людей из-за радиации и населивших её мутантов.

Жалкие остатки человечества теснились в самом огромном бомбоубежище мира – Московском метро. Из-за отсутствия связи и транспорта население метрополитена распалось на десятки разобщённых и враждующих между собой станций-государств с разными социальными и государственными устройствами: Красная Линия, где заправляли коммунисты, Четвёртый Рейх – логово фашизма, Полис – центр просвещения, Ганза – государство торговцев и другие.

Кроме голода, болезней и войн подземной цивилизации угрожали мутанты, бандиты, сатанисты, разрастающаяся непобедимая биомасса под Кремлем и целая серия необъяснимых явлений.

Метрожители думали, что хуже, чем в Московском метро, быть не может нигде. Но они ошибались...

1. КУРС НА ЗАПАД

1.1.

Игорь, скрючившись в три погибели на полу рубки, пытался заснуть. Это было очень не просто. В рубке было холодно, но костер тут разжечь, понятное дело, не разрешалось. Да и вряд ли это возможно: рубка имела размеры метр на полтора и располагалась в подсобном

помещении обслуживающего персонала станции метро. Предмет, давший данному помещению гордое название «рубка», стоял на столе, сделанном из невесть откуда оторванной и принесенной сюда двери. Этот предмет назывался радиоприемником.

Властям Полиса *note 1* вздумалось прослушать радиоэфир планеты. Они надеялись, что не весь мир был разрушен во время Удара. Среди жителей метро всегда робко жила надежда, что где-то ещё существует цивилизация. Хотелось верить, что где-то люди, как и раньше, живут на поверхности, строят здания и машины, смотрят телевизоры, слушают радио. Нет-нет да и возникали разговоры о том, что где-то там в Исландии, в Австралии, в Китае, или даже поближе – на Украине или в Сибири, всё осталось так, как было «до». Хотя разум подсказывал, что будь это так, то нормальноживущие люди давно бы посетили несчастную Москву. Может быть как миротворцы, спасатели или завоеватели, но обязательно бы её посетили. Не могло быть так, что столица некогда самой могучей империи, пусть и лежащая в руинах, не привлекает внимания оставшихся в живых наций.

Но за десятилетия жизни в метро и вылазок на поверхность, никто так и не увидел никого из «внешних»: ни пешего, ни на транспорте. В небе не появилось ни одного самолета или вертолета.

Из метрожителей никто так и не удосужился хотя бы попытаться связаться с другими очагами цивилизации. Во время удара, в следствие серии мощных электромагнитных импульсов, являющихся одним из поражающих факторов ядерного удара, вышло из строя практически все радиооборудование. Специализированные военные радиопередатчики, которые могли выдержать электромагнитный импульс, также были уничтожены, потому что именно по военным объектам удары наносились в первую очередь. В результате ядерных взрывов было нарушено магнитное поле Земли, а на поверхности возникли мощные магнитные поля, в связи с чем в первые десятилетия радиосвязь, даже при наличии мощной радиотехники, была невозможна.

В первые годы основной задачей метрожителей было выжить любой ценой. В последующем, из-за множества накопившихся внутренних проблем и междоусобных войн, было не до внешних «исследований». Более того, появилось новое поколение людей – рождённых и выросших в Метро, для которых оно и составляло Вселенную. Для большинства метрожителей из нового поколения существование прочих городов и стран было не совсем понятным, скорее абстрактным, понятием.

Только сейчас несколько учёных Полиса добились осуществления проекта «Цивилизация», как они его гордо называли. Суть проекта заключалась в сборке пусть примитивного, но более или менее мощного радиоприёмника, вынос радиоантенны наверх здания Великой Библиотеки *note 2*, приёмке и анализе поступающих радиосигналов, налаживание контакта с «Внешними очагами». «Внешними очагами» было решено называть обитаемые страны или города, конечно, если таковые существуют.

Данный проект был одобрен правительством с большим трудом. Не смотря на кажущуюся простоту, осуществлялся он более года. Во всем метро было найдено всего два радиомеханика, способных собрать приёмник. При этом одного радиомеханика пришлось

Note1

Полис- Станционное государство Московского метро, расположенное на пересечении сразу четырёх линий метро и включавшее в свой состав станции Боровицкая, Арбатская, Александровский сад, Библиотека им.Ленина. Центр науки и просвещения Московского метро. Государством управляют две партии: учёных и военных.

Note2

Великая Библиотека – до удара библиотека им Ленина – крупнейшая библиотека бывшего СССР, насчитывавшая несколько миллионов экземпляров книг. После Удара сталкеры Полиса, рискуя жизнью, регулярно подымались в Великую Библиотеку с целью доставки из библиотеки книг для развития науки и просвещения, как в Полисе, так и во всём Московском метро.

вымаливать у Красной линии note 3. Товарищ Москвин разрешил воспользоваться знаниями «красного» радиомастера в обмен на присутствие при проводимых работах и запуске «Цивилизации» представителя красных с «Лубянки».

Сталкеры, рискуя жизнями, в течении долгого времени сносили попадающиеся наверху полуистлевшие от времени приемники, рации и все, что по их мнению могло содержать необходимые радиодетали. В куче этого хлама двум радиомеханикам с трудом удалось отыскать необходимый набор деталей.

Когда радиоприемник был собран и прошел тестирование внутри самого метро, отряд сталкеров, буквально с боем пробивался на верхние этажи библиотеки. Библиотекари note 4, словно сознательно желая воспрепятствовать осуществлению затеи людей, во время этой вылазки нападали словно одержимые. Один сталкер не вернулся с этого задания, один был тяжело ранен. Но всё же антенна была установлена на крыше библиотеки и провод от неё спущен в Полис.

В день запуска проекта в рубке собралось несколько представителей из числа учёных и военных Полиса, оба радиомеханика, и очень серьёзный товарищ с Лубянки. Игорь на время работ был отдан в ученики радиомеханику. Его никто не приглашал, но никто и не возражал против его присутствия при запуске.

Старший учёный с неизменной татуировкой на щеке, перепроверил, все ли приглашенные собрались. Сначала старик хотел сказать какую-то подобающую речь, но, увидев нескрываемое нетерпение на лицах присутствующих, воздержался. Да и речь была бы неуместной в этой маленькой конуре, освещаемой одной тусклой лампочкой у потолка.

Большинство собравшихся были люди старшего поколения, и они помнили, что такое радио. Все смотрели на безобразную конструкцию без корпуса – беспорядочное нагромождение радиодеталей с несколькими тумблерами и ручками регулировки, выведенными на кусок доски. Присутствующие надеялись, что после щелчка тумблера в тесную рубку ворвется давно забытая какофония перебивающих друг-друга радиостанций на всех языках: музыка, новости, спорт... Это означало бы начало конца их мучений, скорую эвакуацию, спасение из ада.

Старший учёный кивнул «некрасному» радиомастеру и тот щёлкнул тумблер. Игорь, услышав звук из радиоприёмника, уже раскрыл рот для радостного «Ура», но увидев лица старших понял, что «ура» здесь не причём. Прислушавшись, он понял, что из приёмника доносится почти такой же шум, как и во время испытаний приёмника внутри метро, только значительно более громкий. Он уже знал, что это «фон» или «помехи», и вспомнил, что со слов радиомастеров, помех снаружи во много раз больше, чем на глубине метро. Радиомастер начал крутить ручку настройки частоты. Вдруг помехи прекратились. Радиомастер прислушался и произнёс:

– Это не помехи...

Из динамиков раздавался ритмичный звук «Тум-Тум-Тум...Хр-р-р». Как будто кто-то трижды стучал по включённому микрофону пальцем, а потом этим же микрофоном один раз проводил по пенопласту. И вся эта бессмысленная жуткая череда звуков беспрерывно повторялась с небольшим интервалом. Присутствующие вслушивались, как будто надеялись, что сейчас незнакомый голос произнесёт: «Раз-два-три...Внимание. Начинаем нашу передачу...». Но все надежды пограл «красный» радиомеханик, высказав общую догадку, которую другие произнести вслух боялись:

– Но это и не люди... Чертовщина какая-то...

Note3

Красная линия – одно из крупнейших станционных государств, включавшее ряд станций метро, управляемое товарищем Москвиным. Существующий строй – дикий коммунизм.

Note4

Библиотекари – мутировавшие двуногие агрессивные существа, обитавшие в Великой Библиотеке и совершавшие нападение на сталкеров.

Что это было: чудом уцелевшая сломанная радиостанция по непонятным причинам до сих пор функционирующая таким странным образом; какой-то своеобразный мутант или инопланетянин – для всех осталось загадкой. То, что человеку и в голову не придёт сигнализировать о себе подобным образом, было очевидным для всех.

«Некрасный» радиомастер продолжил поиски, покрутил ручку настройки до упора, потом обратно до упора, ещё и ещё раз. Быстрее. Медленнее. Ничего. Ничего, кроме помех и того монотонного нечеловеческого сигнала на одной и той же частоте. В течении часа под нетерпеливым наблюдением присутствующих оба радиомастера крутили ручки, что-то подкручивали и подтягивали в самом приёмнике, и даже просто от безнадёги постукивали по выступающим деталям. Ничего, кроме странного сигнала. «Красный» радиомастер робко сказал:

– Может что-то с антенной? – хотя и сам понимал абсурдность этого. Тестирование приемника внутри метро дало стопроцентный результат.

Ещё минут пять общего молчания под шум помех из приёмника. Первым подал голос суровый военный Полиса:

– Я говорил, что это всё блеф! Сколько затрачено средств, погиб человек! И всё зря! Всё из-за сумасбродной прихоти «очкариков»!

– Мы не для себя старались, – робко заметил один из «очкариков».

– А вы теперь это расскажите библиотекарям, которые Пашку разорвали, и его жене с тремя детьми.

– Может попробовать что-то ещё?

– И не надейтесь! – громко гаркнул всё тот же военный. – Финансирование проекта прекращено. Больше Вы не получите не пульки *note 5*.

Распихав стоящих за ним «очкариков», он вышел из рубки. За ним вышли ещё два военных.

Долгие часы радиомеханики бороздили эфир в надежде выудить там хоть что-то. Учёные по мере исчерпания имевшихся у них запасов терпения также выходили один за другим.

В середине ночи, товарищ с Лубянки, до этого невозмутимо наблюдавший происходящее, резко сказал «красному» радиомеханику:

– Нам пора... Потрудитесь обдумать, что вы доложите товарищу Москвину, – и вышел из радиорубки. Красный радиомеханик, рассеянно пожав руки Игорьку и своему коллеге, засеменял за своим «хозяином».

Остались Игорь и его наставник. Они, сменяя друг-друга, ещё двое суток сканировали эфир. Потом к ним в рубку зашел один из учёных и, не поздоровавшись, сообщил:

– Совет потребовал прекратить трату ресурсов на проект «Цивилизация». Они считают проект безнадёжным. Нам запрещено тратить силы штатных работников. Вам, радиомеханик, сказано немедленно приступить к выполнению других задач. Но нам удалось уговорить Совет не ликвидировать рубку в ближайшее время. Поэтому начальником рубки назначаешься ты, – учёный кивнул на Игоря. Тот ошалело посмотрел в глаза учёного, но по ним трудно было определить, вкладывает ли он в фразу «начальник рубки» какую-либо иронию.

1.2.

Сначала 16-летний сирота Игорь Кудрявцев, обрадовался столь ответственному назначению. Но потом он вспомнил, что все что ни случается в его жизни – бывает только к

Note5

Пульки или патроны – основа обменной системы Московского метро – боеприпасы к стрелковому оружию, главным образом патроны к автоматам и пулемётам Калашникова, являлись своеобразными деньгами. На них свободно обменивались любые товары в большей части Московского метро.

худшему. Он тяжело вздохнул и тупо уставился на жужжащий приемник.

Игоря 12 лет назад забрали с Чеховской. Он мало, что помнил со своего детства. Лицо матери он не помнил. На месте лица у него в памяти всегда вырисовывался только овальный круг. Но вот густые светло-русые волосы матери, заплетенные в две тугие косы, спускавшиеся почти до пояса, он помнил хорошо. Также хорошо он помнил черную униформу матери с коловратом на рукаве. Помнил её ласковые руки и её ласковый голос, когда она ему пела какие-то детские песенки. Образ матери у него никак не ассоциировался с тем портретом фашистов Четвертого Рейха *note 6*, который рисовался по рассказам жителей Полиса. Он мог бы считать всё это не правдой, но в одном из уголков его сознания память хранила случай, который он хотел бы, но не мог, забыть.

Игорь почти всегда по вечерам встречал мать с работы. Мать выходила из двери, ведущей в какой-то коридор в дальнем конце перрона. В тот коридор станции никого никогда не пускали. Но он и другие ребята часто слышали оттуда приглушённые, леденящие кровь, почти нечеловеческие крики.

Он мать дожидался у двери. Мама выходила, ласково ему улыбалась, радостно брала на руки. Когда Игорь спрашивал, кто там кричит, мать отвечала, что это «плохие». Иногда она их называла «айзерами» или «чурками». Для четырёхлетнего мальчика этого было достаточно. Воображение дорисовало из этих «айзеров» страшных монстров.

Но однажды Игорь попал внутрь. В этот вечер дверь «маминой работы» была открыта. Два охранника в черных камуфляжах, которые обычно стояли за этой дверью, ругались с каким-то рабочим, пытавшимся протолкнуть в дверь тележку. Тележка не лезла и оба охранника благим матом орали на рабочего, потом вытолкали тележку и стали пинками прогонять бедолагу. Охранники привыкли к тому, что Игорь постоянно ошивается возле двери, и поэтому на него не обращали никакого внимания. Да и к тому же они увлеклись пинанием рабочего. В этот-то момент Игорь и вбежал в коридор.

Игорь забежал в первую попавшуюся дверь и увидел свою мать. Она была в белом халате, испачканном кровью. Мать и ещё двое мужчин в таких же халатах склонилась над головой полностью голой и удивительно смуглой девочки, привязанной к стулу. Девочка была лет шести. Ремни жёстко притягивали её к сидению, не давая возможности пошевелиться. Выше уровня глаз черепная коробка девочки была срезана. На столике в луже крови лежал верх черепа с пышной копной чёрных волос (таких чёрных волос он ещё никогда не видел). Рядом лежала пила. В серо-красном веществе мозга девочки ковырялась каким-то предметом мать Игорька.

Девочка кричать не могла – у неё во рту торчал резиновый кляп, поверх которого шел ещё один ремень, жестко вжимавший кляп в рот, а вместе с ним и прижимавший головку ребёнка к подголовнику стула. Но девчушка явно была в сознании, возможно на грани агонии. На окровавленном лице застыли ужас и невыносимая мука. Глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит, на окровавленных щеках – дорожки от ручьями текущих слез.

Девочка увидела Игорьку и как-то встрепенулась. Тогда мать повернула голову, побледнела и зло крикнула: «Пошёл вон!». Игорь не мог пошевелиться. Мать резко вытерла окровавленные руки в перчатках о свой халат, подошла к Игорьку, схватила его за руку, вытащила из операционной и потащила по коридору. Оба охранника, видно уже прогнав рабочего, удовлетворенные возвращались к посту. Увидев мать с Игорьком, они перепугались. Мать вывела Игорьку из коридора и сдержано сказала: «Жди меня дома». Игорь побежал, что было силы. Только слышал, как мама – его ласковая добрая мама, орали на охранников, употребляя такие слова, которых он от неё раньше никогда не слышал.

Мать вернулась с работы раньше обычного. Это была снова его ласковая мама. Она пробралась в угол палатки, в которой сидел и трясся Игорь, всунула в руку Игорьку

Note6

Четвёртый Рейх – неофашистское государство на территории станций Московского метро Чеховская, Тверская, Пушкинская.

несколько шоколадных конфет (которые стоили не меньше рожка пулек). Она обняла его и ласково зашептала прямо на ухо:

– Игорёк, миленький. Та девочка очень больная, она – злая. Она – чурка. Мама хочет её вылечить. Девочка выздоровеет и станет красивой доброй русской девочкой. Ведь даже твой папа погиб на войне для того, чтобы все детки были русскими...

Игорь почти поверил, а что ему ещё оставалось делать? Правда, маму он больше не ходил встречать с работы. И вообще на дверь маминой работы предпочитал не смотреть.

Лет через десять Игорь случайно услышал рассказ одного из ветеранов войны с фашистами. Тот сообщил, что на Чеховской медиками Четвёртого Рейха проводились секретные эксперименты над детьми. Они создавали управляемых, сильных зомби – идеальных солдат будущей армии. В качестве сырья использовались дети восточных национальностей. При осуществлении операций фашистские медики не тратились на наркоз. В заключение рассказа ветеран сказал, что возглавляла медслужбу Рейха женщина. От себя рассказчик добавил:

– Видел я её мёртвой, когда её в расход пустили. Красивая была баба. Такая маленькая, хрупкая, с двумя косами ходила. Ну никогда бы не поверил, что такая может сознательно детей калечить! А сколько умерло при этих операциях? Кстати, говорят, что не всех сволочей фашистских поубивали тогда. Они ж многие тогда через Тверскую на Кузнецкий Мост пошли, а куда оттуда – неизвестно. И детей, эксперименты с которыми удались, с собой увели. Счас-то эти детки повывагастали. Что с ними стало?

Через месяц на Чеховскую напали. Мать уже вернулась с работы и была в палатке, когда началась стрельба. Она схватила пистолет и, как была, в домашнем комбинезоне, хотела выбежать из палатки и принять участие в бое. Но уже на выходе вскрикнула и ввалилась спиной обратно в палатку. Продолжая держать одной рукой пистолет, второй она зажимала рану в животе. Она подняла глаза на Игорьку и тихо сказала:

– Игорь, прости меня за всё. Пожалуйста, не становись фашистом..

В это время в палатку вошёл незнакомый военный с автоматом. Увидев пистолет в руке раненой женщины, он спокойно поднял ствол и выстрелил ей в голову. Игорь от наполнившего его ужаса просто отключился.

Пришёл в себя, когда какой-то бородатый мужик тащил его за шиворот в сторону туннеля. Впереди такой же бородатый с перевязанной рукой и автоматом на груди преградил дорогу.

– Куда ты его?

– А что ты прикажешь со щенком фашистским делать? На фарш его! Мать его знаешь кем была?

– Значит и ты – такой же! Оставь детёнка, говорю, – раненный боец потянулся к автомату.

– Да хрен с тобой. – Игорь покатился под ноги раненого от сильного толчка в затылок.

Игоря Кудрявцева переправили в Полис. Он жил в приюте для детей. Здесь ему было несладко. Сверстники прознали, кем он был и чей он сын. «Фашистский ублюдок», «нацистская сука» – это то, что часто приходилось слышать от детей. Его часто жестоко избивали. Особенно свирепствовали те, чьи родители погибли от рук фашистов. Учителя пытались защитить его, хотя и сами испытывали к нему неприязнь за его прошлое, как будто он его выбрал для себя сам. У него не было друзей. Не смотря на то, что он был хоть и худым, но приятным на вид юношей, девушки также его сторонились. Видимо боялись, что их могут назвать «фашистскими подстилками». В 14-летнем возрасте Игорь после очередного избиения сверстниками думал уже покончить с собой, взял нож, чтобы перерезать себе вены, но сделать это не хватило духу. Он ненавидел себя, ненавидел свою покойную мать, ненавидел проклятую жизнь, сделавшего его изгоем.

Способные дети из приюта обычно поступали в университет. У Игорька не то, что бы не было особых способностей к учёбе. Он просто не видел стимула заниматься этим: зачем изучать литературу, историю, биологию, географию несуществующего уже мира. Для того,

чтобы оградить от сверстников, да и просто избавиться от Игоря, воспитатели приюта отдали его в двенадцать лет в ученики единственному радиомеханику Полиса.

Так получилось, что радиомеханики оказались редкостью. Главной задачей радиомеханика была починка раций и телефонной связи. Работы у него было не в проворот, но он был стар и в последнее время сильно болел. Ему нужен был помощник, а заодно и кто-то, кто мог бы пойти по его стопам.

Игорь перешёл жить в палатку радиомеханика, которая была одновременно мастерской и домом. Угрюмый радиомеханик разговаривал очень редко и никогда не улыбался. За десятки лет жизни в метро он так и не освоился с этой жизнью. Он всё ещё жил тем днём, когда в ядерном пекле погибли его жена и двое детей. Иногда он доставал замусоленные фотокарточки, раскладывал их на полу, закрывал глаза и начинал качаться из стороны в сторону. В таком состоянии он мог находиться часами.

Только один раз Игорь заместил на лице наставника подобие оживления: когда сталкеры принесли ему целую стопку справочников по радиodelу. После этого случая радиомеханик изредка начинал говорить, что-то показывать Игорю в справочниках, пытался что-то обрывками объяснить.

Близкими людьми Игорь и радиомеханик не стали, но Игорь был благодарен за то, что радиомеханика абсолютно не смущало происхождение его ученика. Правда, для других людей он по-прежнему был изгоем. И если не считать пары фраз в день, которыми они перебрасывались с радиомехаником, Игорю случалось сутками не разговаривать вообще.

За пять лет Игорь худо-бедно научился радиodelу, мог даже сам кое-что спаять.

1.3.

К исходу второй недели пребывания в должности «начальника рубки» Игорь стал понимать, что «назначением» он обязан лишь неприязни к нему окружающих и тому малому значению, которое уделялось Советом проекту «Цивилизация», после его провала. Его задача заключалась в том, чтобы жить в рубке и прослушивать радиоэфир. Ему даже выдали тетрадь, которую озаглавили: «Проект Цивилизация. Журнал приёма радиосигналов». В данной тетради до сих пор не появилось ни одной записи.

Старый радиомеханик, не смотря на его отстранение от проекта, всё-таки иногда заходил в рубку. В свободное от основной работы время он что-то перестроил в приемнике и он сам плавно сканировал эфир на разных частотах, так что Игорю не надо было крутить ручки. В течении трех часов приемник «прослушивал» весь доступный диапазон, а потом начинал сначала.

Игорь ходил, получал свой служебный паёк, возвращался в рубку и круглосуточно слышал из приёмника лишь писк и треск, да те странные стуки-скрежет на одной и той же частоте. Сначала он вслушивался внимательно, боясь что-нибудь пропустить, потом более рассеянно. Потом постоянный звук стал его раздражать, не давал заснуть ночью. Потом он привык и уже почти не обращал на звук внимания.

Но сегодня ему стало снова себя очень жалко и от этого он не мог заснуть. Его совсем забыли в этой проклятой рубке. Он представил, что через долгие годы, став стариком, он так и умрёт здесь, и никто не придёт его похоронить. Только потом найдут мумифицированный труп на полу рубки и долго будут гадать, кто же это такой и чего он здесь оказался. Проваливаясь в дрему, под шипение приёмника ему привиделось, что он вышел на платформу к палатке раздачи служебных пайков. Завидев его, люди стали разбегаться, а когда он подошел к палатке, то на прилавке не увидел привычных грибов и вяленого мяса в бумажных пакетах. На столе лежало зеркало на всю длину и ширину стола. Он подозревал, что увидит в этом зеркале, боялся в него посмотреть, но пересилил себя и нагнулся. Он увидел в зеркале своё отражение: череп, обтянутый полусгнившей кожей с редкими волосами на макушке. Вместо рта и глаз – дыры. Он испугался, выбежал из палатки и встретил на перроне столпившихся людей, которые смотрели на него с ненавистью.

Вдруг он услышал знакомый голос и, повернувшись, увидел свою мать в эсесовской форме. За руку матери держалась шестилетняя смуглая девочка без черепной коробки, с вытаращенными глазами и дикой улыбкой на лице. Они подошли к нему. Мать, глядя поверх его головы, с отвращением шептала: «На кого ты похож. Ты позоришь нацию, выродок. Тебе не место здесь». Он посмотрел на девочку и увидел, что там, где должен быть мозг, кишат черви. Девочка стала приближаться к нему со словами: «Чурка, поцелуй меня, чурка, поцелуй меня». Она пыталась обнять его. Игорь в испуге отходил назад. Вдруг он провалился в открытый люк и стал падать в бездну. А сверху доносился шепот матери на немецком языке, из которого он понял одну фразу: «Партизанэн-штрассе»

Момент соприкосновения с дном бездны во сне всегда совпадает с пробуждением. Игорь проснулся в холодном поту, быстро сел на тюфяке, ударившись головой в стол. Потирая лоб, он понял, что это обычный кошмар.

— ...мы ждём вас...

Игорь мог поклясться, что это был уже не сон. Это только что доносилось из шипевшего динамика. Но приемник, благодаря настройкам радиомеханика, уже сменил частоту. Игорь подскочил и быстро дёрнул ручку приёмника на то место, где она была в момент, когда из приёмника прозвучало что-то членораздельное. Второй рукой отключая автоматический режим поиска. «...ждём...ш-ш-ш». И всё. Обычный шум.

Сон сняло, как рукой. Игорь несколько часов вслушивался в радиосигнал на этой же частоте. Он не пошёл за дневным пайком, боясь пропустить что-то важное. К вечеру этого же дня шипение стало менять тембр и сквозь него, как будто сквозь стену дождя, начал пробиваться женский голос: «Внимание... ш-ш-ш... вещает убежище метро... ш-ш-ш... просим помощь... ш-ш-ш... другие атакуют с края... ш-ш-ш... гибнут дети...». Потом этот же голос заговорил на незнакомых языках, видимо повторяя тот же текст. Здесь Игорь и услышал непонятную фразу «Партизанен-штрассе», которая ворвалась в его сон под видом шепота матери.

1.4.

В зале для совещаний собрался расширенный Совет Полиса. Кроме высших военных и высших учёных Полиса, сюда были приглашены люди, которым при других обстоятельствах никогда б не позволили и постоять рядом. Дехтер – командир спецназа Полиса. Угрюмый и молчаливый товарищ с Лубянки – всё тот же представитель Красной Линии, который надзирал за проектом на стадии его реализации. Совет Полиса решил не идти на конфликт и выполнить условия договора о полном участии Красной Линии в проекте Цивилизация. Скромно перетаптывались в углу, не приглашенные присесть, старый радиомеханик и его юный ученик – Игорь Кудрявцев. Кроме того, здесь было несколько незнакомых Игорю мужчин разных возрастов.

Обсуждение длилось долго. Сначала представитель учёных Полиса зачитал краткое сообщение об обстоятельствах открытия источника радиосигнала, в котором, к негодованию Игоря, о его роли в этом упомянуто ничего не было. В докладе было сообщено, что неизвестная радиографистка периодически, а именно два раза в сутки, посылает миру сообщение на определённой частоте на трёх языках: русском, немецком и английском. Не смотря на плохую слышимость сигнала, и благодаря тому, что сообщение трижды повторяется на разных языках, удалось восстановить большую часть сообщения. Так, уже известно, что радиосообщение, согласно его тексту, посылается из города Минска – бывшей столицы одного из славянских государств, граничащего с Россией. Инициатор сообщает о том, что часть населения города укрылось в минском метро, и в настоящее время испытывает какие-то затруднения, грозящие гибелью всему поселению. Они просят о немедленной помощи.

Далее докладчик, к неожиданности большинства присутствующих, сообщил, что в настоящее время Полис имеет возможность доставить группу в количестве двадцати человек практически в любую точку земного шара. Технический аспект данной возможности до определённого времени, по понятным причинам, разглашению не подлежит. В связи с этим

присутствующим просто надлежит принять во внимание наличие данного обстоятельства и приступить к обсуждению целесообразности экспедиции в город Минск.

Не смотря на множество прямых и косвенных вопросов относительно характера данной возможности, докладчик безапелляционно их отклонял. Поэтому присутствующие приняли условия, названные докладчиком и принялись обсуждать саму экспедицию.

К настоящему времени вылазки на поверхность даже в пределах Москвы являлись чрезвычайно рискованным и технически сложным мероприятием. Обострялось это острой нехваткой боеприпасов, всё более ощущавшейся в последнее время. На фоне этого, экспедиция в другой город и тем более другую страну, представлялась не только чрезвычайным расточительством людских ресурсов и боеприпасов, но и подлинным безумием. Поэтому в начале разговора мысль о реальности подобной вылазки, казалось, была полностью отброшена. Когда все вроде бы согласились с этим, поднялся Александр Рахманов, представитель Гражданского руководства Полиса. Он говорил негромко, но твёрдо:

– У нас мало боеприпасов. Нам не хватает продовольствия. В метро царят эпидемии. Нас отовсюду теснят мутанты. На дальних станциях у нас творится беспредел и хаос. Мы не можем выбраться из череды междоусобных войн. Душами метрожителей завладевает отчаяние. Нам едва удастся сдерживать падение наших станций в пучину дикости и анархии. Людьми движет лишь инстинкт самосохранения, разрушающий интеллект, и людей трудно в этом винить.

И именно поэтому мы должны любыми судьбами осуществить экспедицию. Не зависимо от того, будет ли она успешной. Силами одного Полиса мы это сделать не сможем, а значит будем вынуждены частично рассекретить Проект. О наличии живого поселения вне Москвы узнают во всем метро. Я уверен, что эта весть обрадует большинство здравомыслящих людей, как помнящих Старый Свет, так и рожденных в Метро. Люди узнают, что они не одиноки в этом мире. Это будем лучиком надежды. Надежды в то, что все в конце-концов наладится, мы выберемся на поверхность и отстроим новый мир. Решение проблемы по осуществлению экспедиции, требующей ресурсов многих станций, заставит нас сотрудничать, а значит это будет первым шагом к сплочению. Кроме того, все последнее время мы жили каждый сам за себя; каждая станция или, в лучшем случае, такой конгломерат станций как Полис или Ганза, решал только свои насущные проблемы. А сейчас у нас просят помощи. Мы сделаем великий бескорыстный шаг. Метрожители, которые уже не верят ни в Бога, ни в Справедливость, станут перед нелегким выбором: прозябать в своей скорлупе или протянуть руку помощи своему неведомому и далёкому другу... И я знаю, какой будет выбор.

После речи Рахманова в помещении воцарилась гробовая тишина, которую первым нарушил чекист с Красной Линии:

– Я доложу ситуацию товарищу Москвину и буду ходатайствовать об участии в экспедиции.

После этого все, кто ещё десять минут назад во всё горло кричал о безнадежности и ненужности экспедиции, как ни в чем не бывало, стали обсуждать её детали.

Рахманов был прав. Сообщения о намечаемой миссии в Минск были направлены на все цивилизованные станции. Это перевернуло сознание людей. При доминировании только плохих новостей на протяжении десятилетий жизни в метро, утопическая затея посещения Минского метро, вызвала невиданную эйфорию. Монархи, правительства, политбюро и прочие руководящие структуры на разных станциях может быть и хотели бы проигнорировать призыв Полиса на оказание помощи в экспедиции. Но небывалый энтузиазм населения, просто не позволял им отреагировать таким образом. Ганза, Красная Линия, Арбатская, ВДНХ, Ясенеvцы и многие другие, даже бандитские, станции – все высказали согласие поддержать экспедицию бойцами и вооружением. Однако заранее было решено, что костяк экспедиции будет составлять спецназ Полиса и Ганзы, во избежание конфликтов и разногласий, которые могли бы просто погубить и без того опасное

предприятие. Остальные станции предоставляли только высокачественное вооружение и боеприпасы, приборы ночного видения, амуницию, калорийную долгохранящуюся провизию. От наиболее крупных государств были выставлены бойцы.

Костяк группы составляли спецназовцы Полиса и Ганзы.

От гражданской дипломатии Полиса, да и всего Московского Метро был представлен Рахманов Александр.

Включен в группу угрюмый товарищ с Лубянки, который отказался называть свои фамилию и даже имя, и поэтому был окрещен «Комиссаром».

Бауманская предоставила сверхсовременный прибор ночного видения и какого-то доходяжного раскосого мужичка с большой головой и уродливым перекошенным лицом. Сначала его хотели назвать «Клоуном», но Совет Полиса, после тестирования охарактеризовал бауманца, как «индивидуума с уникальными ментальными способностями» и настоял на включение его в состав группы. Значение этих слов малограмотные спецназовцы не совсем понимали и назвали вновь прибывшего по-свойски «Менталом».

Военно-ученый Совет Полиса определил задачи экспедиции: 1. Найти источник и инициатора радиосигнала. 2. Наладить постоянный радиокontakt с Минским метро. 3. Оказать помощь минчанам. 4. По-возможности вернуться в максимальном составе. Каждый член группы был строго-настрого предупрежден о необходимости принятия исчерпывающих мер для выполнения заданий, причем к выполнению следующего разрешалось приступать только после выполнения предыдущего.

Для осуществления технической стороны миссии в части налаживания радиоконтакта необходим был специалист-радиомеханик. И радиомеханик Полиса и его коллега с Красной Линии для этого были слишком стары, да и слишком ценны для обоих государств. Поэтому Игорю Кудрявцеву было предложено принять участие в экспедиции.

Игорек сначала был обескуражен поступившим предложением. Он не на шутку испугался и почти нутром почувствовал, что если его заставят участвовать в экспедиции, обратно он уже не вернется. Он был физически слаб, не умел обращаться с оружием, придушен реальными и надуманными комплексами о своей никчемности. Он вернулся в рубку, в которой по-прежнему стоял радиоприемник, уже отключенный, с грустью посмотрел на это страшное сооружение и на матрас на полу. И тут он понял, что в Московском метро он никому не нужен. Он был здесь изгоем и изгоем останется. Если он умрет, этого никто не заметит. Он вспомнил свои детские потуги к самоубийству и решил, что, самым худшим в экспедиции может быть смерть. А её он, как бы и не боится. И на следующий день он дал согласие. Без особой радости какой-то чиновник сказал, что у него час на сборы и он должен идти с основной группой на подготовительные сборы на Смоленскую.

Час на сборы это было слишком много для Игорька. Собирать ему было нечего, прощаться не с кем. Он подошел к своему учителю, который, как всегда, сидел в мастерской и рассматривал близорукими глазами старый аккумулятор, надеясь каким-то образом переложить свинцовые пластины, чтобы он снова заработал. Игорек в двух словах рассказал ему о том, куда идет. Как не странно, радиомастер выполз из своей нирваны дум о прошлом. Он не стал охать, не стал отговаривать или произносить пафосные речи. Но все-таки этот дядька как-то необычно засуетился. Схватил какой-то потрёпанный портфельчик, стал собирать туда инструмент. Игорек заметил, что руки старика трясутся. Он не жалея ссыпал в портфель отвертки, припой, коробку с редкими деталями. Когда он засунул в портфель старый, но единственный рабочий тестер, Игорек не выдержал:

– Степаныч, а как же ты, без тестера?

Степаныч нервно усмехнулся:

– А я языком проверять буду...

Затем он сбросил с полки несколько томиков по радиodelу и достал самый, на его взгляд, понятный, и тоже его засунул в битком набитый портфель. Потом задумался и сказал:

– Жаль, что я старый такой. Я б с тобой пошел.

Игорь взял из рук радиомеханика портфель. Тот смотрел не то ему в глаза, не то мимо него. Может, он вспоминал своего сына, а может просто думал, не забыл ли чего вложить. Игорюк безумно захотелось обнять этого человека, но он постеснялся, повернулся и пошел. Он чувствовал, что радиомеханик еще долго смотрел ему вслед....

1.5.

Радист шёл шестым в группе. Они направлялись к заброшенной станции, которая являлась учебным лагерем для спецназовцев и сталкеров. Его товарищи по группе сначала категорически отказывались принимать Игорюка. Ему открыто объявили, что он – даже не слабое звено в цепи, а просто-таки «разрыв». Но потом смирились с ним и даже решили, что спецназовца не гоже называть «Игорюком», и дали ему прозвище Радист. Радисту дали АКСУ, три рожка патронов, две ручные гранаты. Кроме того, на спину ему водрузили тяжелый мешок с провизией. Радист еле шёл. Он видел, как его товарищи несут такие же по объёму мешки, но нагруженные тяжёлыми боеприпасами, и стыдил себя за слабость.

Группа состояла из двадцати пяти человек. Старшим группы был назначен Дехтер – молодой, широкоплечий капитан. У него не было левого глаза; левая щека и скула были изуродованы жуткими рубцами. Он был легендой Полиса.

В одной из вылазок в библиотеку, на ведомую «Дехтером» группу из четырёх человек, напало полчище библиотекарей. Пока они, отстреливаясь отходили, закончились боеприпасы. Уже на выходе из библиотеки, один из сталкеров, новичок, споткнулся. Три библиотекаря кинулись к нему, готовые разорвать. «Дехтер», приказав остальным уходить, бросился на помощь к товарищу. Одному чудовищу, которое уже вцепилось клыками в шею молодого сталкера, он раскроил голову ударом приклада, второму всадил в голову штык-нож. Но в это время третий прыгнул на него и с размаху ударил лапой по лицу, разорвав резину противогаза с плотью лица. Пока монстр замахивался для второго удара, «Дехтер» проткнул ему автоматом живот (это какой же силой надо обладать, чтобы вбить ствол АК в брюхо библиотекаря!). В холл библиотеки уже набились подросшие библиотекари. Но не то испугавшись чудовищной силы человека, не то в знак уважения к нему, они оставались на местах, пока «Дехтер» поднял на плечо раненого сталкера и, шатаясь, вышел из библиотеки. Это был единственный известный случай успешной рукопашной схватки с библиотекарями.

Врачи Полиса не смогли спасти глаз храброму сталкеру, да и лицо зашили кое-как. Увидев впервые после бинтов своё отражение в зеркале, «Дехтер» долго пил. К своей девушке он не вернулся и потребовал, чтобы в лазарет она к нему не проходила. Она пару раз передавала ему записки, утверждая, что, якобы, любит его не за лицо. Но уже через неделю она ушла в палатку к более симпатичному пограничнику. После этого Дехтер был постоянно в спецназовской маске с прорезями для глаз. Только в присутствии близких друзей из своей команды он снимал маску.

Радист, понятное дело, не был близким. Дехтер лично взялся «объяснить» это Радисту. Он отказывался, в отличие от своих подчинённых, называть его Радистом или даже по имени. Дехтер ненавидел фашистов, потому что в стычке с ними когда-то погиб его старший брат. Кроме того, для Дехтера Игорёк был слабым необученным щенком, который мог подвести всю команду. Роль Кудрявцева в этой экспедиции Дехтеру объяснили, но он считал это ошибкой и категорически заявил Совету, что не доверяет фашистам. Говорил, что раз минчане прислали сигнал, значит у них есть чем его присылать, а брать с собой лишнюю обузу в столь опасную экспедицию – это ставить всю операцию под угрозу провала.

Кто-то из Высших военных заявил Дехтеру, что выбирать состав участников – не его роль. Дехтер что-то буркнул вроде: «Потом не обижайтесь..» и при первой встрече с Игорюком безапелляционно объявил ему:

– Ты – говно! У тебя есть только один способ выжить: признай, что ты – говно и проваливай!

Игорёк промолчал.

У них было две недели на подготовку к миссии. В то время, как остальные члены группы занимались стрельбами, изучали тактику боя в замкнутом помещении и на открытом пространстве, мастерство владения холодным оружием и азы приемов рукопашного боя, Дехтер заставлял Радиста часами таскать рюкзак с кирпичами, бегая от станции к станции, подгоняя при этом его пинками. В качестве «отдыха» Игорю разрешалось приседать и вставать с тем же рюкзаком. Когда он не мог приседать, ему разрешалось скинуть рюкзак и ползти, подгоняемым ударами шомпола по спине, ягодицам и ногам. Занятия длились с утра до обеда. С обеда и до вечера. Радист поклялся себе, что от него никто не услышит ни звука за время тренинга и он сдержал данное себе слово. Только губы распухли от постоянного закусывания.

Но самое страшное было вечером:

– Эй, говнюк, ползи сюда, я тебе колыбельную спою.

«Колыбельной» Дехтер называл спарринг с Радистом, который длился до тех пор, пока Радист не терял сознание. Причём во время спарринга Дехтер дрался только одной левой рукой, а Радисту разрешалось драться и руками и ногами, хотя это ему мало чем помогало. Он, как заводной чертик, десятки раз кидался на Дехтера и после каждой стопудовой оплеухи отлетал на несколько метров. Сквозь кровавый туман он слышал громоподобных хохот Дехтера и злые слова:

– Ну что, недоносок, как «колыбельная»? Спать не хочется?

А потом не так сурово:

– Просто скажи: я – говно. И иди с Богом.

Радист молча подымался, шёл к Дехтеру или полз на карачках лишь для того, чтобы получить очередную оплеуху левой ладонью. В конце-концов он уже просто не мог подняться и лежал прямо на шпалах в туннеле, где они занимались.

Просыпался он всё там же шпалах, от очередного пинка Дехтера:

– Харэ дрыхнуть, говнюк. На, пожри и запрягайся.

И всё начиналось сначала.

В конце второй недели занятий, во время обычной «колыбельной», что-то пошло не так. Когда Радист лежал придавленный очередной пощечиной и обнимал рукой рельс, сквозь кроваво-болезненную пелену он услышал гогот Дехтера:

– Ну что, ублюдок фашистский, скажи: я – говно, я – недоносок фашистской суки, и проваливай...

В голове что-то щёлкнуло. Кажется, Дехтер ещё никогда так не высказывался. Он тихо поднялся. Боль и усталость отошли. Не понятно, что у него было на лице, но Дехтер насмешливо произнёс:

– О-о-о! Ща-а-ас будет что-то интересное.

Радист видел перед собой ненавистную чёрную спецназовскую маску и желал только одного, чтобы на ней проступила кровь. Он подошёл ближе. Левая рука Дехтера, как праща с лопатой на конце, начала приближаться. Всё было, как в замедленном кино. Он заметил руку. Но не как всегда, тупо ожидал очередного удара. Он резко отступил назад. Дехтер, все удары которого до этого достигали цели, не ожидал такого маневра. И по инерции он повернулся левым боком к Радисту. В этот момент Радист взял свои руки в замок, подпрыгнул и опустил их что было силы на голову Дехтера. Может, особого неудобства Дехтеру это не доставило, но от неожиданности он отступил ещё на шаг. В это время кулак Радиста уже нёсся к голове Дехтера и через мгновение врезался в то место маски, за которым был нос. Тут же чудовищная кувалда ударила дикой болью под левый глаз Радиста. В ту доли секунды, пока он не отключился, он понял, что это был кулак Дехтера, причем кулак его правой руки.

Когда правый глаз открылся (на месте левого глаза Радист чувствовал только какую-то лепешку, которая очень сильно болела), он увидел лица спецназовцев. Мужики в чём-то, воняющим самогоном мочили тряпку и прикладывали ему к лицу. Они тихонько

переговаривались друг с другом, и обращаясь к нему:

– Очухался, блин. Мы уже перепугались... Чем же ты так командира разозлил... Он чуть не убил тебя.. Почти сутки без сознания...

Голова чудовищно болела. Радист с трудом вспомнил последний спарринг. Он услышал голос Дехтера, заглянувшего в палатку:

– Как Радист?

– Жить будет, командир...

Снова погружаясь в небытие Игорек отметил, что Дехтер его впервые назвал Радистом.

На следующий день Дехтер повел Радиста на стрельбы. Он не дал Радисту отлежаться и последний с чугунной головой семенил за Дехтером к их «стрельбищу». Сначала он стрелял с пневматического ружья по близкой мишени, потом Дехтер дал ему АК с пятью патронами в рожке. Радист выстрелил в мишень, которая была на расстоянии 50 шагов. Они подошли и не нашли в мишени ни одного попадания. Молча вернулись назад. Дехтер снарядил ещё пять патронов, но перед тем, как передать рожок, задумчиво посмотрел в глаза Радисту и тихо сказал:

– На дальних станциях сейчас голод и мор. За один патрон покупают дневной рацион пищи. За пять патронов можно спасти от голода семью. Считай, что каждый патрон – это чья-то жизнь.

Радист снова выстрелил, попав два раза и то в «молоко». Дехтер, оглядев мишень, махнул рукой и сказал:

– Ладно, хватит души губить. Всё равно завтра выдвигаемся. Надеюсь, что радиотехник ты не такой плохой, как солдат.

2. МИНСК

2.1.

Белоруссия или Беларусь, как её называют сами белорусы. Маленькая страна, несчастьем которой явилось быть на пути между Россией и Западом. В мире есть много народов, которым выпала разная судьба. Белорусам историей была уготована доля страдать. Во времена монголо-татар и крестоносцев, Ливонской войны и роста Московского княжества, походов Лжедмитриев и русско-шведской войны, Наполеона и обеих Мировых войн, Беларусь являлась полем битвы великих и могучих народов. Каждая такая война высекала то четверть, то треть, а то и половину белорусов, выжигала города и сёла. А тихие, трудолюбивые белорусы снова и снова отстраивали свою родину

Не имея практически никаких ресурсов, выхода к морю, живя на беднейших в Европе почвах, им всё-таки удавалось не только выжить, но и зажить. Не смотря на мирную вторую половину XX века, хлебнуть с горькой чаши пришлось белорусам и в этот период. Спроектированная в Москве и построенная на Украине Чернобыльская АЭС большую часть своих выбросов оставила на белорусской земле. И в этот раз народ встретил это со свойственным только ему терпением и смирением. Даже, когда над Беларусью расстреливали радиоактивные тучи, идущие на Москву, белорусы приняли это как должное: ведь нельзя, чтобы эти тучи шли на Москву – великую столицу Славянского Мира; пусть лучше радиоактивные осадки останутся у нас.

После развала самой могучей империи, Беларусь осталась последним союзником России. Когда другие бывшие союзные республики с дикой преданностью целовали ноги новым западным друзьям, размещая на своей территории их военные базы, проводя совместные военные учения в отношении «условного восточного противника», слабенькая Беларусь не предала своего исторического брата. Беларусь стала костью в горле врагам России, полуостровом, зажатым между агрессивными прибалтами, поляками и украинцами. И как всегда, жестоко за это поплатилась.

Ещё на стадии планирования Последней Мировой войны, кто-то рассчитывал её

выиграть, и рассматривал Россию, как стратегически важную территорию. Они надеялись воспользоваться в будущем её экономико-сырьевыми ресурсами. Беларусь же сразу вычеркнули из числа стран, имеющих право на существование. Эту территорию нужно было просто расчистить для дальнейшей экспансии на Восток. Планируемая для Беларуси участь усугублялась желанием отомстить непокорной республике. Да и для зачинщиков будущей войны было очевидным то, что эффективного сопротивления ракетно-бомбовому удару Беларусь оказать не сможет.

Именно поэтому Беларусь была буквально засыпана ракетами и бомбами с ядерной, химической, бактериологической и биологической начинкой. Кроме того, недавно установленная в Польше система противоракетной обороны успешно сбивала российские ракеты и самолёты ещё на подлёте, то есть над Беларусью. По злой иронии судьбы на Беларусь упали и «дружественные» российские боеголовки.

Последний Президент страны Валерий Иванюк понимал, что вероятность грядущей войны о с применением оружия массового поражения, очень велика. Он сознавал, что Беларусь в очередной раз станет разменной картой в игре между великими державами. Он представлял себе положение дел в своей армии, и отдавал себе отчёт в том, что отечественные вооружённые силы могут лишь слегка смягчить последствия надвигающейся угрозы.

Собрав в очередной раз расширенный Совет Безопасности на засекреченном даже от высших начальников чрезвычайном заседании, он кратко изложил и так очевидную ситуацию:

– Я надеюсь и желаю всем сердцем, чтобы войны не было. Но Беларусь должна готовиться к худшему.

Могучие державы делая ставку на военный перевес после обмена ударами, всеми силами старались в первую очередь спасти свои вооружённые силы. Беларуси это заведомо не светило. Поэтому основные усилия были направлены на спасение мирного населения. Было решено в срочном порядке переоборудовать под бомбоубежища все имеющиеся подземные сооружения. В отличие от Москвы, в Минске под потенциальные убежища переоборудовались не только станции метро, но и предстанционные тамбура, подземные переходы, подземные магазины, подвалы многоквартирных домов и зданий организаций и даже коллектора и системы канализации. Под землёй строились дополнительные ходы, замыкающие подземные сооружения в один комплекс. Запасались продукты, медикаменты, генераторы. Был осуществлен в срочном порядке, при ускоренном вливании денежных средств, проект строительства геотермальной электростанции в центре Минска, преобразовывавшей энергию внутренних слоев земли в электрическую. Была переработана стратегия обороны страны. Фактически Валерий Иванюк совершил преступление, своими секретными декретами и указами нарушая принятый Парламентом бюджет государства. В столице функции по строительству, вводу в эксплуатацию, координированию и управлению сооружениями гражданской обороны осуществляло созданная секретная организация с названием Минское управление оборонных сооружений. Сокращённо – МУОС.

Но война началась, как всегда, неожиданно. Никто не думал, что это произойдёт так быстро. Ракеты и самолёты с бомбами, как горсти конфетти на Новый год, со всех сторон полетели на Беларусь. Белорусские ПВО и авиация не могли этому противостоять и даже не могли защитить весь Минск. Поэтому ставка была сделана на защиту центра города. Ракетчики и лётчики погибли практически все в первые часы войны, но их нечеловеческими усилиями удалось во много раз смягчить удар. Но даже то, что выпало на долю Минска, было катастрофичным.

В пределах Минска только ядерных боеголовок упало не менее десяти. Не говоря уже о других видах оружия массового поражения. Вся Беларусь была иссечена кратерами ядерных взрывов. На территории Западной Беларуси, где кроме ракет НАТО, падали сбитые российские ракеты, почва километровыми пятнами превратилась в один сплошной кусок угля. Нигде радиация в результате войны не была такой сильной, как в Беларуси после удара.

В этих условиях и без того страшные образцы биологического и бактериологического оружия, сброшенные на Беларусь стали молниеносно эволюционировать. Весь мир явился полигоном одного громадного биологического эксперимента. А Беларусь – центром этого полигона.

2.2.

Их окрестили Отрядом Особого Назначения. Сокращённо – ОООН. Историки Метро говаривали до Удара существовала международная организация, которая имела такую аббревиатуру. И якобы эта организация, пыталась предотвратить войну... на словах. А на самом деле этим самым ООНовцам было на всё наплевать. Короче, никто уже толком не помнил, что это было на самом деле. Зато кто-то вспомнил английскую аббревиатуру данной организации – «UN», которая показалась достаточно краткой и звучной, чтобы окрестить ею миссионеров, намеревавшихся осуществить самую опасную в истории Московского Метро вылазку. Так их и называли – уновцами.

Уновцы дошли до станции Маяковской. Их вели двое Высших Военных Полиса. Когда они прошли Маяковскую, один из военных потребовал опустить водолазки ниже носа. Дальше по его же требованию все схватили друг-друга за ремни: сзади идущие – впереди идущих. Они шли «паровозиком», как в какой-то глупой детской игре. Оружие было зачехлено. Никто не возражал: уновцам внятно объяснили, что в случае малейшего неподчинения они объявляются вне закона и Высшим разрешено их попросту расстрелять.

Идти было не удобно. Игорёк спотыкался, хлюпал ногами по воде, поворачивал налево и направо, подымался и спускался, снова поворачивал, карабкался по каким-то расшатанным лестницам. Порой казалось, что они ходят по кругу. Может быть, так оно и было. Возможно военные Полиса умышленно их запутывают: никто лишний не должен был знать всех секретов этого государства. Несколько раз кто-то из сопровождающих, открывал и закрывал какие-то замки, засовы, затворы, люки. Так длилось часа три или четыре.

Они вошли в необычно тёплое помещение. Высшие Военные разрешили открыть глаза. Когда Игорь поднял свою водолажку, он ахнул. Они стояли внутри ангара размером с четверть средней станции метро. В одну сторону пол ангара подымался, как будто туда уходил какой-то мост. В центре стоял вертолёт. Но это был не такой вертолёт, какие он видел на картинках в детских книгах и в справочниках. Машина была похожа на толстую серебристую лепешку в форме овала с обрубленной задней частью. Длинной метров пятнадцать, шириной – около пяти. Нос вертолёта имел обтекаемую форму. Спереди и сзади по два нароста, заканчивающиеся мощными четырёхлопастными пропеллерами. Вертолёт стоял на четырёх шасси. Сбоку зиял люк, из которого спускался пожилой мужчина в кожаной куртке. Один из Высших Военных поздоровался с незнакомцем и представил его:

– Алексей Родионов. Единственный лётчик Полиса. Имел боевой опыт в Чечне. Можете ему доверять.

– Спасибо за рекомендации Сергей Петрович, но на таких машинах мне летать не приходилось.

Лётчик со всеми поздоровался за руку, сразу вводя в курс дела:

– Это – вертолёт сверхновой модели, засекречен. Было изготовлено всего несколько экземпляров незадолго до Удара. За свой характерный внешний вид был прозван «камбалой» – была рыба такая... хотя это неважно. Снабжен ядерным двигателем. Реактор рассчитан на 20 лет бесперебойной работы. Время полёта ограничено только износом основных частей. Скорость не большая – километров 250 в час, но зато вертолёт очень устойчив к погодным условиям, прост в управлении, имеет повышенную степень надёжности. Больше трёх тон разного вооружения: ракеты, две самонаводящиеся пушки с боеприпасами. Всё управляется компьютером, по желанию – в ручную. Этот экземпляр разработан для правительственных нужд. Всё в отличном состоянии. Управление достаточно простое. Я здесь уже две недели, пытаюсь то-сё понять, изучить. Думаю, справлюсь...

Высший военный прервал его:

– Господин Родионов. Вы не имеете право не справиться. Всё, давайте, погружайтесь, через два часа закат и Вам надо вылетать.

«Камбала» плавно тронулась и покатила по наклону вверх. Уклон имел длину метров пятьдесят. Получается, ангар был спрятан на глубине пятнадцати метров под землёй. Впереди находилась гермодверь, которая автоматически открылась при их приближении. Вертолёт выкатился на бетонную площадку какого-то предприятия. Егоров стал колдовать над клавишами, вертолёт загудел. «Камбала» имел внутри комфортную обстановку, кондиционер и был изолирован от проникновения радиации. Дёрнувшись, «Камбала» плавно поплыла вверх. Все прилипли к иллюминаторам. Они подымались над МОСКВОЙ.

Город был неоднороден. Кое-где виднелись язвы кратеров от ядерных взрывов и вокруг них огромные безобразные «пятна» разрушений. По большей же части строения в городе сохранились. Зелень стала захватывать город: ломала асфальт, скрывала руины, пробивалась на крышах многоэтажек. Пройдёт лет пятьдесят и на месте города будет сплошной лес.

А сейчас масштабы города просто ошеломяли. Невозможно представить, что в каждой такой коробочке-доме жили сотни людей. Не вкладывалось в голову, что человек когда-то был в силах воздвигнуть такое

Они пролетели над кольцом МКАДа и устремились на запад, догонять закат. Внизу расстилались безбрежные равнины лесов. Мутирующие деревья захватывали пространство. Они ломали строения, прогрызали асфальтобетон дорог. Игорёк, мир которого был ограничен станциями и туннелями, был ошеломлен масштабами маленького уголка огромной планеты. Лес под ними был враждебен. Чувствовалось, что он уже принадлежит другим существам. И неведомо, сможет ли человек когда-нибудь его покорить снова.

Игорёк посмотрел на Запад. Небо там было багрово-красным. Небо смотрелось как угроза, как ужасный предвестник того, что их ждёт. Игорь осмотрелся и понял, что все, как и он, уже смотрят не вниз, а вперёд.

О чём думают эти люди. Вот Рахманов, вечный оптимист, верящий в справедливость, законы и возможность всё решить мирным путем. Он явно надеется наладить международные контакты, а в ближайшие годы вообще покорить поверхность. Он боится за провал своих надежд, но, закусывая губы, старается держаться смело. Вот погружённый в себя Ментал. Он чувствует приближающуюся опасность как никто остро. На лице нет страха, а только осознание неминуемых испытаний... Дехтер, как всегда, с маской на лице. Но и так понятно о чем он думает – он солдат, а солдат должен быть всегда готов умереть. Хотя Дехтер тоже боится – боится за своих людей, которых он должен вернуть живыми домой. Вот Бульбаш – он вообще летит домой. Наверное, Бульбаш тоже боится... Все боятся этой небывалой вылазки. Но каждый согласился в ней участвовать добровольно... «А чего мне бояться?» – думал Радист – «Мне-то вроде бы и терять было нечего, а нет же, жалкая душонка всё-равно боится... Хочет домой.. В сытую тёплую безопасность...»

Мысли Радиста прервал Дехтер. Тоном, не допускающим возражений, он произнёс:

– Так. Через три часа мы будем на месте. Я не знаю, что нас там ждёт, поэтому всем спать...

2.3.

Оно почувствовало это. Это приближалось и летело по воздуху. Летело быстро – так организмы не летают. Оно заинтересовалось.

Оно смутно помнило, как появилось. В секретных лабораториях ЦРУ десятилетиями создавался программируемый вирус. Военные хотели получить такой вирус, который при заражении человека, сделает доминирующими в его поведении определённые цели, заложенные создателями вируса. В идеале предполагалось создать вирус, который, например, привьёт безудержную любовь к США или Президенту данной страны. Тогда американской армии будет достаточно пройти победным маршем по Евразии, Африке и

неподконтрольной части Америки. Народы, бросая оружие, бросаются к ним навстречу, умоляя взять под свою опеку.

Военачальники, основываясь на своих скудных познаниях в генной инженерии, были уверены, что такой вирус возможен. Ведь заложен же в генах человека его темперамент, определённые психические особенности. Учёные военного ведомства США к этим рассуждениям относились скептически, но вслух об этом не говорили. Уж очень хорошо финансировалась эта программа. Учёные, получив в своё распоряжение все средства, старались во всю. Была создана технология модификации вирусов. В конечном итоге был создан вирус VC-23876, в генный код которого заложена возможность перепрограммировать (в произвольном порядке) ДНК организмов, в которых вирус поселится. Для того, чтобы вирус стал развиваться, в программный код были забиты доминанты размножения и самосохранения.

Но эффект получился не совсем тот, который ожидали. Вирус не перепрофилировал психику организмов, а просто захватывал эти организмы. Инстинкты размножения и самосохранения у вируса действительно стали доминирующими, и при вселении в организм он научился перепрограммировать не только данный организм, но и себя. Вирус научился самосовершенствоваться!

Полученный эффект не очень расстроил ученых. Своим воинствующим спонсорам они устроили демонстрацию в одной из лабораторий.

Мышку под толстым стеклянным колпаком заразили вирусом. Сперва ничего не происходило, но потом мышка брыкнулась и упала. Спустя две минуты мышка превратилась в студенистую массу, которая, подобно амёбе, стала передвигаться под колпаком. Под колпак запустили ещё десяток мышек и студень отлавливал и цинично поглощал их, всё увеличиваясь в размерах. Один из высокопоставленных военных подошел к колпаку, чтобы разглядеть всё получше. В этот момент от массы отпочковался фрагмент и на высокой скорости полетел, буквально выстрелив, в сторону военного. Если бы не колпак, он бы попал военному в лицо. Военный отпрянул, а сгусток расплоснулся на внутренней поверхности стекла колпака. В зале раздался одобрительный смех и аплодисменты. Военные остались довольны и уже через неделю сотни боеголовок с вирусами пополнили арсеналы непобедимой американской армии. Спустя год ракеты с боеголовками стартовали...

Одна из боеголовок упала в белорусском городе Борисов. Мириады спор вырвались из боеголовки на свободу. До вселения в организм жертвы, вирус был не жизнеспособен и основная масса спор, не найдя жертву, погибла. Несколько сотен животных, людей и насекомых были поражены вирусом. Бедняги умерли, превратившись в студенистую массу. Но не найдя подпитки, вселившиеся в организмы вирусы, также погибли. Кроме одного...

Сперва в городе начался какой-то шум, грохот. Кричали и бегали люди, многие падали замертво. Дворняга жила на заводе, и, завидев этот бедлам, забилась в своё любимое место – в межфундаментную щель заводской столовой. Вдруг ей стало больно и жарко – в организм собаки попал вирус, который неудержимо множился. Иммунная система пыталась защитить организм дворняги. Вирус, множась в крови и тканях в геометрической прогрессии, побеждал. Дворняга выбежала из укрытия, понимая, что подыхает. Уже в момент агонии дворняга увидела мощную вспышку...

В результате ядерного взрыва, пронзившего жестким излучением тело дворняги, подавляющее большинство вирусных клеток погибло. Но некоторые выжили, а некоторые даже мутировали. И лишь одна мутация оказалась прогрессивной. Вирусная клетка стала поглощать и переделывать клетки, которые встречались рядом, в том числе своих братьев. Все они становились её подобием и её продолжением. Накопилось достаточное количество клеток, чтобы Оно ОСОЗНАЛО СЕБЯ. Оно было единственным и поэтому не считало нужным как-то себя называть. Оно называло себя просто – «Оно», если можно было сделать адекватный перевод его мыслей.

Оно поняло, что очень приятно поглощать соседние клетки и принялось с удвоенной силой это делать. Наконец, всё тело собаки превратилось в студёнистый комок. Оно

огорчилось – теперь ему нечего было поглощать.

Вдруг Оно почувствовало, что рядом лежит ещё одно тело, намного больше тела собаки. Но Оно не могло до него добраться и поняло, что не все его клетки должны быть думающими. Поспешно, теряя массу и энергию, Оно переделало ряд клеток из думающих в двигательные. Эти клетки смогли вытянуться в струйку и добраться до тела тяжело раненной, но ещё живой девушки. Оно стало сливаться с телом девушки и поглощать его. Девушка закричала. Оно почувствовало страх и боль живого организма, и это тоже было приятно. Оно стало умным, Оно сумело создать нужную пропорцию думающих и двигающихся клеток – осознание этого тоже было приятным.

Оно поползло по заводской площади и стало пожирать мёртвые и живые тела, наращивая массу. В телах Оно научилось анализировать строение и даже смогло понимать, как тело функционирует и движется. Самым приятным был мозг. Оно его поглощало медленно, смакуя каждый нейрон. Оно даже смогло просматривать и анализировать малопонятные картинки, запечатленные в мозгу человека, а также непонятные и совершенно глупые эмоции, когда-то переживавшиеся человеком по поводу каких-то событий. Это было также приятно и интересно.

Некоторые картинки сложились в понимание того, что люди – это раса, населяющая планету, что их очень много, что они начали войну между собой и сейчас все этого очень боятся. Информации про себя Оно в сознании людей не нашло, значит люди о нём ничего и не знают.

Также Оно, почерпнув информацию из переваренных людских мозгов, поняло, что такое радиоволны, тепловые и рентгеновские лучи. Оно стало создавать в себе клетки, способные реагировать на все эти раздражители. Оно научилось чувствовать живые организмы и даже их эмоции ещё на расстоянии. Оно становилось совершенным, и осознание этого тоже было очень приятным. Оно захватила мысль, что Оно является самым совершенным и сильным организмом на Земле.

С помощью множества развитых органов чувств Оно увидело, что в подвале одного из зданий очень много людей и они тоже чего-то ждут и боятся. Оно полутонной массой поползло туда. Люди были закупорены со всех сторон... за исключением вентиляционной шахты убежища, в которой был установлен фильтр. Оно сформировало железы, которые выработали кислоту, разъевшую этот фильтр. Оно быстро вползло в убежище. Оно почувствовало, что его заметили. Оно схватило ближайшего мужчину за руку своим щупальцем и стало потихоньку рассасывать ладонь. Вопль мужчины и его страх были очень приятны. Мужчина пытался вырваться, но Оно крепко держало его щупальцем. Двое других мужчин подбежали и стали оттягивать несчастного от массы, тогда Оно быстро сформировало ещё два щупальца и схватило и этих мужчин. Боль и страх. Оно было в экстазе!

Несколько десятков человек в убежище стали кричать, многократно увеличивая удовольствие. Оно поняло, что эти люди никуда не денутся и их хватит на долго. Десятки дней Оно будет поглощать людей, получая удовольствие от их плоти и наслаждаясь их ужасом.

К концу второго дня, когда Оно поглотило уже пятерых и присосалось к ещё трём постоянно кричащим людям, что-то произошло. Кто-то из мужчин оторвал электропроводку, соединённую с работающим генератором, подошёл и воткнул оголённую пару проводов в студёнистую массу. Оно впервые испытало боль. Клетки необратимо умирали, особенно быстро гибли думающие клетки. Оно испугалось. Когда отмерло две трети массы, Оно отпочковало от умирающей части, остатки непоражённой массы.

Мужчина с проводами не заметил, что отделившийся от основной массы комочек, размером со свинью, отполз в сторону. Оно спаслось. И тут же тоненькое, как червяк, щупальце вытянулось и вошло мужчине в глаз. Оно сразу стало поглощать мозг и внутренности. К уже знакомому удовольствию от поглощения плоти и осознания обьявшего человека ужаса, добавилось удовлетворение от мести. Оно поняло, что Оно ненавидит

людей. В течении нескольких секунд Оно вытянуло десятки щупалец и стало поглощать всех оставшихся в убежище людей. Люди кричали и бились в агонии – Оно ощутило экстаз.

Когда Оно поглотило всех в убежище, Оно пустило множество щупалец в поисках оставшихся на заводе тел и живых людей. Четыре сотни человек, десятки животных и птиц дополнили массу Оно.

Оно стало думать – ползти ли ему дальше? Оно, пуская свои тоненькие щупальца на десятки километров, находило и поглощало живую плоть. Масса Оно достигла тридцати тонн. Оно чувствовало плоть на многие сотни километров.

Вдруг Оно почувствовало что-то ещё. Что-то могучее и сильное, намного более сильное, чем Оно, в семистах километрах к северо-востоку. ЭТО лежало под Кремлем. ЭТО сказала Оно, что их время пока не пришло. Что не надо поглощать всю плоть. Есть другая более Великая Цель, до которого Оно ещё не доросло, и не скоро сможет понять эту Цель. Оно было дана команда не выползть за пределы города и экономить энергию. Оно испытало страх и восхищение перед тем, что лежало под Кремлем. ЭТО стало для Оно божеством. Оно просто не могло послушаться приказа.

Оно вернулось в бомбоубежище и стало ждать. Изредка Оно поглощало забредших в город людей и животных. Так шли десятилетия.

И вот сегодня Оно почувствовало то, чему не было объяснения. Оно должно это познать. Оно видело сладкую плоть, сразу двадцать шесть тел. Оно предвкушало, как начнет их переваривать, радуясь тому страху, которые люди начнут излучать. Оно было возбуждено.

Люди летели в механизме. Оно начало сканировать данный механизм, опираясь на информацию, полученную от поглощения сотен людей, многие из которых были механиками, электронщиками, программистами... Оно поняло принцип действия механизма и обратило внимание, что он управляется компьютером. Оно смогло создать мощное электромагнитное поле, которое дало сигнал компьютеру, аналогичный вводу с клавиатуры. Оно указало на карту, хранящуюся в памяти компьютера, и показало ему, где надо посадить вертолёт.

Когда до вертолета оставалось около километра, Оно резко подняло вверх десяток щупалец и сплело из них сеть. Сеть была подобием толстой паутины, в которую неминуемо должен был угодить вертолет.

Родионов крикнул:

– Что за мать твою...

Он направил вертолет вправо. Человеческий глаз, тем более в сумерках, не мог увидеть на расстоянии километра то, что сплело Оно. Но приборы это уловили. Компьютер, проанализировав показатели различных датчиков, вывел на экран изображение странной конструкции прямо по курсу, и констатировал, что она – белковая.

Оно увидело, что вертолёт уходит в сторону и стало удлинять щупальца, чтобы его настичь. Оно было раздражено. Вертолёт стал уходить вверх, но Оно, обильно тратя внутреннюю энергию, тянулось к вертолёту.

Родионов нажал на гашетку, зарокотали сразу обе пушки. Мощные снаряды, разрываясь, стали кромсать щупальца.

Оно снова почувствовало боль. Оторванные, но ещё живые части щупалец, ментально были связаны с материнским телом. Умирая, они посылали импульсы страха и отчаяния, что ещё усиливало злобу Оно. Но Оно никогда не проигрывало. Оно послало ещё одно, более толстое, щупальце, пустив его сначала снизу, а потом позади вертолёта. Как и ожидало Оно, экипаж щупальце не заметил. Щупальце ухватило за корпус стойки пропеллера и стало тянуть вертолет к себе. Оно не спешило.

Вертолет стало трясти. Родионов быстро понял, в чём дело, увидев на мониторе заднего обзора тянущуюся к заднему правому пропеллеру кишку. Выстрелить туда возможности не было. Но он видел, откуда тянется стометровое щупальце – из окна какого-то строения на территории полуразрушенного завода. Только мощность двигателя позволяла удерживать

вертолёт. И как не странно, щупальце, хоть и тянуло вертолёт к земле, вместе с тем и поддерживало его, не давая завалиться. Нажав на клавиатуре какие-то кнопки, он быстро навёл ракеты на цель на мониторе и дал залп. Две огненные полосы ушли сначала вперёд, а потом, развернувшись, вниз.

Что-то горячее отделилось от вертолёта и летело к Оно. Оно поняло, что это что-то плохое, но ничего сделать не могло. Обе ракеты взорвались на крыше убежища. Крыша рухнула. Оно успело переформироваться так, что его части серьезно не пострадали от падения обломков, но в этот момент ещё две ракеты летели к Оно. Теперь крыши не было и ракеты непременно попадут в него. Оно уже почти притянуло к себе вертолёт.

Родионов, что было сил, старался удержать вертолёт. Оторваться не было никаких шансов, и поэтому он пытался его плавно посадить. Кишка продолжала удерживать вертолёт. Когда до земли оставалось метров двадцать, он запустил вторую пару ракет, которые ушли вперёд, а потом на разворот. Этого времени хватило, чтобы вертолёт коснулся земли. Расчёт был верен – ракеты вошли в зияющий провал убежища и теперь вряд ли причинят серьёзный урон вертолёту, находящемуся в пятидесяти метрах от взрыва.

Взрывы раскололи Оно на сотни вопящих частей. Оно ещё никогда не испытывало такой боли и ужаса. Сорокакилограммовый кусок, от которого отходило щупальце, был самым большим. Оно сгруппировало сознание в этом куске, быстро собрало несколько кусков поближе. Отцепило от вертолета и втянуло в себя щупальце. Было жалко погибающих и просящих о воссоединении сотен разбросанных частей. Но теперь было не до них. Оно прислушалось и поняло, что скорлупа вертолёта открывается.

Обсуждение в вертолёте длилось не более минуты. Пока одевались в противорадиационные костюмы и противогазы, Ментал сообщил, что он чувствует это существо: Оно разумно, очень сильно и агрессивно. Но теперь Оно ранено и боится. Было решено, что взлетать опасно, пока не будет уничтожен этот осьминог. Все, кроме Ментала и летчика, высыпали из вертолёта. Разойдясь цепочкой, полукругом стали приближаться к дымящемуся провалу убежища. Вдруг оттуда выскочило две уродливые змеи, которые схватили двух подошедших уновцев. Ещё спустя мгновение их потащило в провал. Дехтер всадил очередь из АК, которая рассекла одну змею. Спецназовец быстро вскочил, в изумлении глядя на обхвативший его ноги извивающийся фрагмент щупальца. Второго спецназовца уже не было.

Оно, поглотив добычу немного успокоилось. Конечно, лучше было бы два человека. Но это ещё успеется. Оно немного подумало и поняло, что эти люди опасны и они могут убить. Оно привыкло думать о людях только как о жертвах, но эти были охотниками. Они приближались. Времени было мало, и по одному людей сожрать Оно не успеет. Оно приняло решение.

Все держали на прицеле провал. Но появление оказалось неожиданным. Сразу несколько десятков тонких как шнурки щупалец, вылетели оттуда. Люди начали стрелять, некоторые щупальца отлетали, но большинство из них достигло цели. Существо явно не сталкивалось со спецназовцами. Оно привыкло, что самое легкое место для проникновения в человека – живот. Но у уновцев живот был защищён бронижилетом. Ударившись щупальцами в пластины, Оно изумилось. Оно попыталось найти более уязвимые места на телах людей, но спецназовцы уже стреляли и куски щупальцев отлетали, как макароны. Спецназовцы уже бежали к провалу, стреляя из подствольных гранатомётов. Всё-таки одному уновцу Оно пролезло под панцирь и пробило живот насквозь. Поглощать добычу уже не было времени. Оно подобрало оставшиеся щупальца, переформировало себя, теряя массу и энергию, создав ещё десяток щупалец.

Теперь Оно будет умнее, Оно выстрелит щупальцами в головы людей. Оно сладострастно представило вкус людских мозгов, что прибавило сил, но сбыться видению было не дано. Несколько ручных гранат разорвались рядом с Оно, что снова нарушило массу и раздробило половину щупалец. Пока Оно готовилось к новому броску, спецназовцы стояли

на краю провала и палили в него из гранатомётов и автоматов. Спустя секунду один из спецназовцев включил огнемёт. Оно пыталось переформироваться, закрыться в огнеупорную капсулу, но огонь был слишком горяч, град пуль слишком густ.

В последний момент Оно вспомнило о божестве, которое лежит под Кремлем. Оно обратилось к божеству за помощью. Но божество послало эмоциональную картинку, из которой следовало, что Оно – полное ничтожество, которое позволило себя убить. К предшествующим смерти страху, ужасу и боли добавилось отчаяние и гнетущее одиночество. Оно осознало, что всё, что делалось им, было бессмысленным. Оно хотело подумать о смысле жизни, но к этому моменту последняя думающая клетка спеклась под жаром огнемёта.

2.4.

Уновцев, поражённых монстром, похоронили недалеко от злополучного убежища. Тело одного и оставшуюся одежду второго положили в наспех вырытую могилу и засыпали. Поверх скудной насыпи набросали бетонных обломков. Молча проследовали в вертолёт, поднялись и уже ночью полетели дальше.

Спустя пол-часа они были над Минском. В кромешной темноте город различить было невозможно, только на обзорных инфракрасных мониторах угадывались контуры строений и руин. По картинке было понятно, что Минск поражен гораздо сильнее Москвы. Здесь было, как минимум, десяток кратеров от ядерных взрывов. Уцелела лишь пятая часть строений. Город зарастал лесом. Радиоактивный фон был значительно выше, чем в Москве. Трудно было поверить, что в этом аду тоже могли выжить люди.

Они сделали несколько кругов над северо-восточной частью города, прежде, чем Бульбаш определил проспект Франциска Скорины.

Бульбаш был белорусом. В Москву приехал десятилетним мальчиком со школьной экскурсией. Он отстал от своего класса и заблудился в переходах метро, когда начали рваться бомбы. Одноклассников и учителей он больше никогда не видел. Потом он пошел в спецназ Ганзы. Его, как «коренного» минчанина и спецназовца, пригласили в миссию. Из-за основного продукта белорусов – картофеля (бел. – бульба) его и прозвали Бульбашом.

От вида мертвого родного города на Бульбаша навалилась тоска. Было трудно сосредоточиться. Да и почти все возможные ориентиры были разрушены. Наконец он различил на мониторах широкую полосу, поросшую кустарником, уходящую в нужном направлении. Это и был проспект Франциска Скорины – главной артерии белорусской столицы. Пролетев десяток километров южнее, они увидели ещё одну широкую полосу.

– Партизанский проспект – вслух произнёс Бульбаш.

Полетели вдоль Партизанского в направлении центра города. Впереди возвышалась вышка сотовой связи, чудом уцелевшая после серии ударов. Пожалуй, это была единственная вышка в Минске, которая выстояла. Большинство вышек были установлены на крышах строений и поэтому рухнули вместе с крышами. Эта же, почему-то, была установлена на земле и закреплена множеством тросов-растяжек, которые и не дали ей свалиться.

Опустились в метрах трехстах от вышки, на относительно свободной площадке среди руин жилых домов – подальше от посторонних глаз. Дехтер хотел было спросить у Ментала, но последний, не открывая глаз, сам ответил на ещё не заданный вопрос:

– Этот город враждебен к нам. Кругом опасность. Но в радиусе ста метров от вертолёта и по прямой к вышке я никакой опасности не чувствую.

Дехтер резко спросил:

– Что значит «не чувствую»? Опасности нет или ты её не улавливаешь.

– Не чувствую – значит не чувствую. Если что-то почувствую, я сразу сообщу.

Ментал демонстративно отвернулся, так и не открыв глаз, дав понять, что разговор окончен.

Десять спецназовцев попарно выпрыгнули из вертолѐта. Радист был в паре с Декстером. Как только он оказался вне вертолѐта, его пробрала дрожь. Не от холода. Не от вида мѐртового города. Было что-то другое – явная враждебность, явная угроза, исходившая отовсюду. Сквозь резину противогаза был слышен шелест листьев и травы, хотя ветра почти не было. Казалось, что сама природа шепчет: «Уходи отсюда, ты здесь – чужой, тебе здесь – не место. Уходи, пока жив». Вдруг где-то вдалеке раздался вопль – вопль неведомого животного или обезумевшего человека. Воплю в другой стороне парировал какой-то хриплый стон. Радисту захотелось назад, в хрупкий уют и безопасность вертолѐта. Но Декстер уже делал перебежку вперѐд, и Радист, пересилив себя, побежал за ним.

До вышки добрались минут за десять. Ржавое облупленное сооружение гордо возвышалось среди руин. Спецназовцы взяли вышку в кольцо, каждый заняв определённую позицию. Радист тоже хотел занять своё место в круге, но Декстер тронул его за плечѐ и показал пальцем вверх, а потом ткнул пальцем в грудь себя и Радиста. Радист опешил. Ему лезть наверх? Нет, только не это. Но потом вспомнил, что разбираться в передатчике – это его задача. Он полез по непрочным металлическим ступеням-перекладинам шаткой лестницы вслед за Декстером. Он никогда не забирался так высоко от поверхности. От высоты его мутило. К счастью уже на 10-метровой высоте они достигли площадки, на краю которой была установлена будка.

Декстер взвѐл автомат. У будки, откинувшись спиной к двери, сидел человек в противогазе и противорадиационном костюме. Декстер включил надствольный фонарь и посветил. Увидев что-то сквозь глазницу противогаза, он опустил автомат и сорвал с незнакомца противогаз. Это уже был почти скелет. Остатки засохшей плоти на черепе и длинных светлых волос подсказали, что вероятнее всего это была девушка.

Декстер нагнулся над мертвой женщиной, проверяя, не заминирована ли она, после чего оттащил её от двери. Радист посветил на ржавую дверь и увидел нацарапанную надпись: «Код 345». Дверь была заперта на навесной замок из нержавеющей металла. Радист подкрутил колѐсики цифрового замка, введя код «345», дѐрнул дужку и замок открылся. Он потянулся к ручке, желая открыть дверь, но получил жѐсткий удар по предплечью.

Декстер грубо его схватил и отодвинул на край площадки. Командир достал из кармана длинную бечевку, привязал её к ручке двери и жестом скомандовал опуститься по лестнице. Когда они опустились ниже уровня площадки, Декстер дернул за бечеву и дверь со скрипом открылась. Взрыва или выстрелов не раздалось и они вновь поднялись на площадку.

Будка была маленькой – в ней едва мог поместиться (и то сидя) один человек. Она закрывалась толстой дверью. Видимо, здесь когда-то находилось какое-то сложное оборудование. Сейчас на полу стоял ящик, очевидно тот передатчик, который посылал сообщение. Поверх ящика лежало несколько листов бумаги. Радист взял в руки письмо и стал читать аккуратный, явно женский, почерк: «Я – Галина Кожановская. То, что кто-то читает это письмо, означает, что меня в живых уже нет, но моя миссия была успешной. Я – один из жителей Минского метро, в прошлом – учитель английского и немецкого языков. Мой голос вы слышали, если перехватили радиопередачу.

Во время Последней Мировой войны, около ста тысяч человек смогли укрыться под землѐй в этом городе. К концу Пятого года, нас осталось десять тысяч. Вряд ли где-то в Беларуси ещё остались живые люди. У нас мало еды, почти нет медикаментов. Мы погибаем от радиации, мутантов, ранее неведомых болезней, голода. Мы не протянем долго. Единственной надеждой является помощь извне. Мы надеемся, что в конце-концов где-то жизнь сложилась или сложится более удачно. И люди, пережившие Последнюю Мировую, смогут стать на ноги и помочь нам. Этот передатчик собран нашими специалистами, он работает от солнечных батарей и рассчитан на работу в течении десятилетий. В качестве оптимального места установки передатчика была выбрана эта вышка. Я и ещё шесть моих товарищей неделю назад вышли на поверхность, чтобы выполнить миссию. Дошла одна я. У меня нет сил возвращаться назад, да и одна я не смогу это сделать. Еды и воды хватит на месяц, хотя во время приѐма пищи придётся снимать противогаз...

Надеюсь, что кто-то услышит меня за этот месяц, но раз вы читаете это письмо, значит моя надежда не оправдалась. Я прошу вас помочь моему народу. Спуститесь в метро (карта прилагается). Возможно некоторые станции к моменту вашего прихода уже не жилые или, наоборот, стали обжиты. Поэтому, если вы не встретите людей сразу, не останавливайтесь, найдите оставшихся. И обязательно, дайте знать о своём приходе всем станциям, чего бы это вам не стоило и чтобы вам не говорили. Минское метро не едино – помните об этом. Но все жители имеют право знать о том, что мы в этом мире остались не одни. Все вправе рассчитывать на помощь. Ещё раз прошу, сообщите о вашем приходе всем станциям!!»

Ниже менее аккуратным почерком было дописано: «Прошло две недели. Я умираю. Я никогда больше не увижу своих детей. Я прошу вас, читающих это письмо, помогите моему народу, сообщите о своём приходе ВСЕМ станциям. Найдите моих детей: Сергея и Валентину Кожановских. Расскажите им, что я дошла и выполнила миссию. Прощайте. Галина К. 27 лет»

У Радиста защемило в сердце. Он представил себе то отчаяние и одиночество, тот ужас, который испытывала эта молодая женщина, оставшись одна в ожидании неминуемой смерти на этой вышке. Он почти физически пережил её тоску от того, что она никогда не увидит детей. Он осознал мужество этого человека, непреклонность в выполнении миссии. Ему стало стыдно перед ней за свои мелкие страхи. Ему хотелось кричать этому трупу в костюме, что всё, что она сделала, было не зря, что они дошли и обязательно помогут минскому метро, если там ещё кто-то остался.

Дехтер взял у него из рук листки, быстро пробежал глазами, что там написано, сунул листки и карту в карман, а Радисту тихо сказал:

– Нам пора.

Радист спустился по лестнице уже без страха. У него из мыслей не выходила мертвая сталкерша. Он себе поклялся, что сделает всё, чтобы помочь минчанам наладить связь между двумя метро. И он обязательно найдёт детей погибшей, расскажет им о мужестве их матери.

Вернувшись в вертолёт, в двух словах рассказали об увиденном. Решили передатчик пока оставить на месте. Только в том случае, если у минчан нет возможности собрать другой передатчик, они вернутся за тем, который охраняет мёртвая сталкерша. Тогда же похоронят и её.

2.5.

До восхода солнца, уновцы вышли из вертолёта. По памяти Бульбаша, а также по оставленной мёртвой сталкершей карте нашли вход в минское метро на станцию Партизанская. Входили со стороны универмага «Беларусь». Здесь должен был быть подземный переход под проспектом, совмещенный с супермаркетами и входами в метро. Удивило, что гермоворота установлены ещё на входе в подземный переход. Снаружи они были занесены толстым слоем песка, полусгнивших опавших листьев, какого-то мусора. Похоже, ворота давно не открывались.

Бульбаш, на правах хозяина, подошёл и трижды тихо стукнул в ворота. Прошла минута. Бульбаш стукнул намного сильнее: гул прозвучал в тишине города как гром. Если кто-то был на той стороне ворот, их обязательно бы слышали. Но и спустя несколько минут никто не отзывался. А что, если им просто не откроют? Если их не ждут? Или если на той стороне ворот просто не осталось кому ждать? Они пришли сюда, чтобы «поцеловать» дверь, развернуться и улететь обратно в Москву?

Молчаливый Комиссар прошёлся вдоль ворот и нашёл странного вида круглый барельеф, который можно было принять за украшение. Красный офицер быстрее других догадался, что на гермоворотах, особенно с наружной стороны, какие-либо украшения просто не уместны. Комиссар пошарил руками в куче листьев под «барельефом», нащупал какой-то рычаг и стал его поднимать. «Барельеф» оказался герметичным лепестковым затвором люка. Затвор разошелся в стороны и перед ними оказалось отверстие метрового

диаметра. Им повезло – затвор гермолюка не был закрыт изнутри. Дехтер посветил в отверстие, кивнул одному из бойцов и тот пролез в темноту. Чуть позже боец высунулся из отверстия и показал рукой «опасности нет, путь свободен». Уновцы один за другим вошли внутрь.

Они оказались внутри длинного подземного перехода. Когда-то здесь жили люди. Потолок был закопчен. Повсюду разбросаны какие-то металлические и деревянные каркасы, одежда. Но здесь царило запустение: люди здесь вымерли или ушли отсюда много лет назад.

По полу, стенам, потолку расстилались стебли или корни растения грязно-бело-жёлтого цвета. В растении отсутствовал какой-либо намёк на зелёный цвет, поэтому оно казалось совершенно мёртвым. Эти стебли-корни беспорядочно ветвились от толстых, толщиной в ствол орудия, до тончайшей паутины. ... Пол, потолок и стены едва видны сквозь эту путаницу. И только один длинный проём посреди паутины, словно трубообразный туннель. «Туннель» просматривался на всю дальность света фонарей.

Ментал шёпотом обратился сразу ко всем:

– С виду – растение, а аура больше похожа на животную. И оно явно реагирует на нас. Но не могу понять – как.

Уновцы шли дальше. Лекарь (спецназовец-медик) сообщил данные дозиметра:

– Радиация намного меньше, чем снаружи, но для человека опасна.

Увидев проход, Дехтер хотел направиться туда, но Бульбаш сообщил:

– Это подземный супермаркет. Вряд ли мы там увидим что-то новое.

Действительно, внутри тёмного прохода уходила плетёнка растения. И лучи фонарей не высветили ничего, кроме корней-стеблей.

Бульбаш указал на другой проём, над которым висела на одном болте покосившаяся стеклянная вывеска с большой буквой «М». Ниже этой буквы была прикреплена облупленная табличка, на которой большими буквами было выведено: «МУОС...» и было написано что-то ещё мелкими буквами, уже нечитаемое. Проём также был закрыт гермоворотами. Они имели такое же устройство и люк не был замкнут изнутри.

Проследовав внутрь они увидели те же толстые, средние, тонкие и тончайшие грязно-бело-желтые стебли местной флоры. Но здесь роща была ещё более густой. Оставался лишь узенький коридор, в котором в ряд плечём к плечу могли идти лишь два-три человека. Лекарь посмотрел на дозиметр и снял с головы противогаз. Остальные сделали также. Воздух был пропитан сыростью, запахом сена и гнилых листьев.

Ментал тревожно прошептал:

– Я чувствую людей, но не могу определить сколько их, где они и как настроены. Мешает это растение. Оно своей аурой сильно фонит.

Дехтер:

– Всем быть готовым к бою, идём вперёд по-двое.

Раздались щелчки передёргиваемых затворов.

Они прошли по фойе метро, мимо касс. Создавалось тревожное ощущение, что они находятся в чреве какого-то животного. Что сейчас это чрево начнёт сжиматься и раздавит их.

Спустились по лестнице вниз. Кое-где коридор внутри зарослей раздваивался, тогда шли наугад, точнее в самую просторную ветвь коридора. С перрона спустились вниз – к полотну. Коридор снова распался на две ветви, идущие в противоположные стороны – вдоль полотна к соседним станциям. Бульбаш предложил идти в сторону центра города – к станции «Тракторный завод».

Недалеко от входа в туннель на полу увидели тело. Это когда-то был человек, мужчина средних лет. Он был совершенно голым. Его тело было переплетено ветвями растения. Когда пригляделись, увидели, что человек пронизан этим растением и оно явно питается им. Кое-какие стебли, входившие в человека, едва заметно шевелились и пульсировали, как будто выкачивали из трупа содержимое.

Осознание этого навалилось горой ужаса на всех членов отряда. Казалось, что сейчас

стебли вопьются в них и начнут поглощать их плоть. Уновец, который замыкал строй, вскрикнул и свалился. Все повернулись назад, но что произошло с их товарищем, было непонятно. Второй спецназовец дрался с каким-то голым худым бородатым мужиком, причём последний вцепился зубами ему в лицо. Дикарь был явно слабее и в следующую секунду он отлетел, упал на пол и в него уже стреляли сразу с трёх автоматов.

Раздался вопль, который подхватили десятки глоток со всех сторон. Дикари выпрыгивали из самой гущи растения, прыгивали сверху, подбегали сзади и спереди. Началась стрельба. У некоторых дикарей были странные наросты на груди, словно рюкзаки, подвешенные спереди. Радист рассмотрел, что у одного из дикарей нарост распахнулся, словно бутон, и оттуда в мгновение выскочила как на пружине, какая-то кишка, толщиной с рукав. Кишка метнулась и обхватила за шею спецназовца, который стоял рядом с Радистом. У последнего хрустнули шейные позвонки и он молча упал лицом вперёд, прямо в гущу растений. Радист онемел на мгновение и очнулся от того, что на него наваливается один из дикарей. Дикарь был мёртв и упал на бок. У него тоже был нарост, из которого свисал обрубок кишки, истекавший бледно-серой маслянистой жидкостью. Радист понял, кто его спас – это был Комиссар. Он отказался от предложенных ему автомата и пулеметов и пользовался исключительно двумя именными пистолетами. В каждой из рук теперь у него было по «Стечкину».

Он был самым боеспособным в данной ситуации. Другие члены группы не столько стреляли, сколько отбивались длинными и неудобными автоматами.

Дехтер скомандовал:

– Быстро вперёд.

Через тридцать шагов:

– Вычистить заросли.

Теперь, когда они оторвались от дикарей, у них появилась возможность стрелять. Двенадцать автоматов, два пулемёта начали поливать свинцом во все стороны. Ошмётки стеблей отваливались и словно листопад, падали на землю. Несколько раз доносились короткие людские вскрикивания. Уновцы шли быстрым шагом, бежать здесь было невозможно.

Дехтер увидел на одном из толстых стеблей такой же нарост, какой был у дикарей. Нарост раскрывался. Дехтер всадил в него автоматную очередь. В ту же секунду из него вывалилась и беспомощно повисла кишка.

Спустя десять шагов он увидел ещё два нароста. Туда также послал две очереди, после чего скомандовал:

– Огнёмёты!

Два десятиметровых факела вырвались из длинных стволов, прожигая дорогу в зарослях. Пробежав весь выжженный коридор, два спецназовца с огнемётами повторили огненный залп. Таким образом, они продвигались всё дальше и дальше, уже без потерь.

Однако сзади доносились вопли и улюлюканье дикарей. Их там было не меньше полусотни и они явно преследовали их. Отступающие вслепую стреляли туда, но вряд ли попадали в преследователей.

3. ПАРТИЗАНЫ

3.1.

Когда великие державы сели за стол переговоров, казалось, что всё идёт на лад. Президент Валерий Иванюк поддался на просьбы жены и детей и отпустил их на неделю на президентскую дачу в Беловежскую пушу.

Но через два дня во время переговоров между парламентариями произошел неожиданный конфликт. По дипломатическим каналам связи негативные эмоции передались в дома правительств и президентские дворцы и далее – в военные ведомства этих держав.

Теперь уже не важно, кто отдал фатальный приказ.

Заревели сирены. Президент, Правительство и ряд высших чиновников по переходам спустились в бункер под Домом Правительства. Через пять минут после объявления тревоги вертолет с семьей Президента взлетел в Беловежской пуще. Иванюк хотел дожидаться семью, но офицеры из службы охраны почти насильно увели его в бункер.

Электромагнитный импульс вывел из строя навигационные системы вертолета. Не смотря на это, опытный лётчик довёл машину до окрестностей Минска и искал место для посадки в рушащемся и пылающем городе. Запоздалая боеголовка упала как раз под пролетающим вертолетом, вызвала взрыв, который в долю секунду превратил вертолёт в оплавленный кусок металла.

Уцелевшие члены Правительства, высшие чиновники силовых ведомств собрались в зале совещаний бункера. Электронная система сбора и информации и слежения, камеры наружного наблюдения, дипломатические каналы связи, которые функционировали еще несколько часов после начала удара, свидетельствовали о чудовищных разрушениях в Минске и во всём мире. Надежды на то, что удар будет дозированным, не осталось – стало ясно, что великие державы выпустили или выпустят в ближайшие часы весь арсенал, которым обладают.

На следующий день, по системе туннелей, соединявших бункер с метро и иными коммуникациями подземного Минска, входившими в подведомственность МУОСа, были направлены разведчики. Вернулись, по пока непонятным причинам, лишь часть из них. Ситуация оказалась удручающей. В системе МУОСа скопилось огромное количество людей, однако в результате позднего оповещения тревоги, многие попали в убежища уже после взрыва – с тяжелыми или смертельными травмами, ожогами, поражениями радиацией. Число тяжелых составляло около 15 процентов. Медиков не хватало. Подземные склады медикаментов и продовольствия были заполнены менее чем на треть, хотя Президенту уже давно было доложено, что они заполнены полностью.

Уровень радиоактивного загрязнения на поверхности значительно превышал прогнозный, а установленные гермошлюзовые системы явно были бракованными. В метро уровень радиации несколько превышал допустимый, а верхних помещениях вообще был критическим. При этом нижние помещения не могли вместить всех попавших в метро.

Разрушения на поверхности были катастрофическими, все наземные коммуникации и техника были разрушены, оставшиеся там в живых люди получили летальный уровень радиации. Они сбивались в группы и пытались любыми судьбами прорваться в метро.

Системы внутренней связи в МУОСе, опять же вопреки довоенным докладам, не были приведены в готовность, жизненно необходимые генераторы, другое оборудование в полной мере доставлено в метро не было.

Выслушав докладчиков, Валерий Иванюк поднял нескольких министров, которые допустили очковтирательство, и приказал их взять под стражу. В их число попал и особый управляющий МУОСа Виктор Удовицкий. Председатель КГБ месяца три назад докладывал Президенту о наличии в отношении последнего оперативной информации о злоупотреблениях, связанных со взяточничеством при осуществлении тендеров на заказы и работы в пользу МУОСа, а также в хищении отпускаемых на это средств. И, якобы, по непроверенной информации на имя родственников главы МУОСа были открыты счета в Эмиратских банках; а любовница последнего выкупила остров в Карибском море. Но информация, по признанию самого главы госбезопасности, была ещё недостаточно проверенной, и он только рекомендовал под благовидным предлогом заменить главу этого ведомства. Валерий Иванюк решил тогда не спешить с выводами. Теперь было уже поздно об этом жалеть.

После выступления докладчиков и обсуждения вопросов было принято ряд управленческих решений: по поводу налаживания связи внутри МУОСа, административного деления МУОСа, назначения глав соответствующих убежищ, переписи спасшихся, охраны складов.

Уже поздно ночью все разошлись. Президент остался в зале заседаний. Монитор, установленный в этом зале, передавал картинку с одной из последних уцелевших камер системы видеонаблюдения города, установленной на площади Якуба Коласа. Здания были разрушены, театр пылал, на проспекте сгущились автомобили, большей частью тоже горящие. Листьев на деревьях почти не осталось, стволы многих были обуглены. Десяток людей толпились у входа в метро – их силуэты были видны в отблесках пожара. И кругом лежали трупы, много трупов – тех, кто бежал в метро и не успел. Маленькая девочка, годика четыре, в светленьком платьице (совсем как его дочь – Валерия), сидела возле трупа женщины и трогала его за лицо, видимо что-то говоря, наверняка плача. Девочка уже получила смертельную дозу радиации и скоро упадёт рядом со своей мамой. Этот ребёнок – один из его народа, она умирает, и он ей не помог. Он не смог защитить десять миллионов, которые погибли, гибнут или мучительно умрут в ближайшее время. Он даже не смог спасти свою семью. Умирает его родина. Всё что он делал последние три года после инаугурации – всё блеф, всё не стоит ничего. Он сам зарыдал без слёз. Ему захотелось умереть.

– Господин Президент!

Валерий поднял голову. Рядом с ним стоял Семён Тимошук – майор из службы безопасности – уже старый мужик. Это был единственный человек, с которым он мог поговорить по душам, и выпить по сто грамм, не боясь сказать лишнего. Он сам просил Тимошука называть себя на «ты», когда они общались один на один, тот соглашался, но никогда так не делал. Никогда, но только не сегодня:

– Валера. Там тоже твой народ (он указал рукой в сторону выхода из зала). И ты им нужен. Сегодня, как никогда. Без Президента будет хаос. А сейчас надо поспать. Впереди у тебя – тяжёлый день.

Не смотря на призывы к панибратству, в другой бы раз от такого обращения Президент бы скривился. Но только не сегодня. Тимошук напомнил ему отца, который вечность назад его, корпевшего над учебниками перед поступлением в университет, загонял спать. Он устало ответил старому майору:

– Да, Семён. Нам надо поспать. Впереди у нас много тяжёлых дней.

3.2.

Заросли закончились внезапно. Радист вздохнул с облегчением. И тут же уновцы остановились, натолкнувшись на решётку, закрывавшую весь тоннель. Путь вперёд закрыт. Сзади приближались дикари. Между решёткой и зарослями было метров пять свободного пространства. Спецназовцы быстро перерезали оружие, готовясь к бою, возможно последнему. Вдруг со стороны решётки включился свет. Два мощных прожектора ослепили спецназовцев и осветили заросли за ними. Со стороны прожекторов кто-то в приказном тоне крикнул:

– Бросайте оружие на эту сторону решётки.

По ту сторону решётки, в столбе ослепительного света появились две тени. Тени приближались и оказались людьми. Оба были в каких-то чёрных балахонах с капюшонами. У одно в руках – Калашников. У второго – странный предмет, видимо, тоже оружие.

Несколько бойцов уже навели на них своё оружие – это подошедших несколько не расстроило, они повторили требование:

– Бросайте оружие.

Лекарь насмешливо парировал:

– Может мне ещё штаны снять и очко раздвинуть?

Один из незнакомцев, не обращая внимания на сарказм, спокойно сказал:

– У вас есть два варианта: бросить оружие на эту сторону решётки, после чего мы откроем вам проход. Или гордо умереть с оружием в руках, когда Лес начнёт вас душить, а лесники грызть глотки.

Дехтер обратился к главному более миролюбивым тоном:

– У нас там осталось три товарища. Помогите их отбить.

– Боюсь ни вы, ни я, да и никто, кроме Господа Бога, помочь им уже не сможет. Вам лучше теперь подумать о себе.

Улюлюкание дикарей приближалось. Рахманов быстро думал. По ту сторону решётки были явно цивилизованные люди, может быть именно те, к кому они пришли на помощь. У местных пока нет оснований им доверять и поэтому их требования справедливы. Скорее всего, они окажутся друзьями, а если и нет, то лучше уж быть расстрелянным или повешенным, чем загрызенным этими тварями. Рахманов коснулся плеча Дехтера и бросил через решетку свой автомат.

Дехтер, секунду помедлив, сделал тоже самое искомандовал:

– Сдать оружие. Это – свои.

Бойцы неуверенно стали перекидывать через проёмы решёток оружие. Подошло ещё несколько человек в балахонах, невозмутимо собирая оружие. Решётку открывать не спешили, и Дехтер стал не на шутку переживать. А вдруг сейчас они уйдут, не открыв решётки. По приближающемуся топоту было слышно, что дикарям осталось пройти метров тридцать.

Но когда всё оружие было собрано, первый говоривший, не спеша, открыл решётчатую дверь. Уновцы быстро вбежали внутрь. Дикари поняли, что добыча ушла и как-то жалобно заскулили. А мужчина в балахоне, который здесь был старшим, спокойно сообщил:

– Я знаю, что у вас ещё осталось оружие. Мы не будем вас пока обыскивать, но не вздумайте глупить... И ещё, мы сейчас вас всех проверим на ленточников. Подходите по одному, командир – первым, остальные остаются у решётки.

Никто не понял на что их будут проверять. Дехтер подошёл первым. Он понял, почему незнакомец вёл себя так уверенно. Впереди весь проход был забит людьми: лежащими на полу, сидящими и стоящими. В руках этих людей было странного вида оружие, направленное в их стороны. Местных было человек тридцать и все были в таких же балахонах.

Ему отодвинули воротник, посветили в затылок фонарём, что-то там высматривая, а потом несильно укололи шею чем-то острым. На вопрос: «что вы делаете», ответа он не получил. Эта же странная манипуляция была проведена и с остальными уновцами. Затем старший балахончик удовлетворённо сказал:

– Всё нормально. Если у вас есть противогазы – одевайте. Там, куда мы идём, радиация будет повыше..

Они направились за «балахоном» в сторону прожекторов. Командир отряда скомандовал кому-то:

– Ведём их в Верхний Лагерь.

Уновцы, следуя за провожатым, прошли ещё метров двадцать по туннелю, потом свернули в какой-то коридор. Два или три раза в темноте перед ними открывались и закрывались двери, видимо герметичные. Они подмылись по лестницам. В конце-концов они вошли в довольно просторный холл.

Первое, на что обратил внимание Радист, это тошнотворно-сладковатый запах гнилого мяса. Этот запах он стал слышать уже за решёткой, но сейчас он стал почти невыносим. «Уж не жрут ли они падаль?» – подумал про себя Радист. Помещение освещалось тремя тусклыми лампочками. У стен помещения стояли ветхие сооружения из картона и фанеры. Туда-сюда медленно передвигались люди в балахонах. По походке и проступающему под балахонами бюсту было видно, что некоторые из них – женщины. Лиц, да и вообще обнажённых частей тела, ни у кого видно не было. На руках у всех – перчатки. Человек двадцать стражи окружила уновцев со всех сторон, после чего командир балахонщиков, спокойно сказал:

– Позвольте, мы закончим обыск.

Их обыскали несколько человек в балахонах, после чего на постеленной для этих целей грязной тряпке, появилась горка пистолетов, ножей, запасных рожков к автоматам, гранат ручных, гранат к подствольным гранатомётам и прочего добра.

– Теперь, господа, попрошу всех сесть на пол, не перешептываться, не пытаться встать. Сами понимаете, в случае нарушения одного из этих несложных правил, мы можем умертвить нарушителя. Мы будем беседовать с каждым из вас в отдельности, дабы узнать, кто вы, откуда и зачем пожаловали в наш мирный лагерь. Если мы выявим малейшую ложь или несоответствие в рассказе кого-либо из вас – не сердайте. Наказание, увы, -смерть. Нам, как вы знаете, терять уже нечего...

– Да мы из московского метро, пришли по вашему вызову к вам на помощь, – гаркнул Дехтер.

Из стражи кто-то зло парировал:

– Я так и понял: ленточники они с московской линии. А помощь мы твою, сука, знаем. Мечтаешь гнид своих к нам в лагерь пересадить...

Кто-то другой его перебил:

– Да нет, для ленточников они слишком откормлены. Те ж дохлые все, дохлее нас будут. И с шеями у них всё нормально, на иглу не реагируют. Америкосы это, вам говорю. Я никогда в перемирие с ними не верил. Вот ведь, сзади решили подползти. К стенке их надо, или наверх голых повыгонять, пусть пешком дуют в свою Америку.

Рахманов решил, что он должен вступить в диспут:

– Да про какую Америку вы говорите, господа. Мы – россияне, мы из Московского метро. Услышали вашу передачу...

Прервал главный из балохонщиков:

– Хватит, мы допросим в подробностях каждого из вас и сравним ваши рассказы, обобщем ваши вещи. Будьте уверены, мы узнаем, кто вы есть.

Радиста, как не странно, допрашивала какая-то женщина. Возможно даже девушка – голос был хоть и хриплый, но явно молодой. Они находились в тёмном «сооружении» из составленных друг к другу листов фанеры, подпёртых по бокам кирпичами и досками. В течении всего допроса ему в спину дышал конвоир, держа в руках всё то же странное оружие. Лица женщины рассмотреть не удавалось. Капюшон балахона был надвинут на глаза, света было мало и на месте лица была только чёрная тень. Женщина явно чем-то болела. Она громко и хрипло кашляла, иногда замирала, как от какого-то сильного спазма. Вообще, многие жители этой непонятной станции производили впечатление больных и немощных: ходили медленно и ссутулившись, часто стонали, тяжело вздыхали.

Женщина начала без вступлений и довольно недружелюбно:

– Кто ты такой и откуда будешь?

– Я Игорь Кудрявцев. Из Москвы.

– С Московской линии что ли?

– Нет, из Московского метро. Станция Арбатская.

Последовала долгое молчание, нарушаемое лишь неприятным сопением конвоира сзади.

– А я и не знала, что московское метро соединяется с минским, – с сарказмом произнесла наконец допрашивающая.

– Оно не соединяется. Мы сюда на вертолёте прилетели, по воздуху.

Последовала ещё более долгая пауза.

Так продолжалось долго. Хотя обе стороны общались на русском языке, казалось, что они с разных планет. Радист несколько раз разъяснял местной обстоятельства приёма радиопередачи (что такое радио она представляла смутно). Он терпеливо повторял ей, что они прилетели, чтобы помочь и наладить связь, а по-возможности и постоянный контакт с их метро. Рассказал про вертолёт, вышку мобильной связи, их путь сюда и столкновение с дикарями в дебрях бело-желтого растения.

Видимо, местные устроили перекрёстный допрос. Женщина выходила, оставляя его наедине со стражником, с кем-то совещалась. Слышны были фразы: «всё что говорит каждый из них сходится до мелочей... но легенду можно выдумать... ты видел их оружие... во всём Муосе столько боеприпасов ни у кого не осталось, даже в бункерах Центра.... А

пайку их видел... тушонку, в Муосе такой нигде не делают... да и откормленные смотри какие... Не уж то и вправду с Москвы... Здорово б, если б это оказалось правдой... Но кто мог им послать сигнал?.. Короче нужно в нижний лагерь их, там пусть Талашу докладывают и сами разбираются, не нам эти загадки разгадывать.»

Как не странно, но именно допрашивавшая радиста женщина первой стала верить рассказу Радиста. Изменение её отношения выдали вопросы спустя два часа после начала допроса: «А есть ли у вас радиация? А много ли у вас мутантов? А чем вы питаетесь?» На некоторые вопросы Радист не смог ответить, не поняв их смысла: «Есть ли у вас ленточки? На всех ли станциях у вас есть верхние и нижние лагеря?»

Почувствовав почти дружелюбность, Радист осмелился и спросил: «А почему вы все здесь в балахонах?». Женщина молчала. Радист подумал было, что спросил что-то неприличное. Но вдруг женщина откинула капюшон балахона и Радист содрогнулся. Правая щека и весь лоб женщины были сплошной опухолью насыщенно-бордового, а местами даже сиреневого цвета. Опухоль натянула рот и его правая часть растянулась в какой-то чудовищной улыбке. Глаз от опухоли заплыл, что ещё больше делало лицо отвратительным. По нетронутым опухолью частям лица можно было предположить, что женщине было лет 27 – не больше. Если не считать опухоль, лицо было худым и очень бледным. Это было так ужасно и неожиданно для Радиста, что он отшатнулся. Женщина поспешно натянула балахон и, снова закашлявшись, сказала:

– Уже теперь-то точно вижу, что ты не из Муоса. Привыкай, красавчик, здесь ты ещё и не то увидишь... Добро пожаловать в Муос..

Потом, помолчав, добавила:

– Лет пять назад я была очень даже красива ... Да, проклятая радиация, прости Господи... Ладно, хватит на сегодня...

3.3.

От последних слов местной Радисту стало не по себе. Неужели ему и завтра придётся общаться с этой уродиной.

Этого не случилось. Вечером этого же дня их всех снова собрали и объявили, что ведут в Нижний лагерь. Они подошли к лестнице, посреди которой была установлена гермодверь. Один из балахонщиков открыл лепестковый люк и они поочередно прошли внутрь.

Если атмосфера Верхнего лагеря была пропитана запахом полусгнившего мяса и угрюмости его жителей, одетых в балахоны. То в Нижнем лагере царил запах немытых людских тел, еды, плохо убираемых туалетов. Гомон сотен голосов, крики, смех и плач детей. Весь лагерь был похож на муравейник, причем обитателями муравейника были дети, подростки и совсем уж молодые люди. Они были одеты в какие-то обноски, но ни одного балахона Радист не увидел.

До Радиста дошло, что Нижним лагерьем являлась собственно станция метро. Верхним лагерьем – подземный вестибюль и переходы.

Их встречали четыре парня и две девушки. У некоторых были перекинuty за спину то же странное оружие, которое они увидели ещё в Верхнем лагере. Встречающие поздоровались с ними всеми за руку и пригласили за собой.

На станции, или в лагере, как его здесь называли, буквально негде было ступить. Привычных для Московского метро палаток здесь было мало. Стояли какие-то коробки, неуклюжие каркасы обитые досками, фанерой, картоном, тканью, соломой и ещё невесть чем. Видимо это и было жильё местных жителей. Кое-где у стен были набиты деревянные помосты, образующие второй этаж и на втором этаже также стояли, прижавшись друг к другу, эти убогие лачуги. Аналогичные помосты с лачугами были сделаны и над путями с обеих сторон платформы. Под сильно закопченным потолком болталось несколько тусклых лампочек. В трёх местах, на свободных от лачуг площадках, горели костры. На кострах готовилась какая-то еда.

Их провели в служебное помещение в торце платформы, видимо бывшее для местных жителей залом совещаний. Здесь у стен тоже были установлены нары с набросанным на них тряпьем – в свободное от совещаний время это помещение использовалось для жилья.

Уновцам предложили садиться, хотя сесть было почти негде. Потом одна из девушек, видимо считавшаяся среди этой группы старшей, с улыбкой стала говорить:

– Чтобы упростить наше дальнейшее общение с вами, сразу сообщу, каким объёмом информации, любезно предоставленной жителями Верхнего лагеря, мы уже владеем. Совет Верхнего лагеря сообщил нам, что Вы появились со стороны Партизанской. Вы называете себя жителями Московского метро, прилетевшими сюда на вертолёт на зов какой-то радиостанции. Совет Верхнего Лагеря не нашел никаких данных, которые бы опровергли Ваше сообщение. Во всяком случае, мы почти исключили вероятность того, что вы являетесь американцами, ленточниками и, тем более, лесниками или агрессивными диггерами. Других врагов в людском облики мы до сих пор не знали, поэтому вас относить к врагам тоже будет не справедливо. Являетесь ли вы друзьями и теми, за кого себя выдаёте, перепроверить не просто. Поэтому мы допускаем, что сказанное вами является правдой, но относимся к вам осторожно. Мы постараемся оказать вам в рамках разумного содействие в ваших целях. Но оружие, сами понимаете, вернуть сейчас мы не можем. Это будет сделано только тогда, когда вы покинете владения нашего лагеря. Прежде, чем задать вам интересующие нас вопросы, мы готовы ответить на те вопросы, которые интересуют вас.

Всё это было произнесено девушкой очень быстро, на одном дыхании, с дружелюбной улыбкой на лице. Уновцы не сразу поняли последнюю фразу. Но, увидев ожидание вопроса, Рахманов спросил:

– Что это за люди в балахонах в Верхнем лагере. Они с Вами за одно?

Девушка сразу же затараторила, как будто ожидала этого вопроса:

– По вашим рассказам, в московском метро ситуация, мягко скажем, более благополучна, чем у нас здесь. Поэтому вас может несколько удивить наша социальная структура. Метро – это основная часть обитаемого Муоса – у нас расположено ближе к поверхности. Да и радиация у нас сильнее. Мы более зависимы от поверхности: там у нас находятся плантации картофеля и мастерские. Средств индивидуальной защиты не достаточно, да и мы не можем решить все свои проблемы на поверхности лишь эпизодическими рейдами. Мы вынуждены направлять на поверхность на постоянной основе большое количество людей, что неминуемо ведёт к их облучению со всеми известными последствиями. А количество мутаций среди родившихся детей у нас и так велико. Поэтому у нас установлен Закон, согласно которого каждый рождённый в нашем и дружественном нам лагерях живёт в нижнем лагере до достижения определённого возраста. Жители Нижнего лагеря обучаются, женятся, рожают детей, растят их, работают на фермах, торгую с другими лагерями. Потом все, за исключением специалистов, стерилизуются. И переходят в Верхний лагерь, где более высокая радиация и работы связаны с выходом на поверхность: плантации и мастерские, а также с повышенной опасностью – охрана туннелей и верхних входов. Опережая ваш вопрос, скажу, что в Верхних лагерях люди живут не долго, от трех до десяти лет. Облучение приводит к лейкемии, раковым заболеваниям, разложению тканей, снижению иммунитета. Именно поэтому они ходят в балахонах, которые позволяют от других скрыть внешние проявления болезней, а также являются символом их подвижнической жизни во имя Верхнего и Нижнего лагерей.

Теперь Радист понял, что за запах он чувствовал в Верхнем Лагере – это запах разложения, запах гниющих заживо людей.

Кто-то спросил:

– А какой это возраст, после которого вы переходите в Верхний Лагерь?

– Обычно – 23 года...

Это было очередным шоком для москвичей. Большинство из них были старше 23 лет, а, значит, по местным законам давно должны были быть в Верхнем лагере, в радиоактивном пекле; работать на поверхности без средств индивидуальной защиты и заживо гнить от

последствий воздействия радиации. Вот, оказывается, почему почти все население Нижнего Лагерья составляет дети и молодёжь.

Услышанное надо было переварить. Желания задавать какие-либо другие вопросы отпало. Теперь парни из числа местных начали задавать вопросы им. Они выясняли подробности жизни московского метро, обстоятельства их прилёта, прохода к станции, дальнейшие планы. Радисту это всё было неинтересно. Да и в помещении было тесно и душно, поэтому он решил выйти.

Радист осматривал станцию, такую не похожую и по конструкции и по населяющим ее людям и по их быту. Весь пол платформы и деревянных настилов был расчерчен прямоугольниками 1,5х2 метра. Когда они шли к служебному помещению, обратил внимание на облезлые линии потрескавшейся краски и большие неаккуратно нарисованные цифры трехзначных номеров. Но только теперь он понял, что таким образом было обозначены «квартиры» местных жителей. Большинство квартир было отгорожено от внешнего мира убогими картонными, фанерными стенками и тряпичными ширмами. Но некоторые вообще не имели стен. Жильцы: дети и их родители просто ютились в пределах этих прямоугольников на виду у всех.

В метрах шести от торца платформы был один из таких прямоугольников. Внутри него стояли три ящика, видимо служивших для жильцов одновременно стульями, столом и шкафами. Внутри прямоугольника было три ребёнка: чумахая девочка лет тринадцати; карапуз лет двух, сидевший голый попой на одном из ящиков и перебиравший с деловым видом мелкие предметы в своих руках. Девочка на руках держала грудничка – комочек, завернутый в грязные пелёнки, братика или сестричку. Девочка была бы миловидной, если бы не торчащие из-под невымытых волос уши, словно локаторы, и худое, немного прыщавое лицо.

Когда Радист смотрел на неё, девочка подняла лицо, посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась. Щербатая улыбка лопоухой девчонки была забавной, и Радист тоже ей улыбнулся. Реакция девочки была неожиданной для Радиста. Она положила ребёнка прямо на ящик и подошла к нему. Всё также улыбаясь, стала почти вплотную и задорно, совсем не стесняясь, сказала:

– Привет, я – Катя. А ты не из местных.. -, это был не то вопрос не то утверждение.

Такой поворот Радисту не понравился. Его престиж в отряде и так не был высок, а тут ещё заметят его в общении с детьми. Но девочку было жалко. Она смотрела ему прямо в глаза. И с этими торчащими из-под волос ушами напоминала ему какую-то зверюшку из детских книжек. Он решил ей дружелюбно ответить.

– Привет. Я – Игорь. Не местный.

Что-то из сказанного очень обрадовало девочку. Она стала улыбаться ещё шире и сама схватила его за руку своими невымытыми ручонками. Она, забавно тряся его руку, быстро затараторила:

– Очень приятно, очень приятно. И имя у тебя очень красивое. Ты тоже ничего. И одёжка у тебя классная – у наших такой нет ни у кого. А сапожища – вообще супер. И накачанный ты наверно. Ну ты просто такой, такой...

Смутившись, Радист решил прервать это восхваление своих достоинств. В этот момент он увидел, что из квартиры этой девчонки выбежал малыш и семенит голыми ногами к ним. Перебив девочку, он сказал первое, что пришло в голову:

– Это твой братик?

Девочка обернулась, а потом как-то странно посмотрела на Радиста. Улыбка на её лице медленно скукожилась.

Женский голос сзади произнёс:

– Катюшенька, иди домой, там твоя дочка плачет.

До Радиста не сразу дошел смысл сказанного. Действительно, из «квартиры» девочки-подростка раздавался слабенький плач той малютки, которую она оставила на ящике. К Радисту подошла девушка, которая вела доклад в комнате собраний. Она

повторила:

– Иди-иди, Катюшенька.

Девочка, казалось, сейчас расплачется. На лице её появилась смешная обиженная гримаса. Она взяла мальчугана и неохотно пошла в свою «квартиру».

Девушка сказала, глядя вслед девчонки, но обращаясь к Радисту:

– Бедная девочка. Её муж неделю назад умер от гриппа. Осталась одна с двумя детьми. Ищет нового мужа, но шансы у неё невелики.

– Так это её дети? Да сколько ж ей лет?

– Скоро пятнадцать будет.

Предмет их разговора с горькой гримасой на лице, приподняв грязную блузку, кормила махонькой грудью ребёнка.

– Для вас это дико. Но для нас жизнь длится только до двадцати-трёх, потом начинаются страдания. Поэтому и взрослеют у нас рано. Женятся, бывает, даже в двенадцать, а к шестнадцати имеют по двое-трое детей. Община перенаселена, но ей нужны новые люди, чтобы заменять тех, кто уходит наверх... А она, кстати, на тебя положила глаз.

Радист слушал, опустив голову. Трудно было поверить, что это лопоухое создание, которому надо бы играть в куклы, уже родило двух детей. Видимо, поняв настроение Радиста, девушка более весёлым тоном обратилась к нему:

– Кстати, меня зовут Светлана, Света. Если хочешь, я покажу тебе весь лагерь.

– Игорь.

Радист, к которому в Полисе девчонки не подходили на пушечный выстрел, знакомство сразу с двумя представительницами женского пола в течении нескольких минут показалось чем-то нереальным.

Светлана сразу взяла его за руку и повела вдоль перрона. Когда они проходили мимо квартиры малолетней матери, девчушка отчаянно крикнула:

– Игорь, приходи ко мне сегодня ночью, я буду ждать...

Игорь промолчал, Светлана тоже никак не прокомментировала эту реплику.

Знакомство со станцией заняло не более получаса. Большую часть территории занимали «квартиры». Была генераторная, представлявшая собой восемь бесколёсных велосипедов, цепной привод которых заканчивался в генераторах. Отсюда электричеством питались лампы станции и заряжались аккумуляторы переносных батарей. Со слов Светланы, нужды обоих лагерей генераторная обеспечивала, однако для работы мастерских на поверхности ток подавался с «термальной электростанции». Что это такое и где находится – Светлана не сказала, видимо не знала сама. Была небольшая мастерская с несколькими верстаками, столярными и сверлильными станками, опять же на велосипедном приводе. Был причал, к которому раз в двое суток подходили велодрезины с других станций. Радист поинтересовался, откуда такое пристрастие к велосипедной тяге, на что Светлана сказала, что до Последней Мировой неподалёку был велосипедный завод и много рабочих оттуда попало в метро. Готовые велосипеды и запчасти к ним тоже не так трудно было достать с самого завода.

Они вышли к одному из туннелей, где было устроено стрельбище. Там тренировались местные. Светлана удовлетворила интерес Радиста, показав ему местное оружие. Его называли «арбалет». Это была деревянная или металлическая планка, к которой при помощи зажимов крепилась стрела. Вдоль планки было уложено от двух до шести упругих пружин, вторые концы которых крепились к металлическому упору. При помощи взводного рычага, пружины натягивались и упор зашелкивался на тупом торце стрелы. При нажатии на спусковой крючок зажимы раскрывались и стрела, толкаемая пружинным механизмом, с большой скоростью летела в цель. Не смотря на кажущуюся неказистость, оружие было довольно эффективным. Светлана в присутствии Радиста с сорока шагов «уложила» одну за одной три стрелы в мишень.

Потом Светлана показала школу. Это было четыре прямоугольных участка на перроне, отгороженные металлической сеткой. Там занимались дети от пяти до десяти лет. Всего

четыре класса. Со слов Светланы, раз в год приезжали учителя из Центра, отбирали в ходе тестирования одного-двух ребят из выпускного четвертого класса и увозили их в Университет, где обучали сложным специальностям: врачей, электриков, агрономов, зоотехников. Специалисты в последующем освобождались от необходимости идти в Верхний лагерь, пока могут выполнять свои обязанности или пока не совершат преступления.

Остальные дети уже в десять лет должны были работать сначала в детском саду, потом в ткацкой мастерской, на ферме, на заготовке леса, в генераторной, при боевых действиях и многих других постоянных или временных работах. Детский сад был рядом со школой и огорожен металлической сеткой. Десятилетние воспитатели возились с оравой кричащих детей от одного до пяти лет. Здесь находились дети погибших родителей или родителей, находившихся в верхнем лагере или тех, кто был задействован на работах. И, наконец, Светлана с нескрываемой гордостью показала основную достопримечательность лагеря – ферму, которая располагалась в правом туннеле, по направлению к станции Первомайской. Ферма тщательно охранялась. На ферме, занимавшей полукилометровый отрезок туннеля, стояли ряды клеток, в которых содержались свиньи и козы. Особенно удивили Радиста свиньи: они находились в тесных клетках с отверстиями для голов и практически были лишены подвижности. По мере роста туша свиньи занимала всю клетку и даже выпирала между прутьев. Взрослые свиньи в результате этого становились почти прямоугольными. Как пояснила Светлана, так свиней было легче содержать, да и то, что они не бегали, а лишь только ели, способствовало их скорейшему росту.

Свиней кормили именно тем самым растением, через которое пришлось пройти Радисту и его товарищам. Местные называли его «лесом». Заготовка леса была очень опасным занятием. В самом лесу росли «шишки», из которых выпрыгивали многометровые мощные гипертрофированные побеги. Один побег мог сломать хребет взрослому человеку, либо умертвить за счёт смоченных ядом шипов. Лес не оставлял трупов, он их тоже пожирал.

Ещё опасней были «лесники». Лесники – одичавшая часть жителей автозаводской линии метро, которые считали лес богом и его с фанатичностью охраняли. Лес давал им пищу. В лесу они очень хорошо ориентировались и легко передвигались. Они были в симбиозе с лесом и шишками. Некоторые лесники приращивали к себе шишки, что делало их ещё опасней.

Если Партизаны пытались углубиться в лес слишком далеко, лесники нападали из дебрей. Для того, чтобы заготовить лес, шло пол-лагеря. Старшие с арбалетами в руках углублялись в лес, отсекая полосу от лесников, а младшие в это время заготавливали лес и переносили его в лагерь. Не проходило недели, чтобы на заготовке леса не погибли жители лагеря. А уже на следующий день лес на месте «вырубки» вырастал снова. Никто не знал, за счёт чего он растёт и чем питается. Говаривали, что это только корни основного растения, растущего на поверхности.

Но кроме опасностей, которые он нёс, лес ещё был основой хозяйства Нижнего Лагеря – им кормились свиньи, из леса научились делать одежду и циновки.

Осмотрев лагерь, Светлана и Радист вернулись к комнате собраний. Оттуда уже выходили уновцы и партизаны. Было видно, что обе стороны рады встрече. Кто-то из местных торжественно сказал:

– Кстати у нас сегодня праздник. Вы все приглашены.

3.4.

То, что здесь называлось праздником, началось вечером, и отнюдь не прибавило москвичам настроения. На праздник была заколота одна «квадратная» свинья. Свинью выпотрошили и сварили в котле. Радиста удивило, что мясо и сало разрезалось и перевешивалось на довольно точных, почти аптекарских весах. Затем его разлаживали в тарелки ровными порциями. При всей скудности пропитания в московском метро, на

праздники никто в еде там не ограничивался.

Здесь же «праздничная» пайка составляла кусочек мяса с салом размером с детский кулачок. Правда к этому добавлялось несколько плодов, которые ранее Радисту есть не приходилось. Светлана рассказала, что эти плоды называются картофелем и до Последней Мировой его в огромных количествах выращивали в Беларуси. Когда, ещё до войны, случилась авария на какой-то атомной станции, загадившая пол-страны, местные селекционеры начали выводить сорта культур, которые можно было бы выращивать на загрязнённых территориях. До начала Войны они успели добиться успеха только в селекции «нерадиоактивного» картофеля, что очень пригодилось жителям минского метро. Эффект оказался удивительным: растение само выводило из себя радионуклиды. Плоды выросшего на поверхности картофеля при проверке дозиметром «фонили» меньше, чем выращенная под землёй свинина.

Вот только одна проблема: картофель надо было кому-то выращивать на поверхности. Именно этим и занималось население Верхних лагерей. Каждую весну, практически весь Верхний лагерь выходил на поверхность. При помощи мотыг и лопат распахивали поля на бывших пустырях, лужайках и даже на кладбищах города и сажали картофель. Летом картофель также всем лагерем пропалывали, а осенью собирали и пускали в пищу в Верхнем и Нижнем лагерях. Однако такие сельхозработы были сродни вылазкам смертников. Многие носители балахонов погибали от нападений тварей и мутантов. Те же, кому «посчастливилось», за время работ получали такую дозу радиации, что умирали через несколько лет с момента первого сезона. На их место приходили другие вчерашние жители Нижних Лагерей. Таковы были жёсткие условия выживания этого мира.

Вместе с тем картофель показался Радисту довольно вкусным продуктом. В качестве спиртного местные жители подавали к праздничному столу брагу, довольно крепкую, но имеющую неприятный запах и тошнотворно-сладкий вкус. Вроде бы её готовили из этого же картофеля и перетёрых побегов «леса». Пересилив себя, Радист выпил свою кружку. От выпитого, всё происходящее показалось ещё более мрачным.

Поводов для праздника было несколько. Прежде всего – две свадьбы: местные парни привезли в лагерь девушек из других лагерей. Но этот повод не считался столь значительным. Праздновался переход во «взрослую» жизнь трёх жителей лагеря: двух девушек и парня, достигших 23-летнего возраста. Проводы были оформлены каким-то ритуалом. Прозвучали долгие речи старейшин лагеря о мученическом подвиге этих молодых людей, ради продолжения жизни отправлявшихся наверх. Это преподносилось, как почётный долг каждого жителя лагеря. Выступающие утверждали, что экономика Партизан укрепляется и вскоре они смогут увеличить срок жизни в Нижнем Лагере и даже вообще отказаться от жизни в Верхних лагерях. Всё прерывалось лозунгами: «За единый Муос!».

Уходившим торжественно вручили балахоны, явно уже кем-то ношенные и не очень старательно застиранные. Радист задался вопросом, сколько уже людей, носивших эти балахоны, отошло в мир иной, и насколько сильно они загрязнены радиацией. Провожаемые держались стойко, пытались улыбаться и даже шутить, участвовать в общем веселье. Но на их лицах лежала печать безумной тоски. В последний момент, когда по ритуалу уходившие уже одели балахоны и должны были идти к гермоворотам, ведущим в Верхний Лагерь, а жители Лагеря подняться и рукоплескать им, одна девушка громко разрыдалась и подбежала к своим детям, стала их хватать на руки, крича: «Не хочу, я не пойду...». Дети также подняли вой. Девушку схватили, и подбежавший врач умело ввёл ей инъекцию в руку, после чего она обмякла. Её подняли на руки и понесли к гермоворотам, где ждали двое других молодых людей. Люк в гермоворотах открылся. Туда покорно, как в пасть неведомо чудовища, вошли двое и внесли третью новопривывших. Пасть закрылась и праздник продолжился.

На жителей Лагеря трагизм произошедшего не производил никакого впечатления. Или почти никакого. Очевидно, каждый из присутствующих осознанно или подсознательно думал, что та сторона гермоворот ждёт и его.

Радист, да и все москвичи, были сильно удручены произошедшим. К Радисту подошла

со своей тарелкой Светлана. Она присела рядом с ним. Спиртного девушка, видимо, не пила. Она смотрела сбоку на задумавшегося Радиста, потом сказала:

– Ты знаешь, всем нам трудно поверить, что где-то есть другая жизнь, что где-то нет Верхних лагерей.

Радист повернул голову и посмотрел на Светлану. Девушка была красива. Большие серо-зелёные глаза, светлые прямые волосы. В отличие от большинства Партизанок, она была аккуратна. Ходила в очень старых, застиранных, но чистых, джинсах и клетчатой рубашке. Она, как и все здесь, была худа. Но чуть выступающие скулы и бледность не портили лица девушки. От этого её глаза казались ещё больше. Не хотелось верить, что она одна из смертниц, которую тоже ждёт Верхний Лагерь.

– А сколько тебе?

– Мне – двадцать...

– Тебе осталось только три года?

– Аж три года! По нашим меркам это не мало.

Девушка сказала это почти надрывным голосом. Радисту стало неудобно и он решил перевести разговор:

– А что укололи той девушке?

– Опий. Верхние лагеря, кроме картофеля выращивают мак, из него делают опий.

– Наркотик?

– Да. Здесь он используется только в медицинских целях, как наркоз и обезболивающее. В Верхних лагерях он разрешён всем в неограниченных количествах.

– Ты хочешь сказать, что там разрешена наркомания?

– Через два-три года жизни в Верхнем лагере, а иногда и раньше, организм человека начинает разваливаться. Они испытывают почти постоянную боль. Выход один – наркотик.

Третьим поводом праздника были поминки по трём Партизанам, погибшим в схватке с Дикими диггерами – жителями боковых туннелей. Сами похороны состоялись – трупы уже захоронили в туннеле незадолго до прихода москвичей.

Четвёртым, и пожалуй самым главным поводом, был приход Москвичей. Старейшины лагеря описывали это в своих витиеватых речах, чуть ли ни как знак с выше, свидетельствующий о скорых изменениях в лучшую сторону.

Праздник закончился танцами, прелесть которых была малопонятна уновцам.

После праздника все разошлись по своим квартирам. Радисту досталась очень маленькая квартирka, такая, что там с трудом могли поместиться лежа два человека. Она была сделана на подобии шалаша из пучков связанных между собой побегов. Шалаш был сделан не аккуратно и имел широкие щели, и создавал лишь какое-то подобие ощущения «дома». Дверью служила свисавшая циновка из таких же побегов. Крыши в шалаше не было и сюда проникал сверху свет от единственной оставленной на ночь лампы под потолком метро. В минском метро тоже было деление на ночь и день. Но в условиях такой скученности покой ночи был очень условен. Где-то на станции писклявыми голосами кричали маленькие дети. Как минимум в двух местах слышались громкие стоны и повизгивания пар, пытавшихся получить единственное доступное здесь в неограниченных количествах удовольствие. Десяток глоток издавали громоподобный храм. На ферме визжали свиньи и козы, которые в метро не научились делить сутки на день и ночь. Всё это очень раздражало и заснуть было тяжело.

Радист размышлял об увиденном за сегодня. Москвичи думали, что они мучаются в застенках своего метро. Но на самом деле их жизнь для минчан показалась бы раем. В Москве был голод, но только на самых неблагополучных станциях. Там люди жили, пока их не убьют или они не умрут от старости или болезней, и не должны были в юном возрасте подниматься в радиоактивное пекло. Там были палатки, которые можно было считать настоящим домом. Там не было агрессивного леса с его лесниками под боком. Там радиация не проникала на станции и не было столько мутантов. Там не надо было по достижении смерти идти на верную медленную и мучительную смерть в радиоактивное пекло. Там не

женились дети, чтобы быстрее получить от недолгой жизни всё, что она может дать, и уйти в Верхний Лагерь.

Ему хотелось вернуться домой в Полис. Там его не любили, но там была безопасность, сытость и не надо было видеть горе и страдание этого народа, не нужно было видеть этих мутантов.

Его размышления плавно переходили в дрему, сопровождавшуюся кошмарами. Он один продирался в туннеле по местному лесу. Кругом на побегах растения висели полуистлевшие, мокрые и вонючие трупы людей в форме Четвертого Рейха. За ним гнались лесники, преследуя своим улюлюканьем. Он уже чувствовал? как у лесников раскрываются шишки и оттуда выпархивают смертоносные побеги растения. Его вот-вот достанут. Лес начал его обхватывать побегами за ноги и за руки и при этом лес шептал девичьим голосом:

– Мой миленький, мой хороший...

Побеги совсем сковали его тело, он не мог шелохнуться и тогда один побег стал проникать в рот Радисту, коснулся его языка. В этот момент Радист открыл глаза и чуть не закричал. Он сразу не понял, в чём дело, а когда понял, то грубо отстранил от себя девичье тело. Перед ним была малолетняя вдова Катя, которая целовала его. Она была совершенно голая. Радист ошарашено спросил:

– Ты чего?

Катя настойчиво схватила его руками за голову и пыталась залезть на него:

– Не бойся, мой миленький. Со мной можно, как захочешь, и я могу сделать, как захочешь, только люби меня, только не прогоняй.

У Кати был сильный запах пота, немытого тела и прокисшего молока, женского молока. Радисту стало противно и одновременно стыдно от осознания того, что его могут сейчас увидеть уновцы. Он снова оттолкнул Катю со словами:

– Уходи, Катя, уходи. Я не буду этого с тобой делать.

– Но почему? Ты ведь не знаешь, как я могу! Я же больше ничего не прошу от тебя. Только возьми меня.

Она пыталась схватить Радиста руками между ног и он уже и вправду собирался закричать. Но тут услышал знакомый голос Светланы, открывшей «дверь»:

– Катенька, уходи отсюда. Гость же сказал, что тебя не хочет. Иди, там твои дети.

Внезапно Катя разрыдалась и истерично начала причитать:

– Да что тебе мои дети? У тебя же своих нет! Что вы все на мне крест-то поставили. За что мне наказание такое!

Последние слова она почти кричала и выбежала из палатки, громко и уж совсем по-детски всхлипывая.

– Можно войду? Да ты не бойся, я приставать к тебе не стану. И не думай, что я подслушивала, просто моя квартира рядом.

– Да ладно, входи... Чего это она?

– Решила тебя соблазнить. По нашим законам, если она от тебя забеременеет, ты будешь вынужден на ней жениться. А так, бедняжке, мало что светит. Мужиков-то у нас меньше, чем баб. Кто её с двумя детьми, да такую несимпатичную возьмёт... Ладно, пойду я.

Тяжелые мысли, посещавшие его до кошмара, с тройной силой навалились на Радиста. Но в этот раз, видимо от перегрузки, мозг отключился и Радист заснул.

«Атас! К оружию! Удар с Юга!». Сначала Радист подумал, что это снова какой-то кошмарный сон, но всё-таки вскочил, схватил свой АКСУ и высунул голову из квартиры.

На станции царил хаос. Сотни партизан, включая детей, бежали в разных направлениях. Почти у каждого в руках были арбалеты, копья и ещё какие-то предметы. Создалось впечатление, что всех охватила паника, но уже спустя минуту это впечатление исчезло. Радист подошел к группе уновцев. Москвичи недоуменно смотрели на происходящее, сжимая оружие в руках, Они не понимали, что происходит.

Видимо Партизаны ожидают какого-то нападения со стороны южных туннелей. Радист не узнавал тех заморенных, убогих оборванцев, какими они ему представились вчера. Это

были воины. За считанные минуты они встали в боевые порядки, защищая свою станцию от приближающегося неведомого врага.

Отсутствие стрелкового и, тем более, автоматического оружия заставило местную цивилизацию принять на вооружение и модифицировать средневековые методы боя. На платформе и над помостами со стороны южных туннелей Партизаны расположились плотными полукольцами, вогнутыми внутрь станции. Каждое из полуколец состояло из семи линий защитников. Первую линию составляли лежащие стрелки с арбалетами, вторую – сидящие на полу, третью – стоящие на коленях, четвертую стоящие в полный рост, пятую, шестую и седьмую – стоящие на скамьях разной высоты. Таким образом, линия обороны Партизан представляла собой ошетилившуюся арбалетами живую наклонную стену. В сторону каждого из туннелей было направлено около сотни арбалетов, что позволяло метать во врага тысячи арбалетных стрел в минуту. Впереди каждого из полуколец были подняты закрепленные на шарнирах и поддерживаемые тросами высокие щиты, обитые жостью. Каждый из Партизан, задействованный на этой линии обороны, целился в невидимого врага, прячущегося за щитами.

В какой-то момент щиты упали и в то же мгновение хлопки срабатывающих арбалетных пружин слились в один громкий рокот. Радист со своего места видел только один из туннелей. В тот момент, когда щиты опустились, на расстоянии метров семидесяти вглубь туннеля, луч прожектора выхватил крупный силуэт, но уже спустя мгновение щиты снова поднялись, а Партизаны стали спешно перезаряжать арбалеты.

Пока первая линия обороны отражала нападение, в метрах десяти за неё формировалась вторая, которую составляли женщины и подростки. У каждого из них в руках тоже были заряженные арбалеты, правда меньших размеров.

Десяток мужчин и женщин с копьями и около полтораста совсем маленьких детей – тех, кто еще не мог держать в руках оружие, собрались в северной части станции. Эта группа, видимо, должна была покинуть станцию, если враг окажется сильнее.

Радист решил обратиться к Дехтеру с предложением тоже принять участие в бое, но в этот момент раздался голос Командира Партизан: «отбой учебной тревоги».

Партизаны, как не в чем не бывало, стали расходиться со своих боевых позиций.

3.5.

Утром вернулся Кирилл Батура – Командир Нижнего лагеря Партизан на станции Тракторный завод. Он ходил в Центр по какому-то важному делу, на момент пришествия уновцев его в лагере не было.

Дехтер и Рахманов были приглашены на встречу к Командиру. «Апартаментами» командира являлось небольшое служебное помещение, относительно чистое. Убранство кабинета составляли стол, несколько стульев, три шкафа с какими-то папками и книгами. На столе, как раз над креслом Командира, был подвешен на ремень АК, видимо Командиру и принадлежавший.

Командиру на вид было лет сорок – он пользовался правом долгожительства в отряде. Хотя возможно он был намного моложе – старили его борода, лысина и красные глаза.

Было видно, что Командир рад встрече и вместе с тем чем-то озабочен. Он сразу же вышел из-за стола, подошел к вошедшим и поочередно схватив руку каждого, двумя своими костлявыми руками долго её тряс, приговаривая:

– Очень рад, товарищи, очень рад встрече, Кирилл Батура, местный Командир.

Он не подал виду, что его смущает маска на лице Дехтера – видимо ему уже сообщили Партизаны о странности уновского офицера.

– Вы извините за те временные неудобства, которые Вам были причинены в Верхнем Лагере. Знаете ли, у нас тут очень неспокойно в Муосе. Я уже распорядился – оружие вам сейчас же вернут.

С этими словами на лице Батуры проскользнула тень невыносимой тоски, но потом он

оживился и снова заговорил:

– Что это я.. Лёнька, а ну-ка сообрази нам с москвичами. И Брестской бутылочку достань..

В дверь вошёл Лёнька – пацан лет четырнадцати, видимо выполнявший роль адъютанта Командира отряда Партизан, и с недовольным лицом безапелляционно заявил:

– Дядька Кирилл, там всего три осталось. Сами ж говорили, на День объединения Муоса выпьем...

– Да, мать твою, я кому говорю, неси! До объединения Муоса можем не дожить, а тут такие гости..

Пока они разговаривали, Лёнька недовольно куда-то сходил и принёс довоенную бутылку водки, чудом уцелевшую в течении стольких лет, а также доску, на которой было аккуратно порезано солёное сало с прослойкой и стояла миска с дымящейся очищенной варёной картошкой.

Лёнька нарочно громко стукнул бутылкой по столу, а также почти бросил дощечку на стол, от чего одна картофелина скатилась с миски, злобно развернулся и пошёл на выход. Батура что-то хотел рывкнуть ему в спину, потом махнул рукой, достал три рюмки, разлил и кратко сказал:

– За встречу...

Выпили, закусили, потом почти молча выпили еще по одной.

Водка была неплохой, хотя градус за время хранения немного потеряла. Дехтеру и Рахманову в московском метро такую пить не приходилось. Приятное тепло разлилось по телу.

Командир, видимо посчитав, что минимум гостеприимства выполнен, кашлянул и начал говорить по делу:

– В основном я знаю от своих людей, кто вы такие и каким образом к нам добрались. Поэтому докучать вам с расспросами не стану. Мы провели своё исследование и установили, что Вы действительно не с Муоса. Мы не нашли ничего, чтобы заставило нас не верить вам. Тем не менее, я хочу знать ваши цели и планы... Если вы не против..

Рахманов, видимо посчитав, что в данной ситуации вопрос относится больше к нему, решил ответить:

– Мы получили радиопередачу из Минска, в которой кто-то из жителей просил о помощи, указывая на какую-то опасность. Мы очень заинтересованы в установлении контактов с другими убежищами, так как это могло бы способствовать нашему выживанию, а в будущем явилось бы основой восстановления цивилизации. Кроме того, это большая эмоциональная поддержка метрожителям – знать, что мы остались не одни в мире. Мы были направлены нашим правительством, по пути встретились с серьёзной опасностью, едва не стоившей всем нам жизнью. Мы нашли неподалёку от станции метро «Партизанская» радиопередатчик и мертвую женщину – автора послания. После этого было решено спуститься в метро на ближайшей станции, где мы столкнулись с тем, что вы называете лесом и лесниками. Пробиваясь через лес, мы попали к вам. Что касается наших задач, то у нас их три: найти авторов сообщения, установить радиокontakt между Москвой и Минском и, по-возможности, оказать вам помощь в устранении угрожающей вам опасности. Ну и четвёртая – вернуться домой. Теперь нам бы хотелось знать, какая станция является инициатором радиосигнала. Если мы установим постоянный радиокontakt с Москвой, мы можем, вернее обязаны нашим руководством, оказать вам помощь.

Батура слушал всё это, опустив глаза и нервно постукивая пальцами по столу. Потом он устало сказал:

– В настоящее время я один из девяти долгоживущих в лагере. Все мы получали образование в Университете Центра. Я был способным и старательным учеником. В общих чертах я представляю, что такое радиосвязь, но не разу не видел ни одного радиоприемника и не слышал, чтобы где-то у нас в метро было что-то подобное. В нашем лагере – точно, а в других лагерях Партизан – наверняка, радиосвязи нет. На мой взгляд, единственным местом,

где уровень знаний и остаток техники мог позволить создать что-то подобное – это Центр. Поэтому вам, пожалуй, надо туда. Что касается угроз, то самой близкой для нашего лагеря являются лес и лесники. Но, к-сожалению, это далеко не единственная и даже не самая страшная опасность. Голод, эпидемии, мутировавшие чудовища, Американцы, дикие диггеры, и, наконец, ленточники. Мы окружены бедами и опасностями со всех сторон и кольцо сужается. Иногда мне кажется, мы здесь все сгрудились в зыбком пузыре, который вот-вот лопнет... Снова я о грустном...

Батура, страдальчески улыбнулся, разлил на сей раз по пол-рюмки, кивнул собеседникам и махом выпил налитое.

– ... К-счастью за всё метро я не в ответе. Мне бы с нашей станцией разобраться. А первой проблемой моей станции является лес с лесниками. Как мне доложили, вы прошли с боем от Партизанской. Кстати сказать, это когда-то была столичная станция Партизан, оттуда и название. Ещё лет восемь тому назад там человек семьсот народу жило только в Нижнем лагере. Зажиточная была станция. В Верхний лагерь только в тридцать уходили. Они поставили мощные решетки со стороны леса, покрепче тех, которые вы видели, и понадеялись на них. К решёткам патруль выставляли всего три человека, чтобы обрубали побеги леса, которые через решетки лез. Но лес оказался сильнее. Он обмотал побегами решетку и вырвал её вместе с фундаментом. Орда лесников, сметя заслон, кинулась в лагерь. Их там было больше тысячи и почти у каждого шишка на брюхе. Около сотни детей и баб убежали, пока лес с лесниками не отрезали путь остальным. Я тогда с нашими выступил им на помощь, но лес уже был на пол-пути. Со станции ещё были слышны крики, а помочь мы ничем не могли. Пришлось паять свою решетку и усиленный заслон выставлять.

Так вот мысль у меня, поквитаться с лесом. После того, как вы прошли по Партизанской и туннелю, лес, и особенно лесники, не скоро силы восстановят. Надеюсь очистить туннель до Партизанской и саму станцию захватить. Поможете?

Рахманов, несколько смутившись, ответил:

– Видите ли. Я вам объяснял, что у нас приказ, которым установлен следующий приоритет задач: обнаружение инициатора радиосигнала, установление радиоконтакта между Минском и Москвой, а уже потом – оказание помощи вашим людям. К-сожалению, до выполнения первых двух задач приступить к третьей, рискуя жизнями наших людей, мы не можем.

– Ладно, я так и думал, – грустно заметил Командир, – Однако если мы позаимствуем у вас один огнемёт, непосредственной угрозы жизням ваших людей это не составит? У нас есть небольшой запас бензина, сами мы пытались сделать огнемёт, но ничего достаточно эффективного и безопасного не получалось. А ваш – это просто чудо. Извиняюсь за хамство, мы уже его даже испытали. С ним мы с лёту прожжём лес аж до Партизанской.

Дехтер было дернулся что-то возразить, но Рахманов, обратив внимание, что монолог Батуры по поводу заимствования огнемёта является скорее утверждением, а не просьбой, положил на плечё Дехтера руку и с деланной вежливостью ответил:

– Конечно-конечно. Берите. Мы рады вам помочь.

Было видно, что командир Партизан уже давно считал огнемет своим, однако столь быстрое «урегулирование вопроса» его явно обрадовало, и он быстро разлил оставшееся в бутылке по рюмкам, поднял рюмку и сказал:

– Вот и славно, за победу..

Когда все выпили, он доброжелательно продолжил:

– Вам нужно в Центр – там вы найдёте, что ищите. Я вам дам проводника, который вас проведёт. Пока будете идти по владениям Партизан, вам особо ничего не угрожает, но потом будьте бдительны. Выходите рано утром – вместе с Ходоками – у нас как-раз очередной обоз собрался. А мы завтра выступаем на лес, всем лагерем. С других лагерей Партизан отряды также подходят. Славная будет бойня, жаль, что не увидите.

Они ещё с пол-часа поговорили. Батуру развезло. Видимо сказывалась ослабленность организма. В порыве пьяной откровенности он рассказал, что когда он был молодым, в

лагере был установлен 25-летний возрастной ценз, затем, с учётом нехватки людей в Верхнем Лагере и перенаселением нижнего, ценз был снижен сначала до 24, потом до 23 лет. Правда Объединённый Совет Верхнего и Нижнего лагерей, председателем которого является он, может по результатам единогласного голосования, продлить на один год срок нахождения в нижнем лагере Партизанам, совершившим подвиг или представляющим особую значимость для лагеря. Но это случается крайне редко.

Исключение составляют Специалисты – лица, получившие образование в Центре, главным образом медики, электрики, зоотехники и Командир, как главный администратор лагеря. Однако даже Специалисты лишались данного звания и немедленно оказывались в Верхнем лагере, в случае совершения провинности или в связи с невозможностью выполнения обязанностей специалиста по состоянию здоровья или по другим причинам, а также, если на их место приходил другой Специалист. Ситуация с продовольствием в лагере в последнее время ухудшается, они находятся на грани голода и поэтому в Совете всерьёз поговаривают о снижении возрастного ценза до 22 лет.

– Если это случится, – с горькой усмешкой сказал Командир, – я сам откажусь от звания Специалиста и уйду в Верхний Лагерь. Я не имею никакого права жить так долго...

3.6.

Как оказалось, проводником им назначили Светлану. Она была специалистом по внешним связям и поэтому ей поручили сопровождение уновцев в Центр,

Им разрешили идти в Центр с плановым обозом, состоящим из двух велозрезин. Велодрезина – ужасное ржавое сооружение – установленная на рельсы тележка метров семи длиной, с крепящимися по бокам восьмью сидениями и педальными приводами.

Старшей здесь была «Купчиха» – смекалистая девчонка лет двадцати. Как рассказала Светлана, отец Купчихи когда-то был старшим обоза. Когда Купчихе было четыре года, её мать не то убили, не то уволокли с собой дикие диггеры. Отец стал её брать с собой в походы. Потом пришел его срок подыматься в Верхний Лагерь, а она так и продолжила ходить с обозами, сначала помощницей, а последние несколько лет – старшей обоза. Она занималась коммерцией, продавая и обменивая производимые Партизанами товары и продукты.

С каждым обозом отправлялись два десятка Партизан. Этих молодых парней здесь называли «Ходоками». Это был местный спецназ. Они не были так худы, так как получали больший паёк. Они были крепче сородичей, и все как один угрюмы и неразговорчивы. Одеты в плащи из неаккуратно сшитых, плоховыделанных, вонючих свиных шкур. На поверхность плащей сзади и спереди были нашиты металлические бляхи, имитирующей доспехи сомнительной прочности. На поясе, затянутом поверх плаща, слева болтался меч в ножнах, справа – кожан с десятком стрел. За спиной или в руках они держали арбалеты. На головах – довоенные армейские каски.

Старшим был здесь Митяй – на вид ему было около двадцати пяти. Видимо совет Лагерей несколько раз продлевал ему жизнь за подвиги, без которых выжить при его профессии было крайне сложно. У Митяя не было правой руки по локоть – при выходе на поверхность он потерял её в схватке с мутировавшими тварями. На культю ему был привязан арбалет, а ножны с мечом у него висели на левом бедре. Что-то подсказывало, что и тем и другим Митяй обращается никак не хуже других.

Митяй выставил четыре дозора – в ста и пятидесяти шагах спереди и сзади основного обоза, так, чтобы впереди идущие были видны в свете фонарей сзади идущих. Дехтер, проявляя нескрываемый скептицизм по поводу вооружения Партизан, пытался настоять на том, что в первом дозоре должен идти он, либо кто-то из уновцев. Митяй кратко ответил:

– Не умеешь слышать туннель. Не умеешь быть тихим. Иди с обозом.

Дехтер начал пререкаться, однако Митяй грубо толкнул его в грудь заряженным арбалетом на культю и ответил:

– Я должен вас довести живыми... Хотя бы кого-то, – после чего развернулся и направился в сторону первого дозора.

Шестнадцать партизан и Москвичей вскарабкались на велодрезины и стали крутить педали. Дрезины были нагружены свиным мясом, картофелем, свиными шкурами и какой-то продукцией из Партизанских мастерских. Радист, оказавшийся в седле первой велодрезины, уже через несколько минут обливался потом и сопел. Он видел, что Партизаны к этому делу привыкшие. Не смотря на физическую нагрузку, все они сжимали арбалеты и смотрели в оба. Радист, поначалу, подражая им, стянул свой АКСУ, но потом закинул его снова на плече и стал изо всех сил давить руками на колени, чтобы облегчить нагрузку.

Не смотря на несуразность конструкции, дрезины шли очень тихо, едва шурша. Видимо механизм был хорошо подогнан и смазан. Колонна напоминала похоронную процессию: только шуршание дрезин, сопения ездовых, да Светлана с Купчихой о чем-то своем едва слышно перешептывались, идя между двумя дрезинами.

Радист отметил про себя, что туннели в Минском метро поуже и еще менее уютны, чем в Москве. Стены были сырыми, кое-где капало с потолка, между рельсами были лужи.

Из-за медленного хода нагруженных дрезин и медленной манеры движения дозорных, путь до следующей станции длился часа два. Но Радисту показалось, что прошли сутки.

Вдали послышалось:

– Кто?

– Свои, Партизаны, с Тракторного.

– Митяй – ты?

– А то кто ж?

– Ну заходите хлопцы.. А Купчиха с вами?

– А-то как же.

Дрезины вкатились на следующую станцию.

3.7.

Центром Конфедерации Партизан являлась станция Пролетарская. Это была самая многолюдная станция Конфедерации. По размерам она была не больше Тракторного, но населена едва не в два раза плотнее. Всё пространство станции, почти до самого потолка, было занято стеллажами и настилами, соединенными переходами и лестницами, на которых ютились хижины, мастерские, прочие помещения Партизан. В целях экономии пространства этажи здесь очень низкие, метра в полтора, и поэтому в хижинах в полный рост стоять могли только дети. И лишь по самому центру платформы проходила узкая тропа центральной «улицы» лагеря, над которой свисали, словно корабельные флаги, веревки с вывешенной для сушки одеждой.

На станции было ещё шумней и суетливей, чем на Тракторном. От чудовищной скученности здесь было душно и первое время казалось, что невозможно дышать этим влажным смрадным воздухом. Местные жители здесь не отличались аккуратностью и изяществом, но было заметно, что живут здесь получше, чем на Тракторном. На Пролетарской также был Верхний лагерь, но уходили туда только в 26 лет. Долгоживущих специалистов здесь было намного больше. Благодаря тому, что Пролетарская находилась между дружественными Партизанскими Лагерями, на оборону здесь тратилось меньше сил и средств, и больше населения было задействовано на выращивание картофеля в Верхнем лагере и на мастерских и в оранжерее в нижнем. Один из туннелей между Пролетарской и следующей станцией – Пролетарской, был отведен под сельское хозяйство и переоборудован в оранжерею. Трудолюбивые Партизаны, натаскали сюда откуда-то нерадиоактивного торфа с песком, провели освещение и выращивали пшеницу и овощи. То, что с питанием здесь дело обстоит лучше, было заметно по лицам Пролетарцев – они не были такими изможденными, как у жителей Тракторного.

Велодрезины остановились на путях, над которыми также были установлены сводчатые

настилы с ютящимися на них хижинами. Отряд сопровождал молодой дозорный. Светлана дозорному рассказала, что за странные посланники идут с обозом. Он с восторгом и изумлением рассматривал уновцев. Когда они поднялись на платформу, дозорный попросил их подождать, а сам исчез в лабиринте тесных коридоров. Спустя несколько минут он вернулся с несколькими мужчинами и женщинами разных возрастов из числа Специалистов и местных руководителей. Последние отозвали в сторону Светлану, и что-то у неё спрашивали. Девушка им живо объясняла, то и дело показывая в сторону москвичей. Недоверие на лицах руководства Пролетарской таяло, и в конце концов они сами подошли к гостям. Сорокалетний бородатый мужик, в некоем подобии кожаной униформы, обратился к приезжим:

– Лагерь Партизан станции Пролетарская рад приветствовать вас. Я – , капитан милиции Степан Дубчук – зам командира Лагеря по обороне и внутренней безопасности. Светлана сообщила, кто вы и с какими благородными целями прибыли в Муос. Мы рады...

– Да брось, ты Стёпа, херню молоть... Ты людей в ратушу зови, накорми людей, а потом своими официальностями сыпь, – прервала оратора молодая несимпатичная женщина в очках. Она сама подошла к прибывшим и стала жать им руки со словами:

– Специалист по внутренней экономике, Анна Лысенко, просто Аня, очень рада...

Бородатый Степан, немного замаявшись, заулыбался и тоже стал пожимать руки москвичам, а некоторых даже обнимать, уже совсем по-простому приговаривая:

– Здравствуйте, братцы, здравствуйте... Господи, неужели ты наши молитвы услышал... Может что-то изменится.. А-а-а?. Может жизнь наладится теперь-то...

Другие руководители лагеря из числа встречавших также подходили и радушно приветствовали уновцев. Весть о прибытии посланцев из другого города, вмиг облетела Пролетарскую. Люди стали подходить, загораживая и без того узкие проходы между многоэтажными строениями на платформе, свешивались из окон и дверных проемов хижин и мастерских, опускались и подымались на лестницы, чтобы лучше увидеть иногородцев.

Неожиданно для москвичей благожелательное настроение местного руководства как пламя охватило всех Партизан. Причиной этому возможно были слова Степана и Анны, который здесь пользовались авторитетом. Может быть, вид более крепко сложенных, хорошо экипированных уновцев произвел впечатление на местных. А может скопившееся в людских сердцах отчаяние, заставляло воспринимать приход людей из другого мира, как приближающееся спасение. Гул лагеря Пролетарцев перерос в громкое ликование. Их приняли здесь, как героев, а может даже как спасителей или Ангелов.

Пока москвичи протискивались в центр станции, они слышали вокруг:

– Бог услышал наши молитвы...

– Вот это мужики, вот это молодцы, это ж надо – с Москвы по туннелям добратся...

– Да дурак ты, по каким туннелям, они на ракете прилетели или как Ангелы, по воздуху..

– Теперь кранты Америке и ленточникам и диггерам.. Они нас поведут вперед..

– Да чё ленточники – этим бойцам не то, что ленточники, им мутанты на поверхности не страшны, да и радиация таких не берет – смотри какие здоровые.

Тем временем москвичи протиснулись к ратуше – это было выложенное из кирпичей трехэтажное сооружение в центре платформы, являвшееся местным административным центром.

Светлана спросила у Степана:

– А как Дед Талаш?

– Да слабый он стал совсем. Уже почти не ходит. Бодрится, конечно, дед. Но долго ли ещё протянет. Хотели докторов с Центра привезти, заплатить же им не жалко, сама знаешь... Но Талаш слышать не хочет, говорит, что не гоже на деда средства тратить, когда молодые с голоду пухнут. Говорит, что ему, мол, уже и так давно помирать пора. Представь, последнее время снова в Верхний Лагерь проситься стал...

Радист, который в это время оказался рядом, спросил у Светланы:

– А кто это – Талаш?

– Он командир Пролетарской и всех Партизан. Он поднял восстание и прогнал Америку. Благодаря ему мы все ещё живы. На мудрости Талаша и на молитвах отца Тихона мы и живём ещё.

Радист, решил не вдаваться в подробности о том, что такое Америка и кто такой отец Тихон. Просто спросил:

– А Талаш – это имя или фамилия?

– Ни то ни другое. Его называли в честь древнего героя – Деда Талаша, который был также стар, умен, поднял восстание и возглавил Партизанский отряд, который сражался с врагами, захватившими нашу землю...

Дехтер и Рахманов за Светланой и местным Минобороны Степаном поднялись на третий этаж будки, называемой «Ратуша». В чистом помещении размерами четыре на четыре метра за столом сидел высокий худой старик, которого здесь называли Дедом Талашом. Даже в Московском метро они не встречали столь старого человека. Ему было явно за сто. Дед был сутул, лыс и без бороды. Впалые щеки и черные круги вокруг глаз на морщинистом лице делали его похожим на Кощея из древнерусских сказок. Голова у него тряслась, а гноящиеся глаза были закрыты. Он никак не прореагировал на приход посетителей. Первое впечатление, что он – полоумный или не в себе.

Однако Степан с нескрываемым благоговением, приглушенным голосом обратился:

– Николай Нестерович, посланцы из Москвы, о которых дозорный сообщил с 4го поста. С ними Светлана – посол с Первомайской, она и письмо от Кирилла Батуры принесла. Они всё перепроверили – это действительно москвичи.

Спустя несколько секунд Дед Талаш открыл глаза и посмотрел на вошедших. От взгляда старика первое впечатление о его полоумности бесследно развеялось. Это были глаза древнего сказочного мудреца, видящего человека насквозь. С пол-минуты он изучал лицо Рахманова и маску Дехтера. С необычным для москвичей белорусским акцентом, живым голосом сказал:

– Да ходзьце сюды, хлопцы, сядайце note 7.

Дехтер с Рахмановым сели на лавку по другую сторону стола.

Дед обратился к Степану:

– Хай прынясуць нам тое-сёе, ды іншых людзей няхай накормяць, ды сам сядай, пагаварым з людзьмі, . note 8

Потом, обращаясь к Дехтеру:

– Знямі маску, я і не такое у сваім жыцці бачу. note 9

Дехтер не решился спросить, как дед понял, что он скрывает маской увечье и молча снял с себя маску. Тем временем две женщины внесли бутыль с местным самогоном, а также дымящееся варёное мясо, картошку, квашеную капусту. Светлана, решив не мешать мужской компании, вышла. По команде Деда Степан налил полные стаканы себе и гостям, выпили. Пока закусывали, Дед продолжал внимательно разглядывать пришедших. Потом неожиданно прервал молчание:

– Я бачу, што вы з добрымі думкамі сюды прыйшлі, але не ведаю, прынясеце вы нам гора, чы радасць. Між тым з вамі прыйшла надзея, а яна рэдкая госця у нашых лагерах. note 10.

Note7

Бел.диал.: Идите сюда, ребята, садитесь

Note8

Бел.: Пусть принесут нам что-нибудь, и других дюдей пусть накормят, и сам садись, поговорим с людьми

Note9

Бел.: сними маску, я и такое в своей жизни видел

Note10

Потом Талаш снова посмотрел прямо в глаза Дехтеру и гортанным голосом, от которого мурашки пошли по коже, почти на чистом русском без акцента произнес:

– Я старый человек, мне мало осталось и я уже ничего в этой жизни не жду, ничего не боюсь, да уже и ничем не могу помочь своему народу. Но ты, командир, принес на нашу станцию надежду и уже не имеешь права просто так уйти. Лагеря этого не перенесут. Ты вряд ли выберешься живым из нашего метро, но ты – солдат и должен быть готов к смерти. Поклянись пред мной и пред Богом, что ты сделаешь всё, на что способен, чтобы защитить мой народ. Или просто тихо и незаметно уйди с нашей станции прямо сейчас.

Дехтер был уверен, что никогда и никто, кроме его командиров, не сможет его заставить что-либо сделать. Если б ему раньше сказали, что он подчинится дряхлому старику, с которым знаком пол-часа, он бы просто рассмеялся. Но эти слова старого умирающего белоруса, наполненные отчаянием, страданием и болью за свой народ; эти мудрые видящие насквозь глаза, с мольбой уставившиеся на него, не давали ему сказать «нет» или соврать. Он спокойно и честно ответил:

– Да, батя, я сделаю для твоего народа всё, что смогу.

Дед Талаш положил трясущуюся руку на лежащую на столе ручищу Дехтера и тихо ответил:

– Я вижу, солдат, что ты не врешь. Да поможет тебе Бог.

Потом обратился к Степану:

– Ну, Сцёпа, далее без мяне.

Дед Талаш, так и не притронувшись к еде и стакану, стал подыматься. Степан помог ему выйти из помещения, после чего вернулся к гостям. В ходе разговора он рассказал, что Дед Талаш до Последней Мировой жил в забитой деревне на Полесье. Приехал в Минск на кресьбины внука. Удар его застал в поезде метро на станции Партизанской. Когда пришли Американцы, он уже находился в Верхнем Лагере, куда пошел добровольцев. Когда узнал о творящейся несправедливости, собрал отряд из числа жителей Верхнего Лагеря, незаметно ночью боковым проходом пробрался в Нижний Лагерь и перебил всех Американцев и бэнээфовцев. В течении ночи почти все жители Партизанской от мала до велика, вооружились кто чем и разделившись на две группы, ударили по Тракторному заводу и Автозаводской. Освободительное движение в течении нескольких дней охватило почти всю восточную часть Автозаводской и западную часть Московской линии метро.

Восставших, от названия станции, с которой началось восстание, прозвали Партизанами. А их вождя – Дедом Талашом, в честь древнего руководителя белорусского партизанского отряда.

Ещё один отряд в двести человек вышел на поверхность и во главе с Талашом пешком направился в сторону Фрунзенской – базовой станции Американцев – по улицам разрушенного города. Плохо вооруженные, почти без средств индивидуальной защиты, до Фрунзенской дошло человек семьдесят. Остальные погибли от нападений мутантов, хищников и радиации. Американцы не ожидали нападения с поверхности, да и основные силы их были сконцентрированы на границе с Партизанским восстанием. Партизаны неожиданно ворвались на станцию, и на несколько часов выбили с неё Американцев. Удержать станцию горстка обессиливших Партизан не могла. Но они уничтожили практически все найденные на станции боеприпасы. Кроме того, они взорвали все вертолёты Американцев. А без боеприпасов Американцы оказались на равных с Партизанами. После взрыва складов Дед Талаш хотел остаться на Фрунзенской и встретить смерть. Однако десяток оставшихся в живых Партизан, найдя антирадиационные костюмы и противогазы, пошли в обратный переход по улицам Минска. До уже освобожденной Пролетарской дошли Дед Талаш и еще двое Партизан, которые вскоре умерли от лучевой болезни. Дед Талаш, вопреки всем законам природы, остался жив. Это чудо еще более

Бел.: я вижу, что вы пришли с добрыми намерениями, однако не знаю, принесёте вы нам горе или радость. Вместе с тем с вами пришла надежда, а она – редкая гостья в наших лагерях

подняло его авторитет в лице местных жителей.

Американцы отступали, сдавая станцию одна за другой. Наконец, Партизаны дошли до осажденного Центра и соединились с Правительственными войсками.

Армия Партизан была более многочисленна, но хуже вооружена и обучена. В боях на переходе Октябрьская-Немига, которые длились два месяца, Партизаны несли тяжелые потери. Правительственные же войска, заняли выжидательную позицию и не спешили на помощь ополченцам.

Было решено заключить перемирие. Тем не менее, Партизаны отказались подчиняться нежизнеспособному коррумпированному и бюрократизированному Центру, признавая единственным своим командиром Деда Талаша. Так был заключен мирный договор (Конвенция). Станции были поделены между Америкой, за которой осталась Немига, Фрунзенская, Молодежная и Пушкинская станции; Центром, контролировавшим почти всю Московскую линию; и Партизанами, дислоцировавшимися на станциях Автозаводской линии южнее Купаловской.

После обеда в Нижнем Лагере Пролетарской станции был объявлен праздник в честь гостей. Праздник был веселее, чем на голодном Тракторном. Еды было больше и её не отмеряли на весах. Люди были жизнерадостней. Пролетарцы засыпали москвичей расспросами на тему «А как у вас...». Мужская часть решила для себя, что москвичи идут с освободительным походом и почти все просили взять их в отряд. Незамужняя женская часть видела в гостях завидных женихов и всеми силами пыталась их завлечь в постель. Однако незамужем здесь были по меркам москвичей только дети, да многодетные вдовы, поэтому бойцы на откровенные предложения Пролетарок отвечали крайне сдержанно.

Перед тем, как в Лагере был выключен на ночь свет, москвичей отвели в отведенные им квартиры. Часть Пролетарцев по требованию своего руководства освободили на ночь свои квартиры, уйдя ночевать семьями прямо в туннель. Но об этом москвичи не узнали – им Пролетарцы сообщили, что квартиры просто временно пустуют. Радист должен был ночевать в квартире на четвертом этаже, под самым сводом станции с двумя бойцами из московского отряда. Он уже лег на топчан, когда в дверь постучались. Местная девчонка с очень серьезным видом и смеющимися глазами спросила:

– Кто у вас тут в радио разбирается.

Радист недоуменно ответил:

– Ну я..

– Вас просят подойти в офис Специалистов, хотят с вами проконсультироваться, как построить радио.

Радист вышел и пошел за девчонкой.

Когда он проходил мимо одной из хижин, его схватила за руку Светлана и потянула внутрь. Он пытался ей объяснить, что его ведут к Специалистам по поводу радио, на что Светлана рассмеялась:

– Дурачок. Твои познания в радио здесь никого не интересуют. Разве, что меня одну. Это я за тобой послала девчонку.

– А где «Купчиха», её же квартировали с тобой?

– У неё здесь парень, поэтому до утра она не вернётся. А мне одной скучно. Вот я и подумала, что попробую интересно и с пользой провести время, заодно побольше узнать о радио...

Последние слова Светлана говорила уже обнимая Радиста, прижимаясь к нему и целуя. Она немного отстранилась от оторопевшего Радиста и тихонько добавила:

– Да ты не бойся, я не Катя, я не буду тебя на себе женить...

Они лежали под старым одеялом, прижимаясь друг к другу. Светлана тихо шептала ему на ухо:

– Мой отец погиб, когда я была ещё маленькой. Он был в дозоре, когда на станцию пытался ворваться змей...

– Кто?

– Ну такой червь длиной метров тридцать и толщиной с метр. Они роют норы. Питаются всем живым. Всех, кто был в дозоре, змей разорвал в клочья или проглотил. Зато дозор успел поднять тревогу и на подступах к станции змея убили. Мать не выдержала смерти отца и раньше срока пошла добровольцем в Верхний Лагерь. Она уже умерла. А я с братом осталась на попечении Лагеря. Когда мне было девять, а ему семь, на Лагерь напали Дикие диггеры. Они схватили многих детей из приюта, меня и брата тоже. Меня тащили в темноте по каким-то норам, туннелям, переходам. Я пыталась вырваться – меня за это сильно били. Потом они стали меня насиловать. Помню какой-то колодец, факел на стене, вонючая лужа, в которой я лежу, и четверо разукрашенных волосатых страшилищ, которые, сменяясь, это делали со мной. Было очень больно и противно. Потом я потеряла сознание, очнувшись уже в нашем Лагере. Рассказывали, что я голая и истекающая кровью молча ползла по туннелю в сторону лагеря. Одному Богу известно, как я там оказалась. Вряд ли убежала сама, Дикие диггеры наших не отпускают, они всех съедают. Может Светлые Диггеры отбили меня... А брат мой, Юрка, так и не вернулся...

Меня лечили, даже в Центр в больницу направили. Вылечили. Но детей у меня уже никогда не будет. Зато в Центре мне дали образование и я стала посланницей. Хотя права на долгую жизнь это не даёт...

Ты, Игорь, не думай, что я разжалобить тебя хочу, просто не с кем мне здесь поговорить. Да и Саша, муж мой покойный, он ведь Ходоком был, а видишь какие они все угрюмые. И видела я его редко – то он в походах, то я в командировках. Не с кем мне здесь поговорить, а уже скоро в Верхний Лагерь идти. Ты можешь вообще больше ко мне не подходить и не смотреть в мою сторону. Все-равно я тебе буду благодарна за все до самой смерти.

Игорь, прижимал к себе девушку, и от жалости, бессилия изменить что-либо кусал себе губы. А потом сказал:

– Я тебя не отдам в Верхний Лагерь.

– Глупенький... Если б это было возможно... Но все-равно спасибо.. Спасибо тебе за то, что ты пришел в наше метро, спасибо за эту ночь, спасибо за эти слова...

Пролетарская добавила к обозу одну велодрезину со своим товаром и отряд в пятнадцать Ходоков. Степан Дубчук, прощаясь с Дехтером и Рахмановым, сказал:

– Мужики, больше не могу дать народу в путь. Батура с Тракторного прислал письмо, просит помочь людьми на штурме Леса. Сто моих бойцов и ополченцев идут туда. И я сам туда иду. Ну а вам удачи. Найдите передатчик и помогите сделать Муос единым. Обязательно посетите отца Тихона. И ещё, Дехтер, Дед Талаш совсем поплохел, не смог выйти к Вам. Но тебе он просил передать слова: «Солдат, помоги моему народу». Надеюсь еще увидимся.

Провожать обоз вышел чуть ли не весь лагерь. Все желали счастливого пути, женщины, девушки и дети плакали, мужики жали руки. Потом местный капеллан затыкнул «Отче наш» и все громко стали молиться.

3.8.

Со слов партизан туннель Пролетарская-Первомайская был одним из самых безопасных в минском метро. Но по поведению ходоков это заметно не было. Они были также сосредоточены, двигались напряженно. Спецназовцы, наоборот, повеселели после встречи с дружелюбными Пролетарцами. Муос им уже не казался таким враждебным.

Дехтер решил поговорить с Митяем. С момента первой встречи они едва ли перекинулись десятком фраз. Он догнал однорукого ходока и, идя рядом, просто спросил:

– Давно в ходоках?

Митяй повернул голову, потом снова уставился вглубь туннеля и продолжал молча идти. Дехтер решил, что ответа он не дожидается. Когда он собирался вернуться назад к группе спецназовцев, Митяй неожиданно ответил:

– Двенадцать лет уже хожу. В четырнадцать начал..
– Так тебе уже двадцать шесть? Отправку в Верхний Лагерь тебе отсрочили?
– Ходоков в Верхний лагерь не отправляют. Редко кто до двадцати трех доживает. Это мне только везло.

Услышав слово «везло», Дехтер скривился и посмотрел на культю Митяя с приделанным к ней арбалетом. Митяй, не поворачивая головы, сказал:

– Это пять лет назад, между Первомайской и Купаловской... Мы возвращались с Первомайской ввосьмером с одной дрезиной пустой – остальные с основным обозом в Америку пошли. Сзади два змея догонять стали. Всем отрядом не всегда с одним змеем справишься, а тут малым отрядом с двумя. Слава Богу, один змей молодым оказался, когда его поранили сильно, уполз.

Митяй снова замолчал, всматриваясь вперёд. Может быть он старался что-то не упустить в мраке туннеля, а может вспоминал тот бой. Дехтер снова спросил:

– Ты один выжил?

– Нет, ещё двое. Я их на дрезине в лагерь докатил. Им больше меня досталось. Один скоро умер, а второй встал на ноги, ещё побыл ходоком, потом погиб, когда на поверхность вышел.

Дехтер невольно восхитился этим воином. Какую же надо иметь силу воли, чтобы раненному, с оторванной или отгрызенной рукой дотащить на дрезине до лагеря своих товарищей. Митяй не описывал свой подвиг, не рассказывал подробностей той схватки. Но Дехтеру из краткого рассказа стало понятно, именно Митяй остался последним действующим воином в том бою и именно он победил и обратил в бегство пусть молодого, но всё-таки змея – неведомого чудовища здешнего метро.

– А где эти змеи?

– У них логово в городе, в Комсомольском озере. Роют норы, там где почва помягче, заползают в туннели и жрут людей наших. Вот как-раз между Купаловской и Первомайской место их любимое, Змеиный переход называется. А потом по змеиным норам диггеры забегают – эти не лучше змеев будут.

– А что диггеров змеи не жрут?

– Диггеры от них откупаются, жертвы им приносят. Сами людей и свиней для них крадут, а если не получится – своих же на съедение змеям добровольно отдают. Вот змеи их и не трогают.

На пол-пути Радист слез с седла, поменявшись с каким-то Партизаном с Пролетарской. От дикой нагрузки ноги были как ватные, от трения о седло болел зад. С непривычки он первое время шел пригнувшись и кульгая, чем вызвал веселый смех Купчихи. Судя по смешкам этой конопатой девченки, она уже знала от Светланы или догадывалась, что эту ночь они провели вместе. Светлана, до этого шушукавшаяся с Купчихой, участливо, с серьезным видом спросила:

– Тяжело с непривычки?

– Да. У нас такой техники нет.

Светлана подошла совсем близко и Радист едва сдержал себя от порыва взять её за руку.

– Что там дальше?

– Дальше – Первомайская. Там тоже наши – Партизаны. У них дела совсем плохи.

Минут через десять ходок из переднего дозора фонарем просигнализировал опасность. Все ходоки, а за ними уновцы, насторожились и приготовились к бою. Передние дозоры остановились. Основной обоз догнал их. В туннеле, у самой стены, на полу сидела девочка лет шести. Лицо у нее было в крови, девочка плакала и смотрела большими испуганными глазами на подошедших к ней. Рядом с девочкой лежал труп женщины. Лицо трупа было искромсано и то, что это – женщина, можно было определить лишь по одежде и телосложению. Девочка в своих рученках держала закоченевшую руку матери.

– Это же Майка, – сказал кто-то из ходоков.

– Да, точно Майка. А это мать её, кажется. Они беженцы из Америки. Она с матерью и двумя братьями с пол-года назад к нам бежали. Станные какие-то были, всё сами по себе, ни с кем не общались, кажется сектанты какие-то. И вот дня два назад, когда вы пришли на Тракторный, решила их мать обратно в Америку возвращаться и ушли всей семьёй. Мы их отговаривали, говорили, что куда им одним до Америки дойти, но те ни в какую – идем и всё. Дошли, мать твою...

– Так кто ж их так?

– А кто их ведаёт. Может диггеры, может бандюки, а может и змеи. Малая-то видишь какая перепуганная, вряд ли что у неё выяснишь. Братьев наверное то же поубивали, или в плен взяли, а может убежали... Хотя нет, вряд ли убежали.

Светлана тем временем подбежала к девочке, что-то ей ласково стала шептать, одновременно вытирая мокрой тряпкой кровь с лица.

– Девочка не ранена, это кровь матери или кого-то ещё..

Митяй сказал:

– Ребенка на Первомайской оставим. И труп там же, пусть мать Первомайцы хоронят, а нам дальше идти.

Обоз снова тронулся в путь. Произошедшее снова вернуло москвичей к жестокой действительности Муоса. Снова заставило задуматься, в каких невыносимых условиях существуют местные жители, и какие еще опасности ожидают их впереди.

Светлана совсем забыла о Радисте и о чем-то сюсюкалась с девочкой, то беря её на руки, то сажая на дрезину. При въезде на Первомайскую девочка, казалось, уже забыла о гибели своей матери, которая обвёрнутая в рогожу лежала поверх другой поклажи на одной из дрезин.

И без того неважное настроение отряда, совсем испортилось при виде Первомайской. Это была уникальная станция в Минском метро: здесь была не одна, а две платформы по обе стороны путей. Когда-то станция жила более-менее зажиточно. Близость к центру и другим Партизанам, развитое сельское хозяйство, торговля благоприятствовали расцвету станции. Но лет восемь назад начались нападения змеев и их верных спутников диггеров. Всё больше людей было задействовано на обороне станции. Всё больше гибло в схватках с врагами. Иногда сюда доходили и ленточники. Но самая страшная беда случилась около двух лет назад.

Один из жителей станции, пока все спали, перерезал внутренний дозор на станции и устроил пожар. Когда он поджигал соломенные, деревянные и матерчатые шатры, его заметили и застрелили, но возникший пожар потушить не удавалось. Треть жителей погибло в огне или получили сильные ожоги, от которых впоследствии умерли. Остальные убежали в туннели. Учув запах жаренного мяса пришли змеи и диггеры. В течении нескольких часов шел бой на станции. К этому времени подросла подмога с Пролетарской и диггеры со змеями отступили.

Что случилось с Партизаном, устроившим пожар, так и осталось загадкой: или он сошел с ума, или совершил сознательное предательство. Не хотелось верить ни в то ни в другое. Это был храбрый воин, который не один раз побежал в схватках с врагами и даже один не боялся идти в туннели. Его семья тоже погибла в пожаре.

Сейчас станция была похожа на маленький ад. Стены и потолок были закопчены, большую часть перронов занимали обгоревшие остовы палаток и хижин. На станции было грязно и неуютно. Только на одном из перронов стояли в один ряд убогие хижины, сложенные, главным образом, из обгоревших досок и металлических арматур. Многие же жители вообще не имели хижин и просто жили и спали на полу перрона. Людей здесь было человек двести, не больше.

Завидев приближающийся обоз, Первомайцы стали подыматься, подходить к путям. Они были все как один худы, с впалыми щеками и глазами и походили на Святых с древних православных икон. Они были одеты в лохмотья, но у каждого на правом рукаве виднелась яркая нашивка в виде большой красной цифры «1». На закопченной стене станции просматривался барельеф «ПЕРШАМАЙСКАЯ» *note 11*, который явно регулярно подкрашивался. Это алое слово на черной стене было как вызов беспросветной действительности.

Жители станции гордились своим названием и любили при случае пафосно сказать: «Первомайцы не отступают». Причиной этому было особое положение станции – она изначально являлась форпостом Партизанской конфедерации, и была вынуждена сдерживать нападения змеев, диггеров, ленточников, Американцев, да и нападки Центра. После пожара и свирепого набега червей и диггеров, Первомайская практически не имела никакой экономики. В целях обороны станции они были вынуждены отозвать людей из Верхнего Лагеря (кто еще был жив) и наглухо замуровать входы в Верхние помещения. Если раньше защита от набегов с Севера являлась одной из главных задач, то теперь это было единственным предназначением станции.

Жили они за счет незначительных поборов с обозов, шедших от Партизан в другие части метро и наоборот, да гуманитарной помощи с других Партизанских станций. К-стати, гуманитарная помощь носила скорее военный характер, т.к. Тракторный Завод и Пролетарская понимали, что если рухнет Первомайская, черви, диггеры и другие агрессоры будут у их станций. Учитывая отнюдь не роскошное положение Тракторного и Пролетарской, эта помощь не могла быть очень большой, и разве что удерживала Первомайцев от голодной смерти. В последнее время Первомайцы стали употреблять в пищу мясо змеев, которых им иногда удавалось убить в туннеле. В многотонной туше убитого червя была лишь сотня-другая килограмм вонючего, но пригодного к употреблению мяса, но и это было неплохим подкреплением рациона голодных Первомайцев.

Как только местные жители перепрофилировались на оборону, полуголодный народ создал военные традиции. Здесь превалировала совершенно необъяснимая гордость за то, что они родились и живут на Первомайской. Они воспринимали себя кем-то вроде казаков или самураев, верили в своё особое предназначение и наряду с православными традициями воспитывали в детях готовность в любой момент умереть за родную станцию.

У каждого воина, в число которых входили женщины и дети лет от десяти, были арбалеты и по два коротких меча. Увидев приближающийся обоз, они подняли мечи, взяли их лезвиями в руки, опустили рукоятками к полу. Очевидно, это было жестом миролюбия и доброжелательности.

Вперед вышла женщина неопределенного возраста, как оказалось командир местного отряда Партизан. Её нельзя было назвать красивой, но её черные глаза притягивали к себе взгляды мужчин. У женщины был рубец на щеке, хотя, как не странно, он не уродовал это мужественное лицо. Голова женщины была побрита налысо. Как и все она была худа, да и к тому же сутула. Но в её походке, жестах и голосе чувствовались энергия, сила и уверенность:

– Мы рады приветствовать наших братьев и сестер Партизан. Хранит Вас Бог в Вашем пути.

– Да ладно тебе, Анка, что ты в самом деле. Каждый раз одно и то же, – как всегда весело и смеясь прощebetала Купчиха, подымаясь на платформу. Лицо Анки смягчилось:

– Привет, Купчиха.. Давно не виделась, что-то редко заходить стали.

– Да что ходить-то, возить уже нечего... Да ты не бойся, Вам жрачки привезли, как обычно.

– Светлана, и ты тут? Иди сюда, красотка, обниму тебя, – Анка схватила в охапку Светлану и оторвала от земли.

Notel1

Бел.: «Первомайская»

– А что за хлопцы с Вами? Не видала таких раньше?

Светлана в двух словах рассказала о появлении москвичей и их миссии. Сначала недоверие, потом удивление, а потом восторг изобразились на лице Анки. Неожиданно громким голосом с торжественным пафосом она продекламировала на всю станцию:

– Первомайцы! К нам пришла помощь из далёкого города. Бог послал нам воинов добра из другого мира. Теперь мы вместе сразимся за свободу и единство Муоса! Мы изгоним змеев и прочую человеческую и нечеловеческую нечесть с нашей Родины. Ура!

Москвичи были обескуражены той ролью, которая им была приписана с лёгкой руки Анки. Дехтер хотел было что-то мягко заметить насчёт того, что планы их миссии не столь грандиозны, но в ответ на радостный клич Анки, сто глоток местных жителей в один голос заорали:

– Ура! Ура! Ура!

Первомайцы бросились встречать и обнимать уновцев и ходоков. К Радисту подбежало двое пацанят и стали тянуть его АКСУ, выясняя устройство этого странного арбалета.

С момента ухода с Пролетарской прошло всего часа четыре. Дехтер настаивал на том, чтобы продолжить путь. Однако Светлана попросила остаться. Она пыталась объяснить Дехтеру, что само их пребывание на каждой из станций приносит огромную пользу. Их отряд оставляет за собой шлейф эмоционального подъёма у местных жителей. Дехтер сначала пытался настоять на своем, но потом вспомнил слова Талаша и согласился.

Дехтер и Светлана были приглашены на военный совет Первомайцев. Судя по всему это была огромная честь для рожденных вне этой станции. Совет проходил в отдельном служебном помещении без какой-либо мебели. На стенах висели факела, по центру был нарисован белой краской круг. По контуру круга стали Анка и четыре старших дозоров (высшее командование Первомайцев). Смутившегося от этого ритуала Дехтера, Анка также пригласила к кругу. Светлане было позволено только стоять в стороне. Стоявшие в кругу взяли друг-друга за руки (Дехтера также схватили за руки) и стали в один голос повторять какую-то клятву или заклинание, суть которой сводилась к готовности каждого из них умереть за свободу и мир в Муосе. Затем Анка завершила: «Да поможет нам Бог» и начала совет.

– Мы, Первомайцы, со свойственной только нам доблестью стоим на страже мира и порядка в Муосе. Мы изо всех сил отражаем нападения змеев и диггеров, всё чаще вступаем в стычки с ленточниками, несколько раз истребляли разведотряды американцев и бэнээфовцев. Но наши воины гибнут изо дня в день, а напор с Севера и Востока становится все ожесточенней. Братья Партизаны помогают нам, чем могут, и мы признательным им за это. Но нас слишком мало. Мы готовы сражаться, до последнего воина, в число которых входят и дети. Но я не уверена, что нас хватит надолго...

Анка и все командиры посмотрели на Дехтера. Тот опять растерялся и не знал, что сказать. От него уже второй раз в этом метро просят помощи, на него смотрят, как на какого-то сказочного богатыря, который враз разгонит всех врагов. Но он всего лишь командир спецназа из далёкого Полиса. Всё волшебство, которым он обладает – это автомат Калашникова с двумя магазинами патронов, ну ещё пару гранат и штык-нож. Он не может ничего обещать этим людям..

На помощь пришла Светлана:

– Мужественные Первомайцы. Все Партизаны преклоняются перед Вашей доблестью и благодарны Вам за то великое дело, которое вы делаете, защищая северо-западные кордоны нашей ветви метро. Мы понимаем ваше желание победить всех врагов. Но, к-сожалению, это нельзя сделать силами только уновцев. Наши московские друзья, благородно пришедшие нам на помощь, являются не только и не столько боевым отрядом, сколько дружественной миссией. Их основная задача – наладить контакт между Москвой и Минском. Но даже сам факт их прибытия является Великим Знаком, посланным нам Богом. Я уверена, что это поспособствует объединению Муоса и нашей скорой Победе. И я не думаю, что лучше будет, если эта великая цель будет разменяна на сиюминутный выигрыш в сражении со

змеями или диггерами и даже ленточниками. Москвичи направляются в Центр – очевидно там имеются специалисты, создавшие радиопередатчик. Они наладят связь с Москвой и только после этого, возможно получив подкрепление, мы сможем выступить в Крестовый поход против всей нечисти, которая последнее время одерживает над нами верх.

Не смотря на оптимизм в словах Светланы, Анка была разочарована. Очевидно, эта минская амазонка рассчитывала уже в ближайшее время организовать победоносное наступление объединенных партизанско-уновских отрядов против своих врагов. Она слушала, стиснув зубы, и когда Светлана окончила, в помещении застыла тишина. Потом она медленно и устало проговорила:

– Мы преклоняемся перед мужественными москвичами, которые пришли в наше метро. Не смотря на то, что я не могу понять смысла вашей миссии, я клянусь, что Первомайцы будут оказывать вам помощь во всех ваших делах. И да хранит вас Бог.

После этих слов Партизанские командиры и Светлана перекрестились и направились к выходу. Дехтер тоже хотел идти, но Анка остановила его. Когда остальные удалились, Анка подошла к Дехтеру, мягко опустила руку на его голову и стала стягивать маску. Дехтер схватил её руки, но Анка настояла:

– Я предпочитаю разговаривать, видя лицо человека.

Она стащила маску, спокойно посмотрела на изуродованное лицо Дехтера, провела по своему рубцу на щеке и с теплой улыбкой сказала:

– Видишь, мы с тобой похожи.

Потом она протянула руку к лицу Дехтера. Он сделал шаг назад и хотел отвернуться, но Анка ступила за ним и все-таки провела влажной ладонью по шершавой щеке Дехтера. Затем она серьезно, не опуская руки, произнесла:

– Поклянись, солдат, передо мной и пред Богом. То, что сказала Светлана – это правда?

Дехтер словил себя на мысли, что его второй раз просят поклясться на верность этому народу. Но теперь он спокойно, уверенно и абсолютно искренне сказал:

– Да, Анка.

Анка пристально посмотрела в глаза Дехтера. В разучившихся плакать глазах появились слёзы. Она обняла и прижалась к мощной груди Дехтера и прошептала:

– Я верю тебе, солдат, не обмани меня.

К краю платформы уходивший отряд вышли провожать все Первомайцы, не задействованные в дозорах. Они были не так эмоциональны, как Пролетарцы. Но ощущалось, что приход москвичей принес и на эту Богом забытую станцию огонёк надежды. Анка не отходила от Дехтера. Сейчас она больше была похожа не на грозную атаманшу, а на обыкновенную женщину, провожающую на войну своего мужа. Дехтер в семистах километрах от своего дома неожиданно нашёл близкого человека. Они с Анкой провели в её хижине, сложенной из ржавых закопченных листов жести, несколько часов. Они не объяснялись в любви, не углублялись в сентиментальности и их близость не была бурной. Сложилось так, что они сразу стали семьёй, как будто провели десяти тысячную ночь в одном доме. И почему-то, ни Первомайцев, ни других Партизан, ни даже москвичей это не удивило. Дехтер ясно осознал для себя, что в Москву он уже никогда не вернётся. И он также ясно понял, что и в Муосе у него не будет счастья, а жить ему осталось совсем недолго. Но осознание этого совсем не испугало его. Он смело шёл навстречу своей судьбе, навстречу смерти. И у него на шее висел нательный крестик на толстой бечевке, который ему подарила его женщина – Анка. Он раньше никогда не верил в Бога, просто не задумывался об этом, посмеивался над разными сектантами и суеверцами. Сейчас же, после встречи Талаша и Анки присутствие Бога в его жизни для него стало очевидным.

Радист, наоборот, уходил с этой станции разочарованным. Он стыдился себе признаться в том, что с нетерпением ждал отбоя на станции. Он со Светланой занял свободное жилище. Но та притащила с собой Майку, да ещё уложила её между собой и Радистом. Вообще, с появлением Майки Радист стал чувствовать себя лишним для Светланы. Лишенная возможности иметь своих детей, Светлана нашла объект для излития

своего материнского инстинкта. Она ухаживала за девочкой, а та всеми силами отвечала ей на ласку. Если она и вспоминала о Радисте, то только за тем, чтобы он что-нибудь принес для Майки или в чем-нибудь помог им с Майкой.

Когда обоз собирался отходить, девочку хотели оставить на Первомайской, чтобы потом её вернуть на Пролетарскую или на Тракторный. Но она подняла крик и неожиданно начала рваться к Светлане, взхлёб плача и крича: «Мама! Мама!». Кто-то из Первомайцев пытался удержать девочку, но та искусала воину руки, вырвалась и повисла на руках Светланы. Светлана потребовала, чтобы девочку оставили ей. Ходоки начали отговаривать её, утверждая, что предстоящий переход очень опасен для девочки, но Светлана заявила, что Первомайская – не менее опасна, и что без девочки никуда не пойдёт. Светлане разрешили взять девочку, слишком она была важным человеком в их походе.

Вот и теперь Светлана на Радиста, который злобно и тяжело пыхтя крутил педали, она даже не глядела, а шла рядом с сидевшей на дрезине Майкой и о чём-то с ней ласково шепталась.

4. НЕЙТРАЛЫ

4.1.

Обоз миновал последний дозор Первомайцев. Со стороны Купаловской первомайцы выставляю целых три дозора. Не смотря на бедственное положение и нехватку людей на Первомайской в дозоры с этой стороны заступало по десять-пятнадцать человек сразу. Среди дозорных почти половина были женщины и дети. Каждый дозор охранял ворота из сваренных крест-накрест металлических прутьев в два пальца толщиной. Это – предосторожность от диггеров и змеев, нападавших со стороны Купаловской.

Метров через пятьдесят после третьего дозора Радистом овладел страх, вытеснивший из сознания все мысли. Причиной этому был звук, доносившийся с глубины туннеля: помесь тихого воя и громкого шепота. Кто-то из группы ходоков, ещё на Первомайской пытались объяснить, что они будут слышать странный звук, создаваемые сквозняками в множестве вырытых змеями нор. Ходоки предупреждали обращать на эти норы максимум внимания и не в коем случае к ним близко не подходить. Но Радист всё это пропустил мимо ушей.

По мере продвижения вперёд звук усиливался, он пронизывал насквозь, проникал в каждую клеточку тела. Страх распирал изнутри, казалось этот страх разорвёт тело на куски. Ощущение усиливалось запущенностью этого туннеля: здесь было сыро, текло с потолка, ноги погружались в грязь. На путях, шпалах и между ними валялся мусор, фрагменты обвалившегося потолка и стен. Периодически встречались дыры в стенах, полу, потолке туннеля. Это и были норы – отверстия диаметром в метр, из которых и исходил этот ужасный звук. Приблизившись к очередной дыре, ходоки окружали её, целясь из арбалетов, вслушиваясь и светя фонарями, пока остальной обоз стоял. Потом они давали знак и обоз двигался дальше. движение.

Минчане перегруппировались. Теперь они шли двумя большими группами: впереди и сзади велодрезин. Москвичи же крутили педали велодрезин, либо шли рядом с ними.

Тишину нарушил Ментал:

– Я чувствую опасность.

– Что? – Рахманов посмотрел на Ментала, передергивая затвор автомата. Все насторожились. Митяй, который знал от Дехтера о способностях Ментала, быстро приблизился к нему и спросил:

– Что ты чувствуешь?

– Это не люди... они могучи... они приближаются... их несколько... они агрессивны... они хотят нашей смерти... вернее они хотят нас съесть, – голос всегда невозмутимого Ментала дрожал.

– Змеи, змеи, – стали повторять минчане один за другим. Было видно, что даже они от этого слова близки к панике. Митяй спокойно, но громко скомандовал:

– Перезарядить оружие! Встретим их, как положено...

Тут же мусовцы достали из поклажи дрезин здоровенные банки с чёрными этикетками. Из колчанов извлекли необычные стрелы – с намотанными возле острия кусочками ветоши. Эти стрелы окунули в содержимое банок, а затем снарядили ими арбалеты. Острия мечей также окунули в банки.

Дехтер, спросил у Митяя, указывая на банки:

– Что это?

– Раствор цианидов, иначе змеев не убить.

Дехтер немедленно отщёлкнул рожок своего автомата, и окунул его, держа в перчатке антирадиационного костюма, в банку с цианидом, после чего пристегнул обратно к автомату. Некоторые москвичи сделали тоже самое.

Приближение змей уже было слышно. Шум и скрежет доносился из невидимых нор. Дрезины сомкнули вплотную. Москвичи и минчане напряженно ждали.

Сердце Радиста готово было вырваться из груди. Он отыскал глазами Светлану. Она с «Купчихой» забрались на дрезину и также держали наготове свои арбалеты. Свет фонарей туда не попадал и лица девушек были в тени. Но Радисту показалось, что они не боятся того, что неминуемо произойдёт. Между ними на дрезине сидела Майка. Радист ничего не мог сделать со своим страхом, дрожащей рукой он передернул затвор своего автомата.

Переднюю дрезину подбросило. Она подлетела к самому своду туннеля, разбрасывая груз, и упала в нескольких метрах впереди, придавив трех ходоков. На месте, где только что стояла дрезина, вздымался из отверстия в полу, упираясь в потолок, грязно-белый столб метровой толщины. Столб заканчивался утолщением. Утолщение раскрылось, словно цветочный бутон, развернувшись в огромную мерзкую пасть, утыканную сотнями кривых прозрачных зубов. С пасти стекала тягучая слизь. Всё это длилось не более секунды и вот уже змей молниеносным выпадом откусил голову с половиной туловища одному из бойцов. Нижняя часть того, что ещё недавно было человеком, некоторое время стояла, подергивая ногами, а потом упало.

Щёлкнули механизмы арбалетов, стали стрелять автоматы. Окровавленная пасть чудовища, только что проглотившая пол-человека, снова распахнулась, издав чудовищный вопль. С воплем из пасти вырвались брызги слизи, смешанной с кровью только что проглоченного человека. Монстр сделал рывок и из пасти выпали отгрызенные ноги следующей жертвы.

От дюжины арбалетных стрел голова монстра ошетилилась, словно еж, а пули наделали десятки отверстий, из которых сочился зловонный гной. Змей сделал третий замах, откусив отбегавшему уновцу бок.

Было видно, что сотни пронизавших тело животного пулевых ранений причиняют ему боль, но не лишают его сил. Змей снова издал вопль, снова замахнулся, но неожиданно замер и стал заваливаться – подействовал яд. Не ожидая, пока он упадет, минчане подбежали к змею и стали сечь его мечами.

– Господи, помилуй, – произнес кто-то из минчан и тут же человеческий крик нарушил тишину прервавшегося боя. Обернувшись назад, они увидели ещё одного монстра, который вздымался над последней велодрезиной. Во время стрельбы он неслышно подкрался сзади и уже сожрал двоих солдат. Это чудовище полностью выползло из норы в туннель и его задняя часть терялась в темноте. Пока минчане перезаряжали арбалеты, уновцы стреляли из автоматов и пулеметов, но это не убивало животное, а лишь делало длиннее паузы между его ударами. Огнеметчик направил горящую струю в пасть змея. Поджаренное чудовище издало вопль и в следующее мгновение разорвало в клочья огнеметчика. Дехтер выхватил у одного из растерявшихся бойцов гранатомет. Когда пасть снова открылась, он пустил гранату прямо туда. Голова чудовища лопнула, как упавший на пол арбуз. Жёлтый вонючий гной обрызгал тех, кто в этот момент был ближе всего к змею. Одного из минчан ранило осколками разорвавшейся гранаты.

Вдруг за клубами дыма от взрыва послышался рокот. Третий змей, в отличии от своих

сородичей, избрал другую тактику. Он не стал пожирать людей, а, свернувшись в клубок, всей своей двадцатиметровой тушей стал напирать, извиваясь кольцами. Тело чудовища совершало быстрый дикий завораживающий танец, ломая кости бойцов. Ходоки и уновцы беспорядочно стреляли. Редкие попадания причиняли змею только ранения. В неразберихе пули прямым попаданием и рикошетом поражали своих же. Вот уже змей приблизился к последней велодрезине. Хвост змея, вырвавшись из клубка, ударил, припечатав к стене двух ходоков.

Неожиданно Митяй в несколько шагов разбежался, запрыгнул на дрезину, пробежал по грузу ещё несколько шагов и прыгнул в гущу колец. Почти одновременно три проводника из числа Первомайцев с каким-то грозным кличем бросились к змею. У каждого в руках было по два коротких меча, которыми они крутили мельницу, от чего их руки и мечи слились в единое полупрозрачное облако. Когда мельницы из мечей и рук столкнулись с туловищем змея, полетели ошметки змеиного мяса и гноя. Проводников уже не видно – они скрылись в гуще колец. Размеренный танец змеиных колец сменился их судорожным дерганием, потом кольца упали. На голове змея лежал измученный Митяй, держась единственной рукой за рукоятку меча, всаженного по самый ограничитель в тело змея. Два храбрых Первомайца были раздавлены кольцами змея, один стонал, лежа под змеиным туловищем. Но они сделали своё дело – поражая тело животного они отвлекли его внимание на несколько секунд. За это время Митяй добрался до слабого места змея – к одному ему ведомой точке между черепом и позвоночником – и всадил туда свой меч, обильно смоченный ядом. Яд проник в нервный центр чудовища и убил его.

Наступила давящая тишина. Ужас Радиста сменил стыд. Он осознал, что из своего автомата так не разу и не выстрелил. Весь бой он тупо, как парализованный, стоял и смотрел, как гибнут его товарищи. Правда, этого никто не заметил – всем было не до Радиста.

Дехтер обратился к Менталу:

– Их было трое?

– Нет, четверо. Но одно уходит...

– Ну вот и всё, – Дехтер хотел присесть на край дрезины, но Ментал неожиданно сказал:

– Нет, не всё. Я чувствую людей... Много людей... Они тоже хотят нашей смерти... Они тоже хотят нас съесть...

Минчане зашумели:

– Диггеры, диггеры... Они идут по норам змеев...

Митяй и Дехтер почти одновременно крикнули:

– К бою!

Митяй скомандовал:

– Баррикады.

Партизаны быстро сбросили с дрезин груз, создав с обеих сторон импровизированные стены полутораметровой высоты, на всю ширину туннеля.

Воины обеих миров стали спинами к дрезинам. Некоторые, взобрались на дрезины. Радист сделал тоже самое и стал рядом со Светланой. Его колени тряслись. В свете фонарей в глубине туннеля с обеих сторон замелькали тени. В сторону дрезин упало несколько свертков, которые стали сильно дымить. В течении считанных секунд весь туннель вокруг дрезин затянуло дымом. Даже в свете фонарей было видно не дальше вытянутой руки. Дехтер надел прибор ночного видения и ужаснулся: десятки силуэтов, согнувшись, приближались с обеих сторон. Он тут же скомандовал:

– По туннелям, в рост человека – огонь!,- и сам стал стрелять со своего Калашникова.

Некоторые из приближавшихся дикарей попадали, остальные стали бросать в защитников ножи, топоры и дротики. Враги хорошо видели в темноте и попадали чаще, чем стрелявшие вслепую защитники баррикад. Несколько спецназовцев и Ходоков, пораженные примитивным оружием диггеров, упали замертво.

Диггеры неумолимо приближались. Дехтер понимал, что в ближнем бою шансов у

невидящих в темноте практически нет. Он скомандовал:

– Гранаты на сорок метров вперед. Всем – ложись.

Несколько ручных гранат полетели в обе стороны от дрезин, после чего прогремели взрывы. Дехтер снова посмотрел в прибор – десяток нападавших лежали замертво, или корчились на полу, но остальные неумолимо приближались. Теперь они стали вопить и улюлюкать. Патроны в рожках заканчивались, а перезаряжать уже было некогда. Ходоки выхватили мечи из ножен. Спецназовцы стали пристёгивать штык-ножи. Готовясь принять последний бой, Радист, перебарывая свой страх, прыгнул с дрезины. Пристёгивая непослушными руками штык-нож, он подошел к своим товарищам. Нападавших было раза в три больше, они видели в темноте. У тех, кто скрывался за баррикадами шансы были ничтожны.

Произошло чудо. Разрывы гранат или что-то другое усилило сквозняк в туннеле. Дым быстро рассеивался, и когда дигтеры приблизились вплотную, их в свете фонарей уже было хорошо видно.

Дигтеры с ходу наткнулись на плотную стену ходоков и спецназовцев, ошестившихся из-за баррикад штык-ножами и мечами. Дикари рушили баррикады, отважно махали булавами, топорами и копьями, но ходоки со спецназовцами были более обучены в рукопашной схватке.

Штабеля ящиков и свертков с грузом попадали – нападавшие и защищавшиеся уже топтались по ним. С одной стороны туннеля ходоки молча сомкнулись в неприступную стену рядом со своим командиром. Митяй мастерски вращал своим мечом в левой руке, отрубая головы и руки приближавшимся к баррикаде врагам.

С другой стороны Дехтер, войдя в боевой транс, совершал ката с автоматом, делая смертельные выпады прикладом, штыком, ногами и руками. Спецназовцы сгруппировались рядом с ним, закупорив туннель с этой стороны.

Кое-кто из ходоков и спецназовцев, взобравшись на дрезины и поваленные выступы баррикад, вел прицельный огонь по задним рядам наступающих.

Радист, чтобы заглушить страх и стыд, хоть как-то искупить свою трусость в бою со змеями, попытался стать в строй рядом со своими товарищами. Он оказался у самой стены. Прикрывавший его справа спецназовец упал, пронзенный дротиком. Чтоб не быть окруженным, Радист стал отступать назад, споткнулся о ящик и упал, перекувыркнувшись через него. Сразу несколько диггеров бросились к Радисту. Худой и совершенно голый, раскрашенный красной краской, с диким аскалом диггер уже замахивался дубиной, но Радист воткнул ему прямо в пах штык-нож своего короткого автомата. Диггер завыл, топор из его рук выпал и больно ударил обухом о плече Радиста. Он пытался выдернуть автомат, но штык-нож намертво застрял в костях таза врага, а руки не слушались. Грубо оттолкнув своего вопящего товарища, второй диггер с дротиком шагнул к Радисту. Он нанес удар дротиком в грудь Радиста, но тот лишь клацнул о пластину бронежилета. Диггер снова занес дротик. Радист зажмурился, застыв от ожидания боли и смерти.

Не смерти не боли не было. Когда Радист снова открыл глаза, увидел бешенные глаза диггера, склонившегося над ним. Дротика у него уже не было, он хватал окровавленными руками свой живот, из которого торчала арбалетная стрела. Радист машинально обернулся и увидел Светлану с разряженным арбалетом в руке. Он в темноте не видел, куда она смотрит, но понял, что этот выстрел был её. Тут же Светлана стала перезаряжать арбалет, а он пополз на карачках в сторону дрезин.

Стали стрелять автоматы – видимо некоторые спецназовцы успели их перезарядить, диггеры отступили.

В бою со змеями и диггерами погибло восемь спецназовцев и двенадцать ходоков. Четверо были тяжело ранены – возле них хлопотал Лекарь. Разбросанный груз заботливо погрузили обратно на дрезины. Общими силами отодвинули тело змея, завалившего спереди проход в туннеле. Ноги погружались в жижу из грязи, смешанной со змеиным гноем и человеческой кровью. Омерзительная вонь стояла на месте недавнего боя. Но её никто не

замечал. Все были слишком измучены боем и находились под тяжелым впечатлением от происшедшего.

В туннеле валялось три десятка диггеров. Некоторые были ещё живы, что-то по своему вопили, стонали, плакали. Комиссар подошел, направил пистолет в одного из них, но Митяй спокойно сказал:

– Оставь! Его свои убьют. Съедят или отдадут на съедение змеям.

Дехтер кивнул на змея:

– А с этим что?

– Его съедят другие змеи. Ничего здесь не останется.

– А нас не съедят?

– Не сегодня. Сегодня мы выиграли тяжелый бой – нас боятся... Но потом они снова соберут силы и будут снова нападать.

Трупы и раненных загрузили на телеги, прямо поверх груза. Когда были готовы двинуться дальше, Митяй подошел к Дехтеру и, как всегда, без эмоций сказал:

– Это был славный бой. Твои люди – хорошие воины. Ты – хороший командир. Вы – настоящие ходоки.

Дехтер понял, что от немногословного Митяя он услышал самую высшую похвалу и искренне ответил:

– Твои люди – отличные бойцы. Я не встречал такого храброго солдата, как ты. Вы – настоящие спецназовцы.

Два командира повернули в сторону Купаловской и продолжили путь. Обоз пошел за ними. Сегодня этот туннель принадлежал им. Они знали, что до конца туннеля на них уже никто не нападет.

4.2.

Москвичи увидели бронедрезину. Это была переоборудованная дрезина, обшитая стальными листами и с навешенной спереди бронёй. Кабина дрезины имела несколько узких бойниц, из которых на подходивший отряд выглядывали острия стрел заряженных арбалетов, а из центральной бойницы – дуло пулемета. Довольно мощный прожектор светил в глаза уновцам и ходокам. На крыше дрезины оборудован металлический бруствер, почти под самый потолок туннеля. Бронедрезина закупоривала собой практически весь туннель и служила для отражения атак змеев и диггеров. С бронедрезины в сторону туннеля под разными углами торчали заточенные штыри. Многие из штырей были погнуты. Большинство штырей, а местами и броня, были покрыты желтым налётом – засохшим гноем змеев, когда-то атаковавших дрезину. Топливо для бронедрезины давно закончилось, и теперь жители Нейтральной при необходимости передвинуть дрезину на другое место, толкали её вручную. В задней части бронедрезины установлены три противооткатных упора и поэтому даже змеи не могли её сдвинуть с места.

За бруствером стояло несколько мужиков с серыми повязками на левых руках. Мужики держали арбалеты.

Купчиха обратилась к командиру дозора Нейтралов:

– Голова, чё ты своих не узнаёшь?

Голова, смачно сплюнув, сказал:

– Да ты я узнаю, Купчиха. Хотя какая ты мне своя? Ты ж не дала мне не разу?

Другие нейтралы заржали глупой и пошлой шутке, а Голова между тем продолжал:

– Ну то и ладно, хрен с тобой, можешь мне не давать, оброк заплатишь и дуй себе дальше. А вот эти рыла что-то мне не знакомы, – под «этими» Голова имел в виду уновцев.

Выступила Светлана:

– Голова, пропускай, ты, что не слышал, как нам досталось в туннеле?

– В том-то и дело, что со слухом у меня всё о-о-очень хорошо. Слышал я и автоматную пальбу и взрывы. Да и на зрение я отродясь не жаловался – вижу, у друзей твоих новых,

оружие какое-то странное, и одеты они по-интере-е-е-есному. Ты Купчиха с Ходоками проходи. А вы, хлопчики, возвращайтесь.

– Да ты что? У нас же раненные. Да и погибших похоронить по-людски надо.

– Раненных и у нас хватает. Ну дело не в том. Что ж я ни человек? Раненных так и быть, пропущу, да и мёртвых ввозите. А вот эти, пусть дуют, откуда пришли. Я не пропущу их на станцию. Сама Конвенцию знаешь, устав станции запрещает пропускать чужаков. А уж эти – точно не Партизаны, а других членов Конвенции я в вашей стороне не знаю.

Светлана, еле сдерживая себя, максимально вежливо пыталась убедить командира Нейтралов:

– Да причем тут Конвенция? Эти люди не из Муоса, из другого метро – из Москвы. Они пришли к нам на помощь. Они помогут нам победить ленточников и змеев.

– Ах из Мо-о-о-сквы-ы-ы-ы? Были тут у нас уже одни помощники-освободители из Америки, знаешь, чем всё закончилось. Тем более этих не пропущу.

Дехтер положил руку на цевье своего автомата, перекинутого за спину. Для других спенцазовцев это было знаком: «Готовься к бою». Вроде бы ничего не изменилось, никто не пошевелился. Но только Дехтер подаст знак – и начнётся бой. Каким-то образом взвинченность уновцев передалась и ходокам – каждый из них как-то невзначай перехватил рукоятку арбалета. Исход боя был не ясен, но отступать не ходоки не спецназовцы не собирались. Между тем Купчиха продолжала несколько театрально завывать:

– Да что-о-о ты за чу-у-учело такое? Аль креста на тебе-е-е нет? Зажрался ты не-е-ейтрал пога-а-аний. Нам что возвращаться и сдо-о-охнуть в туннеле том? А ты, мо-о-о-орда, пойдёшь и обоз наш сожрешь?

Эти невинные слова, совершенно непонятным образом задели Голову. Он, брызгая слюной, не то со злобой, не то с обидой начал, заикаясь, кричать на весь туннель:

– Да что ты ссыкуха трындишь такое? Это на мне-то креста нет? Кто жопы ваши партизанские от ленточников прикрывает? Кто, бля, от эпидемий тут дохнет, пока вы там бульбу со шкварками жрёте? Да ты, сучка, знаешь, что у нас в том году половину детей от кровянки по-повымерло?. Да ты знаешь, что урожай наш на поверхности ползуны сожрали? Тебя волнует, что мы жрать до весны будем? Ты слышала, что мы уже с поверхности траву радиоактивную носим, чтоб свиней наших кормить? А потом сами с голодухи этих свиней радиоактивных жрать будем? У тебя, заразы недоделанной, дети есть-то? Так вот знай у меня были – трое, осталась одна дочурка и та в лазарете лежит, от цинги и рахита доходит. А ты, бля, мне тут укоры вставляешь. И эти пидоры, что с тобой невесть откуда приперлись, тебе поддакивают и думают, как станцию нашу бедолажную со света свести.

Купчиха сделала шаг вперед и уже было открыла рот, чтобы продолжить спор и привести более едкие и весомые аргументы, но Светлана, положив ей руку на плече, обратилась к Голове со словами, которые Дехтеру показались уже знакомыми:

– Атаман! Сообщество Партизан с высоким уважением относится к Вашей миссии. Нам известна та роль, которую Вы играете в нашем метро. Но мы сюда пришли сегодня не с простым коммеческим обозом. Впервые за много лет у всех членов Конвенции появилась надежда. Мы действительно нашли друзей из другого мира – из Московского метро. Они проделали долгий путь, чтоб помочь нам, и я уверена, что они помогут нам справиться с нашими общими врагами. Мы должны пройти через Вашу станцию или боковыми туннелями в Центр. Мы может пойти боковыми туннелями, хотя шансов дойти у нас будет меньше и Вам это облегчения не принесет. Нам лучше пройти через вашу станцию. И в качестве компенсации того урона, который мы можем принести своим проходом, просим вас принять тройную плату за проход.

При этих словах Купчиха встрепенулась и явно собиралась что-то возразить, но Светлана крепко сжала ей плече.

Атаман Нейтральной некоторое время молча стоял, а потом подошел к краю бруствера, спустился по металлической лестнице и крикнул:

– Освободить проход!

Нейтралы начали спускаться и выходить из дверей дрезины – их было человек двенадцать. Атаман обратился к гостям:

– А вы чё стоите, как на поминках, налегай!.

Всей толпой, хватаясь за металлические штыри и специальные выдвижные поручни, москвичи, ходоки и нейтралы начали откатывать тяжелую бронедрезину в сторону Нейтральной. Противоупоры предварительно у бронедрезины были убраны, но и при этом толкать ее было не просто. Очевидно, броня дрезины была не тоньше пятнадцати сантиметров. В двадцати метрах от места стоянки дрезины был выдолбан в породе специальный боковой тоннель длиной метров в двадцать. По уложенной в этот тоннель ветке рельсов оттолкали дрезину, чем освободили проход в туннеле. Пока мужики толкали дрезину, Купчиха громким злобным шёпотом спросила у Светланы:

– Ты одурела, баба? Трёхкратную пошлину? Да это ж целая дрезинища с грузом – треть того, что мы везем!

– Если мы пойдём боковыми ходами, мы вряд ли доведём даже свои задницы.

Купчиха что-то недовольно пробубнела, но спорить не стала.

Когда грузовые дрезины прокатили в образовавшийся проход в туннеле, бронедрезину откатали обратно, установили противооткатные упоры.

Купчиха невесело обернулась и насмешливо крикнула Голове:

– Бувай, дружок!

– Тебе того же Купчиха. Не забывай, что обещали насчет тройной платы.

Вошли на Нейтральную. Станция представляла собой подземный полуразрушенный форт. Когда-то станция называлась Купаловской. Она была передовой в битвах между Востоком, Партизанами, Центром, Америкой. Станция переходила из рук в руки и каждая новая власть пыталась создать её неприступной крепостью. После подписания Конвенции между враждующими, станцию из «Купаловской» переименовали в «Нейтральную». По условиям Конвенции эта станция не принадлежала не одной из сторон и являлась буферной зоной с целью предотвращения стычек и войн между Америкой, Партизанами и Центром.

Но вскоре у членов Конвенции появились новые враги – змеи, диггеры, ползуны, ленточники, отодвинувшие бывшие противоречия на задний план. Станция снова стала передовой борьбы с внешними врагами. На Нейтральной жили выходцы со всех станций подземки. В зависимости от происхождения они объединились в кланы. Кланов враждовали друг с другом, по-прежнему деля себя на американцев, партизан и центровиков. Но для внешних они называли себя Нейтралами и гордились этим. Знаменем станции являлся кусок серого полотна. Каждый Нейтрал обязан был носить серую повязку. Серый цвет – не белый и не черный и не цветной – символизировал нейтральность станции.

В соответствии с Конвенцией, каждый, кому удавалось сбежать на Нейтральную, становился гражданином данной станции. Но возврат на родину для него уже был заказан. Поэтому на станции собрались, главным образом, изгои: мутанты, преступники, повстанцы со всех уголков минского метро.

На станции разводили кур и свиней, которых кормили слизнями. Слизней, в свою очередь, разводили и собирали в туннелях, а также в норах, вырытых самими нейтралами или прорытых змеями. Ежедневно группы нейтралов уходили в норы для сбора слизней, рискуя встретиться со змеями, диггерами или даже ленточниками – и далеко не каждый день они возвращались в полном составе. Но станция жила, став межой на границе, не давала вчерашним врагам снова схлестнуться в безумной схватке. И благодаря системе укреплений кое-как отражала набеги новых врагов.

Радисту никогда не приходилось видеть такой станции. Въезд на станцию был закрыт тяжёлыми металлическими, изрядно потрёпанными ржавыми воротами с тремя рядами бойниц. Ворота разводили в стороны несколько десятков человек. Строения на станции были похожи на термитники: около сотни дотов с амбразурами вместо окон, беспорядочно громоздились друг на друга и уходили под самый потолок. Доты были построены в разное время и по разным технологиям: из кирпича, бетона, глины и ещё чего-то непонятного.

Большую часть времени они служили жильём для населения, но при набегах врагов, каждый такой дом становился крепостью для его жильцов. К дотам вели шаткие лестницы, которые легко убирались в случае необходимости.

Следы былых боёв были видны повсюду: как минимум два мощных взрыва в своё время разрушили четверть строений. Многие доты имели пробоины. Повсюду на стенах виднелись выщерблины, оставшиеся от пуль ещё со времен, когда в метро было в ходу огнестрельное оружие. Доты и стены имели обширные следы закопчения – кто-то когда-то пытался выжечь защитников станции огнем.

С Нейтральной шёл туннельный переход к станции Октябрьской – Московской линии минского метро. Имелся ещё один переход – через общее для двух станций фойе. Кроме того, от станции в разные стороны расходилась целая система нор, которые также приходилось охранять от непрошенных гостей. Короче говоря, станция была в смертельном кольце и буквально дышала постоянной опасностью.

Жильцы Нейтральной представляли собой воплощение агрессивности и независимости: мужчины и женщины носили грубо сшитые кожаные комбинезоны, с неизменными серыми повязками на руках и были увешаны холодным оружием.

Делегацию с Партизанской стороны здесь встретили недружелюбно. Видимо так здесь встречали всех чужаков.

Лекарь и другие бойцы занялись ранеными. Радист вызвался помочь. Гадкое осознание своей трусости и никчемности, проявленной в переходе, не оставляло его. Ему хотелось отвлечься хоть чем-то и поэтому он помогал Лекарю. Раненных перенесли в лазарет – большую нору, почти пещеру, вырытую в твердой породе одной из стен станции. Раненных и больных здесь не жаловали. Раз ранен – значит сам виноват; умрешь – туда тебе и дорога.

Медицинским обслуживанием всего населения станции в триста человек занимался один врач, сбежавший от властей Центра. Сейчас он имел кличку Мясник, а раньше носил гордое имя Виктор и имел третий уровень значимости. Он был искусным хирургом в клинике Центра и делал сложные операции. Он был единственным, кто делал операции по пересадке органов. Причем половину пациентов после этих операций выживали. В отсутствии сложного оборудования, это было настоящим чудом. Но, как часто бывает, талант у него сочетался с пороками. Врач очень любил роскошь и не всегда делал операции бескорыстно. Вернее, гражданин Центра не мог рассчитывать даже попасть на прием к Виктору, не отдав половины своего годового содержания. Это знали многие, но Виктору это прощалось, тем более что со специалистов 1-2 уровней он мзду не брал. Прощалось ему и то, что для пересадки им использовались не только органы трагически погибших граждан Центра. Часто разбирали на органы живых мутантов. Мутанты в Центре имели чуть больше прав, чем животные.

Но однажды следователь Центра заинтересовался серией странных смертей в терапевтическом отделении клиники и заметил, что эти смерти стали случаться как-раз после того, как с заведующей данным отделением стал сожительствовать Виктор. Трупы только что умерших пациентов терапии тут же отвозили в хирургию, где их органы разбирались и использовались для операций. При попытке удушения очередного пациента терапии оба сожителя-врача были задержаны. Как минимум семнадцать смертей не мутантов, а обычных людей с уровнем значимости от шестого до четвертого, было на совести хирурга. Так он пытался восполнить всё растущую потребность в органах для пересадки. Когда Виктор уже находился под стражей, его бывшие коллеги наперебой давали в отношении него показания. Выяснилось, что талантливый хирург не только без разбору потрошил пациентов, но и совокуплялся с ними как до, так и после умерщвления. Причём не брезговал он и мутантами обоих полов. Сожителям грозило изгнание на поверхность и мучительная смерть.

Но несколько спасённых врачом пациентов, а также родителей спасённых детей, искренне веря, что обвинения в отношении него являются ложными, устроили заговор. Они подстроили побег и вывели Виктора из тюремного бункера, а затем за пределы Центра. Так он оказался на Нейтральной, где уже знали о его «проделках». Но по своим Законам

Нейтральная принимала всех, не зависимо от того, кем они были в прошлой жизни. Лишь бы ты соблюдал эти самые нехитрые законы Нейтральной. И Виктор принял эти законы. В напоминание о содеянном осталась лишь кличка – Мясник.

Помощником Мясника была выученная им же санитарка Остапа – девушка-мутант с полутораметровым щупальцем вместо правой руки. Она же была женой Мясника.

Быстро осматривая раненных, Мясник равнодушно и резко высказывался, не заботясь о том, слышат ли его пациенты:

– Этот через неделю на своих ногах свалит из лазарета.

– Этому руку по локоть... нет по плечё обрубим.. Да не с-с-сы, без руки – не без члена... ха-ха..

– Этого удушите, чтоб не мучался. Всё-равно завтра к слизням отнесём..

Когда тяжело раненный боец вытаращил глаза на циничного врача, а его друзья что-то возражали, Мясник злобно опередил:

– Чё сопли распускаете? Я говорю, как есть. Все мы сдохнем рано или поздно. У меня вот в лазарете дюжина детей с кровянкой, все они знают, что концы отдадут и то не плачут.

Тут Радист посмотрел в дальний угол лазарета. Единственная тусклая лампочка не давала достаточно света в пещеру и поэтому он сразу не рассмотрел, что там кто-то есть. Пять-шесть девочек и столько же мальчиков в возрасте от трех до двенадцати лет, сбившись в кучу, лежали на голой земле. Чудовищный вирус, созданный в секретных лабораториях и мутировавший в результате радиации, захватывал клетки крови, меняя их генетику. Клетки крови становились самостоятельными хищными одноклеточными животными внутри человеческого организма. Они пожирали стенки сосудов и дальше весь организм. Дети умирали в медленной и мучительной агонии. Кровь у них текла отовсюду: с глаз, ушей, носа. Она проступала на лбу, щеках, шее. С вытаращенными кровоточащими глазами, вымазанные в кровь, они были похожи на демонов из самых страшных фантазий.

Радист, испугавшись увиденного, отшатнулся. Мясник, не правильно восприняв реакцию Радиста, усмехнулся и сказал:

– Да не ссы. Вирус только детей поражает, к взрослым не передаётся... Пока не передается... ха-ха-ха... Но если мутирует, то кто знает...

Видя, что на посетителей увиденное произвело страшное впечатление, Мясник с явным удовольствием добавил:

– Вот-вот и я говорю Атаману. Чего детям мучаться – давай всех тихонько умертвим. Так нет же – гуманист хренов... Надеется, что кто-нибудь выживет ... Ладно, посторонние, проваливайте... Остапа, давай этому молодцу анестезию.

Остапа, неожиданно сильно обвила щупальцем запястье одного из бойцов, и стала делать инъекцию мутного опийного экстракта – наркотика, сделанного из мака, выращенного на партизанских плантациях. Боец придурковато заулыбался, закрыл глаза и обмяк. Мясник тем временем пережал жгутом покалеченную ногу бойца, подтянул к себе столик с простейшим хирургическим инструментом и пилой, готовясь приступить к процедуре ампутации, не обращая никакого внимания на своих недавних слушателей. Радист не мог больше находится в лазарете и быстро вышел вместе с другими спецназовцами.

Погибших в битве с змеями и диггерами бойцов похоронили в одной из отведённых под кладбище нор. К захоронению на их территории трупов нейтралы отнеслись очень положительно. Как оказалось, слизни хорошо росли, пожирая человеческую плоть.

Никто из партизан не хотел оставаться в лагере Нейтралов. Официального запрета на это не было, но существовало негласное правило, по которому вооруженные отряды членов Конвенции не задерживались в этом лагере. Да и сам анархический лагерь был очень не приветлив. Однако после боя в туннеле между Нейтральной и Пролетарской все очень устали. Было решено дать людям часов десять отдыха. Негостеприимные нейтралы выделили для гостей несколько нор и разваленных дотов. Бойцы выпив по грамм сто спирта, оставшегося в флягах, тут же завалились спать. Дехтер, Рахманов, Светлана и Комиссар пошли на традиционную встречу с местным вождем – Атаманом.

Не смотря на то, что Атаман хмурился, было видно, что он доволен выторгованной трехкраткой мзде за проезд. Он без особого интереса выслушал рассказ о передатчике и обстоятельствах прилета москвичей. На вопрос Рахманова равнодушно ответил, что на Нейтральной никогда не было передатчика. Вяло поинтересовался, когда и куда они собираются направляться дальше.

Светлана, по привычке, начала воодушевленно рассказывать о том, что приезд москвичей и поиск передатчика – это не рядовое событие. Что это позволит объединиться членам Конвенции весь Муос, объединиться с Московским метро и победить врагов. Атаман скептически ответил вроде «поживём-увидим». После чего перебил Светлану, неожиданно спросив:

- Вы кудой в Центр-то идти собираетесь?
- Как кудой? Как обычно, через Большой Проход.
- Не советую...
- Это почему ж?
- Что-то нехорошее творится там... Думаем сюда Шатун приполз...
- Как Шатун? Они ж по поверхности ползают только...
- По чём выводы такие делаешь? А сколько их живых осталось – с Шатуном-то повстречавшихся, чтобы нам про них рассказать?
- И давно это?
- Уже месяца три как плохо там.
- Да что ты выдумаешь? Мы ж полтора месяца тому проходили – всё нормально было?
- Ну тогда это только начиналось.. Мы даже внимания не обратили сначала, думали так, сама по себе крыша у людей едет, от житухи нашей невесёлой. И вот месяца два назад трое пошли на Октябрьскую. Большим Проходом – как раз перед Вами пошли. Должны были на следующий день вернуться. Не вернулись. Через пару дней к нам обоз с Октябрьской пришел. Спрашиваем у них, не приходили ли наши. Говорят – нет, не приходили. И трупов и одежды их тоже в Проходе никто не видел. Как сквозь землю провалились. Мы уже их и между собой и схоронили. Через месяц вдруг приходят те трое – обросшие, одичавшие, какую-то чушь несут. И самое странное: они уверены, что двадцать минут в туннеле провели...

Потом целый обоз с Центра к нам шел. Вышло пятнадцать человек с одной дрезиной – пришло семеро. Мы сначала внимания не обратили, вернее удивились сначала – почему так мало с обозом идут, ели педали крутят. Центровики вроде ведут себя как обычно, что-то рассказывают, торгуются, смеются. Но как только начинаем их спрашивать, чего их так мало с обозом отправили, нервничать, трястись начинают, кричать: «Мы семеро выходили – семеро выходили!». Ну мы их не трогаем, обменялись с ними товарами, они ушли, значит... А через неделю к нам отряд военный из Центра нагрянул со следователем ихним. Говорят, что их пятнадцать отправлялось и даже с Октябрьской пятнадцать в Большой проход вошло, а семеро пришли только. Что с остальными восьмью стало – Бог один знает.

– Было ещё пару всяких нехороших ситуаций. А последние две недели вообще с Октябрьской через Большой Проход не одного обоза не было. И наши боятся идти тудой. Короче я бы рекомендовал через фойе идти – там ползуны, но их хоть убить можно...

Митяй прервал Голову:

– Нет, через фойе мы не пойдём. Там дрезины тяжело протащить. Хватит, что ты одну дрезину выдурил, хотя б те две дотащить до Центра..

– Дело ваше, я предупредил..

Радиста охватило отчаяние. Он растерянно зашёл в самый далёкий конец Нейтральной, вошёл в одну из вырытых нор. Он обратил внимание, что в этой части доты нейтралов наиболее разрушены и охрана возле ворот туннеля была усиленной. Он прошел мимо охраны; они посмотрели на него с любопытством, узнали в нём пришлого, но препятствовать ему не стали. Им было всё-равно, что с ним случится. Радисту было тоже наплевать. Здесь была вырыта нора метров полутора в диаметре. Радист шагнул во мрак, прошёл, согнувшись,

метров десять и сел на сырой грунт норы, вытянув ноги. Видно где-то рядом ползали слизи, которых выращивали нейтралы. Ему было плевать.

В Московском метро, после гибели матери, он всегда чувствовал себя одиноким. Его не любили и игнорировали. Он к этому привык. Он всегда пребывал в несколько туповатом состоянии, когда день был похож на день, когда у него ничего не случилось ни хорошего ни плохого. Он рассчитывал, что миссия по налаживанию контактов с минским метро принесет ему чувство самоуважение, внесет некий экстрим в его жизнь. На самом деле все оказалось еще хуже: от увиденных ужасов этой агонизирующей части человечества, на душе становилось тошно. В голове проносились лица и картинки: несчастная Катя с Тракторного, девушка, которая не хотела уходить в Верхний лагерь, Первомайцы, змеи, дети из лазарета. Себя он чувствовал еще более ничтожным, особенно после трусости в битве со змеями и диггерами. В Муосе он тоже никому не нужен: даже Светлане, которая уже нашла себе новую игрушку сиротку Майку. Мысли о самоубийстве у него не возникало, но он уже жалел, что его не проглотили змеи или не раздолбал голову диггер во время боя. Погрузится в вечный мрак для него было бы таким избавлением. Он почти надеялся, что сейчас из глубины норы к нему кинутся диггеры либо змеи и утащат его...

– Игорь? Ты здесь?

Это был голос Светланы. Зачем она пришла?

– Уходи...

– Без тебя не уйду. Ты, дурачек, знаешь, что в норы по одному никто не ходит. Это смертельно опасно.

– Мне плевать.

– А мне нет.

– Ты с Майкой?

– Нет, что ты. Я её с Купчихой оставила. А ты что, меня к ребенку приревновал?

– С чего бы?

– Игорь. У меня нет и не будет детей. Я эту девочку хочу оставить себе. Мне кажется она меня уже считает своей мамой и я люблю этого ребёнка. Ты же знаешь, мне мало осталось до перехода в Верхний лагерь.

– Светлана, оставь меня.

– И не надейся... Я иду к тебе.

Светлана шла наощупь. Её выставленные вперед руки наткнулись на голову Радиста. Нежные ладони взъерошили его волосы, опустили и легли на щеки.

– Ты плачешь?

Радист и сам не заметил, что по щекам у него текут слёзы. Опять он облажался. Какой же он сопляк! Она должна его презирать. Но Светлана, неожиданно села ему на колени и стала целовать его щеки, шепча:

– Господи, какой же ты необыкновенный! Мне казалось, что в этом мире мужики разучились плакать! Каждый думает о том, как ему выжить, и перестал сострадать другим! А ты... Мне тебя послал Бог. Думаешь я не знаю, почему ты плачешь... Игорь, Радист ты мой милый, как же я тебя люблю...

В этом чудовищном мире, в этом мертвом городе и умирающем метро, в этой кишасей слизнями норе, эта женщина из чужого мира, своими словами, руками и телом возвращала Радиста к жизни...

Радист неожиданно решил для себя, что он в этом мире уже не один. Он не был сентиментален. Слово «любовь» он слышал лишь от старшеклассниц в Полисе, зачитывавшихся романами, принесёнными из Великой Библиотеки. Он не понимал этого тогда и не мог дать определение этому сейчас. Просто для себя он решил, что его жизнь разделилась на две половины: «до» и «после» встречи с этой девушкой. И что третьей половины быть не может. Он уже не представлял себе жизнь без неё. Он не мог воспрепятствовать неизбежному уходу Светланы в Верхний лагерь. Ведь он не был командиром, даже не был хорошим бойцом, и отнюдь не чувствовал себя

«необыкновенным». Просто он мог и он должен был найти или сделать этот грёбаный передатчик и, может быть, жизнь в этом метро станет лучше. А быть может, каким-то невиданным образом, это продлит дни Светланы или хотя бы сделает её последние дни более счастливыми. А пока это не случится, он будет вместе с ней, благодаря того Бога, в которого верит Светлана, за каждый новый день.

4.3.

Они подошли к Большому Проходу. Когда-то это был пешеходный туннель длиной всего метров в сто пятьдесят, соединявший станции Купаловскую (ныне Нейтральную) и Октябрьскую – пересадочные станции соответственно Автозаводской и Московской линий Минского метро.

После Последней Мировой, Большой Проход служил основной артерией, соединявшей две линии метро и поэтому для удобства движения дрезин, здесь проложили рельсы, снятые в туннелях. Кроме того, туннель расширили вширь и ввысь, разобрав мраморную облицовку. Для перевода дрезин с рельс линий метро на рельсы Большого Прохода служила сложная система подъёмников, составленная из подвесных блоков и рычагов, приводившаяся в действие десятками людей.

Когда-то здесь был убит последний Президент Республики Беларусь.

Во время подземной войны в Большом Проходе проходили ожесточенные бои между Америкой, Центром и Партизанами. После подписания Конвенции Большой Проход стал мирным торговым путем.

Две дрезины уже стояли на рельсах Большого Прохода. Когда-то с платформы Купаловской туда вели ступени. Теперь здесь ступеней не было, а шел плавный спуск, устланный щебнем и битым мрамором. В конце спуска установлены металлические ворота. Нейтралы, не смотря на свою показную независимость и враждебность к чужакам, всё-таки проводжали отряд: кто подошёл к воротам в Большой Проход, кто просто выглядывал из окон-амбразур своих домов-дотов. Атаман подошел к Светлане и тихо, видимо, чтобы не слышали свои, сказал:

– Если у вас что-нибудь будет получаться, я постараюсь нейтралов убедить выступить вместе с вами.

Светлана с нескрываемой насмешкой ответила:

– Очень смелое заявление, Голова. Но всё-равно спасибо.

– Вы там поосторожней в Проходе.

Атаман повернулся к Купчихе, которая по-прежнему хмурилась, не желая простить ему его вымогательство, и также тихо сказал:

– Нам тоже надо как-то жить, Купчиха, пойми.

А потом, не дождавшись едкого ответа Купчихи, обернулся к дозору и крикнул:

– Открывай ворота..

Дозорные раздвинули массивные ворота, и отряд пошел вперёд. Как только вторая дрезина прошла уровень ворот, ворота поспешно и с грохотом захлопнулись.

В метро всегда есть какие-то звуки: сквозняка, падающих капель воды, грызунов, гул труб, ближайших станций... В Большом Проходе не было совсем никаких звуков. Даже со стороны Нейтральной не было слышно абсолютно ничего, как будто она расположена не в десяти метрах за спиной, а за сотни километров. Вопреки всем законам физики, лучи фонарей светили только метров на десять-пятнадцать вперёд. Дальше был мрак. Не верилось, что этот туннель – чуть длиннее спринтерской стометровки. Парадоксальная акустика данного туннеля не позволяла слышать даже своё дыхание.

Как крик сквозь подушку, послышалась команда Дехтера:

– Держаться всем вместе, не расходиться.

Ему возразил таким же приглушенным криком Ментал:

– Вместе нельзя. Надо цепочкой, держась друг за друга.

Ментал и Дехтер стояли на расстоянии пяти шагов друг от друга и кричали до боли в глотке. Но их слова долетали как-будто из далека.

Дехтер решив, что в части непонятных явлений лучше прислушаться мнения Ментала, скомандовал:

– Верёвку.

Он тронул рукой ближайших к нему бойцов и жестом указал им идти с верёвкой вперёд. Перед этим конец верёвки он привязал к ремню одного из них. Когда они прошли метров на пять вперёд, он в цепочку включил ещё двух спецназовцев, один из которых захватил своим ремнем веревку. Потом включил третью пару. Когда первая пара скрылась из виду во мраке, он привязал второй конец верёвки к дрезине и махнул рукой остальным. Дрезины двинулись вперёд. Дрезины между собой также связали верёвкой, сложенной в несколько раз так, что расстояние между дрезинами не могло превышать пяти метров. К задней дрезине привязали третью верёвку, к которой с периодичностью в пять метров привязали себя три пары ходоков. Теперь весь отряд, как исполинская гусеница, медленно пошел вперед.

Светлана несла на руках Майку, арбалет болтался у неё за спиной. Светлана неслышно говорила что-то девочке, которая положила головку на её плечё, зарывшись лицом в волосы своей приемной мамы. Радист шёл рядом со Светланой, чтобы в случае чего защитить её с ребенком. Тишина парализующее давила. Было желание упасть на землю, свернуться в клубок и не делать никаких движений, чтоб остаться погребённым под этой тяжестью тишины. Но он заставлял себя делать шаги.

Они шли уже часа два, и должны были пройти не меньше пяти километров. Радист решил, что он не правильно понял высказывание местных о длине Большого Прохода. Туннель подымался в гору (об этом им тоже Нейтралы ничего не сообщал), и те, кто сидел в сёдлах велодрезины, еле-еле крутили педали. Лучи фонарей стали ещё короче. Теперь были видны спины только последней пары дозорных. Движения становились всё замедленней.

Неожиданно ворота впереди раскрылись. Они вошли на Октябрьскую – станцию Центра. Здесь было необычно чисто и светло. Каких-либо строений и палаток здесь не было.

Их встречали. Когда Радист увидел Октябрьцев, у него сжалось сердце. Они стояли в строю на платформе. Их было человек сто: мужчины и женщины. Они стояли поперек платформы в шесть или семь шеренг. Все они были в эссесовской форме – почти такой же, какую носили военные с родной станции Радиста в его детстве. Только на рукавах у них были повязки не с коловратами, а с орнаментами зелёного цвета на белом фоне – видимо какой-то белорусских символ.

Уновцы, испытывая почти врождённую ненависть к фашистам, остановились и не вольно приподняли стволы автоматов и пулеметов. Но ходоки, знаками показали, что здесь боятся нечего, и отряд вошел на платформу.

Но почему так трудно идти?! Почему всё происходит так медленно?!

Молодой фашистский офицер выступил вперёд и скомандовал:

– Огонь!

Фашисты подняли свои арбалеты и выстрелили. Веер арбалетных стрел медленно приближался к уновцам и ходокам. Страха не было. Радист, не глядя на Светлану сделал шаг в сторону, чтобы заслонить её собой и сразу же нажал спусковой крючок своего автомата, наведя его прямо в строй фашистов. Спецназовцы тоже стреляли, но пули, словно заколдованные, очень медленно вылетали из стволов. Их даже было видно – продолговатые обрубки свинца плавно по прямой летевшие к фашистам.

Пятеро ходоков бросились вперёд, на ходу отбрасывая уже разряженные арбалеты и выхватывая мечи из ножен. Они бежали чуть медленней пуль. Первые пули со стволов спецназовцев достигли строя фашистов. Фашисты, убитые и раненные, падали на платформу, истекая кровью.

Ходоки врубались в поредевший строй фашистов, умело, но медленно нанося удары мечами. Остававшиеся в строю фашисты спокойно перезаряжали арбалеты. Они синхронно

взвели их и расстреляли в упор ходоков.

Дехтер надрывным голосом прокричал: «Назад!». Это прозвучало, как шепот, но ходоки и спецназовцы начали отступать во мрак туннеля. Патроны в автомате Радиста закончились. Его щеку обдало жарким воздухом, и тут же он увидел медленно уплывающую вперёд и оставляющую шлейф дыма гранату – последнюю гранату в их гранатомёте. Фашисты уже сделали третий залп и новый шлейф арбалетных стрел приблизился к ним. Дехтер повернулся, чтобы увидеть, где Светлана с ребенком. В этот момент он увидел гранатомётчика, который опускал после выстрела с плеча свой гранатомет. В грудь бойца медленно и беззвучно вошло одна за другой три стрелы, потом ещё одна воткнулась ему в живот. Также медленно, словно скальпель хирурга, что-то вспоролло спину Радиста.

Резкая боль разлилась от шеи до поясницы. Ноги подкосились, но он, стиснув зубы, заставил себя идти. Он чувствовал тяжесть торчавшего в спине предмета, излучавшего в его тело ядовитую боль. Силы его покидали. Как во сне он наблюдал за товарищами: уновцами и ходоками. И те и другие делали беспорядочные беззвучные выстрелы в сторону фашистов. Видел смятение на их лицах. Где же Светлана? Вот она – уносит на руках Майку. Он видел только её голову и голову девочки – несколько спецназовцев и ходоков, сомкнувшись, сделали живую стену, не позволявшую фашистам застрелить девочку. Молодцы ребята! Но почему они так встревожено оглядываются назад?

Радист, преодолевая себя, обернулся. Казалось, что они уже отступали целую вечность, а на самом деле отошли вглубь Большого Прохода всего метров на тридцать. На фоне зева ворот Октябрьской стоял стройный ряд фашистов. Были видны только их силуэты. Их было не больше двадцати, но они уже целили свои арбалеты. Неслышный спуск пружинных механизмов и снова стрелы, как ненасытные насекомые, летят в сторону партизан и москвичей.

Прошла ещё одна вечность и одна из стрел с хрустом вошла в левое плечё Радиста. Рука онемела. Жаль, что не в голову, подумал Радист, зачем мне эти мучения. Сил идти уже не было, он стал оседать на колени. Вспышка. «Молодцы, мужики, метко гранату бросили», – уже как отдельно от себя подумал Радист. Со стороны станции остался один фашист. Его не было видно, но Радист, почему-то, понял, что это тот офицер – командир Октябрев, которого он видел на самой станции. Офицер смеялся и говорил:

– У нас есть секретное оружие!!

Радист ещё раз повернул голову и увидел Светлану. Она была цела и невредима, хотя прикрывавшие её воины корчились, пронзенные стрелами. На руках она держала Майку, которая всё также невинно уткнулась лицом ей в шею. Девочка подняла голову – это была не Майка. Это была та смуглянка, которую оперировала её мать много лет назад и много километров отсюда. Девочка, смеясь, сняла с себя верх черепа и он увидел её пульсирующий мозг. Смуглянка вцепилась зубами в шею Светланы, та спокойно, заботливо поставила девочку на землю и упала рядом. Смуглянка приближалась к нему, она тянула к Радисту свои сильные руки. Радист повернул голову в сторону Октябрьской и увидел целую толпу таких же смуглянок с оголенными пульсирующими мозгами, которые со смехом шли ему навстречу.

Из мрака туннеля вышел Ментал. Радист с раздражением подумал: «Доходяжный головастик, что ты тут можешь сделать». Ментал поднял руки и смуглянки стали шипеть, неестественно дергаться, а потом рассеялись, словно туман. Радист потерял сознание.

Когда Радист пришёл в себя, он сидел в Большом Проходе, откинувшись спиной к стене туннеля. В спине и плече саднило, но боль была не мучительной. Обе дрезины стояли, но людей возле них было поменьше, человек десять. Может остальные пошли на разведку? Рядом с ним сидела Светлана, растирая ему руками уши; рядом Майка с детским любопытством вглядывалась в лицо Радиста.

Около дрезин взад и вперёд ходили Дехтер и Митяй. Они кого-то звали, растерянно называя имена. Люди двигались нормально, слышимость была отличная.

Радист спросил у Светланы:

- Мы отбились от фашистов?
- От кого? От диггеров?
- От фашистов?
- Бедняга... Здорово тебя диггер топором порубал...
- Услышав этот разговор, рядом остановился Дехтер. Он спросил:
- А библиотекарей кто-нибудь видел?
- Мы же со змеями дрались..., – не уверенно ответил Митяй.

Комиссар, как бы про себя, отметил:

- Пацан прав, мы с фашистами бились, я их за километр чувствую.

Все начали сбивчиво рассказывать обстоятельства боя. Оказалось, что каждый встретил на станции своих личных врагов: кто-то фашистов, кто-то библиотекарей или змеев, кто-то лесников или диггеров, кто-то Американцев или ползунов. Как-будто все они видели фильмы с похожими сюжетами, но разными действующими лицами. Причем каждый достоверно помнил, как отряд вошел на станцию, на них напали враги, напор которых ценой своих жизней сдержали пять ходоков и боец-гранатометчик. Потом отряд стал отступать обратно в Большой Проход. Их преследовали какие-то чудовища, пока не выступил Ментал.

Сам Ментал в разговоре не участвовал. Он стоял, опёршись спиной о стену туннеля, зажав руками свою большую голову. Дехтер подошел к нему и тихо спросил:

- Что это было? Там на Октябрьской?

Ментал тихо ответил:

- Мы не были на Октябрьской. Мы до неё ещё не дошли.
- Хорошо, тогда на какой мы станции были?
- Мы не были не на какой станции. Мы только в середине Большого Прохода.
- Так с кем же у нас был бой?
- У нас не было боя.
- Да объясни ты в конце-концов – что же это было?

– Словами этого я объяснить не могу. Это было что-то очень большое, могучее и не похожее на нас. Я разговаривал с нейтралами и они это называют Шатуном. Шатун порожден этим миром, но этому миру уже не принадлежит. Он не живой и не мертвый. Он иной, живёт вне пространства и времени и может изменять то и другое. Шатун изучал нас, но мы ему безразличны. Он даже не сознает, что мы живые, потому что это понятие для него ничего не значит. Он просто резвился с нами и мог погубить нас всех...

- Что с нашими людьми?
- Они мертвы. И тел их мы не найдём.

Митяй перебил:

- Так это ты нас спас? Я же видел, как ты змеев руками порвал..

Ментал, печально улынувшись, ответил:

– Глянь на меня. Я не то, что со змеем, я с ребенком не справлюсь... Нет, просто Шатун понял, что я его вижу не так, как вы. Он мог и меня убить, но почему-то не стал этого делать, может быть заинтересовался.. или затеял какую-то другую, более долгую игру...

Отозвалась Светлана:

– Вот, значит, что происходит в Большом Проходе... Раньше Шатуны только на поверхности встречались. Теперь вот в метро появились. Я, когда училась в Центре, слышала что-то про них. Там высказывали предположение, что Шатун образовала пситронная бомба, упавшая в окрестностях или на окраине Минска. О таких бомбах говаривали до Последней Мировой, но никто толком не знал, существуют ли они... Видимо существуют, вернее существовали... В Центре допрашивали кого-то из пленных Американцев, который что-то знал про эти бомбы. Он говорил, что их создавали для воздействия на сознание людей. Однако создатели пситронных бомб были только в начале разработок, это оружие даже не прошло испытание... Но во время Последней Мировой даже его пустили в ход. Вряд ли учёные думали, что получают что-то такое.

Митяй спросил у Ментала:

– Шатун опасен. Как его можно убить?
Ментал невесело улыбнулся:
– Убить? Никак ты его не убьешь. Во всяком случае арбалетами, мечами и даже гранатометом его точно не взять. Он не материален, хотя может воздействовать на материю..
– Тогда нам всем кранты!
– Не исключено. Но могу тебя обрадовать, вряд ли ты его серьезно интересуешь: ему безразлично, есть ты или нет. Убить тебя ему не сложно, но нет значимых стимулов делать это... Пока нет...
– Так или иначе, у меня нет желания больше здесь оставаться. Подымаемся!, – скомандовал Дехтер, все неохотно поднялись и продолжили путь.
Через несколько минут показались ворота Октябрьской...

5. ЦЕНТР

5.1.

Сразу же после Последней Мировой войны, по привычке, минский метрополитен и система прочих подземных коммуникаций и убежищ, продолжали называть МУОСом, хотя эта аббревиатура была уже не совсем актуальной. Постепенно слово Муос стало именем собственным для подземного Минска.

Президент Семён Тимошук спал по четыре-пять часов в сутки. Он срочно реформировал Правительство, оставив всего пять Министров: министра внутренней безопасности; министра продовольствия; министра науки и экономики; министра населения, медицины и социального обеспечения; министра обустройства и коммуникаций.

Остальные чиновники были понижены до уровня простых служащих, связников, инспекторов, направлены для управления станциями, а большинство – стали простыми рабочими. Это вызвало возмущение белых воротничков. Президент распустил свою охрану, оставив пятерых человек, это пополнило число недовольных. У оставшихся вызвало недовольство решение Президента об установлении ограничений в выдаваемых пайках чиновникам и силам безопасности, сократив их почти до уровня пайков обычных жителей Муоса. Президент не сделал исключения и для себя, указав на необходимость жесточайшей экономии и равенства в Муосе, однако это не смягчило недовольства чиновников.

Исключение Президент сделал только для учёных, вошедших в число созданного им Учёного Совета, а также в состав лабораторий, занимавшихся исследованием насущных проблем. Он обеспечил их всем необходимым, в том числе повышенными пайками («Голод не должен мешать мыслительному процессу!»). Вновь назначенному председателю Учёного Совета Президент молодому агробиологу Ежи Дроздинскому Президент сказал:

– Перед Вами ставятся задачи в кратчайшие сроки найти пути выживания минчан.

Прогнозы учёных повергли в уныние: существующий уровень радиации не позволит выбраться на поверхность в течении ближайших двухсот-трёхсот лет. Муос станет для минчан единственным домом на столетия. Запущенная геотермальная станция, функционировавшая вблизи Университета, обеспечила потребности в электроэнергии большей части метро. Запасов продовольствия оставалось месяца на четыре.

Учитывая, что основными артериями Муоса по-прежнему оставались линии метрополитена, весь Муос был поделен на четыре административных сектора: Центр, Восток, Юг и Север. Парламент состоял из полномочных представителей каждой станции метро, а также представителей бункеров и убежищ с численностью населения более 100 человек.

Созданные из числа бывших военных и сотрудников МВД силы безопасности взяли под контроль склады с продовольствием, медикаментами, оборудованием. Была проведена перепись населения, численность которого составила 142 тысячи человек. Безопасные помещения Муоса не могли их всех вместить. Все помещения были условно разделены на

верхние и нижние. Иванюку пришлось принять непростое решение: в верхних помещениях, где уровень радиации был высок, решено содержать тяжело больных, нетрудоспособных, женщин и мужчин свыше 50 лет. Там, где между верхними и нижними помещениями не было гермодверей, они были установлены.

Воззвание Президента о необходимости разделения для сохранения жизни младших поколений и будущего всего народа, нашло отклик у большинства минчан. Но на станциях Автозаводской и Парке Челюскинцев, а также в бункере Комаровского рынка произошли стихийные восстания, которые пришлось подавлять силами безопасности.

Со временем самой насущной являлась продовольственная проблема. Еды катастрофически не хватало. Довоенные запасы были давно съедены. Учёные, не выходя из своих лабораторий неделями, в срочном порядке закончили селекцию нерадиоактивного картофеля. Но первый урожай картофеля, добытый ценой сотен жизней, не смог всех накормить. Необходимо было расширять пашню на поверхности, а значит увеличивать количество крестьян, которые будут картофель возделывать во время короткого ядерного лета. Ряд заселённых туннелей и прочих помещений под землей необходимо использовать под фермы и оранжереи. А значит, необходимо ещё больше людей отправлять в верхние помещения.

Учеными социологами и экономистами была предложена система цензов возраста и значимости, по которым каждый в возрасте свыше 40 лет должен уходить в верхние помещения, за исключением специалистов, представляющих особую значимость.

Парламент, видя объективную необходимость принятия данного решения, его принял. Треть станций взбунтовались. Некоторых Парламентариев, голосовавших за закон, убили. В Центре, а также в метрошной части Севера и большей части Юга порядок был восстановлен силами безопасности. Восток далее Площади Победы вышел из-под контроля. Кроме того, большая часть неметрошных убежищ и коммуникаций Юга и Востока стали также неуправляемыми. Они перестали платить налоги, выходить на общие работы, впускать на свои станции инспекторов и силы безопасности. Восстанавливать контроль над этими территориями уже не было сил и времени.

Даже из подконтрольной части Муоса семьи, спасавшиеся от ценза, бежали в неметрошную часть подземного Минска. Многие из них там погибали, некоторые примыкали к созданным или создавали новые общины и поселения. Значительная часть становилась бандитами, нападавшими на обозы, станции и другие поселения, грабя, насилая и убивая.

В подконтрольной Президенту части Муоса в течении трёх лет население сократилось в два раза. А продовольствия все не хватало. Смерти от голода, а также от сопутствующих голоду болезней и эпидемий, стали нередкими в Муосе. Кроме того, в этот год в июле случились заморозки со снегом и большая часть картофеля погибла. Учёный Совет разработал «Временную систему мер по созданию антикризисной социальной структуры общества». Суть состояла в дроблении населения Муоса на девять уровней значимости. В соответствии с уровнями значимости его обладатели получали продовольственные пайки и другие блага. Уровни 8-9 были практически бесправны.

Увидев законопроект, Валерий Иванюк вскипел:

– Это куда ж мы катимся, господа? В рабовладельческий строй? К кастовой системе? Да как вы могли такое предложить мне? И каким же уровнем значимости вы наделили себя?, – Иванюк заглянул в представленную учёными таблицу, – В первый конечно! Значит будем жировать, а народ пустьдохнет, чтоб прокормить наши задницы. Не бывать этому! Да, нам сейчас тяжело, но экономика налаживается. Один неурожай не должен нас бросить в пучину средневековой дикости!

Парламент тоже не поддержал инициативу Учёного Совета. Также не Президент не Парламент не поддержали инициативу о начале лабораторных опытов по созданию людей-рабов, которые смогут жить на поверхности.

На следующий день Иванюк выехал на станцию Октябрьская. Он собирался лично

разобраться в причинах задержки жизненно необходимых работ по переоборудованию перехода между Московской и Автозаводской линиями метро в оборудованный рельсами туннель. Он вошёл в переход, из которого выгнали всех рабочих. С ним были Председатель Учёного Совета, верный телохранитель Президента Тимошук (остальную охрану он сократил), а также два министра: министр обустройства и коммуникаций и министр внутренней безопасности Шурба Сергей. Шурба сам напросился в эту поездку, мотивируя тем, что для внутренней безопасности создание туннеля не менее важно, чем для экономики Муоса.

В туннеле их встретили начальник строительства и ещё три каких-то специалиста с саквояжами в респираторах. Президент, подходя к строителям, уже было собрался начать жесткий разговор по поводу срыва графика работ, как его за плечо дернул Тимошук:

– Они мне не нравятся..

В этот же момент «строители», распахнув чемоданы, стали доставать оттуда оружие. Тимошук привычным движением выхватил из оперативной кобуры пистолет, произвёл несколько выстрелов на опережение, одновременно забегаая перед Президентом и становясь между ним и террористами. Террористы так и не произвели ни одного выстрела – они уже лежали и у каждого было снесено по пол-головы. Остался стоять только «начальник строительства» – у него не было оружия, поэтому Тимошук в него не стрелял. Президент потребовал:

– Сними маску.

«Начальник строительства» снял респиратор. Это был Удовицкий – бывший глава МУОСа.

– Ты? Тебя ж приговорили к досрочной высылке в верхние помещения. Мне доложили, что приговор исполнен.

– Валер.., – крикнул Тимошук, но предупреждение телохранителя заглушил выстрел, от которого тот упал. В затылке у него было кровоточащее отверстие.

Министр внутренней безопасности Сергей Шурба навёл на Президента ещё дымящийся пистолет.

– Да, Валерий Петрович, это я выпустил Удовицкого и других отстранённых Вами руководителей. Чтобы они подготовили переворот. Правда, подготовились они, как вы видите, не очень... Ничего нельзя доверить другим, всё нужно перепроверять и контролировать. Поэтому-то я и напросился с вами в эту поездку.

– И что дальше?

Ответил Удовицкий:

– Дальше? Мы принимаем жизненно необходимое решение о введении ценза значимости. Ты, наш идеалист и романтик, ослеп. Всё население Муоса думает только о том, как им урвать кусок жрачки и при этом не работать. А жрачки-то на всех не хватает, а работы-то много! Естественно, кто-то должен это быдло заставлять пахать и ограничивать их в потреблении пайки. Естественно, для этого нужна определённая смекалка, сила воли и твёрдость, которые характерны только элите общества. И естественно, что элита должна получать больше благ, чем это самое быдло, им управляемое. Всё очень просто и понятно! И так, кстати, было всегда. Конечно, отбор в элиту будет справедливым. Мы не повторим ошибок прошлого, не допустим наследования своего положения. Наверх можно будет пробиться только своим умом и трудолюбием. В чём же несправедливость, Президент?

– Сколько станций в минском метро?

– Что? При чём тут это?

– Нет, ты ответить...

– Да не знаю я, сколько станций: двадцать или тридцать, какая, к черту, разница?

– Ты, глава МУОСа, который должен был здесь под землей всё обустроить, ты даже не знаешь, сколько станций в Минском метро! Если бы, ты не проворовался, если бы ты не загубил порученное тебе дело, минчане бы здесь не умирали тысячами. Но при всём при этом ты себя считаешь элитой! Ты – моральный мутант, я даже не хочу с тобой

разговаривать.. А ты, министр внутренней безопасности, ты то чего добиваешься?

– Да вы знаете сами, Президент. Я не согласен с вашей мягкотелой политикой управления. На сколько спланированных мною акций по наведению порядка вы наложили вето?! Муос надо объединять и спасать...

В это время Удовицкий поднял автомат одного из убитых террористов, передёрнул затвор, навёл его и выстрелил. Так был убит последний Президент Республики Беларусь.

Удовицкий отбросил автомат:

– Ладно, идёте, у нас много дел.

Шурба, не двинувшись с места, ответил:

– Тебе некуда идти. Президент был прав – ты ничего из себя не представляешь. Мы все мучаемся сейчас из-за тебя и таких, как ты. Я поручил тебе это грязное, но простое дело, но ты даже с ним не справился. Один дед с пистолетом перестрелял всех твоих недоделков.

Министр внутренней безопасности поднял свой ПМ. Удовиков жалобно заскулил:

– Нет, не надо, прошу тебя. Я пригожусь...

– Да..., ты пригодишься... но мёртвым. Кто-то ведь должен быть виноват в убийстве Президента.

Прогремел ещё один выстрел.

Президент был похоронен с почестями. Министр Шурба сам занялся организацией похорон и «расследованием» заговора «удовиковцев». По результатам расследования, как участники заговора (сообщники Удовицкого) были арестованы, а затем казнены нескольких наиболее преданных сторонников убитого Президента.

Молодого министра не интересовала власть, он был предан безопасности и единству Муоса. Все административные полномочия он передал Учёному Совету, а сам лично возглавил операцию «Восток», целью которой являлось присоединение восточного административного сектора. Отряд сил безопасности в двести человек победоносно дошел до станции «Московской», где встретил ожесточенное сопротивление местных. Министр Шурба не отсиживался за спинами бойцов, а сам повёл их в бой. На штурме баррикады он был убит.

После смерти министра внутренней безопасности, оказалось, что присоединение Востока никому больше не нужно. Военные Центра просто ушли со станций, которые по инициативе Шурбы были присоединены к Центру большой кровью.

Учёный Совет распустил Парламент, сократил Министров, набрав, вместо них, администраторов. Начались опыты по выведению людей-рабов, которые смогут жить на поверхности. Начато введение цензовой системы уровней значимости. Но до конца эта реформа была проведена только в самом Центре. Осуществить её в полной мере не удалось – этому помешала Американская война.

5.2.

Не смотря на объяснения Ментала, у ворот Октябрьской обоз остановился в нерешительности. Каждый из них недавно был здесь, вернее был уверен, что был. Они ведь здесь вступили в бой с реальными врагами, которые чуть их всех не погубили. На этой станции ушли в небытие их боевые товарищи.

Вперёд вышел Комиссар и решительно стукнул три раза кулаком в металлическую конструкцию ворот. С той стороны раздался скрежет... Бойцы передернули затворы автоматов и взвели арбалеты. Концом протяжного скрежета явилось открытие небольшого лючка, на уровне лица Комиссара. В лючке появилось лицо, вернее пол-лица, так как всего лица в амбразуре видно не было. Пол-лица спросило грубым голосом:

– Кто такие?

– Обоз с Тракторного...

– Что-то я таких морд с Тракторного не помню...

Вышла Купчиха:

– А мою морду помнишь?

Дозорный немного смягчил голос:

– Твою морду... мордочку я помню, Купчиха.

– Ну так открывай..

– Я б открыл, но вдруг вы Чужие?

– Какие Чужие? Ты ж сказал, что признал меня..

– Я сказал, что признал твою мордочку, а ты ли это – я не знаю...

– Да что ты несешь?

– А то и несу. Последний обоз через Большой Проход три недели назад пришел. Тоже за своих признали.. А как мы ворота открыли, палить с арбалетов стали, еле отбились от них. Шестерых наших убили, даже тел потом не нашли. Вот я и говорю, Купчиха, или не Купчиха, почему мне знать, что ты – настоящая...

– Да настоящая я, что не видишь? Если не веришь, Серика покличь...

– Точно, Серик то тебя узнать должен, – хихикнуло пол-лица, – Вот ты и заходи, тебя одну проверять будем, а остальные на тридцать шагов назад отступите.

Обоз отошел назад. Массивные ворота с громким скрежетом приподнялись, открыв внизу небольшую щель, в которую едва ползком протиснулась Купчиха. Как только в тени скрылись её пятки, ворота упали.

Обоз ждал с пол-часа. Как Серик «проверяет» Купчиху, все догадывались, но вслух об этом не говорили. Неожиданно ворота заскрежетали и поднялись в человеческий рост. Тот же дозорный кивнул, заходите, мол, проверили, всё нормально.

Когда они вошли на станцию, их окружили со всех сторон центровики. Солдат было человек пятьдесят – видимо весь штатный вооруженный отряд станции. У всех в руках были взведенные арбалеты, однако по равнодушным лицам и вялым движениям было видно, что это делается больше для порядка, на всякий случай. Видимо Купчиха в достаточной мере доказала свою подлинность. Из стоявшей неподалёку сторожки вышла сама Купчиха, проказливо улыбаясь и демонстративно поправляя на себе блузку, а за ней и Серик – широкоплечий рыжий детина лет двадцати пяти.

Октябрьская была первой встретившейся им станцией Центра. Станция выглядела чище и приличней, чем все увиденные ими ранее. Жилища и другие помещения здесь тиснулись в 2-3 этажа, но они были собраны из однотипных металлических каркасов, между которыми крепились жестяные, резиновые, фанерные или полотняные «стенки». Каркасы были ржавыми, а стенки дырявыми, но все-таки геометрическое построение Октябрьских «кварталов» создавало иллюзию аккуратности, чистоты и благополучия местных жителей.

На Октябрьской было необычно (для минских станций) светло. Шесть ламп освещали длинный помост. Геотермальная станция Центра давала возможность для такой расточительности.

Жители станции были одеты в комбинезоны из грубой ткани. На них имелись нашивки или неаккуратно выполненные прямо краской по ткани облезлые цифры от 1 до 9. Они обозначали уровень значимости (или просто УЗ) носителя одежды. Первый уровень (УЗ-1) значимости имели только представители Совета Ученых (впрочем на Октябрьской такие не жили), девятый уровень – мутанты-рабы и приравненные к ним, то есть те, кто не имел здесь никаких прав (их тоже здесь не было – они не спускались с верхних помещений). Цифровые обозначения имелись и на жилищах Октябрьской, обозначая уровень значимости их обитателей. От уровня значимости зависели размер пайка, качество жилища, объём прав и обязанностей, ну и конечно, положение в обществе.

Циничная кастовая система Центра, впрочем, оказалась довольно функциональной. Кастовая раздробленность была эффективным средством против возможных революций, давала возможность хорошо управлять, а также создавала центровикам стимул для продуктивной работы и повышения уровня образования – единственных провозглашённых критериев, которые позволяли доказать свой более высокий уровень значимости, и, не дай Бог, не упасть на более низкий. Хотя для девятого и восьмого уровней значимости

(соответственно мутанты-рабы и мутанты-надсмотрщики и к ним приравненные) – перспективы такие не открывались: выше восьмого уровня они подняться не могли. Да и для других слоев основным способом продвижения вверх являлись не трудовые успехи, а мзда Инспекторам.

Жители других районов Муоса, кроме мутантов, ленточников и диггеров, для центровиков были заведомо УЗ-7, и лишь обучавшиеся в Университете Центра имели тот уровень, который им присваивался после выпускных экзаменов.

Всё это шептала Светлана Радисту, пока они топтались под присмотром военных, обозначенных цифрами «6» и «5». Радист рассеянно спросил:

– А у тебя какой уровень?

– У меня – УЗ-3. Более высокого внешним не присваивают. Да для Партизанов уровни ничего не значат, сам понимаешь.

Радист внимательно посмотрел на Светлану. Он давно понял, что Светлана очень умна. Видимо это заметили и центровики, когда она, ещё девчёнкой, у них лечилась и сами предложили партизанскому руководству выучить девушку, а по результатам учебы присвоили ей третий уровень значимости.

– А зачем они учат Партизан?

– Ну, во-первых, учат они не только Партизан: у них учатся и Америка и Нейтралы и даже, Светлые диггеры. Во-вторых, это совсем не бесплатно. За обучение одного Специалиста Партизаны отдают по две свиньи в год. В-третьих, Центру нужны союзники, да и в торговле с нами они заинтересованы. А если у нас не будет Специалистов, то мы или вымрем или впадём в дикость. А ведь мы поставляем Центру свинину, кожи, велосипедные механизмы, полотно из леса... Им мы нужны, поэтому они нас и обучают. Хотя делают это ровно настолько, насколько этого достаточно, чтобы мы сводили концы с концами. В сокровенные тайны Центра они нас не посвящают.

– А чего мы ждём?

– Как чего? Главный администратор станции имеет УЗ-3. Он-то точно посчитает ниже своего достоинства общаться с нами. Ему доложили про нас и он поручил какому-нибудь холую из числа администраторов 4-5 уровня с нами пообщаться. Холуй также должен сделать вид, что он не спешит встретиться с низжайшими седьмого уровня (про мой уровень они не знают – на мне ж не нарисовано ничего), а одновременно он демонстрирует свою занятость, а значит повышенную значимость. Мы должны протоптаться, как минимум час, чтобы потешить его значимость, а потом он пригласит нас на аудиенцию.

Они прождали полтора часа, после чего к ним подошёл мужичек, с шестеркой на рубаше, который деловитым торжественным голосом заявил:

– Вас приглашает администратор пятого уровня Аркадий Аркадьевич. Оставьте здесь оружие.

Светлана и Рахманов ушли. Дехтер тоже хотел идти, но Светлана отговорила его, сказав, что из-за маски Дехтера у них могут возникнуть неприятности: администратор или посчитает неснятую маску оскорблением для себя или, ещё хуже, посчитает Дехтера мутантом или ущербным. Тогда его, по местным законам, должны арестовать, нарисовать на нём восьмерку или девятку (как повезет) и отправить в верхний лагерь. Дехтер согласился, что ему идти не стоит.

Они вернулись через три минуты. Рахманов о чем-то, бубня про себя, ругался, а Светлана улыбалась одними глазами. Радист спросил:

– Что там?

– Да, как я и предполагала, их значимость не посчитал возможным для себя даже взглянуть на нас. Рахманов распинался ему о цели нашего похода, спрашивал про приемник, а тот делал вид, что не слышит и якобы внимательно читает очень важную бумагу. В конце только устало протянул: «Свободны».

– И что?

– Да так всегда тут. Он хотел бы взять мзду с нас, но боится. Меня он знает, знает мой

уровень, дико завидует и ненавидит. Формально, если на мне не нарисована цифра, он не обязан оказывать мне почести, но рабская привычка всё равно заставляет его чувствовать себя ущербным передо мной. Выпендрился, и отцепился. Хотел бы взять мзду, да боится: а вдруг у меня связи в Центре и я доложу. Ему тогда, в лучшем случае, седьмой уровень, а в худшем – и девятый можно схлопотать.

– Так ведь ты говорила, что на восьмом-девятом только мутанты.

– Не только. Ещё и инвалиды, больные, ущербные. Если кто-то совершит преступление – его делают инвалидом: отрежут там язык или выколют глаз прилюдно – и есть основания считать приравненным к мутанту, а значит присвоить восьмой-девятый уровень. Да и УЗ-7 – это группа риска. Они ночуют внизу, но работа их, главным образом, связана с верхними помещениями или выходами на поверхность. А, значит, они быстро гробят здоровье. Если УЗ-7 приболеет или не выполнит норму, ему могут запретить ночевку внизу – и тогда седьмой уровень уже ничем не отличается от восьмого-девятого. Им совершенно наплевать – будет это больной сорокалетний мужик или же двенадцатилетняя девочка-подросток, случайно подвернувшая ногу.

Порою в верхних помещениях не хватает рабочих рук. Тогда они делают чистки. Администраторы составляют список «неподтвердивших свой уровень значимости» из числа неугодных и отдают его военным. А те идут по списку, выдергивают «шестых» и «седьмых» из своих жилищ и тянут наверх, передают мутантам-надсмотрщикам. А те, в свою очередь, устраивают им жесткий приём. Ведь мутанты, которым выше восьмого никогда не подняться, ненавидят нормалов.

– Дикость какая-то.

– Эту дикость они называют научной упорядоченностью и оптимизацией. Поэтому-то партизаны и отошли от Центра. У нас голоднее, в Верхних лагерях больше народу, живём меньше, но хотя бы все по справедливости. А здесь сплошной цинизм.

– И чего ж они терпят?

– А куда деваться? Лет пять назад было восстание на «Институте Культуры» – его подняли шестые-седьмые уровни, седьмые-девятые на верхних помещениях поддержали восстание. Свою станцию они объявили «Незалежной Камунай» *note 12*. Они продержались две недели. Потом восстание жестко подавили и всё население – от мала до велика, даже младенцев, и даже администраторов, которые не поддержали восстание (но его допустили!) изувечили и распределили по верхним помещениям, передав их в руки свирепых мутантов-надсмотрщиков. А на Институт Культуры заселили переселенцев с других станций, бункеров и убежищ. После этого восстаний не было. Ну бывают, иногда, мелкие протесты, когда из семьи забирают родившегося ребенка с отклонениями или кого-нибудь приболевшего. Однако любое возмущение – и ты оказываешься на два-три уровня ниже. Поэтому они и терпят.

Радист взглянул другими глазами на порядок на Октябрьской. Он увидел разрисованных цифрами людей. Которые или что-то делали, или бежали или быстро шли. Никто ни с кем не общался, даже детские голоса были редко слышны. Все они любой ценой стараются повысить свой уровень значимости. Правда здесь, в отличие от Партизанских станций, было достаточно много и тридцати- и сорока- и даже пятидесятилетних центровиков. Но на лицах всех лежала печать какой-то загнанности, неудовлетворенности. На одной стене краской была выведена надпись: «Кто не работает – тот не ест!». На противоположной нарисован свирепого рода мутант с призывом: «Или работай, или иди к нам!». Вот только пару жителей с пятерками и шестерками, такие как детина Серик, позволяли себе некоторые вольности.

Вонючий полумрак партизанских лагерей с их шумной суетой и детским гомоном ему показались более уютными и приветливыми, чем чистая и светлая упорядоченность

Note12

Бел: Независимой Коммуной

Октябрьской.

5.3.

На Октябрьской им не предложили остаться отдохнуть. Да и не хотелось тут оставаться. А если б и хотелось – вряд ли б им позволили. Велодрезины переставили с рельсов Большого Прохода на рельсы Московской линии, и они медленно потащились в направлении «Площади Независимости». В туннеле, под самым потолком, были закреплены помосты, на которых жили УЗ-7. Они не были достойны жить на станции и с целью экономии пространства – им приходилось ютиться здесь. Обоз, едва не задевая головами, проходил под этими подвесными жилищами. Да это и не жилища – полки со щелями, на которых можно было лежать или, в лучшем случае, скрючившись сидеть. Сейчас на этих полках сидели или ползали дети, угрюмо глядя сквозь щели на проходивший мимо обоз – родители работали в верхних помещениях. Полки седьмых тянулись по всему туннелю, вплоть до станции Площадь Независимости.

По мере движения по основному туннелю, встречались боковые туннели, уходившие в служебные и жилые подземные помещения Муоса. Некоторые входы охраняли военные-пятерочники. В районе Октябрьской и Площади Независимости до Последней Мировой находилось больше всего правительственных зданий, и поэтому система подземных убежищ и бункеров, а также коммуникационных туннелей, тут была самая разветвленная.

При подходе к Площади Независимости их встретил вялый дозор из трёх шестерочников. Оказывается, Учёный Совет не тратился на охрану станций, где жили нижние уровни. Пятерочники и четверочники были задействованы на охрану важных объектов, а не жилых секторов более низких уровней. Шестерочники только сделали тесты «на ленточников» и махнули рукой: проходите.

Один из УЗ-6, поздоровавшись с Купчихой, повел их на станцию. Эта станция была похожа на Октябрьскую, однако она была еще больше, светлее, чище. Жилища и жилыцы были обозначены цифрами меньшего номинала: УЗ-7 было мало.

Эта станция не была столичной, так как администрация центровиков находилась в бункерах, в которые простые центровики не допускались. Но эта станция была научным, экономическим, энергитическим и торговым центром Центра, если не всего Муоса. Определенными привилегиями станция пользовалась – жилыцы с Октябрьской и Института Культуры стремились получить прописку на этой станции: пайки здесь были побольше, квалифицированной работы было также больше, а значит было больше шансов повысить свой УЗ, или хотя бы выйти замуж или жениться на ком-нибудь с большим УЗ.

Прямые переходы с этой станции вели в Университет Центра – бункер под руинами БелГосУниверситета; в единственную полноценную больницу Муоса; а также в бункер термальной электростанции, обеспечивавшей электроэнергией пол-Муоса; в помещения оружейных и швейных мастерских. Отсюда же расходилась запутанная система хорошо охраняемых переходов в бункера научных лабораторий, жилищ и кабинетов высших администраторов Центра. Верхним помещением являлся длинный подземный переход, некогда соединявший Площадь Независимости с самой станцией метро. Переход был расположен достаточно глубоко и поэтому уровень радиации здесь был не столь высок, как в верхних помещениях других станций. Поэтому даже УЗ-8 и УЗ-9 с других станций мечтали попасть именно на Площадь Независимости.

По широкому переходу уновцы и ходоки прошли на Вокзал. Своё название это убежище получило от расположенного над ним здания Минского вокзала, железобетонные конструкции которого выдержали Удар. В одном из помещений Вокзала располагался рынок. Когда-то, когда связи между станциями и регионами не были столь ослабленными, здесь шла пылкая торговля прямо с велодрезин. Порой здесь собиралось до десяти велодрезин за раз. Сейчас же, кроме дрезин партизан, здесь стояла дрезина с Института

Культуры, дрезина Центра, пришедшая с американским товаром, а также подтягивались с тележками ремесленники из ближайших мастерских.

Купчиха, еще не успев поздороваться с торговцами, уже во всю глотку ругала их товар. Она хватала арбалеты, театрально сгибаясь под их мнимой тяжестью, брезгливо натягивала пружины, указывала на несуществующие ржавчины. Отбросив в одну тележку арбалет, Купчиха с другой схватила стрелу, начала её гнуть, трогать пальцем остриё, сопровождая это пикантными комментариями: («Да, чтоб у тебя член был такой же кривой, как эта стрела!», «Да эта ж стрела с трех метров от моей задницы отскочит!»).

Махнув рукой, она отвернулась и подошла к дрезине с американскими товарами – главным образом лампочками, проводами и прочим электрооборудованием. На весь рынок она возмущалась мутностью стекла лампочки, ненадёжности нити накаливания, а затем, подняв палец, громогласно и авторитетно заявила, что эти лампочки проработают максимум три часа. Тыркнув лампочку в специально гнездо с подведённым электричеством, она закричала: «Это разве свет! В могиле светлее, чем от твоей лампочки!». Всю свою критику по отношению к товару она сдабривала комплементами к продавцам. «Ай-я-яй, да такой красавчика не может обманывать несчастную бедную партизанку!». Потом она неожиданно возвратилась к торговцу арбалетами, который растерянно смотрел то на Купчиху, то на забракованный товар, и по-дружески похлопав его ладонью по груди, с одолжением сказала: «Ну так и быть, только ради твоих красивых глаз скупаю все твои железки за две туши...».

Так продолжалось часа полтора. Для сторонних зрителей это было реальное шоу, где единственным артистом была Купчиха, а продавцы и покупатели – клоунами. Купчиха буквально не давала открыть рот как покупателям так и продавцам, бракуя их товар, и расхваливая свой. Покупатели и продавцы не впервые видели Купчиху и методы её торговли, наверняка они зарекались не вестись на её уловки, но выстоять перед напором шустрой девки они не могли. К концу торговли Купчиха убедила их в наивысшем качестве партизанского груза, в полной убогости их собственного товара, ну и, конечно, в куче их внешних и внутренних достоинств, озвученных в лстивых речах Купчихи. Последнее ослепляло продавцов и покупателей и не давало увидеть явную невыгодность сделки.

Большую часть товара Купчиха обменяла уже в первый день торговли. Остальное обещала реализовать в ближайшие день-два. А вечером Купчиха, как всегда, «отлучилась» к какому-то местному холостяку.

Их поселили в гостиницу – оказывается в метрополии Центра было и такое. Правда гостиница была оборудована в бывшем туалете, на что указывали полуобвалившаяся со стен плитка, неаккуратно обрезанные канализационные и водопроводные трубы, концы которых торчали со стен, пола и потолка. Здесь, как обычно, был сделан настил для второго этажа. Оба этажа были разбиты деревянными перегородками на «номера». Номера были тесными, но зато перегородки и двери были заклеены бумагой и поэтому щелей практически не было. Не смотря на тесноту гостиницы, помещение, если задуматься, внушало преклонение перед величием поколений, его построивших. Что говорить о других сооружениях, если у них туалеты были такими гигантскими! Современные же муосовцы, по крайней мере цивилизованная их часть, пользовалась выгребными ямами, вырытыми в тупиковых ответвлениях туннелей и отгороженных от постороннего взгляда ширмами.

Они думали в гостинице переночевать, но в силу сложившихся обстоятельств прожили здесь, томимые безделием, почти неделю. Радист и Светлана с Майкой заняли угловой номер второго этажа гостиницы. Здесь почти на весь пол лежал роскошный матрас, сшитый из лесовой мешковины и набитый мелким песком. Выдавалось одеяло и подушки, ещё довоенные, из какого-то синтетического материала.

Поначалу уновцы грубо подшучивали над Радистом по поводу его откровенных отношений со Светланой, которая, кстати, была старше его почти на три года. Но Дехтер по этому поводу укоризненно хмыкал, очевидно вспоминая свою Анку с Первомайской. Поэтому, чтобы не раздражать командира, шутки в отношении Радиста и Светланы, прекратились.

Ходокам их отношения не интересовали изначально. Вообще здесь равнодушно относились к чужим интимностям. В условиях скученности Партизанских лагерей, когда зачатие происходило чуть ли не на виду половины лагеря, такие вещи переставали смущать и удивлять. А Радисту и Светлане, было наплевать на то, кто и что о них думает.

Оружие у уновцев и ходоков не отбирали, но на всякий случай выставили стражу из трех солдат УЗ-6 возле гостиницы и не разрешали покидать гостиницу больше, чем по трое. Когда у Радиста, Светланы и Майки была очередь пошляться по станции, они ходили и смотрели местные достопримечательности, которых по большому счету было немного.

Когда они проходили по коридору, соединявшему станцию с одним из убежищ, на перекрестке коридоров они лоб в лоб столкнулись со страшной процессией. Возглавлял её офицер с нашивкой УЗ-5. Далее следовало шесть кошмарных голых существ. Они имели отвратительную на вид кожу – толстую, морщинистую, слизистую; темно-серого, слегка серебристого цвета; немного переливающегося в свете потолочной лампы. Если б не эта кожа, они были бы похожи на гротески людей. Разве, что у всех были какие-то отклонения: у двоих были большие, почти до уровня плеч, головы. У одного на лице не меньше десятка глаз. У третьего было шесть конечностей и он семенил ими, как насекомое. Ещё двое с какими-то уродствами, тащили третьего – явно больного. По бокам шли солдаты-шестерочки, вооруженные копьями и арбалетами, а сзади администратор или инспектор с нашивкой УЗ-4. Один из солдат наотмашь ударил древком копья существо, тащившее сотоварища:

– Живее, тварь!

От удара существо гортанно завывало. Со рта, или точнее пасти, у него потекли слюни.

Светлана, увидев процессию, подняла Майку на руки и прижала её лицом к плечу, чтоб та не смотрела на этих чудовищ. Радист застыл на месте. Офицер, проходя, грубо толкнул Радиста пятернёй в лицо, чуть не опрокинув на пол:

– Ты чего пялишься, урод...

Процессия прошла и скрылась за поворотом коридора. Радист рассеянно тёр лицо, глядя вслед ушедшим. Он многое увидел в Муосе, но это зрелище было самым ужасным. Светлана взяла его за руку и с болью в голосе сказала:

– Это – морлоки..

Радист молчал. Только спустя секунд десять до него дошло, что Светлана что-то сказала.

– Кто это?

– Морлоки. В одной из медицинских лабораторий Центра готовят людей, или скорее существ, которые смогут жить на поверхности. Для испытаний и опытов используют УЗ-9, то есть рожденных мутантов или же к ним приравненных. В основном новую расу выводят путём селекции: отбирают среди УЗ-9 тех, кто дольше других продержался в верхних помещениях. Их скрещивают друг с другом, а потомство, как правило, тоже мутантов, снова отправляют в верхние помещения. И так продолжают делать дальше. Сейчас уже выведено пятое поколение морлоков. Кроме того, над морлоками ставят опыты: дополнительно облучают, меняют им кожу, вводят препараты.

– Но они ведь тоже люди!

– Здесь они УЗ-9, а значит совершенно бесправны.

– Это какой-то бессмысленный бред.

– Не скажи. Когда я училась, морлоки проживали на поверхности в полтора-два раза дольше, чем обычные (не селекционированные) мутанты. Думаю, теперь у местных ученых-сидистов успехи ещё лучше. (Радист вспомнил свою мать и её опыты, очень похожие на эти).

– Всё-равно глупо. Ну выведут они такую расу, которая не будет бояться радиации. Они ж разбегутся по поверхности, размножатся, а потом вернутся в метро и уничтожат своих создателей.

– А вот эта гипотетическая проблема решается в другой лаборатории. Там, за счёт

хирургических манипуляций в головном мозге мутантов, их облучения, пытаются лишить их воли и максимально подчинить сознание.

Радист снова с болью вспомнил свою мать.

Свободное от прогулок время они валялись в своем номере, обговаривали всё на свете. Радист потом споминал эту неделю в центристской гостинице, как самое счастливое время в его жизни. А иногда Майку забирала Купчиха и тогда Радист со Светланой переходили от слов к «делу».

Купчиха, когда у неё была очередь гулять, бегала к местному хахалю УЗ-5. Как-то Радист неодобрительно и насмешливо спросил у Светланы:

– У неё что, если не покувыркается на какой-нибудь из станций, торговля не пойдёт? Примета такая?

Светлана, которая сама часто хихикала по поводу легкого нрава Купчихи, в этот раз нахмурилась и сказала:

– Так надо, ты ещё всего не понимаешь.

5.4.

Причиной их задержки в гостинице явилась сложная бюрократизированная система административного управления центровиков. Светлана обратилась к одному из администраторов и сообщила, что они желают встретиться с представителем Ученого Совета по очень важному вопросу. Администратор перекинулся, потребовал написать заявку и сказал ждать.

На следующий день их всех досконально обыскали центровики шестого уровня, ища какие-то непонятные улики. Они не только пересмотрели все вещи и гостиничные номера, но и заставили каждого раздеться догола, присесть, расчесывать волосы.

На следующий день клерки пятого уровня начали нудно и долго выяснять у каждого причины их прихода и желания встретиться с представителями Ученого Совета. Пришлось рассказывать в подробностях все от начала до конца. Если клерков и удивили обстоятельства появления в метро уновцев, то виду они не подали – такие эмоции были ниже их значимости. К вечеру был вынесен радостный вердикт: они имеют право на встречу с ... администраторами четвертого уровня, для решения вопроса о возможности выполнения их просьбы.

На следующий день предстояла встреча с центровиками четвертого уровня, которые снова выясняли всё те же обстоятельства, и задавали нудные, но как им казалось, каверзные, вопросы.

Потом был медосмотр – их проверяли на наличие вирусов и паразитов. Возникла проблема с увечьем Дехтера – его уже хотели признать ущербным со всеми выходящими отсюда последствиями. Но Лекарь и Светлана вступили в спор с медицинским инспектором, в результате которого они отвоевали Дехтера. Так, инспектора спросили, в чем он видит ущербность Дехтера, на что тот ответил, что Дехтер – одноглазый, а значит неполноценный. Лекарь шепнул что-то Дехтеру на ухо, после чего тот выхватил штык-нож и метнул его в таблицу для проверки зрения, а потом задал вопрос, какую букву он пробил. Жмурясь, инспектор пытался что-то рассмотреть, но так и не ответил. Дехтер же назвал правильно. Тогда Инспектор, пытаясь отыграться, заявил, что Дехтер выглядит не эстетично. Оглядев с демонстративным призрением плюгавенького инспектора, Светлана предложила:

– А давайте сейчас позовем трех центровичек и спросим у них, не раскрывая сути спора, с кем бы они захотели переспать: с вами или с этим офицером, – она интимно положила руку на могучие плече Дехтера.

Инспектор поперхнулся от такого предложения и сказал, что не надо никаких экспериментов. Не хотя, он согласился не выносить заключение об ущербности Дехтера, но при этом предупредил, что в докладе сообщит Их Значимостям о имеющихся у уновского

командира увечьях.

Следующий день они провели у инспекторов третьего уровня. Те задавали более осмысленные и конкретные вопросы, что-то записывали.

Ещё днем позже вызвали Светлану, Рахманова и почему-то Радиста. Их повели, завязав глаза, коридорами в бункер, где находились кабинеты администраторов второго уровня. Администратор задал им несколько вопросов и сразу сообщил, что в принципе вопрос об их встрече с Ученым Советом решен, вкратце объяснил правила поведения на приёме с Их Значимостями.

Учёный Совет Центра – это три высших учёных, отвечавших за три основных направления исследований: физико-техническое, медицинско-анатомическое и аграрно-биологическое. Наука Центра имела сугубо прикладной характер и ставила перед собой задачи помочь населению выжить в жёстких условиях Муоса. Учёный Совет принимал и важнейшие управленческие решения, хотя все текущие вопросы решали администраторы различных уровней.

Учёный Совет находился в бывшем президентском бункере. В этот бункер они долго шли с завязанными глазами. Радист подсчитал, что они спускались по различным лестницам восемнадцать раз. Президентский бункер располагался на глубине не менее 40 метров ниже основного Муоса.

В бункере их снова тщательно обыскивали. Это делали два дюжих офицера третьего уровня: мужчина и женщина. В следующем помещении их приняли три офицера с аккуратно пришитыми золотистыми изображениями цифры «2» – личные адъютанты каждого из членов Учёного Совета. Их снова обыскивали. Адъютанты были мужчинами и Светлана пыталась что-то возразить, когда обыскивавший её потребовал раздеться догола и делать приседания. Тот кратко объяснил, что тогда она не попадёт на приём – ей пришлось раздеться и выполнить унизительное упражнение. Затем появился правительственный медик в сопровождении психолога и психотерапевта, которые внимательно осмотрели каждого из посетителей, задавали тестовые вопросы, кололи иглами в шею, погружали их в гипноз и делали другие малопонятные процедуры. Светлана спросила:

— На ленточников проверяете?

Ей не ответили.

К исходу дня, наконец, они попали в кабинет Учёного Совета. Когда-то это был личный кабинет Президента Республики Беларусь. Теперь за огромным президентским столом сидело три Учёных. В центре сидел учёный-аграрий Ежи Дроздинский – Председатель Ученого Совета – морщинистый старичок с длинными пушистыми седыми волосами.

Рахманов, Светлана и Радист вошли в кабинет со слегка приподнятыми руками, повернутыми ладонями к Их Значимостям. Офицеры охраны объяснили, что тем самым они демонстрируют открытость своих намерений. Если руки начнут опускаться или подниматься или ладони отворачиваться от учёных, их расстреляют прямо в кабинете, якобы за непочтение. Однако было件нятно, что этот ритуал имел сугубо практический смысл – руки должны быть на виду у стражи, скрывающейся за перегородками и ширмами.

Дроздинский предложил им сесть. Они сели в конце длинного стола, стоящего перпендикулярно президентскому. Руки положили на стол ладонями вверх.

Председатель спокойно сказал:

— Говорите.

Рахманов уже в который раз начал длинное повествование об обстоятельствах их прибытия в Муос. Хотя Учёные всё это уже знали из докладов администраторов, но Рахманова не разу не перебили. Когда Рахманов закончил рассказ, Дроздинский спросил:

— Что вы хотите от нас?

– Я Вам объяснял, что мы выполняем приказ, – несколько раздраженно ответил Рахманов, – в соответствии с которым мы должны установить инициаторов радиосигнала, наладить радиосвязь между Минском и Москвой и затем, по-возможности, оказать помощь в

решении проблем минского метро. Хотя я уже, если честно, не знаю, как мы можем решить последнюю задачу. В схватках со змеями, диггерами и шатуном половину нашего отряда погибла и истрачена большая часть боеприпасов.

– Зачем вам всё это? Зачем Москве нужен этот полёт?

– Как зачем? Сам факт осознания, что твоё поселение – не единственное живое на этой планете, способствует повышению морального духа, даёт надежду на лучшее будущее, является хорошей вестью, которые и у нас и у вас приходят редко. Кроме того, постоянная радиосвязь, обмен опытом выживания, и пусть редкие, но стабильные перелёты между двумя городами однозначно поспособствуют укреплению экономики наших убежищ. Простой пример: вы бы предоставили нам семена и технологию по выращиванию нерадиоактивного картофеля и мы бы её успешно применяли в Москве, где уровень радиации меньше, а средств индивидуальной защиты для выхода на поверхность больше. В обмен вы бы получили грибницу и технологию грибовываивания. Это позволит вам получать значительную часть продовольствия без выхода на поверхность...

Рахманов сделал правильный ход. Учёного-агрия явно затронула научная и практическая сторона новых возможностей решения продовольственной проблемы. Не желая этого, он выдал свой интерес, машинально схватив и одев очки с толстыми линзами – видимо так он делал всегда, когда думал или решал какую-то проблему. Рахманов продолжил:

– Ну и, кроме того, мы прилетели не по своей инициативе. Это ж Вы нас позвали...

После паузы ответил Учёный-Физик, сидевший по правую руку от Дроздинского:

– Видите ли, я и мои коллеги трудимся в своих лабораториях день и ночь, начиная с Последней Мировой. Причём мы редко открываем что-либо новое. В основном мы изыскиваем возможности, как производить в Муосе простейшие вещи или продукты, такие же, как пол-века назад на поверхности производили без труда в огромных количествах. Ресурсы у нас очень ограничены и поэтому приоритеты в разработках тщательно обсуждаются, прежде чем претворяются в жизнь. И вот я вам что скажу. В лабораториях Центра никогда не то что не было радиопередатчика – у нас даже вопрос о его разработке никогда не подымался. Мы представляем, что такое радиосвязь и даже в программу образования нашего Университета входит ознакомительная лекция по радиоволнам и радиосвязи. Но у нас нет ни одного живого радиомеханика. Я вас заверяю, что в Центре передатчик не производился.

– Тогда кто же его мог сделать?

– Я не думаю, что где-то ещё в Муосе уровень образования позволил сделать радиопередатчик.. Хотя в Америке могло остаться со времен Американской войны что-нибудь. Методом исключения можно сделать вывод, что вероятнее всего его сделали или нашли в Америке.

– Значит, мы пойдём в Америку.

– Это не безопасно.

– А в вашем метро всё не безопасно.

Затем Учёный Совет задал несколько вопросов Радисту о том, насколько он компетентен создать радиопередатчик. Радист неуверенно ответил, что сможет. Рахманов напомнил, что в случае неудачи, они смогут воспользоваться радиоператчиком, охраняемым мертвой сталкершей.

На этом аудиенция была закончена. Председатель заверил, что им сообщат о своём решении.

5.5.

Все были разочарованы. Особенно досадовал Рахманов. Им придётся делать ещё один переход в какую-то там Америку. Вернувшись в гостиницу, они сообщили досадную новость Дехтеру и другим уновцам. Прозвучало предложение считать первую часть задания

невыполнимой, возвращаться на Тракторный, воспользоваться передатчиком мёртвой стalkerши, после чего возвращаться в Москву. Всем им очень хотелось домой.

Но Дехтер присёк эти разговоры, сообщив, что они не исчерпали все возможности для выполнения приказа. Кое-кто искоса посмотрел на Дехтера – он явно не хотел уходить из Муоса из-за Анки и своих обещаний Партизанским командирам. Всем составом партизаны и москвичи собрались обсудить дальнейший план действий. Купчихе и ходокам надо было возвращаться на Тракторный, гнать велодрезины с товаром. Придётся нанимать центровиков и нейтралов, так как боеспособных ходоков осталось восьмеро. Светлана и уновцы отправятся налегке в Америку.

Вечером пришел посыльный УЗ-5 и сообщил, что Светлану снова вызывает Учёный Совет. Светлана спустилась с провожатым в бункер. Глаза ей не завязывали и её не обыскивали. Один из адъютантов молча отвёл её в тот же Президентский кабинет. Здесь присутствовал только один член Учёного Совета – медик-анатом Владимир Барановский – невысокий седой старик лет восьмидесяти, с пушистыми седыми усами.

Увидев Светлану, он встал, подошел, взял её за почтительно приподнятые ладонями вверх-вперёд руки, улыбнулся и доброжелательно спросил:

– Думала, не узнал?

– Нет, Учитель, я так не думала. Я понимаю, что положение Вас обязывает воздерживаться от эмоций.

– Ну, здравствуй, девочка, – он радушно обнял Светлану, крепко прижав к себе.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович. Очень рада Вас видеть, – Светлана тоже обняла члена Учёного Совета.

– Ты представить себе не можешь, как я рад тебя видеть. Ты изменилась. Повзрослела. Такой уверенный взгляд... Это ж сколько лет... лет пять тебя не видел, с самого выпуска. Да ты, садись-садись, рассказывай!

– Да что рассказывать, Вы же всё сами прекрасно знаете. Не хорошо у нас там.

– Да, знаю, что не хорошо... А ты чем занимаешься?

– Я – Специалист по внешним связям Партизанской Конфедерации. Осуществляю робкие попытки объединить Муос, – Светлана улыбнулась.

– Безнадежное дело. Слишком поздно. Муос развалился на куски, склеить которые шансы малы.

– Шансов склеить будет еще меньше, если никто не будет пытаться это сделать. Вы про «Землян» слышали?

– «Земляне»? Это смешно.. Даже ты веришь в эти сказки, которые центровики с уровнем ниже пятого рассказывают своим детям на ночь? Что какие-то там добрые волшебники, кочующие не то в неметрошном Муосе не то на поверхности, придут и объединят нас, и решат все наши проблемы... Не верю..

– Нет, Учитель, не легенды. Я уверена, что они есть. И даст Бог, Муос объединится.

– Всё также веришь в Бога?

– Да.

– Не разочаровалась? Зачем твой Бог допускает такие мучения? Зачем он создал мутантов, ленточников, змеев?

– Их создал не Бог. Их создали люди. И продолжают создавать...

– Света. Я тебя не просто поговорить позвал. Я к тебе с предложением. Оставайся в Центре. У тебя же уже УЗ-3 есть. Пойдешь работать ко мне в лабораторию. С твоей головой у тебя скоро будет второй уровень. А потом ты заменишь меня, станешь членом Учёного Совета. У тебя все шансы стать Председателем. Я никому такого не предлагал – только тебе. До тебя и после тебя у меня никогда не было такой ученицы. Когда ты была на последнем курсе Университета, я чувствовал, что на многие твои вопросы я уже просто не могу ответить, а на многие ты отвечала уже лучше меня. Такой интеллект преступно губить, использовать для бессмысленных переговоров с одичавшими поселениями. Мне нужен приемник. У тебя впереди чудесная карьера, ты сможешь стать одним из самых

могущественных людей в Муосе. Я тебе помогу. У меня есть сын. Он не глуп, (ну, конечно, до твоего уровня ему далеко). Он офицер с УЗ-4, скоро получит УЗ-3. Поженитесь. Кстати, я, глядя на него, часто вспоминал тебя, думал вот бы ему такую жену найти. Ты согласна?

– Учитель, спасибо за предложение, но там мой народ. Вы же помните: мне после выпуска предлагали остаться в Центре. Я отказалась. Ничего не поменялось, Учитель..

Барановский начал выходить из себя:

– Не понимаю! Я не могу этого понять! Тебе сейчас двадцать лет, так? У вас же, кажется, в двадцать пять наверх уходят..

– В двадцать три...

– Тем более не понимаю. Ты же, молодая, умная и красивая, за пару лет там заживо сгниёшь, ковыряясь картошку на поверхности. Зачем тебе это надо?

– Это – судьба всех Партизан. И я не могу иначе. Вы же знаете, я могла стать долгоживущим Специалистом, но я выбрала профессию, не дающую мне права на отсрочку. Я надеюсь за это время успеть многое сделать. Я считаю это своим признанием.

– Судьба Партизан? Да каждый из твоих мурзатых друзей-Партизан вырвал бы с корнем такой шанс, который я даю тебе! Хочешь объединять Муос? Так объединяй его из Центра! Ведь это самое могучее государство в Муосе.

– Только видимость могущества. Да, у вас крепче экономика и наука, больше еды. Но Центр гниёт и гниёт изнутри. Ваша бюрократизированная система не сможет противостоять тем опасностям, которые появились в Муосе. Вы отгородились от змеев, леса, Америки и, главное, ленточников, поставив впереди Партизан и Нейтралов. И из-за их спин храбритесь своей безопасностью. Всё это временно. Ленточники уже совершают набеги на ваши неметрошные поселения. Если падёт Нейтральная, вы окажетесь лицом к лицу с врагом. Что вы будете тогда делать?

– У нас есть войска. В лабораториях мы разрабатываем новое оружие. И, наконец, морлоки. Ещё несколько лет и мы создадим совершенных рабов, которые будут трудиться на поверхности, обеспечат нас продовольствием, смогут совершать набеги на другие станции прямо с поверхности.

– Ах вот что, Учитель, вы мне предлагаете! Вы всё трудитесь над своей проблемой по созданию морлоков? Извините, Учитель, но ваша лаборатория – это самое мерзкое порождение Муоса. Вы ставите чудовищные опыты над людьми, вы их уже сделали наполовину нелюдьми, и чувствуете себя творцом. Да ещё хотите меня завлечь в Вашу лабораторию, чтобы я продолжила Ваше дело. Нет, Учитель, я никогда не соглашусь работать с Вами. Вы – центровики – эгоисты. Вы думаете только о себе. Вы гордитесь созданной вами градацией значимостей, воспитывающую в людях цинизм и себялюбие. Вы по результатам тестов забираете у матерей их детей и отправляете их наверх умирать и стать объектами Ваших опытов. Но ведь для этих детей уже нет смысла в ваших научных трудах.

Да, я через три года уйду в Верхний Лагерь. Но я жила, училась, трудилась, боролась, пыталась изменить Муос и сделать жизнь лучше. И я не шла по чужим головам. Я знаю много хороших людей, которых Вы называли мурзатыми Партизанами: Батура, Талаш, Анка... Я люблю человека, который в числе других пришёл в наш многострадальный Муос издалека. Пришел, не смотря ни на какие опасности, не смотря на отсутствие в этом практического смысла. Они пришли нам помочь и найти здесь друзей. Вы слышите, Учитель: они делают это бескорыстно! Рискуя собой! Кто из центровиков способен на такое? Ваш сын способен? Вы способны? Так вот знайте, Учитель, мне лучше три года или даже день провести с этими героями, чем прожить сытую и долгую жизнь в вашем логове самовлюблённых слизняков.

А теперь, Учитель, я просто попрошу Вас помочь нам. Не ставьте нам палки в колёса, а если можете – помогите. Если мы дойдём – в этом будет и Ваша заслуга. Если погибнем – то Вы сможете вспомнить на смертном одре это хорошее дело – у Вас их было не так много!

Светлана всё этого говорила гортанным, спокойным и уверенным голосом. Она встала и теперь стояла перед своим учителем, который наклонил по-старчески трясущуюся голову и молчал, как нашкодивший ученик. Он уже не надеялся переубедить Светлану, и отрешенно

сказал:

– Председатель Учёного Совета предложил взять москвичей под стражу, поселить в отдельном охраняемом бункере, но при этом создать хорошие условия жизни, приравненные к УЗ-3. У них хотят получить всю необходимую информацию, попытаться наладить радиосвязь с Москвой. Учёный Совет заинтересован в этом, но боится, что вы осуществите это где-нибудь в другом месте Муоса, а значит оставите нас в дураках. Председатель предложил обдумать это, а завтра утром обсудить и принять решение, что с Вами делать...

Света, у меня было пять сыновей, четверо из которых погибли в Последнюю Мировую на поверхности. Дочерей у меня не было. Когда тебя, девчушкой, привезли больную, избитую, с почти разорванным пахом, я действительно считал глупым тратить на тебя средства и лечить, а предлагал партизанам лучше умертвить тебя или ещё лучше продать мне за бесценок для лабораторных опытов. Но те настаивали, поэтому я тебя сшил. Чудом ты выжила. Как только ты стала говорить, сразу засыпала меня кучей вопросов, вопросов не детских. Ты была любознательна, схватывала все на лету, и при этом очень добра. Однажды, когда я вечером зашёл в твою палату, ты стояла на коленях, сжав ладони, молилась своему Богу. Ты говорила: «Боженька, пожалуйста, помоги дяде Вове в его работе, ему так тяжело, он столько делает для людей, он вылечил меня, он такой добрый ...». Я неслышно вышел, мне стало стыдно, может быть первый раз в жизни, за то, что я хотел тебя убить.

Я ходатайствовал, чтобы тебя определили в школу. В Университет ты уже поступила сама, без моей помощи – тебе не было равных на вступительных экзаменах. Я с нетерпением ждал лекций и семинаров в твоей группе. Мне нравилось с тобой разговаривать, спорить. Когда у меня случался тупик в моих исследованиях, я шел поговорить к тебе. Ты всегда меня радостно встречала и с напором вступала в обсуждение частных научных проблем (о главной цели своих исследований я тебе, как ты помнишь, не говорил). В дискуссии с тобой решение рождалось само собой. Ни с кем в Центре... слышишь, ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой. Ты для меня была, как дочь. Когда ты после выпуска в Университете отказалась остаться в Центре, я думал, что ты, хлебнув несладкой партизанской жизни, вернешься. Ты не вернулась. С тобой из Центра для меня ушла радость жизни. Я стал Членом Учёного Совета, но это для меня, поверь, ничего не значит. Как мне хотелось поговорить с тобой. Когда я тебя сегодня увидел в этом кабинете, я думал, что у меня сердце из груди выскочит. Я ждал, когда ты придёшь. Вот ты пришла.. Я вижу, что ты стала ещё умнее.. Но ты уже чужая, совсем чужая..

Конечно, Света, я помогу тебе и твоим друзьям в вашей сомнительной затее. Я убежу Председателя отпустить вас... Но запомни, это я делаю не ради них, не ради себя, а ради тебя, девочка...

– Спасибо, Учитель.

6. АМЕРИКА

6.1.

Морской пехотинец ВМС США Рэй Славински был очень удачлив. Учебка, Ирак, военная академия, Афганистан – ему везде везло. Он не разу не был ранен, и к своим двадцати семи уже имел две полных колодки наград. Но главной его гордость – это M16 – автомат, на прикладе которого он делал зарубки. Их было двенадцать – столько врагов он убил. Всё по-честному: он именным кинжалом делал зарубки на прикладе автомата только в том случае, если был уверен, что враг был убит и был убит именно им. Поэтому реальный счёт его заслуг (убитых и раненных) был в два-три больше. Да и зарубки он ставил только при убиении вооруженных врагов. После того, как он в одном кишлаке расстрелял во время зачистки психованную пуштунку, поцарапавшую ему лицо, а затем и ее сына-подростка, который увидев смерть матери, пытался ударить его какой-то палкой, – он зарубок на прикладе не ставил. Всё по-честному!

Когда афганская миссия была провалена и правительство решило вывести американские войска, у Рэя – уже майора морской пехоты, начались спокойные времена. Его направили в Литву. Это маленькое балтийское государство стало новым преданным другом США, с умилением принимавшего любую военную помощь в предупреждении надвигающейся «восточной угрозы». В Литве формировались военные базы, проводились учения с неумелыми литовскими военными. Но войны здесь не было, и жизнь у Рэя потекла спокойная и размеренная.

Для Рэя схема мира была проста. Есть США – страна, в которой живут свободные цивилизованные люди, и заседает мудрое правительство с гениальным президентом во главе. Есть ещё пару десятков стран – друзей США, то же умных и свободных, но конечно не настолько, как США. И есть остальной мир – который представляет реальную угрозу свободной стране США. Для того, чтобы эти злые страны не напали на США – их надо опередить: разбомбить, уничтожить армию, расстрелять их глупые правительства; под контролем США провести свободные демократичные выборы... короче осчастливить угнетаемые народы. Работа Рэя, как солдата США, – делать это.

Ну а в свободное от работы время можно пропустить с друзьями по стаканчику или по бутылочке виски, поболеть за бейсбольную сборную. Рэй был хорош собой, что позволяло ему без труда «снять» какую-нибудь симпатичную литовку, признаться ей во внезапной любви, наобещать скорую женитьбу, а наутро выставить её из своей квартиры. Не смотря на весёлую жизнь, у Рэя на счетах в нескольких банках скопилась определённые денежные суммы, так что крепкий финансовый тыл у бравого парня имелся. Командир базы морской пехоты в городке с трудновыговариваемым литовским названием, скоро собирался на пенсию и на его место должен был попасть однозначно Рэй. У Рэя было всё хорошо!

Рэя не сильно тревожили сообщения о накаливании обстановки между США и некоторыми плохими державами, как-то Россия. Не сильно разбираясь в тонкостях международной политики, Рэй давно сделал вывод: что США правы всегда и во всём. Да к тому же сильнее всех. Поэтому за стаканом виски он любил помахать кулаком в сторону «Раши», не особо вдумываясь, что же такого ему – Рэю или его любимой Америке эта самая Россия сделала плохого.

Когда на их базе стали строить бункер, Рэй посчитал это глупостью. Когда объявили тревогу и командование отдало приказ занять бункера, убежища и укрытия, Рэй, как и все, забежал в недостроенный ещё бункер, считая это временным неудобством.

Их городок и их базу не бомбили. Однако, прослушивая эфир, Рэй впервые в своей жизни насторожился. Сквозь гудящую какофонию помех изредка пробивались голоса радиостанций, главным образом Южного полушария. Рэй медленно стал осознавать, что пропали не только его вклады в банках, но и самих банков скорее всего уже нет, да и деньги сами по себе также ничего не значат. О том, что вместе с его деньгами гибнут миллиарды людей, Рэя как-то не сильно волновало.

Ночью они поднялись из бункера в защитных костюмах на поверхность. В стороне, где был Вильнюс, стояло зарево от пожаров. Уровень радиации неуклонно увеличивался. Возле базы метались растерянные литовцы – они, очевидно, хотели получить от военных разъяснения или помощь. Увидев, что военные одеты в скафандры, литовцы стали что-то кричать на своём, женщины плакали. Пошёл дождь. Это был необычный дождь – дождь с радиоактивной гарью и пеплом. Даже в скафандре было опасно оставаться. Они вернулись в бункер. Когда Рэй, замыкая строй разведчиков, закрывал люк бункера, он увидел, что одну литовку тошнит.

Шли дни. Через неделю литовцы нашли шлюзовую будку спуска в бункер и начали стучать во внешнюю дверь будки. Какая-то школьница на ломанном английском просила впустить их в бункер. Эти призывы, понятное дело, игнорировались. Потом местные начали чем-то стучать по массивной двери, явно пытаясь её взломать. Это уже было посягательством на имущество, нет, даже на территории США. Рэй, не дожидаясь согласования с командиром базы, принял решение. Он, и ещё три морпеха, облачившись в

защитные скафандры, поднялись в шлюзовую будку. Рэй, открыв дверь, хотел жестко потребовать оставить территорию базы, но литовцы начали ломиться к ним. Их было человек тридцать. Многие держали на руках детей. У большинства проявлялась лучевая болезнь, у некоторых на лице и руках были язвы. Они молча тиснулись в будку. Рэй, принял решение молниеносно. Он отдал приказ стрелять и сам произвел несколько очередей в упор со своего верного M16. Семеро местных упали у двери будки, остальные испуганно отшатнулись. Только теперь Рэй обратил внимание, что бывшие с ним солдаты не стреляли вместе с ним, стрелял только он. Они же недоуменно смотрели на него сквозь стекла шлемов.

Командир базы, полковник Моррисон, последнее время занимался тем, что опустошал спиртовые запасы бункера. Узнав о подвиге своего заместителя, он, сквозь пьяный туман сказал ему в глаза:

– Славински, вы – дурак!, – но никаких действий не предпринимал. Он остался сидеть в своем кабинете, тупо и пьяно вглядываясь в фотографию своей семьи, которая осталась в Индианополисе. Ночью полковник застрелился. Рэй стал командиром базы.

Прошёл год. Городок вымер. Никто не нарушал покой бункера. Правда стали появляться какие-то странные животные и птицы. Один раз не вернулись три человека, ушедшие в разведку в город. Следующий разведотряд нашел их скафандры, измазанные жёлтой слизью.

В бункере тоже было не хорошо. В замкнутом пространстве солдаты и офицеры сходили с ума: драки, самоубийства, сумасшествия. Для наведения порядка Рэй сначала практиковал аресты, потом расстрелы, а однажды ему пришла гениальная мысль – выгонять провинившихся без скафандров на улицу. Это было очень поучительно для других. Казнённый солдат, медленно умирал, скуля и плача у будки бункера и его причитания долгое время были слышны на верхних ярусах бункера.

Кончались припасы. Заканчивались противорадиационные фильтры. Грунтовые воды подмыли одну из стен недостроенного бункера и теперь на нижнем ярусе по щиколотку воды. Связи с внешним миром не было. Рэя боялись, но он чувствовал, что в один прекрасный момент его просто задушат. Рэй серьёзно уже задумался, что и его жизнь даёт трещину.

База была расположена недалеко от белорусской границы – единственного союзника противной России. По задумке, главной задачей воинских частей являлось десантирование в Беларусь, перекрытие транспортных коммуникаций, уничтожение инфраструктуры и ПВО и ожидание основных сил для освобождения территории от противника. О Беларуси Рэй знал только то, что эта страна дружит с Россией, а значит она тоже неправильная.

На базе имелся свой советник по белорусскому вопросу – Александр Заенчковский. Он был ярким сторонником возникшего в конце 80х годов 20 века оппозиционного движения Белорусский Народный фронт (БНФ). Большой популярностью это националистическое движение среди белорусов не пользовалось и поэтому его представители предпочитали бороться за «свободу нации» из-за границы. Благо, что оплачивалось это разными международными и военными организациями очень уж неплохо. Заенчковский раньше был директором одного из мясокомбинатов на минщине. Проворовался, в отношении него возбудили дело и уже собирались арестовать, но не успели. Заенчковский эмигрировал в Литву, провозгласил себя «борцом за свободу», притесняемым «тоталитарным режимом», получил политическое убежище, неплохое пособие для политического беженца и иммунитет от выдачи белорусской стороне. Он устроился на работу на военную базу, как «консультант по белорусскому вопросу». Платили не так, чтоб уж очень, но и нет так, чтоб уж и совсем. Работа, к тому же, была непыльная. Объяснить некоторые особенности белорусского менталитета, как можно быстро и дешево навредить белорусской экономике и т.д.

Когда завывали сирены, Заенчковский побежал в бункер. В сутолоке не заметили, что в бункер пробрался невоенный. Когда разобрались, его притащили к пьяному Моррисону. Последний тупо посмотрел на собачье-преданное лицо Заенчковского и вяло махнул рукой: «Пусть живёт!». Заенчковского оставили и он стал в бункере мыть полы, убирать туалет,

делать прочую черную работу, которой, впрочем, здесь было не так и много.

И вот, когда Рэй мрачно сидел в кабинете командира, к нему вошёл адъютант. Тот сообщил, что хочет на прием попасть «этот русский». О том, что белорусы – это не русские, хотя и говорят на том же языке, они понимать не хотели. Рэй в другой бы раз нагнал чернорабочего, может быть даже наказал. Но сейчас это было хоть каким-то отвлечением от течения чёрных мыслей.

Заенчковский зашел и начал докладывать очень быстро, чтобы успеть доложить до того, как его выгонят. Он сообщил, что будучи директором мясокомбината, он однажды, выполнял странный госзаказ. Заказ делало военное ведомство с аббревиатурой, которую он теперь уже не помнит. Необходимо было произвести огромное количество тушенки для долговременного хранения. Оплачивался заказ хорошо. Он познакомился с представителем заказчика – каким-то подполковником и так получилось, что они решили вместе отметить удачную сделку (Заенчковский не упомянул, что вместе с подполковником они похитили две машины секретной тушенки – и обмывали именно это событие). И вот уже пьяный подполковник ему рассказал, что Беларусь готовится к войне, что в Минске, на основе метро и прочих подземных коммуникаций формируется грандиозная система подземных убежищ, и что этот заказ – именно в подземные склады.

– Так вот, если бы попасть в Минск и в минское подземелье, можно было бы освободить остатки белорусского народа от тоталитаризма и принести к ним свет американской демократии, а заодно взять под контроль некоторую часть продовольствия подземных убежищ! – пафосно закончил рассказ Заенчковский.

Слушая Заенчковского, Рэй начал приободряться. Да, ведь у них в подземных ангарах стоят вертолёты, в бункере остались летчики. У Рэя зачесались руки от предвкушения новых побед. Рэю пришло в голову, что он – единственный человек в этом бункере, который может и должен навести порядок не только в нем, но и на поверхности. Рэй произвёл Заенчковского в лейтенанты, дал ему должность «Советник» и теперь Заенчковский стал его правой рукой.

Сообщение о предстоящей операции ободрило солдат. Тысячный контингент уже мечтал о том, как они заживут в роскоши минского метро. Как благодарные минчане, а главное минчанки, будут буквально виснуть на шеях своих освободителей. Всем надоел этот дурацкий тесный бункер. Морпехов последнее время пугало уменьшение дневного рациона, не говоря о том, что кофе и курево уже давно закончились; да и всё прибывающая вода на нижнем ярусе порядком раздражала.

Рэй сам отобрал лучших морпехов для первого десантного отряда. Четыре десантных вертолета в сопровождении трёх «Апачи» покинули базу. Семьдесят сорвиголов весело гомонили и шутили под громкую боевую рэп-композицию. Не портил настроение унылый зимний пейзаж за бортом вертолётов. Во флагманском «Апачи» летел Рэй и его незаминимый помощник – Советник Заенчковский.

Заенчковский, который хорошо знал Минск, не узнал города, вернее то, что от него осталось. Эскадрилья долго кружила над городом – Заенчковский не мог сориентироваться в расположении улиц. Наконец он ткнул пальцем ориентир и семь «стрекоз» приземлились в центре широкой улицы. Одевшись в противорадиационные скафандры морпехи высыпали из вертолётов.

Рано утром они постучали в гермодверь станции метро Молодёжная. Из-за двери удивлённо спросили, кто стучит. Заенчковский ответил, что свои. Люк открыли. В верхнем помещении была большая скученность. В основном старики, инвалиды, больные. Оттолкнув в сторону хилых, ничего не понимающих «защитников» верхних помещений, подошли к следующей гермодвери и вошли в нижние помещения. Без единого выстрела разоружили немногочисленный отряд местной службы безопасности, вооружением которого являлись главным образом пистолеты и уже входившие в моду арбалеты. Провозгласили станцию территорией Соединённых Штатов.

Огромных запасов провизии, о которых говорил Заенчковский, здесь не нашли. Не встретили они и особой радости на лицах минчан от прибытия освободителей. Хотя, по

правде сказать, и огорчения их приход не вызвал. Таков уж менталитет белорусов, определение которого содержится в одном белорусском слове «памяркоуныя», не имеющего дословного перевода не на один язык в мире. Смысл этого слова можно отдалённо отражает целый коктейль понятий таких как «спокойные», «равнодушные», «терпеливые», «флегматичные» и т.д. Жители Молодёжной были измучены борьбой за выживание, кроме того, они были не очень-то довольны последними решениями властей Муоса и поэтому смену власти встретили почти равнодушно.

Хорошо вооружённый отряд морпехов двинулся в направлении Фрунзенской. Разоружили ничего не понимающих дозорных на входе в станцию. Эта станция была похожа на Фрунзенскую, и разоружение произошло по тому же сценарию. Что-то пошло не так на выходе с Фрунзенской. Несколько военных успели покинуть станцию. Они объединились с дозором на выходе из станции, послали двух посыльных на Немигу, а сами организовали заслон. Восемь защитников, оружием которых были один автомат, четыре пистолета, три арбалета и несколько ножей, вступили в неравный бой, который длился десять минут. Несколько выстрелов с американских гранатометов уничтожили дозорных, не успевших даже ранить ни одного из противников.

Предупреждённые Немиговцы готовились встретить врага, не зная впрочем ничего ни об их численности, ни об их вооружении, ни об их происхождении. Они успели создать слабую баррикаду в туннеле на подступе к станции. Однако уже через час, неся потери, под шквалом пулеметно-автоматного огня, выстрелов снайперов, перемежающихся с разрывами гранат и огнемётными струями, они отступили на станцию. Американцы, ворвавшись на станцию, стали палить без разбора. Гибли мирные жители. Началась паника. Люди стали тесниться в туннель и даже подниматься в верхние помещения. К вечеру сопротивление было сломлено. Довольный собой Рэй Славински, поблагодарил солдат за службу, выставил заслоны и разрешил своим морпехам отдых до следующего дня.

Учёный Совет был в растерянности. Штатские ученые не знали, что делать в такой ситуации. И поэтому чрезвычайные полномочия были переданы в руки Виталия Шевчука – главного администратора внутренней безопасности Муоса. Последний объявил всеобщую мобилизацию бывших военных, сотрудников МВД и МЧС. В течении ночи удалось собрать отряд из семидесяти человек, который выдвинулся в помощь гарнизону Октябрьской. Этой же ночью эскадрилья вертолётов ВМС США ушла в Литву, на базу, за новой партией морпехов. Прибывшее утром подкрепление сразу было переброшено на подступы к Купаловской. К обеду американцы с почти двойным перевесом в численности и многократным перевесом в вооружении столкнулись в туннеле со сводным отрядом Муоса. Бои длились до поздней ночи. Защитники Купаловской частично отступили через Переход на Октябрьскую, частично по Автозаводской линии – на Первомайскую. Рэй знал от Заенчиковского, что связка станций Октябрьская-Купаловская является ключевой в Минском метро и поэтому приказал любой ценой взять контроль над этими станциями. К утру была сдана Купаловская.

Третий рейс с морпехами прибыл в Минск. Отрезанный от Центра Юг, не смог противостоять американцам и уже через неделю Рэй отмечал «освобождение» крайней станции автозаводской линии. По приказу Виталия Шевчука гарнизоны со всех станций были собраны в один полк. Теперь двухстам морпехам противостояло триста солдат Муоса. Славински решил не вступать в бой с основными силами местных до достижения подавляющего численного преимущества, направить основные силы на Восток. На освобождение ослабленного внутренними неурядицами и голодного Востока у него ушла неделя.

Славински готовился к последнему победоносному удару по силам Центра, уже предвкушал, как объявит себя Императором Муоса, но в результате стечения ряда обстоятельств его мечтам было не суждено сбыться.

Был самый пик ядерной зимы. Вьюги и сильный ветер в течении месяца не давали забрать очередное подкрепление с базы в Литве. Не смотря на предупреждение летчиков, Славински потребовал у них осуществить вылет, но через час после взлета лётчики с трудом посадили машины обратно в Минске, возле импровизированной авиабазы у выхода со станции Фрунзенской, отказавшись лететь в таких погодных условиях. Один «Апач» и один «десантник» не вернулись после этой попытки исполнить приказ Славински. Славински был вынужден ждать улучшения погодных условий.

Тем временем Виталий Шевчук избрал привычную для белорусов партизанскую тактику войны. Не смотря на то, что среди жителей захваченных станций оказались предатели, никто из них в полной мере не владел расположением коммуникаций Муоса. В Центре же находилась довольно подробная карта этих коммуникаций. Шевчук посылал по коллекторам, подземных ходам, канализациям небольшие разведывательно-боевые отряды, которые осуществляли внезапные нападения на дозоры и небольшие отряды американцев.

В течении первых нескольких дней с момента избрания новой тактики, американцы потеряли в небольших стычках больше людей, чем за время всей «освободительной» компании. В плен взяли несколько американцев, которые под пытками сообщили о происхождении «освободителей», а также об их численности, вооружении и целях. Славински, в свою очередь, под страхом изгнания на поверхность запретил своим солдатам передвигаться или квартироваться группами менее, чем по десять человек.

Наконец, наступило долгожданное для американцев улучшение погоды. Однако очередной рейс на базу не привёз подкрепление. Растерянные лётчики сообщили, что прилетев на базу они увидели разваленную будку входа в бункер, сорванный люк бункера. В самом бункере они не нашли ни одного живого солдата, только разбросанную униформу, вымазанную вонючей слизью. Кто убил весь гарнизон – осталось загадкой.

Славински немедленно вызвал к себе Заенчковского. Советник занимался созданием местной полиции, которой дал название так любимой им партии – Белорусский Народный фронт. БНФ набиралось из жителей Муоса, присягнувших на верность Американскому правительству. Идейных бэнээфовцев было немного, в основном шли в полицию из-за повышенного пайка. Славински от Заенчковского потребовал немедленно увеличить численность БНФ и создать штурмовые отряды для участия в боевых операциях по взятию Центра. На Ближнем Востоке («Площадь Победы» и «Академия Наук») начались возмущения новыми порядками и по требованию Славински, их подавлением занималось БНФ. Начались массовые расстрелы и изгнание на поверхность. Для того, чтобы попасть в элитные штурмовые отряды БНФ, кандидат должен был расстрелять хотя бы одного непокорного. Были и такие, кто соглашался.

Славински предпринял несколько попыток взять станцию «Площадь Независимости», но каждый раз, с большими потерями должен был отступать. Он набирал новых рекрутов в штурмовые отряды, всё увеличивая их численность. Регулярные рейсы на литовскую базу обеспечивали отряды оружием, но центровики не давали продвинуться в туннеле не на один метр.

Увеличившаяся численность армии, требовала повышенных ресурсов. Славински установил своим декретом обязательный 16-часовой рабочий день. Для обеспечения повиновения, он ввёл феодальную, вернее даже рабовладельческую систему управления. Каждому морпеху и бэнээфовцу в собственность было отдано по 20-30 человек местных и поставлена норма в получении товаров и продовольствия. В свободное от службы время они обеспечивали выполнение «плана». Выполнив план и сдав требуемый продукт, они имели право делать со своими рабами всё, что угодно. Подконтрольную часть метро Славински разделил на штаты – каждая станция являлась отдельным штатом во главе с губернатором. Себя Славински провозгласил Президентом. То, что президент – должность избирательная, Славинского не смущало.

И без того нелегкие условия жизни в Муосе, в американской части стали

невыносимыми. Одуревшие от власти феодалы стали издеваться, насиловать, мучать и убивать своих рабов. Они спровоцировали выход наружу ещё одного глубоко спрятанного в душе, но неотъемлемого проявления белорусского менталитета: однажды «памяркоунасць» белорусов истощается и «тады яны бяруць зброю» *note 13*. Причём это делают всем народом, от мала до велика. И бьются до смерти. И тогда земля горит под ногами врагов.

На Партизанской началось стихийное восстание, которое возглавил Дед Талаш. В считанные дни восстание охватило Юг. Практически всё население восставших станций, вооружившись отнятым у американцев стрелковым оружием, арбалетами, копьями, арматурой, с лютой ненавистью уничтожали вчерашних хозяев. Беспрецедентный поход Деда Талаша по поверхности и уничтожение всех вертолётов, захват Фрунзенской, уничтожение склада боеприпасов, впервые повергли Славински в панику. Он уже считал, что война им проиграна. Но сдаваться не собирался.

В одном из последних рейсов, по требованию Славински, с базы в Литве был привезен ядерный заряд. Стакилотонная дура была предназначена для самоуничтожения базы при непредвиденных обстоятельствах. Сначала Славински толком не мог объяснить себе, зачем ему нужна эта бомба. Но теперь он восхитился своей мудростью. По его поручению бомба на велодрезине была отведена на Октябрьскую незадолго до отступления американцев с этой станции и заложена в тайнике. Все «минёры» по его требованию были расстреляны – лишние свидетели ему были не нужны. Славински ласково поглаживал чемоданчик – радиоуправляемый привод бомбы. Если партизаны и центровики дойдут до его кабинета, он, не задумываясь, приведёт заряд в готовность и нажмёт красную кнопку. И этому грёбанному метро будут кранты!

Октябрьскую взяли центровики, партизаны – Купаловскую. Но они не объединились в полной мере. Партизаны отказались признавать юрисдикцию Центра, объявив весь Юг независимой Конфедерацией. Между Учёным Советом и Советом Командиров произошёл конфликт. Они так и не объединились для того, чтобы сделать решающий удар по Америке. Долгие месяцы ожесточенные бои между тремя сторонами происходили в районе Купаловской и Октябрьской. Большой Проход и сама Купаловская переходили из рук в руки.

Наконец, уставшие от войны стороны, подписали Конвенцию, переименовав Купаловскую в Нейтральную и объявив её буферной зоной. Восстановился зыбкий мир.

Рэй не считал себя побеждённым. Он часто посмеивался, вспоминая, какой чудный заряд лежит на Октябрьской. В любой момент он может стать победителем! Ну и что, если он тоже погибнет! Он сделает этих тупых белорусов, покажет им, что такое настоящий американский парень!

В мирной жизни Рэй тоже нашёл себя. Он установил жесткий рабовладельческий строй. У него было много наложниц. Любая женщина, девушка или даже девочка в Америке принадлежали ему. Двух или трёх, которые не проявили в течении ночи достаточно страсти и любви к своему Президенту, он попросту отправил наверх. Ему докладывали потом, что девушки просились назад, заверяли, что исправят свою ошибку, что они любят своего Президента. Но было поздно – Президент Рэй Славински не менял своих решений.

Он был всегда уверен в своей правоте. Ничто не могло поколебать его самолюбия. Если бы не одно обстоятельство.

В расширении подземного коллектора, в который некогда была спущена река Немига, недалеко от одноимённой станции метро, был расположен Свято-Ефросиньевский монастырь. Его основал сразу после Последней Мировой отец Тихон – священник из одного из минских православных храмов. Сразу после войны и в последующем многие в Муосе искали спасения в Боге. Люди шли в монастырь, причём уже не было разделения на православных и католиков.

Монастырь был разделён на две части: мужскую и женскую, в военной палатке была

Note13

Бел.: тогда они берут оружие

обустроена церковь. При монастыре была небольшая церковная школа, больница и гостиница для полонников. Монастырь обеспечивал себя сам – имел небольшую ферму. Послушники и послушницы должны были по-очереди подыматься наверх и возделывать картофель. Со временем монастырь вырос в поселение с численностью до двухсот человек. Из-за пусть не частых, но обязательных, походов наверх, монахи и монахини редко доживали до сорока лет. Отец Тихон, не смотря на возражения паствы, тоже подымался наверх и выполнял в соответствии со своей очередью работы по возделыванию картофеля. Но ему уже было за восемьдесят, а выглядел он вполне здоровым. С отцом Тихоном были связаны и другие чудеса: он исцелял больных (даже от лейкемии), во время сорокадневных постов вообще не ел и не пил и оставался жизнеспособным, по его молитвам урожай картофеля на монастырском поле был, как нигде, велик. Но главным чудом было сам факт существования монастыря. Ни один человек с оружием не мог войти в коллектор Немиги и подойти к монастырю. Монастырь обходили стороной диггеры, змеи, а потом и ленточники. Не один агрессор никогда не пытался подойти к монастырю. Даже рабовладельцы-бэнээфовцы, руки которых были по локти в крови, боялись и думать плохо про этот монастырь. Необъяснимым образом эта боязнь передалась и морпехам. И опять же, чудом, Президент Славински долгое время не обращал внимание на обитель.

Но вот однажды, когда ему доложили, что один из бэнээфовцев, якобы, впал в религию, распустил всех своих рабов, раздал всё своё имущество и ушёл в монастырь, Славински вскипел:

– Достать его оттуда и казнить! И монастырь этот ко всем черям взорвать!

Когда на следующий день он вызвал своего адъютанта и спросил, где беглый бэнээфовец, тот ответил, что отряд, посланный за ним, вернулся ни с чем. Весь отряд был обезоружен и приведён к нему. Бэнээфовцы в ответ на его расспросы, презрительные высказывания и даже на его удары, стояли молча, понутив головы, ни в чем не оправдываясь и ничего не объясняя. Они в этот же день были отправлены в верхние помещения, их рабы и жены были распределены между другими рабовладельцами.

Славински послал семерых морпехов, но по дороге в монастырь на них напал змей и вернулись только трое. Тогда Президент лично, взяв с собой самых надежных американцев, вышел в направлении коллектора Немиги. Однако они ... заблудились, вернулись только через три дня так и не найдя монастырь, а один морпех, упав с лестницы, сломал себе позвоночник.

Славински, под угрозой расстрела потребовал местных проводников отвести его в монастырь. Но, как только он вышел из лагеря, пришло сообщение об очередном совместном наступлении центровиков и партизан и поэтому он был вынужден вернуться и принять участие в обороне. Это был очень тяжёлый бой для американцев, в котором Рэя тяжело ранили – первый раз в его жизни. Проклиная всё на свете, Славински зарёкся не трогать больше монастырь, но запретил под страхом смерти всем жителям Америки любое паломничество туда. Про монастырь он забыл, но только на время.

Однажды Рэю доложили о поимке монахини со Свято-Ефросьньевского монастыря. Вспомнив старую обиду, Президент потребовал привести её лично к нему. Он предвкушал, как он надругается над монахиней, как ее будет мучать и заставлять проклясть этот самый монастырь.

Монахиню привели к нему в спальню. Рэю не понравилось, как себя вели конвоиры – они словно чувствовали себя виноватыми перед монашкой. Они даже не связали её, а когда привели, быстро, виновато оглядываясь, ушли.

Голова монахини была скрыта под капюшоном её плаща. Рэй подошёл и грубо откинул капюшон. На него смотрела девушка, почти девочка. С вьющимися чёрными волосами и белым-белым, абсолютно чистым, лицом. Огромные голубые глаза смотрели на него с ... кроткой жалостью. Девушка совсем его не боялась. Она не боялась его – президента Америки! Это разозлило Рэя. Он понял, что надругаться над этим малолетним Ангелом он не сможет. Но он заставит её плакать, бояться и просить пощады.

Он ударил девушку по лицу. Та отлетела и ударилась головой о стол. Спокойно поднялась. Большое красное пятно стало наливаясь на щеке монахини. Рэй спросил:

– Ну что, ненавидишь? Боишься?

– Нет, что вы, господин...

Голубые глаза смотрели на него всё с той же жалостью... Да как она смеет! Рэй ударил её со всей силы ногой в живот. Девушка опять упала и с громким стуком ударилась головой о пол. Она с трудом села на колени и стала что-то шептать... Рэй, думая, что услышит мольбу о пощаде, подошел и прислушался.

– Спаси, Господи, и помилуй раба твоего Рэя... Не вмени ему сеё во грех, ибо не ведает, что творит... Наставь его на путь истинный, милости Твоя ради..

Рэй впал в бешенство. Он схватил девушку за волосы и потащил на выход, выкрикивая ругательства на аглийском:

– Сукина дочь! Дрянь! Это я-то не ведаю, что творю.. Пытать её.

Он вытащил монахиню в коридор, где увидел перепуганные лица адъютанта и конвоиров, почти с благоговением смотревших на юную монашку. Он понял, что они её пытать не будут.

Тогда он сам потащил её в камеру пыток, смежную с его «резиденцией», схватил раздвоенный провод под напряжением с оголенными концами и притронулся им к груди девушки. Маленькое тело содрогнулось.

– Проси прощения сучка... Или скажи, что ненавидишь меня...

Девушка ничего не говорила, она не кричала и даже не плакала. Рэй посмотрел и понял, что юная мученица мертва. Её необыкновенные голубые глаза всё также с жалостью смотрели на Рэя.

Этот взгляд его мучал всю оставшуюся жизнь. Глаз монахини он не забудет никогда, они не будут давать ему заснуть. Даже когда он упивался местным самогоном, этот взгляд, застрявший в его мозгу, не позволял ему уйти в пьяное забытие.

Тело монахини, над которым Рэй собирался надругаться, куда-то пропало. Рэй догадывался, что его унесли его же адъютант с конвоирами, хотя они громко отнекивались. Они тело, конечно, передали монахам, а те унесли в монастырь.

Личный адъютант Президента после этого случая ушёл, нарушив приказ, в Свято-Ефросиньевский монастырь. Именно он, уже будучи монахом, составил Житие Святой Великомученицы Ангелины.

6.3.

Усиленный обоз возвращался в Партизанские Лагерь. Отряд центровиков пополнил поредевшие ряды ходоков. Митяй мрачно смотрел на спины своих сотоварищей – ещё несколько таких переходов и ходоков не останется вообще. На его памяти не было похода, за который им бы пришлось понести столько жертв. Видимо все силы зла в Муосе противостоят этим пришлым уновцам. А что это значит? А это значит, что уновцы – воины добра; они очень нужны добрым людям Муоса. А что это значит для Митяя? Митяй принимал решение.

Они без особых проблем дошли до Октябрьской. Оттуда по Большому Проходу вернулись на Нейтральную. К счастью, Шатуна в Большом Проходе они не встретили.

На Нейтральной было решено переночевать, перед тем, как отряд разделится. Утром уновцы спохватились. Их командира – Дехтера – не было. Уже начали волноваться, однако от дозорных с южного кордона узнали, что их командир («какой-то ненормальный») сам (!) пошел, вернее побежал, в сторону Первомайской. Его пытались остановить, но он никого не слушал. Уже хотели пересматривать планы, идти за командиром, но он появился сам. Дехтер шёл по шпалам со стороны Первомайской. Лицо, как всегда, было скрыто под маской, но по бодрой походке могучего спецназовца было понятно, что его самоволка была удачной. Увидев своих, он коротко сказал:

– Мне надо было попрощаться. Кто-то вздумает такое повторить – убью! Все готовы? Через десять минут отправляемся.

По туннелю в сторону Америки шла интернациональная бригада. Шли молча, разговаривать не хотелось, да и за время безделья на Площади Независимости всё было переговорено. Они двигались налегке, только с заплечными мешками.

Начинали строй семеро уновцев во главе с Дехтером. Рядом с Дехтером шёл его новый друг Митяй. Митяй твёрдо решил, что миссия москвичей важнее, чем сохранность груза. Он назначил нового командира Ходокам, а сам пошёл с уновцами. Неизвестно правда, как к этому отнесутся Командиры партизанских лагерей, но с этим он разберётся, когда вернётся... если вернётся. Чуть подальше от основной группы шел Комиссар, бессменно держа руки в глубоких карманах плаща. Затем шла Светлана с Майкой. Все как-то привыкли к этой девочке, которая не капризничала и не создавала им никаких проблем, поэтому никому не пришло в голову, что Майку надо было бы вернуть с обозом в лагерь Партизан. Рядом двигались три центровика – два солдата и один офицер – Валерий Глина. Причём Глина – это была фамилия, но спецназовцы предпочли это считать кличкой – так она хорошо подходила этому большому и неуклюжему молодому парню. Замыкали строй двое нейтралов, выделенных Атаманом. («Лучших отдаю!!» – комментировал свой поступок Голова, – «В замен на ваших хлопчиков, которые раненные у нас остались. Мясник их вылечит, мы до толку доведем – вот пусть и повоюют у нас»).

В метрах двухстах от станции Немига (американцами переименована в Немига-Холл), они наткнулись на первый американский блок-пост. Перед блок-постом была вырыта глубокая яма, заполненная мутной водой. Кое-где из воды торчали острые металлические штыри (на тот случай, если кто-то вздумает переплыть яму). Над ямой возвышался перекидной мост с рельсами. Мост сейчас находился в поднятом положении и теперь он являлся защитной стеной для стрелков (в конструкции моста были сделаны амбразуры, через которые выглядывали взведённые арбалеты). Кроме того, на нижней стороне моста и соответственно на фронтальной стороне защитной стены белой краской было написано на русском и английском языках: Штаты Муоса, и меньшими буквами: Штат Немига-Холл.

– Кто такие?

– Дружественная миссия с Партизанской и Центра.

– Шо надо?

– Да с начальством вашим поговорить.

– Сейчас, хозяев позовём... Хозяин Джексон! Тут какие-то пришли, хотят поговорить..

Через некоторое время в одну из амбразур выглянуло прыщавое лицо молодого парня, ровесника Радиста. Тот с диким акцентом произнёс:

– Уот вы хотите?

– Мы парламентареры с Центра и Партизанской. Нам надо поговорить по очень важному делу с Президентом Америки.

– Што, опять про объединенье говорит бъюдете?

Выступила вперёд Светлана:

– Нет, это очень важное дело, имеющее отношение ко всему Муосу, в том числе Америке.

– А-а! Ю, Светлана, опять к нам?, – увидев Светлану американец похабно заулыбался,

– О-кей. Тры парламъентера я пушчу. Определяйте, кто з вас поидет? Предъюпреждаю – оружий не брать.

Начали совещаться. Решили отправить Светлану, Дехтера и Глину. Просился Рахманов, однако было решено, что отправят по одному представителю от каждой группы: партизан, центровиков и уновцев. Остальные остались в туннеле возле мутной ямы. Заботу о Майке взял на себя Радист.

Ворота-мост медленно опустились. Видимо с целью предосторожности от внезапного нападения, край ворот повис на высоте более метра от края ямы. Там были поручни за которые надо было цепляться, подтягиваться и буквально вползать на мост. Так

парламентеры и сделали.

Когда они сошли с моста, Дехтер рассмотрел защитников блок-поста. Разговаривавший с ним юнец был одет в грязную необычную форму, явно военную, с множеством карманов, с нашивкой звездато-полосатого флага. Восемь защитников блок-поста были в обносках. Все они до болезненного худы. Вооружены арбалетами (по два у каждого), колчанами со стрелами, небольшими копьями. У каждого на лбу выжжено клеймо: «DJ» И все они были прикованы цепями длиной в полтора метра к рельсам и шпалам. Позже Дехтер узнает, что все они – рабы этого юноши, в задачу которого на сегодня входила организация обороны блок-поста. Сам феодал сидел в металлической будке с небольшой бойницей в метрах десяти от своих рабов. Рядом с ним, прямо на полу лежало три заряженных арбалета. В случае военных действий, рабы должны были принять удар. Отступить им не позволят цепи. А в случае, если они будут не достаточно хорошо вести бой, их спокойно будет отстреливать хозяин, посылая арбалетные стрелы им в спину. Рабы врядли смогут причинить ему вред – он скрывался в будке и амбразура была очень мала, а вот сами рабы были у него, как на ладони.

«Офицер» громко постучал прикладом арбалета в висевшую рядом с будкой жестянку. Через пару минут со стороны станции прибежал посыльный – тоже раб лет тридцати, с таким же клеймом на лбу. Он почтительно склонился перед молодым феодалом:

– Слушаю вас, мой хозяин.

Хозяин надменно, даже не глянув на раба, сказал:

– Отведи этих к гурбьернатору штата... Свѣтлана, может зайдѣшь на обратном пути?... Поговорим... Нет?... Ну я ж магу и не прাপустит тѣбя.. ха-ха-ха... Шютка..

Светлана не обращала внимание на этого отпрыска. Она и её товарищи пошли за рабом в сторону станции. Светлана ещё в Центре рассказывала уновцам об особенностях государственного строя Америки. Дехтер, ещё раз оглянувшись на молодого рабовладельца, спросил у Светланы:

– Этот что-то по возрасту не похож на коренного американца.

– Старший сын кого-то из уже умерших, или, скорее всего, погибших десантировавшихся американцев. Они наследуют все права своих отцов. Правда наследует только старший сын и только после смерти отца. А акцент у него такой из-за папочки. Большинство их в своих семьях разговаривали только на английском. Они вообще хотели переучить всю Америку на английский язык. Но это не привилось. Только в семьях коренных американцев звучал английский язык. Это закончилось тем, что их дети, когда повзростали, не научились нормально разговаривать не русском, не на английском.

– А что у этих горе-солдат на лбу?

– Клеймо. Его выжигают всем рабам в 13-летнем возрасте, когда определится, что мальчику не дано стать специалистом, а девочке – женой американца или бэнээфовца. У каждого рабовладельца своё клеймо – обычно обозначает заглавные буквы имени и фамилии. Не дай Бог, рабу перейти во владение другого хозяина. Тогда старое клеймо по-живому вырезают, а рядом на лбу, а то и на щеке ставят новое клеймо.

– Ну и скоты, – в сердцах воскликнул Дехтер.

Ведший их раб, слыша этот непочтительный разговор, испуганно оглянулся и засеменил быстрее.

Они вошли в Немига-Холл. Скученность, беднота и неубранность партизанских станций, неприветливость станций нейтралов и кастовая разделённость станций Центра, не шли ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое произвели на Дехтера передовая станция Штатов Муоса.

Посреди платформы стояло большое кирпичное строение до самого потолка, в котором и жили американцы. Рядом лепились десятков хижин бэнээфовцев. Остальное пространство было занято голыми помостами. У рабов не было права иметь отдельные квартиры. Они жили прямо на помостах. Причем помосты им нужны были только для сна – остальное время они должны были работать. Многие рабы, в основном мужчины, были прикованы цепями

разной длины – как-раз такой, которая необходима для выполнения их обязанностей внутри помещений. В углу станции, за отдельной загородкой, как для скота, находились беременные и кормящие женщины с грудничками. Они тоже должны были работать (главным образом ткать, шить и готовить пищу). Но работать им разрешалось меньше и питание у них было чуть получше – рабовладельцы заботились об увеличении количества рабов.

По центру платформы, под самый потолок, уходили пять вышек. На этих вышках, вяло переминаясь с ноги на ногу, стояли «американцы» и «бэнээфовцы» с арбалетами. Они зорко следили за снующими туда-сюда клеймёнными рабами. Выходы со станции охранялись не только от внешних врагов, но и от возможного бегства рабов со станции.

В боковой стене станции зияла дыра полутораметрового диаметра. Внутрь и вниз уходила нора. Туда цепочкой быстро шли, почти бежали, клеймённые рабы с пустыми носилками. Оттуда они выносили носилки, загруженные песком и камнями. Носилки с породой несли к гермодвери, соединяющей нижнее и верхнее помещение, выгружали на телегу. По мере наполнения телеги, дверь открывалась и породу вывозили наверх.

– Что они делают?,- спросил Дехтер у Светланы.

– Роят себе новое жильё. Рабовладельцы хотят выгнать туда всех или большинство рабов, чтобы освободить пространство в основном помещении. Видите ли, рабы им «портят воздух». При этом для рабов не предусмотрено освещения в этой яме. Жить они будут в потёмках.

Была на станции и школа, в которой учились только мальчики и только один год. Здесь давались азы чтения и арифметики. Но правительство Штатов заботилось не о всеобщем образовании. Просто надо было выяснять уровень способностей детей, а это можно было сделать только в процессе обучения. Наиболее умных отбирали для дальнейшей учёбы в Университете Центра. Штатам тоже нужны были специалисты для лечения американцев и бэнэфовцев, для обслуживания электросети, артезианских скважин, для работы на фабрике по производству электрооборудования (лампочки, провода, фонари, аккумуляторы, динамомашины), являвшейся экспортной основой Америки, а также нужны были зоотехники и агрономы для обслуживания сельского хозяйства. Выучиться для сына раба было единственной возможностью пробиться вверх. Сын раба, став Специалистом, принимался в БНФ, получал рабов и сам становился рабовладельцем.

Но обычно титул «коренного американца» и членство в БНФ передавались по наследству.

Упитанных людей в Московском метро были единицы. В Муосе их, думалось, быть не может вообще. Губернатор же Немига-Холл был не упитанным, не полным и даже не толстым. Он был жирным. Когда они поднялись в резиденцию губернатора, вошли в его жилище, достаточно просторное по здешним меркам, Дехтер сначала и не понял, что за гора лежит перед ними на диване. Губернатор штата Немига-Холл весил не менее трехсот килограмм. Губернатор не смел отказывать себе в еде. Помимо поглощения в немереных количествах жирной свинины, Губернатор съедал в течении дня несколько килограмм печенья и булок. Специально для него была сделана оранжерея, потреблявшая треть электроэнергии станции, в которой выращивались пшеница и сахарная свекла. Любил он побаловать себя и сильно выжаренным на свином жиру картофелем. И сейчас на жирных губах и волосатых грудях Губернатора, размерам которых позавидовала бы кормящая мать, покоились крошки от недавно съеденного произведения кулинарии.

Были у Губернатора и другие слабости. В промежутках между потреблением пищи и решением государственных дел, он расслаблялся в двумя юными девушками-рабынями. Сейчас обнаженные наложницы сидели за диваном, спинами к вошедшим, и о чём-то перешептывались. Губернатор тоже был совершенно гол и лишь прикрылся от глаз вошедших парламентаров тряпкой, небрежно бросив её на гору своего живота и паха.

Учитывая, что губернатор выйти из жилища не мог, у наложниц была обязанность его мыть и выносить за ним горшки. В таком унижении своих рабынь губернатор тоже находил почти сексуальное наслаждение.

Губернатор был сыном американского морпеха и одной из его наложниц. Просто как-то так получилось, что три его старших брата один за другим погибли или умерли при странных обстоятельствах. Потом покончил с собой и его отец, за которым ранее признаков депрессии и недовольства жизнью не наблюдалось. Злые языки говаривали, что к смерти своей родни причастен сам губернатор. Но у него на все случаи были «алиби». Правда, после того, как он стал «губернатором», все, кто обеспечивал ему «алиби», стали его приближенными. Но кто теперь уже упрекнет в этом губернатора?!

Отец губернатора не сильно ратовал за насаждение американской культуры, да и с детьми своими он не то, чтобы не общался, он их почти и не знал. Поэтому Губернатор не был обучен английскому языку.

– Ну что ты, партизанка, всё ходишь тут, ходишь? Что ты вынюхиваешь у нас? А?, – не поздоровавшись и не выслушав приветствий, раздраженно спросил он у Светланы.

– Что ты за пугало с собой притащила? – это уже относилось к Дехтеру и его маске.

– А может я ей нравлюсь? Может она остаться хочет? – с самодовольной улыбкой спросил губернатор, оборачиваясь к своим рабыням. Те, как бы оценив шутку хозяина, деланно захихикали.

– А что, Партизанка, оставайся у меня. С виду ты ничего. Будешь сыта. Работать почти не надо – это ж не работа (кивнул на наложниц). Да я вообще могу тебя не отпускать. Этих твоих в расход или в кандалы, а тебя у себя оставляю. Я давно уже новую девочку ищу, а то Нинка мне надоела... Да что ты хмуришься, партизанка? Нинка вот тоже хмурилась, царапалась, убежать порывалась. Помнишь, Нинка? (Одна из наложниц обернулась и испуганно закивала головой). Так её тут пристегнули (он указал на дыбу, установленную у одной из стен), без воды без еды два дня. А потом кричит: «Губернатор! Я вас люблю! Губернатор, хочу к вам в постель!». Помнишь, Нинка? (Нинка снова стала кивать и льстиво улыбаться). Ну я для большего желания её ещё денек так подержал, а потом разрешил доказать свою любовь. До сих пор меня любит. А я её разлюбил... ха-ха-ха...

Губернатор явно восхищался собой. Он, хоть и преподносил это, как полу-шутку, но наивно рассчитывал, что Светлана согласится. Светлана, незаметно взяла за руку Дехтера. Она чувствовала, как тот напряжен. Еще пару секунд и он подорвется оторвать эту жирную голову и не посмотрит на трех стражников, уперших парламентарам в спины заряженные арбалеты. Она решила вмешаться. Строгим и одновременно почтительным голосам она прервала запугивания и предложения Губернатора:

– Я очень ценю ваше предложение, Губернатор Штата Немига-Холл. Но у меня, как и у вас, много дел государственной важности и пока нет времени на личную жизнь (Губернатор, хоть и получил отказ на его полushутливое предложение, между тем остался доволен тем, что Светлана сделала это не резко). Конфедерация Партизан, а также Ученый Совет Центра и Атаман Нейтральной очень ценят строжайшее соблюдение Штатами Конвенции в части свободного пропуска по их территории послов и торговцев и не причинения им зла. Мы помним, что Штаты не нарушили не разу пункт Конвенции об оказании содействия послам. Надеемся на ваше высокомудрие в этом вопросе и в дальнейшем. А теперь мы бы хотели попасть в Фрунзе-кэпитал для разговора с Президентом Джексоном по очень важному вопросу, касающемуся всего Муоса.

Губернатор хотел было открыть рот, но Светлана его опередила:

– Вспомните, Губернатор, я всегда освещала вам суть проблемы, по которой иду в Фрунзе-Кэпитал, но сейчас, при всём желании, этого сделать не могу. Это настолько важный вопрос, Губернатор, что я его не могу открыть даже вам. О данном вопросе знают все правители государств, входящих в Конвенцию. И, я думаю, Президент должен знать тоже. Только в его компетенции определять круг лиц, которым он может доверить эту тайну. И вы, как мудрый человек, понимаете, насколько может быть зол Президент, если он не получит данное сообщение вообще или получит его слишком поздно. А он его обязательно получит, даже если по каким-то причинам мы не дойдём до Фрунзе-Кэпитал. В туннеле остались наши друзья, которые по истечении определённого времени сами пойдут во Фрунзе-Кэпитал

обходными путями, считая, что с нами что-то случилось. Мне бы не хотелось, что Президент мучался какими-то сомнениями в отношении вас, Губернатор, если узнает, что мы со своим сообщением до него не дошли.

Ещё недавно самодовольный Губернатор, почти уверивший себя в полной власти над этой стройной и симпатичной девушкой с таким независимым и смелым лицом (не то что эти тупые угодливые рабыни), теперь был явно озадачен. Светлана ему вежливо напомнила, что если с ними что-либо случится, то об этом узнают и Президент и другие члены Конвенции. Его тогда просто сотрут в порошок, при чем с большим удовольствием это будут делать и те и другие. Губернатор почувствовал себя не в своей тарелке. Он даже, суетясь, немного расправил тряпку, прикрывавшую его пах. И уже без былой развязности сказал:

– Да ладно тебе, Партизанка. Шутки вы не понимаете. Мы пропустим вас, но сперва пошлём гонца узнать, хочет ли вас принять Президент. Сами знаете, время не спокойное... чего гневить Президента. Ваши люди не будут волноваться, если вы отдохнёте у нас, пока гонец сходит туда и обратно?

– Ну, если это будет не долго...

– Нет-нет, не долго.. А пока, если не затруднит, пообщайтесь с моим советником по внешним связям. Ты ж, кажется, с ним знакома, – «Может хоть он что-нибудь выудит из них» – подумал про себя Губернатор, а вслух добавил: – Он хотел бы проблеме ленточников обсудить.

Когда Светлана вышла из жилища губернатора, тот нервно схватил булку, откусил кусок и жуя, злобно повторял:

– Стерва... Сука... Партизанская падаль...

Губернатор был более, чем прав. Как раз-то Геннадию Галинскому – советнику губернатора по внешним связям – Светлана рассказала всё. Только советник со своим Губернатором не поделится ни граммом информации.

– Здравствуй, Гена.

– Светик, ты? Ну, хоть одна хорошая новость...

Жилище Геннадия было одновременно и его кабинетом. В комнате три на четыре метра стояли: стол, заваленный какими-то бумагами, этажерка с папками и книгами, стул. За стулом тряпичная занавеска, за которой располагалась спальная советника и его семьи.

– А где Настя?

Гена открыл дверь, ведущую на платформу станции, выглянул, не подслушивает ли кто, затем закрыл её, взял за плечи Свету и отвёл её подальше от двери. Очень тихо ответил:

– А я Настю с Сашкой и Серёжкой в монастырь отправил... Вот мучаюсь, не знаю, дошли ли они... Уже месяца три, как отправил... А подстроил всё, как будто ленточники их захватили. Губернатор и его прихвостни поверили... Последнее время это не редкость.

– Что плохо с ленточниками?

– Ой, Светик, совсем плохо. Пока на станцию не нападали. Но дальние поселения Штатов еле держатся. Бункер Театра Оперы захватили. Машеровские Переходы тоже. Никто не спасся оттуда. Всех или убили или обратили, твари. На группы, которые в неметрошных переходах появляются, нападают: кого убивают, а кого захватывают и с собой уводят. Мы не знаем сколько их.. Но уж точно – не мало. Считай, пол-Муоса за ними уже.

– Что делать думаете?

– Ты про кого спрашиваешь? Нашему губернатору не до этого. Он занят порчей девственниц и поглощением сладостей. Это ж быть сволочью такой: на станции голод, а он сжирает столько, что двадцать семей прокормить можно. Ему докладывают чуть ли не каждый день о стычках с ленточниками, а он кричит, что мы его по мелочам беспокоим. Только последнее время, когда в ходе одной стычки его личного раба убили, до него доходить стало, что все очень серьёзно. Американцы с бэнээфовцами боятся ленточников. Но каждый о себе только заботится. Об организованном сопротивлении речи не идёт. Я думаю, что дальние поселения скоро все передуют. Вот тогда и за нас возьмутся.

– Да. Не сладко у вас.

– Куда уж слаще. Света, у меня часто мысли возникают самому убежать или к партизанам или в монастырь, или добровольцем сколотить бригаду из надёжных парней и драться с ленточниками, пока не убьют. Настолько всё надоело – блевать хочется. Ты ж видела, что у нас творится. Американцы с бэнээфовцами все сильнее дуреют, рабов мучают. И я ведь бэнээфовец – не забывай. У меня четырнадцать рабов есть. Они-то чувствуют, что я к ним по-другому отношусь. Но при других хозяевах, для конспирации, мне приходится на них и орать и бить иногда, чтобы быть таким как все. Вот ударю пацаненка из своих, по глазам вижу – не обижается, понимает. Но мне так гадко на душе после этого...

– Может быть скоро закончится это.

– Что-то слабо верится. Всё только хуже и хуже становится.

– У меня есть хорошие новости.

Светлана рассказала Геннадию историю про прилёт москвичей и про цели их миссии. А также про свои планы, связанные с появлением уновцев. Явно повеселевший бэнээфовец зацокал языком:

– Ай да Светка, ай да молодец. Не даром ты у нас самая умница в универе была. Я своей Настюхе про тебя часто рассказывал, так она ж ревнует дурёха... А ты как, замуж во второй раз не вышла?

– Нет. Но я люблю одного человека, уновца, он там в туннеле возле форпоста остался. Это необыкновенный парень...

Светлана проговорила с Геннадием до поздней ночи. Когда она вернулась к своим, Глина спал, а Дехтер сидел рядом с ним «в дозоре». Они решили не доверять американским станциям и быть постоянно на чеку.

Станция спала. Уставшие за день рабы после сигнала отбоя попадали на помосты и сразу забылись тяжелым сном. Часовые на вышках были на чеку, но тоже не шумели. Кое-где кто-то негромко похрапывал, кое-где во сне всхлипывали дети. И только где-то вдалеке – не то на другом конце станции, не то в туннеле, не то где-то в неметрошных переходах пела девочка. Это был удивительно нежный, чистый и красивый голос. Её песня раздвигала пределы убежищ и явно рвалась на свободу – к просторам поверхности, к звёздам. Совершенно не понятно, почему это юное создание не спало, почему оно пело, и кто его научил этой песне. Дитя пело слова, рождённые в другой стране и в другую эпоху, которой, как теперь казалось, никогда не было:

Вы не знаете, как мне дороги,

Подмосковные вечера...

Дехтера защемило сердце. Ему захотелось в Москву – в своё такое огромное, уютное и понятное метро.

Что ты милая, смотришь искоса,

Низко голову наклоня...

Он вспомнил крепкие и вместе с тем нежные руки своей Анки, вспомнил её глаза. В конце его недавней самоволки Анка не плакала, не объяснялась в любви, не удерживала его. Это не престоало женщине-солдату. Она могла попросить вернуться его, но даже этого не сделала. Она лишь шептала: «Мой Воин». Всё остальное сказали её глаза, такие преданные и полные необъяснимой веры в его силу. Она уже не надеялась на его возвращение. Когда он уходил, она сказала: «Ты спасёшь Муос, я знаю. И я буду молиться за тебя. Прощай». Это было прощанием навсегда. Он уходил, а Анка крестила его спину, шепча слова молитвы.

Затем он вспомнил наказ Деда Талаша. Перед его глазами поплыли картинки ужасов, увиденных в этом метро; стенания этого несчастного народа, помочь которому он вызвался сам. Он посмотрел в туннель в сторону Фрунзе-Кэпитал и уже в который раз ему в голову пришло осознание скорого конца его пути. На груди у него был деревянный крестик, подаренный ему его Анкой. Он тихонько его погладил через ткань камуфляжа и прошептал: «Помоги мне, Боже, с честью выполнить порученное дело». Он был уверен, что Тот, к Кому он обратился, его услышал. Стало легко и спокойно. Дехтер сам себе улыбнулся и прошептал: «Я готов».

6.4.

На станции прокричали: «Подъём!». Рабы, не хотя, подымались. Хозяева их подгоняли пинками. Галинский не вышел провожать уходивших парламентаров – это кое-кому могло бы показаться подозрительным. Светлана, Дехтер и Глина шли туннелем в сторону Фрунзе-Кэпитал. Дехтер, по непонятной для Светланы причине, шел бодро и уверенно. Ей же туда идти совершенно не хотелось. Со слов Галинского, на Фрунзе-Кэпитал в виду приближающегося нашествия ленточников настроение было упадническое. Рабы были близки к бунту, рабовладельцы зверели.

Близость агонии они ощутили, едва войдя на станцию. К стене у входа был приставлен деревянный крест. К нему был пригвождён раб-мужчина. Он был весь в крови. Но по широко открытым глазам было заметно, что дикая боль, физическая и душевная, не даёт ему возможности забыться. У подножия креста лежали жена и ребенок, пол которого, из-за страшных гематом и крови на лице, определить было не возможно. Ребёнок был уже мёртв. Мать ещё шевелилась. Рядом стояли два раба, которые по команде бэнээфовца наносили удары плетями по телу женщины. Смотреть на это кровавое зрелище были согнаны почти все рабы станции. Бэнээфовец, опьяневший от своих же издевательств, кричал:

– Ну? Кто ещё в монастырь хочет? А? ... Если я только по глазам увижу, что кто-то хочет бежать, сразу на этот крест пойдёте? Понятно?. Хором..

Рабы закричали хором:

– Понятно!

Проводник, сам не желая смотреть на казнь, быстро повел их в резиденцию Президента Штатов Муоса.

Резиденцию составляло три последовательно расположенных помещения – адъютантская, кабинет и спальня президента. В отличие от губернатора Немига-Холл, Президент не был расположен к излишествах. Его кабинет был обставлен довольно просто. Сам президент, не смотря на свои шесть десятков с лишним, выглядел ещё довольно крепким и подтянутым. Форма морпеха была поглажена и сидела на нем аккуратно. Седые волосы были подстрижены под «полу-бокс». Удивительно, но акцент у него был не сильный – Славински имел способности к овладению языками.

До встречи с Президентом, парламентары общались с его адъютантом. Тот в отсутствии иностранцев пересказал все Президенту. Славински сразу же потребовал личной встречи с чужаками. Он внимательно, часто переспрашивая, выслушал пришедших, так и не предложив им присесть. Сообщение его явно заинтересовало. Он пристально всматривался в лица посетителей. Но любые их вопросы он попросту игнорировал.

В ходе беседы он вызвал адъютанта и сказал ему:

– Приготовь этим людям место для почётных гостей, – сделав акцент на слове «почетных».

Адъютант, немного помедлив, ушёл, а когда через несколько минут вернулся, сообщил:

– Жилье для почётных гостей готово.

– Проводи наших гостей.

Когда Светлана, Глина и Дехтер открыли дверь в адъютантскую, там почему-то был выключен свет. На ощупь они направились туда, где должен был быть выход на платформу. Свет внезапно зажегся и на них со всех сторон навалились солдаты, нещадно нанося удары дубинами по телу. Это было неожиданно. Дехтер и Глина успели вырубить двух или трёх нападавших, но потом, под ударами, повалились на пол. А удары продолжали сыпаться.

Дехтер очнулся. Они находились в зловонной яме. Эта яма явно когда-то была выгребной. Сверху лежал решетчатый люк, через который едва проникал свет от далёкой лампочки. Очевидно, они находятся в слепой ветви туннеля. Его камуфляж на спине пропитался зловонной жижей. Гадко.

– Дехтер, очнулся? – послышался Светланин голос. Глина и Светлана сознания не

теряли – им досталось меньше, так как они слабее сопротивлялись.

Губы открывать было больно – они были разбиты, сильно опухли. Два или три зуба были выбиты. Дехтер, не отвечая, пополз туда, где по звуку должна была быть Светлана. Руки по запястьё погружались в грунт, пропитанный жижей. Светлана, поняв, что Дехтеру говорить тяжело, продолжила:

– Президент нарушил Конвенцию. Это происходило и раньше, но захвата послов не было ещё не разу. Значит он что-то задумал и задумал недоброе...

Их прервал скрежет открываемого люка:

– Кто из вас неместный, не из Муоса?

Дехтер хрипло ответил:

– Я.

– Выползай.

Спустилась лестница. Дехтер еле-еле, с помощью своих друзей поднялся.

– Ну и вонища от тебя, – прокомментировал один из трёх конвоиров, вооружённых арбалетами и секирами. – Как тебя к Президенту вести такого обосранного?

Дехтер молчал. Голова гудела. Болело в груди – сломано ребро. Мокрый камуфляж противно прилипал к телу. В сапогах хлюпало. Плевать. Теперь уже всё-равно. Маски на Дехтере не было. Видно её сорвали во время избиения. «Плевать. Конечно, жаль так бестолково подыхать. Как же я повёлся на это? Светлану жалко, и Радиста, который её не дожждётся. А на себя плевать – сам виноват, неудачник... Прости, Анка, прости, Талаш. Не оправдал я надежд Ваших.». Пока он шел, в мутном течении своих мыслей он что-то силился вспомнить и никак не мог. Что-то важное. Его остановили и больно связали за спиной проволокой руки.

Президент уже поджидал его возле своей резиденции. Он с деланным участием заговорил:

– Ай-яй-яй! Ну и мясники... Ну разве ж можно так.. А что это за запах от тебя, капитан?

Потом, как бы со злобой к конвоирам:

– А-ну, помыть и переодеть капитана!

Дехтера отвели в душевую. Сначала он хотел гордо проигнорировать предоставленную услугу, но потом подумал, что помыться у врага – это не предательство. Пока он мылся, его вонючую мокрую одежду и обувь кто-то унес и заменил на американскую военную форму. Форма была совершенно новая, не ношенная. Душ вернул Дехтеру силы. Это почувствовали и конвоиры, которые еще сильнее перетянули ему проволокой руки за спиной.

Его отвели в резиденцию Президента. Президент сидел за столом и смотрел на Дехтера. На столе лежал пистолет, обращённый стволом к уновцу:

– Знаешь, я ещё с юншества хотел посмотреть на русского. Вот, наконец, и увидел. Примерно такими я вас и представлял себе. Хотел бы с тобой в дружеском спарринге сойтись, да уже годы не те. Завидую тебе: здоровый, молодой, столько силы и энергии... А ведь я не просто тебя позвал. У меня к тебе предложение. Шикарное предложение, от которого отказаться ты просто не сможешь... Эти разговоры про налаживание контактов между Москвой и Минском; про поднятие морального духа населения – это бабские басни для таких слюнтяек, как эта твоя подружка. Мы ведь с тобой солдаты. А главная цель и смысл жизни солдата в чём? Воевать и завоёвывать! Вот это я тебе и предлагаю. Поступай ко мне на службу! Вернее нет: я предлагаю тебя стать напарником. Мне нужен энергичный, молодой и сильный военный начальник. Понимаешь, все мои друзья, с которыми я пришёл сюда, или погибли, или стали дряхлыми стариками – это уже не солдаты. Местные бэнээфовцы – это самодовольные тупые болваны, которые не могут даже совладать со своими рабами. С тобой мы бы смогли сделать многое. Ты, да пяток твоих друзей, создадите костяк будущего легиона. Соберёте вокруг себя, сплотите и обучите других. И мы двинемся освобождать Муос. Мы осуществим мечту многих – Единый Муос! А?! Как тебе?! И ты – Главнокомандующий Муоса!

Что скрывать? Я ведь не вечен. Ты займёшь моё место. Станешь императором Муоса. А потом, кто знает, пойдёшь на Москву! Долететь-то туда есть на чём. К-стати, насчёт твоего вертолёта. В течении нескольких часов мы можем доставить в Муос груз оружия. Я знаю одно местечко. Реального оружия, включая гранатомёты, огнемёты, газ... Ты представляешь это себе! Мы будем непобедимы!

Глаза президента светились хищным огнём. Он представлял себе картины будущих побед. Он видел зрелища расправ над ненавистными партизанами, некогда утершими ему нос.

– Ты что, думаешь я о себе забочусь? Дурак! Как будто не знаешь, что Муосу скоро конец? Ленточники уже контролируют треть пространства. Они осаждают Штаты и нападают на партизан. Если сидеть, сложа руки, и умиленно толкать гуманистическую ересь, скоро Муос будет принадлежать ленточникам. Нам места здесь не будет. Наш с тобой долг защитить население Муоса от врага. А для этого наши государства надо объединить. Объединить при помощи сильной и жесткой руки. Ну и при помощи оружия, которое у нас с тобой будет.

Дехтер угрюмо ответил:

– Я видел, как ты защищаешь своё население. За время экскурсии по Штатам посмотрелся на твоих подданных.

– Какие мы нежные! Это твоя подружка-партизанка на тебя так повлияла? А что ты думал? Сильная власть предполагает разделение на сильных и слабых. Это закон жизни... Ладно, убеждение на тебя пока не сильно действует. Попробую другие методы... Да ты не надейся, пытать я тебя не буду. Уверен, что пытки ты выдержишь с гордо поднятой головой. Я тебе такого удовольствия не доставлю. Пойдём-ка со мной. Ты во время своей экскурсии по Штатам ещё не всё видел...

Президент взял со стола пистолет и махнул им в сторону выхода. Дехтер, со связанными руками, вяло пошел в указанном направлении. На выходе Дехтера взяли на прицел три конвоира-арбалетчика. Его вели в слепую ветвь туннеля. Они прошли мимо ямы, где сидели Светлана и Глина. Кто-то включил свет и Дехтер увидел что-то, что заставило его, выдавшего виды офицера, вздрогнуть. Тупик туннеля был отгорожен клеткой. В нём находилось существо: черное, слизкое с кошмарным чёрным морщинистым трехглазым лицом. Со щели, которая являлась ртом, текла слизь. Существо имело четыре конечности, одновременно похожие и на руки и на ноги. Оно было раза в полтора больше человека. Когда зажегся свет, существо кинулось на решетку и издало булькающий вой.

– Знаешь, кто это? Это морлок. Его создали твои друзья-центровики. Мои люди его нашли во время вылазки на поверхность. Его бросили подыхать, посчитав, что он не прошёл какого-то там испытания. А у меня он ожил, подрос. Мы ему скармливаем трупы... Ну, иногда, и полу-трупы... Очень экономно и гигиенично.

Теперь Дехтер увидел несколько черепов, валявшихся в клетке. Его стало подташнивать. Славински, наслаждаясь произведённым эффектом, продолжал:

– Ему у нас хорошо. Мы ему даже жену нашли. Она провинилась. Про каких-то «землян» басни травить начала, моих рабов от работы отвлекать. Вот я её в жёны нашему морлоку и отдал. Думал – убьёт её морлок. Так нет же, он к ней хорошо относится, едой делится, не обижает. Я бы даже больше сказал... Может скоро дети пойдут.

Всмотревшись, Дехтер увидел в углу клетки ещё какое-то существо. Это была женщина или девушка. Она была грязная, волосы слипшиеся, одета в какие-то лохмотья. Она сидела на полу клетки и раскачивалась из стороны в сторону. Она явно была не в себе. Дехтер, не поворачиваясь, сквозь зубы, сказал президенту:

– Ну ты и сволочь!

– Согласен с тобой... Но, как я уже говорил, выживает сильнейший. Закон эволюции, так сказать. А в наше время и в нашем мире: гуманизм – это слабость... Но я ж тебя не на экзотику посмотреть привёл. Я у тебя совета спросить хочу, вернее узнать твоё мнение: как ты думаешь, если морлоку привести ещё одну подружку, он к ней также хорошо будет

относиться?

От приступа ярости у Дехтера помутнело в глазах. Три взведенных арбалета смотрели ему в спину, а президент явно ждал взрывной реакции от Дехтера.

– Если ты со Светланой что-нибудь сделаешь – тебе и твоим Штатам -хана! Это грубейшее нарушение Конвенции. Центр, Партизаны и Нейтральная объединятся и сметут вас.

– Да срал я на их Конвенцию. Подумай сам. Во-первых, Конвенцию я и так уже нарушил, отступать мне некуда. Во-вторых, у меня есть ты, а значит вертолет, оружие, хорошие солдаты (Я всё-таки думаю, что убежу тебя). В-третьих.... Вот тут-то самое интересное.... – президент дружелюбно-заговорщицки моргнул Дехтеру, после чего поманил его за собой.

Они возвращались в резиденцию. Славински, проходя мимо арестантской ямы, небрежно сказал одному из конвоиров:

– Эту партизанскую шлюху к клетке подтяните, пусть по-немногу знакомится с морлоком.

Конвоир подбежал к яме и стал её открывать, выполняя указание президента. От осознания того, что Светлану могут поместить в клетку к этому мутанту, у Дехтера стали подкашиваться ноги.

Президент указал конвою остаться в адъютантской, а сам с Дехтером вошел в кабинет. Затем Славински зашел в спальную и вышел оттуда с темно-серым пластиковым чемоданчиком.

– Никто из живых, кроме меня конечно, об этой маленькой тайне не знает. Вот смотри.

Президент поднял крышку чемоданчика – это оказался ноутбук. Засветился монитор, на нём появилось стилизованное изображение взрывного устройства.

– На Октябрьской, в одном тайничке, заложено стокилатонный ядерный заряд. Нажатие комбинации клавиш – и заряд взорвется. Тогда всему этому Большому Червячнику, как ты выразился – хана. Приятно уйти из жизни, зная, что с тобой закончит существование весь этот гнилой мирок. Это равняет тебя с божеством. Разве не так? Стоит этим дурням подойти к Фрунзе-Кэпитал, как я осуществляю эту нехитрую манипуляцию. Кстати, если я буду умирать от старости или болезни, я сделаю тоже самое. Уж такой я вредный. Не вижу смысла в существовании этого мира, если в нем не будет меня. Но, если кто-нибудь достойный заслужит быть моим преемником, я, скорее всего, передумаю это делать...

– Ты сумасшедший...

– Разве? А по-моему нет.. Разве ты не считаешь эти мои аргументы весомыми... Разве тебе уже не хочется согласиться...

Дехтер был знаком с поражающими факторами ядерного взрыва. Он представил, как заряд, заложенный на Октябрьской, в доли секунды превратит в плазму всё на расстоянии сотен метров. Раскаленная плазма, вместе со взрывной волной, будет распространяться по туннелям, ломая и плавя гермодвери и прочие препятствия. Не пройдет и секунды, как вся Московская линия со станциями и туннелями превратится в кишку, наполненную раскаленным газом. По Большому Проходу взрыв ломанется и на Автозаводскую линию, сметет Немигу и всё что за ней, Первомайскую («Анка!») и всё что за ней. Потом туннели обрушатся. Наметрошные коммуникации будут частично обожжены прорвавшимися раскаленными газами, частично разрушены от взрывной волны и тектонического землетрясения. Если где-то и выживут отдаленные поселения – они скоро вымрут от радиации. Муосу, безусловно, придет конец!

Последние слова Президент говорил, уже из своей спальни – он там прятал свой чемоданчик. Потом вышел и сел на стол, дружелюбно глядя на Дехтера, но при этом сжимая в руке пистолет, впрочем со спущенным бойком.

– А если я соглашусь, а потом тебя обману?

– Всё продуманно. Перед тем, как мы с тобой заключим союз, ты мне предоставишь маленькую страховочку на случай обмана. Для начала ты прилюдно казнишь своего

дружка-центровика. Подружку-партизанку, так и быть, можешь оставить себе, но только клеймишь её в свои рабыни. Заметь, я не такой уж и жестокий... У меня есть ещё с десяток пленных: партизаны, центровики, один нейтрал... Видишь ли, должен признаться, что я и раньше немножко нарушал Конвенцию, хотя их сородичи думали, что это все работа ленточников... Так вот, нескольких пленных ты казнишь, а остальных мы отпустим домой. Чтобы они рассказали своим, что ты стал верным сыном американского народа и всё такое. И ещё, я кое-какие распоряжения отдал на счёт твоих друзей, которые в туннеле перед Немига-Холл остались. Тех, кого возьмут живым, ты уговоришь идти с нами. Если не уговоришь – лично казнишь за неподчинение приказу командира. Пойми, войны всё-равно не миновать! А если её не миновать – её надо выиграть. Когда ты сделаешь для меня эти маленькие услуги, подтвердив свою верность, мы с тобой пару раз скачаем за оружием и начнём победоносную войну. Как два верных и надежных напарника! Разве не гениальный план?

Во время своих самодовольных излияний Рэй Славински не заметил, что Дехтер уже начал дыхательную гимнастику. Он вспомнил: Анна говорила, что если будет плохо, молись Богу, молись, как умеешь... В мозгу у спецназовца звучало: «Боже, милостивый, дай мне исполнить мой долг! Защити Муос от этого чудовища! Помоги мне!». Он заставил себя не чувствовать боль в перетянутых проволокой, немеющих руках, а также в груди. Он собрал все силы.

Шаг левой ногой вперёд, правая нога молниеносно взметнулась к потолку, выйдя почти в шпагат. На долю секунды нога застыла в верхней точке и, набирая скорость, стала опускаться вниз, к голове сидящего на столе президента.

Рэй Славински не сообразил, в чём дело, и даже рассеянно договаривал какое-то слово. Только когда каблук тяжелого морпеховского сапога почти коснулся головы, в последнее мгновение Рэй увидел глаза замученной им когда-то монашки и последней его мыслью было, что это всё из-за неё...

От мощного удара-молота, которым Дехтер когда-то на тренировках ломал бетонные плиты, но никогда не применял на людях, у президента в нескольких местах сломался позвоночник и был проломлен череп. Смерть наступила мгновенно. Тело начало заваливаться. Дехтер, развернувшись, схватил уже мертвого президента за руку и, чтобы не было стука, плавно положил на стол. Но в этот момент из руки президента выскользнул пистолет и с грохотом упал на пол.

Быстрее! Дехтер кинулся в спальную. Куда он дел этот чемоданчик? В спальней стоял шкаф. Дехтер, хватая зубами и распухшими губами ручки шкафа, открывал дверку за дверкой. Боль в челюсти заставляла стонать.

На стук упавшего пистолета отреагировали конвоиры. Кто-то постучался в дверь.

Дехтер говорил про себя: «Ничего! Сейчас найдём... Да-да, Анка, сейчас найдём... Я ж и Талашу обещал... Вы ещё Дехтера не знаете!...»

В дверь постучали сильнее. Конвоиры и адъютант маялись между страхом попасть в немилость президенту из-за несанкционированного входа в его покои и чувством, что в президентском кабинете происходит что-то не то. Кто-то осмелев, крикнул из-за двери:

– Господин Президент!

Дехтер искал. В шкафу нет. Дехтер схватил зубами одеяло президентской кровати. Потянул.

Распахнулась дверь. Вошедшие увидели лежащий на столе труп:

– Президент!! Быстрее!!

Вместе со стянутым зубами одеялом на пол упала подушка и лежавший под ней чемоданчик. Раздавался топот приближавшихся к спальне конвоиров. Дехтер подпрыгнул и двумя ногами приземлился на чемоданчик. Пластик с приятным хрустом разлетелся на десятки кусков. Дехтер заулыбался, как ребёнок:

– Ну вот...

В проём спальни двери вошли сразу трое. Дехтер начал танцевать своё последнее ката.

Он никогда этого не делал со связанными руками. Когда один конвоир со сломанной челюстью отлетел в кабинет, два других произвели выстрелы. Одна стрела вошла в грудь, а вторая – в плечё. Находясь в боевом трансе, не чувствуя боли, Дехтер сделал двойную «вертушку», сломав грудную клетку второму и ключицу третьему американцу. Лежа на полу, первый выстрелил со своего арбалета. Стрела вошла в сердце Дехтеру.

В последний момент Дехтер вспомнил Анкины слова, которые она шептала последней их ночью, наверное, готовя его к скорой смерти: «Мой Воин. Жизнь временна. Впереди – Бессмертие. Бессмертие, в котором мы будем вместе».

6.5.

Оставшиеся уновцы, центровики и нейтралы ночевали прямо в туннеле. Дехтер, уходя, назначил старшим отряда Митяя. Он необычно тепло обнялся со всеми, а Митяю сказал: «Береги их!». Отошли, на всякий случай, метров на сто от блок-поста Америки. Из плащей и заплечного мешка, набитого противорадиационными костюмами, сделали Майке кровать. Сами спали прямо на холодном бетоне туннеля.

Следующий день тоже провели в туннеле. Время шло медленно. За весь день мимо прошло лишь три пеших каравана. Караванчики, с большими тяжелыми заплечными мешками и одноколесными тележками испуганно смотрели на странный лагерь, разбитый прямо в туннеле.

К исходу дня их позвали со стороны блок-поста. Новый командир дозора – бэнэфовец лет тридцати, сообщил, что им надо идти во Фрунзе-Кэпитал. Их зовут друзья, и Президент Америки лично приглашает их к себе.

Им был выделен провожатый – клеймённый раб. Сводный отряд прошёл мимо мрачной Немига-Холл. Вошли в следующий туннель, ведущий в Фрунзе-Кэпитал. Блок-пост здесь был не такой капитальный – просто двустворчатые раскрывающиеся ворота на засове. Но солдат: американцев, бэнэфовцев и прикованных рабов, здесь почему-то было больше – не меньше тридцати человек. Причём многих рабов приковывали прямо сейчас. Рабы угрюмо смотрели на проходивших путников.

Ворота за ними закрылись. Они прошли метров пятьдесят и свет Немига-Холл скрылся за поворотом туннеля. В тишине туннеля был слышен шелест приближающейся велодрезины. Ментал что-то почувствовал:

– Назад, опасность.

Митяй крикнул:

– К бою.

Уновцы, центровики и нейтралы взвели оружие. Приближающаяся велодрезина вспыхнула – её кто-то поджёг. Она пылала и приближалась с большой скоростью, как раскалённый поршень, желающий заживо сжечь или раздавить всех, кто попадётся у неё на пути. Со стороны Немига-Холл послышалась команда:

– Целься..

Слышится скрип пружинных механизмов взводимых арбалетов. Вперёд нельзя и на месте оставаться тоже – приближающийся факел их сожжет заживо. Назад нельзя – если они и успеют добежать до ворот и не быть расстрелянными американцами, через ворота им не пройти. Их всё-равно равно там догонит пылающая дрезина. Западня! Радист крепко прижал к себе Майку.

Внезапно вперёд бросился Бульбаш. На фоне приближающегося пламени было видно, как огромными шагами-прыжками он быстро бежит к дрезине. Подумали, что сошел с ума, не выдержали нервы. У самой дрезины Бульбаш, прижав к себе свой АК-74, целенаправленно бросился под колесо. Колесо тяжелой дрезины на скорости продавало тело спецназовца, но когда наткнулось на прочный металл ствола удерживаемого им автомата, колесо соскочило с рельса. Подпрыгнув на теле мужественного воина, и мгновенно его убив, дрезина соскочила с рельсов, ударилась в стену, проползла несколько метров по шпалам и

остановилась. Огненный груз – патля, пропитанная соляжкой или маслом, разбросался на десятки маленьких костров. В туннеле было горячо, но пройти мимо этих кострищ было можно. Не медля, Дехтер скомандовал:

– Вперёд!

Со стороны Фрунзе-Кэпитал послышалось несколько арбалетных спусков и даже пистолетных выстрелов. Но стрельба велась беспорядочно – видно диверсанты не ожидали такого развития событий.

Преодолев линию кострищ, Митяй со своим отрядом выстроился в боевой порядок. В свете фонарей впереди появились силуэты. Отряд противников был больше, но они были растеряны и суетились, что-то выкрикивая.

– Огонь!, – скомандовал Дехтер и сам выстрелил со своего арбалета-культи. Почти одновременно щелкнули спусковые механизмы арбалетов центровиков и нейтралов, громыхнули автоматные выстрелы уновцев. Впереди началась паника.

– Вперёд! Бегом!, – Митяй, а за ним и его люди, обнажая мечи и пристёгивая штык-ножи, быстро приближались к врагу. Теперь было ясно, что это – американцы и их рабы. Большинство убегали в сторону Фрунзе-Кэпитал. Раненные, а также десяток самых смелых, остались в туннеле, готовясь к ближнему бою.

Митяй первым врубился в неровный строй американцев, нанося удары своим мечем и отражая их удары культёй-арбалетом. Он пробивался к командиру засады – пожилому американцу. Последний успел несколько раз выстрелить из своего пистолета. Он попал в голову уновцу, но потом меч Митяя разделил его на две части.

В туннеле лежало тринадцать трупов: Бульбаш, молодой уновец с прострелянной головой и одиннадцать американцев и рабов. Четверо раненных рабов, кто лёжа, кто стоя на коленях, молили о пощаде. По команде Митяя, Лекарь стал оказывать им помощь.

Совещались, что делать. Говорил Рахманов:

– Не вызывает сомнений, что это – заговор, в котором участвовали военные двух штатов Америки. Значит заговор спланирован президентом. Значит Светлана, Дехтер и Глина либо захвачены в плен, либо убиты (при этих словах Радиста передёрнуло).

– Сзади – отряд Немига-Холл. Они видели происходившее и готовятся выступить против нас, можете не сомневаться. Те, кто убежал из фрунзенского отряда, сообщили о проваленной засаде. В Фрунзе-Кэпитал тоже срочно готовится отряд возмездия. Штурмовать Немига-Холл и Фрунзе-Кэпитал мы не в силах. Выйти из туннеля не сможем. Нужно признать – мы в западне. Предлагаю, оставить девочку здесь с ранеными рабами – думаю, её не тронут. Самим двинуться к середине туннеля и принять бой. Наш последний бой!

– Дядя, я вас выведу.

– Что?, – Рахманов удивленно посмотрел на Майку.

– Я чувствую, куда нам надо идти.

Ментал внимательно посмотрел на Майку, что-то хотел сказать, но промолчал. Митяй скомандовал:

– Все за ней.

Майка сначала шла пешком, потом Радист подхватил девочку на руки и она показывала путь. Сзади послышался скрип открываемых ворот. За ними с Немига-Холл пустили погоню. Девочка несколько раз задумывалась, просила вернуться назад, потом снова указывала вперёд. Рахманов подумал, что наметившееся спасение – это пустые детские фантазии.

Когда они зашли за плавный изгиб туннеля, девочка вдруг показала пальчиком и сказала:

– Тут.

Сначала никто ничего не рассмотрел, но потом увидели небольшую дыру, присыпанную щебнем на стыке стены и пола туннеля. Бросились разгребать щебень. Дыра явно вела в какой-то лаз, но в размерах она увеличивалась так медленно. Погоня приближалась и вот-вот появится из-за изгиба туннеля. Неожиданно Комиссар сказал:

– Прощайте, товарищи!, – и быстрым шагом направился к Немига-Холл, извлекая из

карманов свои пистолеты.

– Да, блин, все всё-равно не успеем. Москве передайте привет, – нервно произнёс ещё один уновец и также направился к изгибу туннеля, передернув затвор автомата.

Комиссар и его неожиданный напарник скрылись за поворотом. Послышались выстрелы: двух пистолетов и одиночные выстрелы АК-74. Кто-то вскрикнул. Погоня остановилась. Один за другим сработало несколько арбалетов. Американцы отдавали команды, подгоняя рабов, которые залегли, спасаясь от выстрелов.

Наконец, дыра была отрыта. Один за другим они влезли в неё. Оказались в какой-то трубе полутораметрового диаметра в сечении. Митяй, уже находясь в трубе, высунул голову в туннель через дыру, чтобы позвать уновцев. Выстрелов уже слышно не было. Погоня приближалась. Комиссар с напарником сделали своё дело – они задержали погоню. Прошептав: «Боже, прими героев!»- Митяй спрятался в трубе. Преследователи, которых было человек сорок, ничего не подозревая, пробежали мимо и уверенно направились в сторону Фрунзе-Кэпитал.

6.6.

Игнат Заенчковский, сидя в ратуше Территории Вест-Гейт, уже в десятый раз перечитывал принесённое ему рабом-посыльным сообщение с Фрунзе-Кэпитал, и не мог поверить прочитанному.

Игнат стал губернатором Территории шесть лет назад. Теперь ему уже 23, тогда было – 17 лет. Отца он своего не любил и вспоминал о нем с отвращением. Да, собственно, и отцом он ему никогда не был, хотя знали об этом секрете только его мать и с недавних пор – он сам.

Александр Заенчковский, после высадки американского десанта в Минске, возглавил им же созданную организацию Белорусский Народный фронт, набранную из самых отмороженных представителей минского метро. Боевики БНФ плечом к плечу сражались с американскими морпехами и захватили бы весь Муос, если бы не партизанское восстание.

Когда была подписана Конвенция, Рэй Славински долго думал, что же ему делать с Заенчковским и его детищем БНФ. Такого «помощника» близко к себе держать было нельзя. Но и устранять его было неразумно. Поредевшие ряды морпехов не могли контролировать ситуацию в Америке только своими силами. А вот бэнээфовцы с этим справлялись более, чем успешно. БНФ был нужен Рэю.

Славински принял решение отдать Заенчковскому станцию Пушкинскую, крайнюю обитаемую станцию этой ветви метро. Её даже переименовали в Вест-Гейт. Однако она не получила статус штата, и была названа территорией. Формально губернатором территории являлся Заенчковский. Но в Вест-Гейт был назначен полномочный представитель Президента Штатов Муоса, с которым Заенчковский обязан был согласовывать все важные решения и который имел возможность налагать на любое из них своё вето, снять которое мог только Президент.

Славински, подписывая указ о назначении Заенчковского губернатором, улыбаясь, напомнил, что он ему отдаёт во владение пол-Америки, в оплату за его честную и самоотверженную службу. Насчёт пол-Америки Заенчковский говорил правду. За Пушкинской располагались станции Спортивная, Кунцевщина, Каменная горка. Кроме того, разветвленная ветвь подземных ходов вела в десятки неметрошных бункеров и укрытий, расположенных в спальных районах западной и северо-западной частей бывшего Минска. Вот только эти домены были больше обузой, нежели источником доходов для вновь созданной Территории. Маленькие и голодные дальние поселения не могли прокормить себя, а тем более платить дань. Заенчковский посылал карательные экспедиции. Иногда им удавалось забрать все припасы непокорной общины, после чего такая община, как правило, вымирала от голода. Но чаще всего община до прихода подразверстки либо уходила, либо баррикадировала входы, либо совершала внезапные нападения на приближающийся отряд

карателей.

Заселить недостроенные станции так и не удалось. Сразу после Последней Мировой в них тоже обитали люди, но потом в один день все три станции вымерли. Причина смерти их жителей так и осталась неизвестной; да никто выяснением причин и не занимался. После этого, уже в Американское пришествие, станции были снова заселены небольшими группами переселенцев, и снова все новоселы в один день вымерли. После этого станцию залелить больше не пытались: не только бэнээфовцы и американцы, даже рабы под страхом смерти отказывались туда идти.

Вот такое «поместье» выделил Славински своему «боевому товарищу». Игнат Заенчковский, оценивая ту ситуацию на свой ум, проклинал отчима за его мягкотелость. Бэнээфовцев к концу войны было в 4-5 раз больше, чем американцев. Отчиму ничего не стоило осуществить мятеж и взять власть в свои руки. Но Александр Заенчковский был трусом. Он кротко согласился с предложенными условиями и возглавил Территорию Вест-Гейт.

Формально все бэнээфовцы остались в подчинении Заенчковского, однако фактически они подчинялись президенту и губернаторам тех штатов, где проживали. У самого главы БНФ в подчинении осталось один взвод БНФ, которого едва хватало на то, чтобы решать внутренние проблемы.

Александр Заенчковский женился четыре раза. Жены не могли от него забеременеть. Он вызывал медика, тот осматривал женщину и ставил ей диагноз «бесплодие». Смелости поставить этот диагноз губернатору не хватало. Заенчковский после этого отправлял одну беднягу в верхнее помещения, и брал себе другую жену.

Четвертой была мать Игната. Шестнадцатилетнюю её приволокли в жилище Заенчковского. У жен Заенчковского возможности общаться с внешним миром не было. Они могли видеть только своего ненаглядного супруга и свирепую надсмотрщицу-бэнээфовку; и иногда медика. Жена губернатора на одном из медосмотров сама предложила медику стать биологическим отцом будущего сына губернатора. Медик не долго колебался: это было выгодно им обоим. Долго скрывать от губернатора его бесплодие он не сможет. А если последний узнает, что его водили за нос, а тогда и медику грозят верхние помещения. Таким образом, за несколько «медосмотров» молодая жена Заенчковского забеременела и на следующий год родила ему сына Игната. Медик вскоре умер от оспы, заразившись ею от пациентов, и тайну об отсутствии родства между губернатором и его сыном никто не знал, кроме матери последнего.

Население Америки ненавидело своих господ. Рабы ненавидели американцев, но ещё больше они ненавидели предателей. Особенно главного предателя, который привел врага в Муос. Шесть лет назад Александр Заенчковский был отравлен. Игнат стал губернатором Вест-Гейт (хотя он предпочитал называть свой дом Пушкинской).

Игнат решил не повторять ошибок отца. Он провозгласил автономию всех дальних поселений и отношения с ними свелись к взаимовыгодной торговле. Он не отменил рабство, однако запретил убийство господами своих рабов и членовредительство им, так как это «...существенно сказывается на численности народонаселения, а, следовательно, и на безопасности Территории Вест-Гейт и всей Америки». Полномочный представитель не увидел в этих решениях ничего крамольного и не наложил на них вето. Правда лояльность полпреда стоила Территории Вест-Гейт не дешево: тот увёз с собой три мешка сушеного картофеля и два огромных копченых свиных окорка.

Ни то, чтобы Игната его подданные сильно любили. Но рабы, зная о порядках в штатах и помня прежнего губернатора согласны были терпеть молодого губернатора.

В письме, которое читал Игнат, было написано, что президент убит. Полагают, что это сделали «земляне» (Опять эти земляне!). Губернатор ходил взад и вперед по кабинету. Его жена Алла вышла из-за ширмы с трехмесячным ребенком на руках. Он в двух словах рассказал ей о письме. Алла посмотрела на мужа, потом мягко сказала:

— Игнат, у тебя есть выбор. Сейчас или никогда! Если во что-то вмешались земляне,

значит надо или идти вместе с ними или ждать гибели.

Игнат нервно воскликнул:

– Да, что вы эти бабские рассказы слушаете и пересказываете. Земляне... земляне... Земляне сказали... Земляне сделали...

От крика заплакал ребенок, и Алла ушла снова за ширму, оставив Игната одного со своими мыслями.

Игнат вёл за собой отряд. Он шёл по туннелю первым. На нем одета короткая кожаная куртка и кожаные брюки, под курткой – бронижилет, который всегда носил его отчим и который не спас его от яда. Бронижилет Игнат одел впервые и впервые взял в руки пулемет Калашникова – тоже унаследованный от отчима. За Игнатом шел отряд с Вест-Гейт: сто двадцать бэнэфовцев и рабов. Он никого не заставлял идти за собой. Просто каждому рабу, участвующему в освободительном походе, он в случае успеха операции пообещал освобождение. И они пошли...

С бэнэфовцами было ещё проще. Он провёл открытое голосование по вопросу похода на Фрунзе-Кэпитал. «Против» проголосовало шесть человек. Все они теперь под стражей, что делать с ними дальше, он разберётся потом. А теперь он смело смотрел вперед. Те, кто шёл за ним, были не менее решительны.

Подошли к кордону Молод-Парадиз. Рабы-пограничники, видя небывалое войско, побросали оружие, не обращая внимание на крики сопляка-бэнэфовца, махавшего арбалетом, но так и не решившегося выстрелить. Игнат подошёл к горе-защитнику, который чуть не плача, наставил на него взведенный арбалет, и спокойно сказал:

– Идешь с нами?, – пацан закивал головой.

Молод-Парадиз был взят без единого выстрела. Всё произошло быстро и неожиданно. Американцы и бэнэфовцы штата были собраны в туннеле. Игнат Заенчковский выступил перед ними, сообщив, что они имеют полное право на самоопределение и предложил проголосовать по вопросу присоединения Молод-Парадиз к Республике (названия будущего государства он ещё не придумал и поэтому назвал его просто «Республикой»). По результатам голосования все несогласные и воздержавшиеся бэнэфовцы, а также все американцы, не зависимо от того, как они проголосовали, были арестованы. Лояльным было разрешено принять участие в «освободительном походе».

К Фрунзе-Кэпитал шёл полк, выросший до двухсот человек. В столичном штате было неспокойно. Смерть Президента для всех была неожиданной. Кто возглавит Америку? Причём остро стоял вопрос не только о личности предводителя, но и о том, из какого класса он будет: американец или бэнэфовец. На всякий случай и те и другие не выпускали из рук оружие. Готовились к столкновениям. Нервозность передалась и рабам – они вот-вот начнут бунтовать.

И без того напряженную атмосферу штата буквально взорвали выстрелы в туннеле со стороны Молод-Парадиз. Это стрелял пулемёт губернатора Вест-Гейт. Нападения оттуда никто не ожидал. В связи с приходом «парламентеров» со стороны Немига-Холл, думалось, что напасть могут именно с той стороны. Поэтому все запасы огнестрельного оружия были переданы усиленному кордону в туннеле на Немига-Холл. В штате началась паника. Наспех было сформировано подкрепление, но вот уже Игнат Заенчковский со своим пулеметом, не прекращая огонь, вошел на станцию. Из туннеля выбегали всё новые и новые штурмовики, опьянённые быстрой победой над малочисленным кордоном фрунзенцев.

Со станции началось бегство в туннель к Немига-Холл, а также в боковые ходы к дальним поселениям. Столичные американцы и бэнэфовцы отчаянно сопротивлялись, отстреливаясь из хижин и засев за брустверами наспех сооруженных баррикад. Ими же были расстреляны все лампы освещения станции. Но надежды, что это остановит нападавших, не оправдались – рукопашный бой продолжался в темноте, освещаемой немногочисленными фонарями. Последние очаги сопротивления были сломлены к утру.

Бежавшие с Фрунзе-Кэпитал американцы и бэнэфовцы принесли ужасную весть своим коллегам на Немига-Холл. Губернатор, узнав это, пришёл в неистовство. Тяжеловес стал

противно кричать: «Что мне делать? Нам всем конец!». Ему показалось, что одна из его наложниц при этом злорадно ухмыльнулась. Он заорал, брызжа слюной:

– Что ты ржёшь, скотина?... Смерти моей хочешь?... Или ты заодно с ними?... Стража-стража!... Отрубите заговорщице голову...

Побледневшую и трясущуюся девушку голышом потащили на выход. Но через пять минут она свободно вошла в жилище губернатора в сопровождении нескольких бэнээфовцев-администраторов. Она была одета, и в руках у неё был арбалет. Губернатор начал заискивающе просить:

– Нинка! Нинка! Ты чего? Девочка моя... Я же пошутил... Ты же говорила, что лю...,- излияния толстяка закончились на пол-слове – во лбу у него торчала арбалетная стрела, хладнокровно выпущенная мстящей наложницей.

Оценив ситуацию, бэнээфовцы Немига-Холл приняли решение, которое им показалось единственно правильным в данной ситуации. Они устроили кровавую резню, в ходе которой убили всех американцев. После этого во Фрунзе-Кэпитал был направлена делегация с просьбой о добровольном вхождении поселения Немига (американскую часть названия станции они решили не упоминать) во вновь создаваемую Республику.

Светлана сидела в квартире на Фрунзе-Кэпитал, в которой теперь квартировался Галинский. Перед ней стояла миска, доверху наполненная тушеным картофелем с мясом. Теперь ей разрешили есть, сколько хочет. До этого ей давали есть по чуть-чуть, чтобы не случилось несварения кишечника.

В вонючей яме она с Глиной провели четыре дня. Странный оказался этот офицер Центра. Он обращался со Светланой так, как будто её ненавидил: постоянно ей грубил, словесно унижал. Но когда стражники попытались вытащить её наверх, чтобы отвести к морлоку, он с голыми руками кинулся к ним и выхватил у одного из рук арбалет. Под угрозой арбалета стражник отдал центровику колчан со стрелами, а сам вылез из ямы. Тогда Глина втащил лестницу в яму и сообщил, что из ямы никто живым не выйдет, пока не вернётся его командир. Стражники могли запросто их перестрелять сверху, но на это у них не было разрешения Президента и поэтому они терпели. А спросить у президента боялись, так как пришлось бы доложить, что безоружный пленный разоружил конвоира.

А потом наверху началась какая-то суeta. По крикам стало понятно, что убит Президент. Кто это сделал, Светлана догадалась сразу.

Светлана потрогала скулу. Боль ещё не совсем прошла. Это у неё след от тяжелой руки Глины. Стражники в яму им кидали по две недоваренных картофелины в день. После того, как у неё случился голодный обморок, Глина потребовал, чтобы она ела и его порцию. Она категорически отказывалась, тогда он её ударил наотмашь. После этого она съела две картофелины своего сокамерника. Возможно, эта добавка спасла её от голодной смерти.

Тряслись руки, хотелось быстрее набить желудок, но она старалась есть медленно, хотя удавалось это с трудом. Галинский, видя её смущение, отошел и отвернулся к стене, якобы рассматривая узор выцветших обоев.

Когда Светлана съела всю порцию, она, убедившись, что однокурсник её не видит, быстро облизала миску изнутри и поставила на стол. Есть хотелось ещё.

– Спасибо, Гена.

– Да ладно тебе. Что дальше думаете?

– А какие новости насчёт нашего отряда?

– Никаких. Известно, что они вошли в туннель, раскатали засаду с Фрунзенской, а потом, как сквозь землю провалились. На Фрунзенскую они не пришли, на Немигу не возвращались. Думают, что они наткнулись на шатуна.

– Здесь же шатунов не было.

– В Большом Проходе их тоже когда-то не было.

– Нет, я уверена, что они живы.

– Уверена, – с ухмылкой передразнил Галинский, – Что дальше делать собираешься, я спрашивал.

– Пойдём с Глиной к Партизанам. Вернее, я к Партизанам, а он – в Центр. Я думаю, что Радист и Митяй тоже пойдут к Партизанам. По неметрошному Муосу они ходить не будут. Тем более с Майкой... Какая же я была дура, почему мне было её не отправить к Партизанам ещё с Нейтральной...

Светлана, согнувшись и обхватив голову руками, дальше разговаривала сама с собой:

– Нет, пока Митяй жив, а убить его не просто; Майка тоже будет жива. И Радист тоже... Он хоть драться и не умеет, но за Майку он глотку кому хочь перегрызёт.. И другие уновцы тоже...

Игорь, чтобы перебить замыкающуюся в себе Светлану, перебил:

– Да, ребята ещё те. Этот вожак их, который с вами был...

– Дехтер?..

– Да-да, Дехтер... Про него уже легенды складывают. Говорят, что он послан землянами. До сих пор не могут понять, как он со связанными руками, раненный, нашего любимого Президента в ад отправил, да его стражу перекалечил. Кстати, ты ещё всего не знаешь. Этих самых стражников, которые убили вашего командира, сейчас под пытками допрашивают. Так вот они говорят, что Дехтер в последние секунды жизни ломал какой-то чемоданчик, принадлежавший покойному президенту. Инквизиторы с Вест-Гейт нашли обломки этого чемоданчика. Оказалось, что это куски компьютера – помнишь нам про такие умные штуки в универе рассказывали. Электрики посмотрели и сообщили, что некоторые детали в результате поломки именно перегорели. То есть компьютер на момент его уничтожения функционировал. Пришли к выводу, что компьютер приводил в действие какой-то механизм или оружие, представлявшее собой угрозу Муосу. Вспомнили, что президент своим приближённым, когда был пьяным, бахвалился, что он весь Муос может в мгновение ока стереть в порошок. Уверен, что Дехтер не зря своей жизнью пожертвовал.

– Я уже сама начинаю верить в диггерские легенды о Посланных.

– А во всемогущих землян ты не веришь?, – с усмешкой спросил Галинский.

– Да нет пока... А ты чего такой невесёлый. Американцев свергли. Вот-вот рабство отменят.

– Ой, Света! Что-то страшат меня эти перемены. Молодой Президент Республики, по-немногу пьянеет от власти. Рабство он отменять, кажется, раздумал. Только тем, кто участвовал в революции, объявил свободу и набрал их в свою армию. В туннелях американцев и бэнэфовцев десятками расстреливают, даже тех, кто ничего плохого не сделал; даже тех, кто принял Республику. Семьи расстрелянных отдают в рабство вчерашним рабам – нынешним рекрутам новой армии. Президент, похоже, готовится идти дальше. Он и меня-то вызвал, потому что я тебя лично знаю. Так двузачно мне объяснил, что надо бы тесные контакты с Партизанами и Центром налаживать, да побольше информации о них выведать, в особенности про численность армии, вооружение и так далее. Боюсь, что наш Президент – это новый диктатор, который со временем попытается захватить Муос. А это снова кровь, разруха, голод... Колесо истории дает новый виток. Я ему про ленточников пытался напомнить – он же их на Вест-Гейт не встречал, слишком далеко от их территорий. Так он меня выгнал, сказал, что я «сцыкло» и что если я ещё раз его по мелочам побеспокою, он и меня в расход пустит... Да ладно, главное, чтобы Настюха моя с детками жива-здорова была...

Игнат Заенчковский сидел в кресле покойного Президента Штатов. Это было шикарное вращающееся кожаное кресло, в котором он буквально утопал. Теперь это его кресло – кресло Президента Республики. Игнат, улыбаясь, смотрел на стилизованную карту Муоса, аккуратно нарисованную цветными карандашами, висевшую на стене президентского кабинета. Вот они: две большие дороги линий давно уже нефункционирующего метро. От этих двух артерий, как капиллярные сосуды, во все стороны расходятся паутинки переходов, ходов и коллекторов. Эта вселенная под названием Муос лежит у его ног.

Он молод, силен. У него много энергии и большие планы. У него есть друзья и соратники. У него впереди много побед. Скоро весь Муос будет Республикой. Его любимая и

любящая жена Алла станет Первой Леди этой Вселенной. Когда он, устав от трудов и побед, решит уйти на отдых, он подарит эту Вселенную своему сыну Аркадию. Он заулыбался, вспомнив своего маленького забавного пятимесячного Аркашу. Сейчас его Алла с Аркашей на руках войдёт в их квартиру-кабинет. Он их расцелует и расскажет о своих планах. А Алла будет восхищаться своим могущественным мужем. А потом, когда ребенок заснет, он возьмет её на руки и отнесёт на кровать. Сегодня дела могут подождать...

Дверь открылась.

– Господин Президент!, – растерянно моргая глазами на Игната смотрел его управляющий, – Господин Президент, ваша же.. жена и сын..

– Что с ними?!

– Ленточники! Они напали на кортеж в туннеле. Мы нашли только одного живого солдата. Ленточники подумали, что тот убит и не забрали с собой... Игнат Александрович. Никто не думал, что ленточники могут напасть в этом туннеле – их там никогда раньше не было...

– Нет!!! Нет!!!, – Президент выбежал из кабинета и побежал к туннелю в направлении Фрунзенской...

7. ЛЕНТОЧНИКИ

7.1.

Ленточные черви – один из классов царства животных, подавляющее число которых – паразиты. Бычий цепень, печеночный сосальщик – многометровые плоские создания, произрастающие внутри живых организмов, в том числе человека, и буквально питающиеся своим носителем. В простонародье их называли глистами.

Корень уже двадцать лет жил в городской канализации. Когда-то, очень давно – в прошлой жизни, Корень был Алексеем Ковенко – молодым преуспевающим инженером на Минском заводе, производящем оптические прицелы для всего Союза. Но, как это часто бывает, он начал пить, потерял работу, с ним развелась жена. Комнату, причитавшуюся ему в их двухкомнатной квартире, он решил оставить жене с двумя детьми. Сам перебивался случайными заработками. За мелкую кражу получил срок. Когда вышел, жить было негде: дружок, у которого он жил до отсидки, сам находился в колонии и на двери его квартиры висел замок. И Корень, ища спасения от зимнего мороза в холодном городе, от безысходности открыл люк городской канализации в микрорайоне Уручье и спустился в него. Там было сыро, воняло, но зато было тепло. Он нашел ответвление в канале канализации, кое-как там обстроился. По ночам выползал наверх и обхаживал свои владения: в нескольких близлежащих дворах тщательно перебирал содержимое мусорных баков, выискивая бутылки, тряпье, картон, металл, а также остатки еды. Днем стеклотару и вторсырье сдавал в приемные пункты, покупал дешевое вино и снесь, после чего отправлялся к себе «домой», где упивался и спал. Из-за того, что Алесей жил в подземелье, соседние бомжи прозвали «Корнем».

Однажды на «своей» территории он увидел копошащимся в баке какого-то пацана. Он пришёл в ярость, схватил кусок кирпича, незаметно подкрался и ударил «вора» по голове. Рассмотрев поближе, увидел, что это женщина лет тридцати. Волосы на голове у нее частично были «выстрижены» лишаем и на их месте краснела гноящаяся рана. Но в положении Корня такие нюансы большого значения не имели. Женщина, или как он для себя её определил, – девушка, ему понравилась. Он затащил её в свою нору, где привёл в чувства, отпоил вином. Она назвалась Куклой – так её называли прежние друзья-бомжи, которые бессердечно изгнали из своей стаи, увидев лишайное пятно на голове. Стали жить вдвоём. Всё бы хорошо, но последнее время Корень стал недомогать: иногда его трясло, он слабел.

Однажды размеренную жизнь Корня и Куклы прервал страшный грохот и землетрясение. С потолка их конуры посыпалась пыль и мелкие кусочки бетона. Корень

поковылял на выход из канализации. Приоткрыв крышку люка, он всмотрелся и не узнал микрорайон: дома были порушены, кругом полыхали пожары, туда-сюда носились обожженные люди. Он уже собирался спуститься обратно в люк, чтобы обдумать происходящее, и уже прикрывал крышку люка, как что-то горячее полоснуло его по затылку. Через секунду началось новое землетрясение сопровождающееся немыслимым грохотом.

Шея болела. Кукла сказала, что у него как будто выжжена полоса на затылке. Поразмыслив, Корень понял, что началась ядерная война. Он вспомнил, как недавно случайно прочитал в газете, в которую было завёрнута обнаруженная им в мусорном баке почти свежая сельдь, что в мире очень неспокойно. Когда он уже закрывал люк, произошла очередная вспышка, пламенящие лучи которой прошли через щель закрывающегося люка и обожгли ему шею.

Боль в шее понемногу унималась.

Это неудобство не шло ни в какие сравнения с той удачей, которая выпала Корню и его подруге. Ударная волна развалила один из домов, на первом этаже которого находился гастроном. Обломки дома полностью завалили первый этаж и попасть снаружи в развалины магазина было невозможно. Зато сместилась перегородка одной из ветвей канализации, вплотную подходившей к магазинному туалету, открыв лаз. Корень протиснуться туда не мог, а вот Кукла – свободно. Они зажили лучше, чем до войны. У них было много выпивки, курева и еды, которых им хватит надолго.

За несколько лет до взрыва, с куском найденного подтухшего мяса Корень проглотил несколько десятков микроскопических яиц ленточных червей. Попад в организм, большинство яиц растворилось желудочными и кишечными соками, либо вышли из него. И только одно всосалось в кровь. Из яйца появилась личинка, которая свободно плавая по сосудам, всем телом поглощала питательные кровяные тельца. Личинка росла и начала делиться. Уже тысячи маленьких личинок обитают в крови человека. Некоторые, размерами по-больше, прилипали к внутренним органам: печени, почкам, головному и спинному мозгу и стали потихоньку питаться и ими.

Когда шею Корня осветила вспышка ядерного взрыва, жёсткое излучение облучила и одну из личинок, заползшую между шейными позвонками и прилипшую к спинному мозгу бомжа. Излучение облучило личинку и спинной мозг в том месте, где она соединялась с ним. Личинка была поражена, но не умерла. Её облученный организм с изменёнными радиацией хромосомами начал регенерировать пораженные участки. Когда личинка восстановилась – это уже было другое существо. Каким-то образом в месте соединения личинки со спинным мозгом они стали одним целым. Личинка не стала разумной, не получила сознание и не осознала себя, но последовательность реакций её примитивного инстинкта можно было бы описать, как контроль над спинным мозгом человека.

Личинка продолжала расти, став мутировавшим червем, прилипшим к спинному мозгу. Внутренние био- и электрохимические реакции червя распространялись и на спинной мозг, а затем и на головной мозг носителя. Вырабатываемые им ферменты были сродни наркотику. Производимые нервные импульсы передавались по нейронам в человеческий мозг. Червь не мог управлять человеком, так как не был разумен. Но он навязал человеку непреодолимый доминирующий инстинкт сохранения и содействия размножению носимого им паразита.

Со временем червь стал размножаться, но не яйцами, как его предки. Он отделил от себя часть, потом ещё одну часть. Уже два мини-червя покоились рядом с материнским телом. Им нужны были новые носители.

Корень, по-началу, ничего не чувствовал необычного, кроме боли в затылке. Потом у него появлялось ощущение, что кто-то сзади на него смотрит. Кукла думала, что у Корня поехала крыша: он постоянно испуганно оглядывался. Потом Корень начал ощущать, что кто-то живет в его шее, в затылке, в месте ожога. Потом он понял, что это существо повелевает ему любить его. Корень про себя назвал его Хозяином. Производимые червем ферменты погружали Корня в состояние наркотического опьянения. Он то плакал, то

радостно смеялся. А большую часть времени, глупо улыбаясь, пребывал в умиленном состоянии восхищения прекрасным Хозяином, которого он никогда не видел.

Кукла начала бояться Корня – у него было явно что-то не в порядке с головой. Особенно она боялась его, когда он хватал её за шею и захлёбываясь рассказывал о прелести какого-то хозяина, якобы живущего у него в затылке.

Однажды Кукла, когда Корень спал, как обычно придурковато улыбаясь, решила уйти от него. Уж лучше смерть от голода или радиации, чем от руки этого полоумного!

Корень проснулся от шагов. Он сразу понял, что Кукла хочет сбежать. Он её догнал, когда она уже открывала люк, повалил её и стал нещадно бить ногами. Как она смеет уйти от него и от его прекрасного Хозяина!

Когда Кукла лежала без сознания на полу канализационного канала, Корень почувствовал острую боль в затылке. От боли его стало трясти, в конвульсии он отступил на несколько шагов, лицо покрыла гримаса. Но потом он понял, что Хозяин не один, что на свет пробиваются детёныши хозяина, прогрызая себе ходы в его плоти. И эта радостная мысль, а также усиленные порции вырабатываемого червем ферментного наркотика, помогали перенести боль. Наконец у него на затылке, в месте острой боли потекла кровь. Он бережно пальцами взял и рассмотрел в лучах приоткрытого канализационного люка это прекрасное существо: маленького плоского червячка – прозрачного, слегка вымазанного кровью своего носителя. Ему хотелось расцеловать это великолепное создание. Тело червя пульсировало и в ритм этой пульсации громко стучало восхищенное сердце Корня.

Он вспомнил, что новому хозяину нужен новый носитель и спешно шагнул к валявшейся на полу Кукле. Произошло непоправимое – он споткнулся и упал. Хозяин выпал из рук. Корень, истерично крича, стал искать Хозяина. Прошло несколько долгих минут, пока Корень ползал по полу, ища детёныша. Когда он нашёл, червь был мёртв. Вопль невосполнимой утраты прокатился по канализационным ходам, отдаваясь многократным эхом. Корень был близок к смерти от осознания сотворенного им. Ведь Хозяева не могут быть на открытом воздухе больше минуты! Он ведь это должен был знать.

Очередной приступ боли сотряс Корня. Второй детёныш пробивался на свет. Конвульсируя, Корень пополз к Кукле. Сейчас он не допустит непоправимого. Он сделает все так, чтобы хозяин на него не сердился. Кукла приходила в себя. Она открыла глаза и с ужасом смотрела на подползавшего Корня. Тот, бормоча и роняя пену со рта, перевернул свою подругу спиной вверх и впился зубами в её шею, отрывая зубами плоть. Кукла содрогнулась и снова потеряла сознание от очередного приступа боли. Корень взял второго детёныша, выползшего в другой точке его затылка и бережно положил в ямку кровоточащей раны на шее Куклы. Почувствовав родную среду, червь оживился, стал сужаться и расширяться. Своим сильным ротовым отверстием он разгрызал ткани, сужаясь всовывался в образовавшийся канал, расширяясь его раздвигал и так дальше, так дальше. Пока не достиг желанного места между шейными позвонками и не присосался к спинному мозгу носителя.

На всякий случай Корень связал Куклу. Ещё двое суток она дёргалась, кричала, в приступе горячки порывалась куда-то уйти. Потом открыла глаза. Кукла улыбалась. Ей было больно, но необъяснимая радость прорывалась сквозь гримасы боли. Корень чувствовал в ней Хозяина. Кукла чувствовала Хозяина в Корне. Они считали себя счастливыми, умиленно плача и хохоча.

Согреваемые «любовью» к своим хозяевам Кукла и Корень продолжали жить в подземелье.

Прошёл месяц. Корень и Кукла почувствовали, что хозяин Корня хочет снова делиться. Нужен новый носитель. Они впервые вышли на «охоту». Корень знал, что наверху радиация, а значит опасно для него, а главное для Хозяина. Поэтому носителя они искали в подземелье. Канализационный отсек, в котором жили Корень и Кукла был невелик. Корень стал долбить арматурой кирпичную стену в том месте, где трубы скрывались в стене. Эта была перегородка, за которой была полость. Когда рухнула стена, он увидел перед собой перепуганного тощего мужика, сидевшего рядом с полуразложившимися трупами своей

семьи. Его забрали с собой, Кукла слезила за едой и выпивкой. Мужика накормили и напоили. А когда заснул – связали. Корень пересадил ему новую личинку своего Хозяина. Когда Миша (так назвался новый носитель Хозяина) очнулся, они ликовали уже втроем.

Входы в другие подземелья найти не удавалось. Было решено искать новых носителей на поверхности. Это было смертельно опасно и для носителя и, главное, – для Хозяина. Как они не «любили» каждого из хозяев, было решено, что страдать должен младший Хозяин. Послали Мишу. Через три часа он привел старушку, которую нашел в подвале соседнего дома. Через неделю уже старушка пошла искать новых носителей, но так и не вернулась – видимо умерла от радиации или была убита. Снова пришлось идти Мише. Он привёл мальчика – Сашку, заманив его шоколадкой и пообещав ему много еды.

Сашка, взяв приманку, ушёл на поверхность и отсутствовал три дня. Бродя по улицам, он схватил смертельную дозу, и упал без сознания прямо у входа. Но он привёл четырех пацанов и двух девок, которых нашёл в подвале в трех кварталах от канализации. Корень, используя свой инстинкт бомжа с большим стажем, понял, что сорванцы хотят их убить и завладеть магазином. Пошептавшись с Мишей и Куклой, они не стали искушать судьбу и, вооружившись арматурами избили кандидатов в носители. Одна девочка от побоев сразу скончалась, поэтому её тело выбросили за ненадобностью. Ещё живому Сашке сделали операцию, буквально вырезав хозяина из его шеи, пересадив его более здоровому кандидату. Мертвое тело Сашки также выбросили. Оставшихся четырех подростков снабдили хозяевами по мере их размножения.

Их гнездо росло, принимая всё новых и новых носителей и, иногда, выбрасывая отработавшие тела. Помимо привода новых членов было решено заняться и естественным увеличением числа носителей. Корень с Куклой никогда раньше не жили, как муж с женой, – их алкоголизированные личности давно утратили основной инстинкт. Но с появлением Хозяев они считали своим долгом предоставить им новых носителей. Кукла забеременела. Забеременела и девочка-подросток, которую привёл Сашка. Как только младенцы появлялись на свет, им пересаживали хозяев.

Однажды жители гнезда поняли, что припасы в магазине заканчиваются: часть из них испорчена, часть съедена ими, а часть грызунами. Если они умрут от голода, что само по себе не страшно, – умрут Хозяева, а этого допустить нельзя! Они стали искать выходы с их канализации. Пробивая перегородку за перегородкой, они однажды вошли в недостроенный подземный ход, который соединялся с перегонем между станциями метро «Бронная Гора» и «Уручье».

7.2.

После кровопролитной Американской войны, станции, расположенные восточнее Октябрьской, получили независимость. Их так и называли – Независимые Станции Востока. Однако их зыбкая независимость не принесла жителям сытости и уверенности в завтрашнем дне. На станциях – голод и смятение. И людей там жило всё ещё много. На Борисовском Тракте – почти семьсот человек. Гнездо хозяев-носителей, разросшееся до тридцати пар-особей, не сможет захватить станцию – они это понимали.

Не смотря на то, что наличие паразита погружало носителя в эйфоричное состояние, несколько замедлявшее мыслительные процессы, носители интеллект свой полностью не теряли. У них сохранялась память, разговорная деятельность, они могли делать довольно сложные умозаключения. Поэтому навязанный инстинкт сохранения и размножения внедрённых паразитов полностью подчинял этим целям весь разум своих носителей.

Обсудив все, решили захватывать станцию постепенно. Они послали на станцию несколько девушек, одна из которых была с грудничком на руках. Девушек приняли в общину станции. Девушки стали заводить знакомства с молодыми парнями – наиболее удобными носителями для будущих хозяев. Под различными предлогами, в основном романтического характера, уводили их в туннель. Там их хватали засевшие в засаде другие носители, утаскивали в канализацию, имплантировали им новых хозяев. Через день-два

девушка с парнем возвращалась, играя роль счастливых влюбленных. Потом парень вел в туннель свою маму или сестру или брата или друга – и так продолжалось в течении года. «Необращенные» жители станции Борисовский Тракт хоть и замечали какие-то определенные странности в поведении своих родных, друзей и знакомых, однако относили это скорее на проявление постыдного стресса, голода и болезней.

Время шло и в конце-концов необращенные оказались в меньшинстве.

Носители считали себя осчастливленными присутствием в них паразитов. Они себя так и называли «благородные». Тех, кто ещё не имел в себе носителя, они называли «несчастливыми». Они не питали к ним зла. Они хотели им тоже счастья – они хотели и им пересадить хозяев. Благородные хотели всех людей в Муосе сделать носителями, считая это главной целью своей жизни.

Хозяева, не обладая разумом, стимулировали мозг носителя к выработке и обостренному восприятию биоритмов. Человек наделялся слабыми ментальными способностями. Эти способности выражались в том, что носитель способен отличать человека благородного от несчастного; а также очень нечетко мог воспринимать эмоции других благородных.

Случалось, что хозяева гибли. Обычно это случалось одновременно с гибелью носителя. Иногда удавалось пересадить хозяина в новое тело, но чаще такой возможности не было. Гибель хозяина вызывала приступы истерики у всех наблюдавших это носителей.

Еще одной жестокой особенностью было то, что за несколько часов паразитизма, человеческий мозг настолько привыкал к нервным импульсам паразита и вырабатываемых им ферментов, что при прекращении их поступления, мозг умирал. Смерть зараженного человека наступала немедленно после смерти или отделения носителя. В будущем это оказалось на руку популяции паразитов. Даже если зараженного человека брали в плен, то пока в нем был живой червь, он даже под пытками не сообщал интересующую противника информацию – инстинкт любви к хозяевам не позволял это сделать. Если же паразита убивали или отделяли – человек сразу погибал и тем более не мог ничего сообщить.

Не смотря на то, что носители всячески оберегали своих хозяев, носителям надо было кормиться. А для этого им необходимо было идти на поверхность, возделывать картофель, сражаться с хищниками и мутантами. Паразиты тоже боялись радиации, а значит потери среди хозяев были неизбежны. Возник нелёгкий вопрос: кто из хозяев ценнее? Конечно тот, кто старше. Между хозяевами восстановилась иерархия. Иерархия нужна была и для принятия решений – кто-то же должен был и руководить. Поэтому, чем был старше хозяин, тем более высокое положение в гнездах занимал и его носитель.

Хозяина, который был паразитом Корня, называли Прародителем. Он был самым главным хозяином, хотя по большому счету от своего потомства ничем не отличался. Корень был переполнен невыразимой гордостью за свою счастливую судьбу быть носителем Прародителя. Вот только со здоровьем у него было всё хуже и хуже. Немутировавшие черви-паразиты, прежние сородичи хозяина, продолжали жить в его теле, пожирая его изнутри. Лучевой ожог внезапно начал гноиться, ткани в шее отмирали. Корень принял волевое решение пересадить Прародителя, дабы не подвергать его опасности. Он торжественно сообщил об этом другим носителям.

Для того, чтобы подобрать тело, обитатели Гнезда напали на вооруженный кордон станции Восток. Потеряв два десятка убитыми, им удалось утащить с собой здорового молодого парня. Всё гнездо собралось на платформе наблюдать торжественный и волнующий момент пересадки Прародителя. Корня привязали к креслу, за руку его держала Кукла. Мужчина лет сорока – талантливый хирург в прошлой жизни, а теперь носитель, на виду у ликующей и волнующейся толпы сделал надрез на шее Корня. У него потекли слёзы, но это были не слёзы страдания, а слёзы радости за тот неописуемо прекрасный акт продолжения жизни Прародителя. Хирург вырезал огромный кусок плоти на шее Корня и небрежно отбросил его в сторону, аккуратно взял в руку пятисантиметрового пульсирующего червя, головная часть которого уходила между позвонками, и с некоторым

усилием извлёк его из кровотокашей шеи Корня.

У Корня была ещё секунда, в течении которой он, освободившись от паразита, осознал чудовищность и омерзительность всего с ним происходившего в последнее время. Ему хотелось раздавить эту гадкую пиявку, которая так долго издевалась над ним, и которую с таким трепетом сейчас держал в своих руках хирург, поднося её к надрезу на шее нового носителя. Но сделать он ничего уже не мог. Корень, будучи уже не носителем, а просто человеком, – умер.

После нападения на кордон станции Восток, восточенцы усилили этот кордон и никого со стороны Борисовского тракта не пропускали. Несколько нападений были успешно отбиты. Но однажды дозорные увидели нечто, что застало их врасплох. Со стороны Борисовского Тракта шли дети. Впереди шли совсем маленькие – едва научившиеся ходить. Они шли толпой, плакали и жалобно просили: «Пустите нас! Пустите нас!». Восточенцы стояли с поднятыми автоматами и арбалетами, не решаясь стрелять, а лишь робко предупреждая непослушных детей, чтобы они не подходили. Когда дети подошли к брустверу из мешков с песком, старшие дети подняли на руки младших и стали их перебрасывать через мешки. В один момент все дети сорвались и бросились на пограничников, выхватывая припрятанные ножи. Восточенцы открыли огонь, расстреливая их в упор, но было слишком поздно. Дети, а за ними взрослые, перепрыгивая через трупы погибших, бросались и свирепо ранили и убивали защитников.

На стрельбу в туннель бежало подкрепление из незадействованных на работах мужчин. Но им противостояло всё население Борисовского Тракта – от мала до велика. За считанные минуты так и не организовавшееся сопротивление было сломлено. Благородные всех возрастов вбежали на станцию. Восток сдался. Все несчастные были взяты в плен. По мере размножения червей их всех «обращали» в благородных.

Спустя два года благородные предприняли такую же попытку захвата Московской. Но москвичане, зная от восточенских беженцев об обстоятельствах падения Востока, хладнокровно расстреляли детскую процессию ещё на подходе к их укреплениям. Тогда благородные изменили тактику. Через два года они симитировали якобы переворот и смену руководства в их стане. К москвичанам пришла делегация, якобы направленная «новым» правительством. Те осторожно приняли делегацию, приняли их извинения по поводу прежних неправильных действий, заверения в уважении и надежду на долгое взаимовыгодное сотрудничество. Между Московской и Востоком наладились связи. С Московской на Восток шли обозы. Они возвращались в полном составе. И москвичане не замечали, что вернувшиеся люди уже не такие, какими были, когда уходили. Они рассказывали о невероятном гостеприимстве восточенцев и рекомендовали другим их обязательно посетить. Среди москвичан медленно, но неуклонно расширялась популяция благородных.

Благородные решили не рисковать и не делать тотального захвата Московской. Они расширяли торговлю, общение с другими станциями, обращая всё новых и новых делегатов и торговцев. Носители хозяев уже были на всех станциях восточной части Муоса и кое-где дальше. Всё чаще благородным на этих станциях удавалось незаметно для других обитателей захватить несчастного, пересадить ему личинку червя и удерживать его в течении времени, достаточного чтобы червь стал контролировать мозг нового носителя.

Случались казусы. Иногда маниакальные действия благородных бывали замечены и пресечены другими несчастными. Иногда операция по пересадке червя проходила неудачно и новый реципиент умирал, так и не став носителем. Иногда кандидату в носители самому удавалось вырваться до обращения и рассказать о действиях своих захватчиков.

Количество необъяснимых случаев помешательства среди жителей было замечено властями станций. Объяснить это они не могли и поэтому был вызван следователь из Центра.

7.3.

Дмитрий Остромецкий ещё до Последней Мировой работал следователем в одном из Минских управлений милиции. Удар его застал в поезде метро считай что во время работы – он как раз ехал кого-то допрашивать.

Уникальные аналитические способности Остромецкого были замечены и востребованы в метро. Преступлений, в том числе запутанных, в Муосе было предостаточно. Он возглавил следственный отдел. Первое время ему приходилось расследовать преступления практически на всех станциях и во многих неметрошных поселениях. Во время Американской войны было не до законности и Остромецкий пошел добровольцем в диверсионный батальон Центра. Был дважды ранен. После подписании Конвенции оказалось, что не в Америке, не у Партизан, не на Востоке следователи не нужны – там правосудие правила инквизиция, либо суд Линча. Следственный отдел был сокращен и Остромецкий снова стал простым следователем, что его абсолютно не расстроило. С трофейным узи, лично взятым у убитого им американца, он ходил по станциям, дальним поселениям и бункерам Центра, и расследовал не только преступления, но и разные таинственные и запутанные случаи. Об его уникальных способностях и дивной интуиции прознали на станциях Востока, где уже назревала паника по поводу серии таинственных случаев.

Не смотря на то, что голодные администраторы голодных восточных станций были очень горды, они буквально умоляли власти Центра предоставить им квалифицированную следственную помощь. Они даже передали Центру беспрецедентное по своему содержанию письмо с подписями и печатами руководителей всех станций следующего содержания:

«Предъявитель сей грамоты уполномочен руководством и населением Независимых Станций Востока: Площадь Победы, Академия Наук, Площадь Я.Коласа, Парк Челюскинцев, Московская, Восток, Борисовский Тракт, Уручье, во имя Независимости, к совершению на территории указанных станций, а равно на территориях, входящих в управление указанных станций, любых действий, вплоть до истребования и уничтожения имущества, членовредительства и убийства, без мотивации и объяснения своих действий. При предъявлении сей грамоты любые действия, выполнение которых требует предъявитель, должны быть выполнены без промедления и требования объяснений от предъявителя. Уклонение от данного требования расценивается как преступление против Независимости и карается немедленным расстрелом без суда и следствия. В случае, если с предъявителем сей грамоты произойдет его смерть, членовредительство, пропажа его имущества, это расценивается, как преступление против Независимости и карается расстрелом лиц, которым будет поручена охрана предъявителя, без суда и следствия. Во имя Независимости...»

По мере движения на восток, Остромецкий допрашивал пострадавших, очевидцев и многих других людей, которые, казалось бы не имели никакого отношения к расследуемому делу. Ему действительно оказывали всяческую помощь и не требовали абсолютно никаких объяснений.

Первое покушение на Остромецкого было совершено на станции Академия Наук. Один из специально выделенных для него охранников уже целился своему же охраняемому в голову из арбалета. Но ветеран американской войны быстро вскинул свой узи и продырявил охраннику голову до того, как тот успел нажать на спуск. Обескураженное руководство станции, боясь гнева Центра и других станций Востока, сбивчиво приносили извинения Остромецкому. Тот же, ничуть не обращая на них внимание, думал о чем-то своём, и в конце сделал вывод:

– Интересно! Очень интересно!!

Что было интересно следователю Центра, озадаченные руководители так и не поняли. Следователь не донес и вообще не принял никаких мер в связи с тем, что они ему вместо охранника подсунули предателя или маньяка.

Остромецкий пошел на следующие станции. Теперь он охранников вежливо просил идти немного впереди него, и при этом постоянно руку на держал прикладе висящего у него на шее узи. На каждой станции Остромецкий проводил по несколько дней – пока не побеседует со всеми людьми, побеседовать с которыми он запланировал, не изучит

запрошенные им документы, не проведет осмотры на местности и так далее.

Эксцессов с охранниками больше не было. Зато на походе к Московской по нему и его охране открыл огонь с пулемёта один из защитников кордона. Оба охранника были убиты, сам Остромецкий ранен в плечё. Заговорщика расстреляли его же соратники по посту.

Это не остановило следователя. Наоборот, он с ещё большим азартом принялся за расследование сложившейся на станциях Востока ситуации. Теперь он, используя свои скромные познания в судебной медицине, совместно с врачами Московской тщательно осмотрел тело убитого, что-то записывая в тетрадь и вслух произнося лишь ему понятные фразы:

– Так-так-так... Очень интересно... Прекрасно...

Неделя у него ушла на допросы жителей Московской. Особенно его интересовали известные обстоятельства захвата Борисовским Трактом станции Восток, нападения Востока на Московскую, последующего перемирия.

По его требованию была проведена эксгумация трупов восточенцев, погибших при нападении на кордон Московской. Когда он в отдалённой канализации, служившей клатбищем для местных, спустился в братскую могилу, один из рабочих, участвовавших в раскопках, попытался его ударить лопатой по голове. В миг эта лопата оказалась в руках следователя и он снёс ею пол-головы заговорщику. Новый труп также им был тщательно осмотрен и описан.

Покушения прекратились, когда Остромецкий объявил, что намеревается идти на станцию Восток, где он уверен, что раскроет загадку странных сумасшествий.

Остромецкий отказался от сопровождения в этот раз и ушел в туннель. Только через несколько дней Московчане узнали, что следователь так и не дошел до станции Восток. Поисковые бригады трупа не нашли. Никто и не вспомнил, что через несколько часов после ухода следователя со стороны Востока пришла немая, хромая, завёрнутая в лохмотья, монашка-паломница, явна намеревающаяся идти в монастырь к отцу Тихону. Кордон, не обыскивая, пропустил бедолагу и забыл, что она такая была вообще.

А ещё через неделю на стол Учёного Совета Центра лёг рапорт, который потряс весь Муос.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КОНФЕНДЕНЦИАЛЬНО

ЛИЧНО АДРЕСАТУ

Их Значимости Председателю Учёного Совета Центра

Дроздинскому Ежи

следователь сил безопасности Центра

Остромецкий Дмитрий

Уровень значимости – 3

РАПОРТ

по результатам расследования уголовного дела № 003/17,

возбужденного по ходатайству Независимых Станций

Востока

По заданию Вашей Значимости мною предпринята служебная командировка на Независимые Станции Востока по ходатайству руководства данных станций для расследования серии странных случаев убийств, покушений на оные, захватов и лишения свободы граждан указанных станций, членовредительства, а также неадекватных действий граждан упомянутых станций.

В ходе проведённого расследования мною осуществлены допросы 1127 граждан станций Площадь Победы, Площадь Я.Коласа, Академия Наук, Парк Челюскинцев, Московская; осуществлены судебно-медицинские осмотры двух трупов лиц,

покушавшихся на меня при осуществлении расследования; эксгумация и судебно-медицинские вскрытия 27 трупов лиц, убитых при пребывании в состоянии так называемого «помешательства»; проведено скрытое психолого-психиатрическое тестирование лиц, допрашиваемых мною; а также изучена сохранившаяся служебная документация и материалы собственных расследований, проводившихся административным руководством и силами безопасности Независимых Станций.

В ходе расследования установлено, что первые события, которые можно считать имеющими отношение к расследуемому уголовному делу, начали происходить восемь лет назад на станции Борисовский Тракт. Однако, учитывая давность событий, отсутствие прямых очевидцев, показаниям которых можно верить, а также многократный пересказ и возможное искажение данных, которыми обладают наиболее достоверные источники, с достаточной степенью точности установить первопричину произошедших на Независимых станциях изменений, не представилось возможным. Единственное, что можно утверждать с уверенностью: семь лет назад у всего населения станции Борисовский Тракт сменилась «доминирующая идея». О вероятных причинах данного изменения мною будет указано ниже. Одним из проявлений сменившейся доминирующей идеи является маниакальное желание обеспечить её изменение и у других жителей с традиционным мышлением. Причём для осуществления этой цели изменённое население готово применить любые средства, вплоть до насилия и открытой агрессии.

Пять с половиной лет назад населением Борисовского Тракта предприняты серия неудачных массированных атак на станцию Восток. После этого население Борисовского Тракта предприняло беспрецедентный по своей жестокости манёвр – направив на заслон Востока детей, начиная с младенческого возраста. Станция пала.

Пять лет назад аналогичная попытка захвата станции с участием детей была предпринята в отношении станции Московская. Однако нападение было отражено. Со слов немногочисленных очевидцев, все дети дрались, как одержимые, не обращая внимания на ранения и угрозу жизни. Учитывая сам факт участия детей в массированной атаке, допуск их к военным действиям и поведение во время оных; а также исключая возможность принятия детьми путем методов убеждения доминирующих идей, которые заставляли бы их действовать таким образом, я делаю вывод о том, что причиной изменения мышления явился значительно более сильный стимулянт, чем известные виды наркотиков и даже хирургических вмешательств.

Четыре с половиной года назад население станций Восток и Борисовский Тракт представило другим Независимым Станциям Востока сообщение о том, что у них произошла смена власти и они осуждают агрессивное поведение прежних властей. На данных станциях действительно произошла смена руководства. Два представителя прежней власти мною были допрошены, так как по разным причинам (брак и дипломатическая миссия) в настоящее время находятся на станциях Парк Челюскинцев и Московская. В ходе допросов они прославляют нынешнее руководство, отрицают

свою причастность к нападениям на Московскую, и вместе с тем немотивированно заверяют, что всё это было ошибкой. Считаю, что при существующем варварском строе на Восточных станциях смена руководства без казни прежних руководителей не логична, как и нелогично лояльное отношение прежних руководителей к нынешним. Это позволяет сделать вывод о том, что смена руководства носило искусственный характер и осуществлена лишь для того, чтобы реабилитироваться перед другими станциями Муоса. Доминирующая идея при этом не изменилась. А лишь избраны другие методы для экспансии.

Установлено, что после якобы смены руководства на станциях Восток и Борисовский Тракт, между этими и другими станциями восточного Муоса начался активный взаимообмен делегациями и торговыми караванами. При допросе выходцев с указанных станций, непосредственно не участвующих в торговле, выяснилось, что проблема производства продовольствия и иных товаров там стоит ещё более остро, чем на других станциях. Однако они посылают на иные восточные станции обозы продовольствия, производя совершенно невыгодный обмен на другие товары. Кроме того, они позволяют себе многочисленные «дружественные» делегации, при отсутствии к тому значимых экономических и политических стимулов. Главной целью этих торговых обозов и делегаций, надо понимать, является привлечение на Восток и Борисовский Тракт таких же по численности обозов и делегаций.

Мною замечено, что частота перекрёстных браков между выходцами с разных станций, значительно превышает аналогичную статистику по другим регионам Муоса. Инициатива подобных браков, в подавляющем большинстве случаев, исходит именно со станций Восток и Борисовский Тракт. Причём эти станции охотно отдают на другие станции мужчин и берут к себе женщин, что совершенно не логично в плане обороно- и трудоспособности населения и не практикуется в других регионах Муоса. Это наталкивает меня на мысль о преднамеренной и скрытой экспансии с вышеуказанных станций.

Из показания свидетелей, а также путем непосредственного наблюдения мною установлено, что после посещения вышеуказанных сомнительных станций делегаты часто приходят со следами побоев и травмами. Во всех случаях они ссылаются на внешние причины данных травм: падения в результате собственной неосторожности, нападения диггеров, хищников и т.д. Однако методом сопоставления мною выявлена закономерность: с телесными повреждениями приходят только те делегаты и торговцы, которые в первый раз шли в поход на сомнительные станции. В последующие походы подобное с ними происходит крайне редко и не превышает обычных статистических данных для подобного вида предприятий. Можно сделать вывод, что к ним применяется насилие на сомнительных станциях, однако они это скрывают.

Мною допрошены 16 потерпевших от захватов и членовредительства при обстоятельствах, имеющих отношение к расследуемому делу. Установлено, что нападения всегда происходят в отсутствии посторонних: в туннелях, подземных

ходах, отдельных помещениях, куда потерпевшего заманивает кто-то из близких или знакомых. Внезапно потерпевшего хватают или сразу бьют по голове, с тем чтобы лишить подвижности. Двенадцати потерпевшим удалось на этой стадии вырваться или позвать на помощь. К четверым же применялось странного рода насилие: им делали надрезы, проколы или даже надгрызы в области затылка. Этим лицам удалось по разным причинам вырваться или призвать на помощь на этой стадии насилия и в их показаниях данных о дальнейших действиях, планируемых нападавшими, нет. Была ещё одна потерпевшая – семнадцатая, которая за день до моего прихода была убита неизвестными. Однако из её показаний, содержащихся в рапорте местного полицейского, усматривается, что она сообщила о намерении нападавших «переставить ей кусок своего тела, который они брали со своей шеи».

Допрошено пятеро подозреваемых, участвовавших в самих нападениях (остальные в соответствии с местными законами к моему приходу были казнены). Все они либо отрицают причастность к нападению либо ссылаются на временное помешательство и полную амнезию, хотя методом скрытого тестирования установлено, что они лгут. Из рапортов местных властей усматривается, что к допрашиваемым применялись изощрённые пытки, однако это никаких результатов не дало, не смотря на то, что некоторые из них были женщины и дети. Это даёт основания сделать вывод о том, что указанные лица также заражены «доминирующей идеей», о которой мною упоминалось выше по тексту рапорта.

Исследуя путем допросов и изучения документов историю жизни лиц, участвовавших в нападениях, установлено, что все они либо когда-то посещали подозрительные станции, либо тесно контактировали с выходцами из этих станций, либо с лицами, посещавшими эти станции. Таким образом, можно сделать вывод, что источником и центром насаждения «доминирующей идеи» являются именно подозрительные станции, то есть Восток и Борисовский Тракт.

При обследовании трупов убитых мною лиц, покушавшихся на моё убийство, а также эксгумированных трупов, установлено, что для всех их характерно в затылочной области шеи наличие разного рода повреждений: от хирургических швов, до рубцов, разрывов, точечных пятен. Такие же признаки характерны и для осмотренных мною подозреваемых. Эти черты ими маскируются путем ношения длинных волос, высоких воротников, бантов, шарфов и т.д. либо нахождения тому разного рода объяснений (укус насекомого, ранение в схватке с врагами и хищниками). На основании этого мною сделан вывод о том, что заражение «доминирующей идеей» осуществляется путем хирургического (в том числе кустарного) вмешательства, связанного с манипуляциями в области затылка.

Имеет место три случая гибели потерпевших, когда повреждения в области затылка были значительны и потерпевшие погибали от кровопотери или повреждения спинного мозга. Очевидно, в данных случаях нападавшие в виду неудачно проведённых действий не смогли закончить осуществляемую ими

манипуляцию.

Для всех подозреваемых при тщательном наблюдении характерны некоторые неявные черты, несколько выделяющие их из числа других лиц, населяющих Независимые станции. Тон настроения у них приподнят, иногда эйфоричен, говорить они склонны короткими предложениями, не к месту употребляют пафосные высказывания, зрачки расширены, взгляд длительные промежутки времени фокусируется в одной точке.

При непосредственном наблюдении установлено, что лиц, проявляющих такие признаки на Независимых станциях много и их удельный вес увеличивается: от пяти процентов на Площади Победы до двадцати процентов на Московской, причём многие из них занимают руководящие посты на этих станциях. Можно предположить, что в дальних поселениях удельный вес лиц с подобными симптомами значительно выше. На станциях Восточная и Борисовский Тракт изменённые составляют всё население станций.

Сопоставляя эти обстоятельства с ранее расследовавшимися мною делами, например уголовным делом по обвинению УЗ-6 Дмитрия Горкуши (тяжкие телесные повреждения (прокус шеи), повлекшие смерть его же дочери, уголовное дело 016/12, станция Институт Культуры, обвиняемый разжалован в УЗ-9), можно сделать вывод о том, что имеют место единичные случаи проникновения лиц с изменённой доминирующей идеей и на территорию Центра, а также других государств – членов Конвенции.

ВЫВОДЫ и ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Восемь лет назад на станции Борисовский Тракт по неизвестным причинам произошло изменение доминирующей идеи населения данной станции. Доминирование данной идеи в полном объёме распространено и на население станции Восток.

2. Суть доминирующей идеи заключается в стремлении к тотальному подчинению ей всего населения Муоса.

3. Методом подчинения (заражения) доминирующей идеей являются некие хирургические и кустарно-хирургические манипуляции в области шеи (затылка) человека, очевидно связанные с пересадкой некоего имплантата. Суть, диагностика и лечение данных манипуляций требует дополнительных медико-анатомических исследований.

4. Заражение доминирующей идеей является крайне опасным явлением, представляющим чрезвычайную угрозу безопасности Центра, всего Муоса и в первую очередь Независимых Станций Востока. В настоящее время осуществляется активная скрытая экспансия данной доминирующей идеи на другие станции.

5. Необходимо немедленное тестирование всех лиц, посещавших в последние восемь лет Независимые Станции Востока, а также прибывших оттуда, с целью выявления лиц, зараженных доминирующей идеей и их лечение.

6. Необходимо немедленное вмешательство, вплоть до использования военной силы, с целью проведения аналогичных действий с зараженными лицами на Независимых Станциях Востока.

Д.ОСТРОМЕЦКИЙ»

Члены Учёного Совета, изучив рапорт, собрали расширенное совещание с участием высших администраторов Центра, в ходе которого была выработана дальнейшая тактика. Усилиями сил безопасности и одной специально для этого перепрофилированной лаборатории, в течении нескольких месяцев только в Центре было выявлено 68 изменённых. Они были изолированы. В ходе медико-биологических исследований было установлено, что причиной изменения сознания людей, является мутировавший червь или глист, который внедряется в тело человека и присасывается к его спинному мозгу. Паразит посредством вырабатываемых ферментов и посылаемых нервных импульсов воздействует на мозг, навязывая человеку инстинкт сохранения и размножения самого себя, который отодвигает на задний план все остальные характерные человеку инстинкты, а также общечеловеческую мораль и стремления. Очень быстро мозг человека становится зависимым от сидящего в нем паразита и при хирургическом отделении или даже убиении червя, мозг, не получая ферментов, к которым привык, быстро погибает. Таким образом, смерть паразита влечет неминуемую гибель его носителя. Поэтому допросы и пытки в отношении носителей никакого эффекта не приносят – главным для него является сохранение популяции носимых им паразитов. А при освобождении от паразита, человек не успевает ничего сообщить, так как быстро умирает.

Были разработаны методы диагностики людей, являющихся носителями червя, – при тщательном наблюдении его можно выявить по внешним признакам. Почти 100-процентный результат давал тест, когда носителю колют чем-нибудь острым затылок. Он это воспринимает, как непосредственную опасность для своего хозяина и немедленно реагирует: пытается убежать, освободиться, а иной раз и напасть на лицо, проводящее тест. Причем эти реакции носитель контролировать не может.

Из-за того, что черви-паразиты происходили от класса ленточных червей, их, а затем и их носителей стали называть ленточниками. О существовании ленточников были осведомлены правительства Нейтральной, Партизан и Америки, информированы известные поселения диггеров. Они также провели быстрые исследования, обнаружили в своих рядах и обезвредили десятки ленточников.

Учёный Совет, приняв все предупреждения следователя Остромецкого, не сделал только одного. Гражданские учёные не захотели новой войны и решили просто-напросто отгородиться от Независимых Станций Востока. Учёные решили, что сейчас не время открытых столкновений с ленточниками. Тем более, прямого пути от Восточных станций в Центр не было – на пути недоброжелателей стояли Америка и Партизаны. Они взорвали туннели как раз там, где они прогибались под рекой Свислочь. Хлынувшая вода затопила участок туннеля и поэтому туннельный путь к Независимым станциям Востока был отрезан. Полностью это проблему не решало – оставались десятки подземных ходов и, наконец, поверхность, которые перекрыть было невозможно.

Последней мерой предосторожности Учёного Совета явился позорный Пакт о ненападении, заключенный с ленточниками в одном из пограничных переходов. Лично носитель Первого Прародителя пришёл на встречу с Председателем Учёного Совета Ежи Дроздинским. Прародитель был в новом молодом и здоровом теле. Ленточники знали, что существование их гнезд уже разоблачено, и этот факт не скрывали. Однако они заверили Центр в своём дружелюбии к членам Конвенции и нежелании посягать на их территориальные права и их людей. В соответствии с Пактом в сферу влияния Ленточников попадали все станции, восточнее зоны затопления.

Жители Независимых станций Востока уже стали забывать о следователе, который проводил грандиозное расследование и потом куда-то исчез. А потом они узнали не только о том, что следователь жив, но и о его критических выводах о состоянии дел на Независимых станциях. Люди, не зная точных симптомов присутствия ленточника, стали подозревать

друг-друга. Началась паника, беспорядки, массовые убийства, неповиновения властям, приступы сумасшествия, отказы от дежурств в дозорах и выходов на работы. И без того трагичную ситуацию усугубило затопление туннеля между Октябрьской и Площадью Победы – население поняло, что на них поставили крест.

Ленточники, обитавшие в гнёздах и среди жителей Независимых станций, использовали создавшуюся ситуацию. Ленточники с гнезда Восток победным маршем вошли на Московскую – их собратья уже успели изнутри сломить здесь сопротивление, убив ярых защитников и запугав остальных. Когда Московская стала ещё одним гнездом Ленточников, а все её обитатели – носителями хозяев, они двинулись в Парк Челюскинцев. Ситуация повторилась. Моральный дух на Площади Якуба Коласа был настолько подорван, что её обитатели сдались без боя. Они добровольно согласились стать ленточниками.

Только Академия Наук и Площадь Победы оказали сильное сопротивление. Из числа своих жителей, а также беженцев, бежавших от Ленточников с других станций, они собрали отряд и сами двинулись на встречу приближающимся полчищам ленточников. Полки сошли в туннелях между Площадью Якуба Коласа и Академией Наук. Инстинктивному бесстрашию ленточников противостояло отчаянная смелость оставшихся людей. Те и другие буквально закупорили собой туннели и сошлись в рукопашной схватке, которая длилась почти сутки. Возможно, у защитников и были бы шансы выстоять, но находившиеся среди них Ленточники всеми силами тайно и явно вредили обороне. Несколько ленточников-камикадзе взорвали себя прямо в толпе защитников. Другие, незаметно в толпе наносили удары ножами в спины защитников и при этом словесно сеяли панику, предлагая отступить или скрыться. Последние две станции пали.

На Московской линии, восточнее Октябрьской, установилось владычество Ленточников.

7.4.

Шли очень быстро. Впереди шёл Митяй, за ним Радист с Майкой на руках (Майка указывала путь), за ними – все остальные. Митяй доверял девочке, спасшей их таким чудесным способом.

Ментал, когда они ещё шли, обратился к Митяю:

– Командир?

– Говори быстро!

– Я насчёт девочки...

– Я заметил, что у неё способности твоих получше будут.

– Я ни про это...

– Сейчас не время.

Они шли по лабиринтам подземных переходов и вошли в расширение хода, из которого вела дверь-люк в какое-то сооружение. На двери имелась облупленная трафаретная надпись «МУОС, убежище 14/23, вместимость 120 человек» и более свежая рукописная надпись красной краской: «Штаты Муоса. Штат Фрунзе-Кепитал. Поселение Новосёлкино». Значит они шли совсем в другую сторону.

Дверь-люк была приоткрыта. Майка указала на дверь и сказала: «Там». Митяй осторожно культёй-арбалетом открыл дверь и посветил внутрь фонарем. Вниз вела лестница. Митяй стал спускаться по лестнице и наткнулся на труп мужчины с арбалетной стрелой в груди.

Помещение убежища состояло из трёх частей. Буферное помещения, в котором ранее находились кухня, санузел, привод артезианской скважины и бытовые помещения. Теперь оно было переоборудовано под оранжерею для выращивания сельхозпродукции – под самый потолок уходили этажерки с ящиками с землёй, в которых росли какие-то злаковые. Злаковые были чахлыми – они не могли нормально расти от нескольких лампочек, висевшей под потолком. Следующим помещением была столовая-гостинная. Здесь тоже была

оборудована оранжерея. Третье помещение – спальное, частично также было заставлено ящиками с землей. Кроме ящиков были установлены четыре велопривода для мускульной выработки электроэнергии, и в четыре этажа нары примерно на сорок спальных мест. Судя по всему, жильцов когда-то здесь было больше, чем кроватей, просто они спали по-очереди. Сейчас живых в убежище не было. Несколько ящиков с землей перевернуты, разбросаны другие нехитрые пожитки жильцов. В помещениях они нашли двенадцать трупов с ранениями от холодного оружия. Нападение произошло совсем недавно – трупы ещё не стали разлагаться и кровь на бетонном полу ещё не засохла.

– Ленточники, – уверенно заявил Митяй.

– Почему ты так решил?, – спросил Рахманов.

– Оставили только убитых. Остальных увели делать пересадку. Их превратят в ленточников. Вернут сюда... У ленточников стало ещё на одно поселение больше. Совсем близко к Америке. Скоро будут брать Америку. Если уже не начали.

– Значит нам надо уходить?

– Нет, они вернуться только через несколько дней или недель. Я думаю, нам пока в этом убежище ничего не угрожает. Предлагаю остаться здесь. Нам всем надо отдохнуть. У нас был тяжелый день.

В течении часа они убрали трупы, найдя невдалеке разрытую нишу, которую когда-то местные использовали одновременно как туалет, кладбище, мусорную свалку и питомник для разведения слизней. Митяй и Рахманов подошли к двери. Рахманов, осматривая стальную дверь полуметровой толщины с мощным герметизирующим и запирающим механизмом, на которой не было не единой царапины, спросил:

– Как они взломали дверь?

– Её не взломали. Дверь открыли изнутри.

– Предательство?

– Это слово здесь не уместно. Без участия своих тут не обошлось: или снаружи или изнутри был кто-то из местных, ставший ленточником. Изнутри вряд ли – они бы определили его сразу. Может кто-то из торговцев или охотников был захвачен и пришел сюда уже ленточником, приведя своих новых друзей. Ему, как своему, дверь и открыли. А может они были в осаде долгое время – ленточники они ж терпеливые. Да с холодухи решили сами дверь открыть, чтобы погибнуть в бою или попытать счастья и прорваться. А может кто-то решил сдаться, и добровольно стать ленточников, испугавшись голодной смерти, – такое тоже бывает.

Они закрыли дверь, выставили дозор. Митяй спросил у Рахманова:

– Что теперь делать будем, друг?

– В Америке нам делать уже точно нечего. Американцы хотели нас убить. Дехтер, Светлана и Глина видимо уже убиты или будут убиты в ближайшее время. Создателей радиопередатчика мы не нашли, да и не вижу возможностей их искать. Надо возвращаться в ваши лагеря, сообщить о предательстве Америки. С Тракторного мы вернёмся к вертолёту. Заберем радиопередатчик. Переустановим его поближе к вашим лагерям или где-нибудь в Центре. Радист его настроит как надо, научит какого-нибудь партизана с ним обращаться. Ну а потом мы возвращаемся в Москву, доложим о частичном выполнении задания.

Митяй грустно посмотрел на Рахманова, о чём-то своём подумал, тихо сказал:

– На этом и порешим... Только путь к лагерям будет нелёгким. Через Немигу возвращаться нельзя, там нас ждут. Возможно, и весь туннель между Немигой и Нейтральной патрулируют американцы, выжидая, где мы появимся. Поэтому до Нейтральной придётся идти ходами. А я здесь чужой, дороги не знаю. Можем наткнуться на ленточников или диггеров или тварей каких-нибудь. Ну да на всё воля Божья.

Радист осматривал поселение. Вещей было мало – только посуда, одежда, оружие. Один угол в убежище местные отвели под детскую. На полу в картонной коробке лежали игрушки. Несколько древних, оставшихся от родителей или дедов. Несколько самодельных. Вот на самом верху лежит кукла, сшитая из тряпок. Нарисованная кем-то трогательная

мордашка куклы улыбалась. На животике куклы зачем-то написано: «Маша» – имя либо самой куклы либо её владелицы.

В этом углу детям разрешалось рисовать на стенах. Всё пространство стен, насколько хватало детского роста, было зарисовано. Дети очень старались. Какой-то малыш нарисовал поверхность – такой, какой он себе её представлял. Вверху рисунка красовался ярко-оранжевый кружок солнца с расходящимися от него в сторону лучиками. Солнцу были пририсованы глаза, нос и рот. Солнце улыбалось. Вокруг солнца небо белого цвета: не то синей краски у них не было, не то художник таким его себе представлял. Рядом с солнцем с неба свешивалась на проводе лампочка, такого же, как солнце, оранжевого цвета. Юному созданию не в домёк, что если светит солнце – лампочки уже не нужны. Под небом – зелёное поле, на котором там и тут стоят ящики с растущими из них злаковыми. На переднем плане нарисована семья автора рисунка, каждый из которых подписан: «Папа», «Мама», «Лизка», «Колька». У всех в руках что-то было – в каждой руке по большому куску. Радист догадался, что это – еда. Все четверо улыбались. Таким Лизка и Колька представляли себе счастье. Теперь они сидят в клетке в каком-то из поселений ленточников, ожидая пересадки им в шею глиста. Все их детские мечты, пусть даже нереальные, но такие светлые, будут заменены на патологическую заботу о сохранении жизни и размножении присосавшихся к ним червей.

Радиста защемило в груди. Он заставил себя отойти от детского уголка. Вот на стене под самым потолком висит полка, на ней книги. Радист, от нечего делать, пересчитал их – сорок одна. Это была библиотека этого поселения. Книги тут ценили и любили. Истрепавшиеся обложки были заботливо переплетены хорошо выделанными свиными кожами и поэтому каждая книга, когда её брал в руки Радист, была тяжела и приятна на ощупь. Из-за черно-коричневого ячеистого цвета кожи, казалось, что книга содержит какие-то таинственные древние знания. Здесь было несколько детских книжек, учебник средних классов по географии, несколько томов стихов, романы. Три книжки были на белорусском языке.

Радист открыл наугад. На пожелтевшей странице была нарисована девушка с венком на голове, с длинными светло-русыми волосами в белом простом платье с национальным орнаментом красного цвета. Рядом – стихи на белорусском. Радист стал тихонько читать вслух, пробуя на вкус этот язык:

Як сама царыца,
У залатой кароне,
Йдзе яна у вяночку
Паміж спелых гоняю.
З каласкоу вяночак –
Маладосці сведка
На ёй зіхаціцца
Як у садзе кветка...
(Дословный перевод :
Как сама царица,
В золотой короне
Идёт она в веночке
Между спелых нив.
С колосков веночек –
Молодости свидетель,
На ней мерцает,
Как в саду цветков.
(Я. Колас))

Он произносил в слух слова этого мягкого и ласкового языка, добрую треть которых не

понимал. Сознание перенесло его куда-то наверх, на поверхность. Правда не на ту поверхность, какой она была в действительности, а на ту, на которой было солнце, не было руин, радиации и мутантов. Он стоял на холме и смотрел на поле – безбрежный океан зеленой травы и цветов. Может быть такой, а может быть и нет, была когда-то эта страна, в которой ему суждено было оказаться. Легкий тёплый ветер, который не может причинить ему зла, приятно обдувал лицо. По этому морю травы навстречу ему шла Светлана. Волосы её переливались в свете солнца. На голове у нее был венок из цветов и травы. Одетая она была в белое короткое платье с красивым орнаментом на оборке. Ветер пытался приподнять платье, чтобы обнажить и показать миру её красивые ноги, но Светлана хватала оборку платья, тянула его вниз и при этом весело смеялась. Он смотрел на идущую к нему Светлану и ему было так хорошо и спокойно. Им не надо было ничего бояться, никуда идти и никого спасать. Когда Светлане будет двадцать три – её не заберут в верхние помещения, потому что верхние помещения уже отменены. У них будет долгая и счастливая жизнь...

Но что это? Он, любуясь своей девушкой, не заметил, что к ней приближается какая-то черная масса. Он вгляделся и увидел что это – тысячи черных, абсолютно не уместных на этом зеленом пространстве силуэтов. Они шли тремя большими толпами к его Светлане. В одной толпе были смуглые девочки, с открытыми черепными коробками – детища его покойной матери. Они тянули руки к Светлане и быстро-быстро к ней приближались, но при этом не перебирали ногами. У них в руках медицинские скальпели. Они, мстя матери Радиста, хотят Светлану сделать такой же как сами. Во второй – ленточники. Радисту их ещё не приходилось видеть, но он понял, что это именно ленточники – в лохмотьях, с придурковато-довольными лицами. Они тоже протягивали вперед руки, бережно держа в ладонях своих ублюдочных хозяев. В третьей – морлоки. Эти отвратительные чудовища хотят излить на Светлану всю накопившуюся злобу на своих природных собратьев, которые сделали их нелюдьми. Но ведь она не в чём не виновата!

Радист закричал: «Света! Беги! Света, сзади!». Но его слова были тихими и приглушенными, как в Большом Проходе под воздействием шатуна. Светлана ничего не видела, она по-прежнему смеялась и радостно махала Радисту рукой. Смуглянки, ленточники и морлоки неуклонно приближались. Радист хотел бежать к Светлане, но ноги были как вкопанные в землю. Он беззвучно кричал и плакал. Светлана уже почти подошла к нему. Он уже видел её серо-зелёные глаза и даже слышал ни с чем не сравнимый запах её тела и волос. Только бы она дошла и он обнял её – тогда этот кошмар закончится. Но вот земля между Радистом и Светланой провалилась и оттуда стало выползать Оно – то чудовище, которое захватило их вертолет на подлете к Минску. Оно вытянуло свои щупальца, стало похотливо извиваться ими вокруг Светланиных ног, щупальца скользнули под её платье, а потом стали плавно втягивать её в пропасть. Смуглянки, ленточники и морлоки столпились вокруг пропасти и радостно созерцали уход в небытие Светланы. А она, скрываясь в пропасти, спокойно смотрела на своего Радиста, который сделать ничего не мог. Светлана исчезла, пропасть сдвинулась – Радист завыл. Смуглянки, ленточники и морлоки зарукоплескали, радуясь исчезновению его любимой девушки. В ярости Радист схватил свой АКСУ и начал стрелять по этим ненавистным тварям. Они не убегали и спокойно принимали смерть, продолжая рукоплескать. Патроны кончились и тогда он схватил гранату и бросил её в толпу – раздался взрыв. Радист проснулся. Взрыв не был сном.

Убежище было заполнено дымом. Ничего не понимающие, только что проснувшиеся бойцы переворачивали искореженное тело Ментала. Он выбрал себе спальное место на низу, но теперь почему-то лежал на полу, под нарами. Один уновец был ранен осколком в плече, больше никто не пострадал. Подбежал постовой-нейтрал и был также озадачен, как такое могло произойти – дверь в убежище никто не открывал. Ментал умирал, он вращал уже ничего не видящими глазами и что-то силился сказать. Было слышно только: «яка.. яка...». Никто не понимал, что он хочет сказать. Ментал умер. Осмотрев всё вокруг, пришли к выводу, что взорвалась граната Ментала (ещё вчера у них оставалось всего две гранаты – у Ментала и Радиста, но сейчас в распахнутом вещмешке Ментала гранаты не было). При этом

Ментал своим телом накрыл гранату: об этом свидетельствовали повреждения на его теле и бетонном полу. Не оставалось сомнений – Ментал покончил с собой. Не выдержали нервы или встреча с шатуном для него не прошла бесследно или шатун его здесь настиг и поквитался с ним за его способности, которые позволили приоткрыть его тайну людям.

Радист не стал помогать другим заниматься похоронами Ментала и сборами в дорогу. Ему ничего не хотелось. Сон Радиста и самоубийство Ментала наложились друг на друга и сознанием Радиста овладела снова безбрежная гнетущая тоска и безнадёга. Как тогда – в слизняковой норе на Нейтральной. Но теперь не было рядом Светланы, которая могла бы вернуть его к жизни. Если бы она была рядом, она бы что-то сказала или сделала и надежда вернулась к Радисту. Радист силился вспомнить, что же Светлана говорила ему, что надо делать в таких случаях... Молиться её Богу?.. Как-то так: «Отче наш, сущий на небесах...». Нет не вспомнит. Богу всё-равно, что происходит с Радистом, Муосом, Москвой и всем миром.

Радист всё также в руках держал книжку белорусского поэта. Он её поставил на полку и машинально взял другую более толстую книгу. Открыл её: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною. Твой жезл и Твой посох они успокаивают меня...». Радист быстро открыл название книги «Библия. Книги Ветхого и Нового Завета». Это ведь Книга про Того Бога, в Которого так верит Светлана. «Бог! Если Ты есть! Если во всём этом мраке есть какой-то смысл! Помоги мне слабому и трусливому радисту дойти до цели и сделать всё так, как надо...». Радист взял книгу, вложил её в заплечный мешок. Это не воровство. Хозяевам убежища, которые уже становятся ленточниками, книги будут ни к чему.

7.5.

До взрыва они отдыхали всего несколько часов, но после гибели Ментала оставаться в убежище уже никому не хотелось. Решили двигаться в путь. Плана, как идти, не было. Решили идти наугад, пока не найдут какие-либо ориентиры или не встретят проводника.

Они шли долго, петляя коридорами, ходами, норами. Два раза замечали, что идут по кругу. Решили оставлять метки: Митяй куском известняка рисовал на углах только знаки. Им везло. Пока что страх перед неметрошными коммуникации казался несколько преувеличенным. Здесь были слышны шорохи, вопли каких-то животных. Но они пока никого не встречали.

Они вышли к трубопроводу. Когда-то по этим ржавым трубам, которые тогда ещё не были ржавыми, что-то куда-то перегонялось. Между трубами и бетонной стеной канала, в который они были уложены, имелось узкое пространство, через которое мог идти один человек. Они цепочкой двинулись туда. Иногда щель сужалась, тогда вперёд приходилось протискиваться боком.

С труб метнулась какая-то тень и в ту же секунду завыл нейтрал, шедший в конце цепочки. Это случилось в узкой части прохода, когда все стояли лицом к трубам. Тенью оказался кот, обыкновенный черный кот. Теперь он, свирепо урча, вцепился когтями в одежду зажатого между трубой и стеной нейтрала и разгрызал ему своими клыками шею. Нейтрал держал в руке меч, которым пытался ударить кота. Но в тесноте он не мог замахнуться. Тогда он бросил меч и начал стаскивать кота руками. Ещё один нейтрал лез навстречу своему соплеменнику, и когда он уже почти дошел, мимо лиц остальных по трубам пробежало ещё несколько котов. Они не обращали внимания на остальных бойцов, а прямоком бросились на раненного нейтрала. Тот, преодолевая боль крикнул:

– Ухо... дите...

Хлынул фонтан крови -коты перегрызли сонную артерию. У нейтрала подкосились колени, он так и остался стоять зажатый между стеной и трубами. А коты, хищно урча, грызли его плоть. Рахманов тянул за руку нейтрала, который рвался помочь своему умирающему товарищу. Было уже поздно, а здесь, зажатые, они были легкой добычей для

стаи диких котов.

Гибель нейтрала рассеяла впечатление о безопасности неметрошного Муоса. Они вышли из трубного канала и продолжили бесконечное хождение по лабиринту. Где они теперь находятся – возле Нейтральной, Немиги или в другом конце Муоса – определить невозможно. По дороге они встретили ещё одно разорённое поселение – такое же убежище, но раза в три меньше прежнего. И захвачено оно было значительно раньше – на полу валялись только черепа и обглоданные животными кости.

Неметрошные ходы постепенно захватывала мутировавшая растительность. Стены покрывал лишайник. Там, где на полу встречалась кучка грунта или песка, появлялись полупрозрачные немного светящиеся в темноте трубчатые побеги без листьев, толщиной с карандаш и длиной с палец. Что у этих созданий лежало в основе процесса питания в отсутствии света – сказать трудно. Нейтралы их называли торчунами. Местами на десятки метров пол и низ стен был устлан торчунами. Когда на них наступаешь, они мягко сгибаются под тяжестью человеческого тела. Когда поднимаешь ногу – они быстро выпрямляются и не остаётся никакого следа от только что ступившего на лужайку торчунов человека. Торчуны безобидны, но в пищу человеку не пригодны – желудок не мог переварить их жесткие ткани.

Зато их с удовольствием пожирают подземные представители фауны – жабки. Жаб, как таковых, не видели с Последней Мировой. Жабки, возможно, это мутировавшие потомки жаб, хотя сходство у них очень отдалённое. В условиях темноты подземелий жабки стали полупрозрачными и без глаз. Да и рудиментарная голова у них представляла собой лишь небольшой бугорок на круглом туловище с четырьмя короткими перепончатыми лапками. Они выползали из щелей и ямок, съедали одного, а кто побольше, то и двух торчунов и уползали обратно в щель. В течении долгих часов торчуны, покрытые защитной оболочкой, переваривались в животах жабок. Но жабкам спешить было некуда, торчуны росли намного быстрее, чем их съедали. Был кто-то, кто ел и жабок, но Радист уже не решился расспрашивать про них у замкнувшегося в себе нейтрала, переживавшего гибель своего друга.

Хотелось есть, и никто не решался предложить Митяю сделать привал. Командир сам решает, когда, где и для чего им останавливаться. Когда они проходили одно из перекрещений ходов, послышался приятный аромат. Решили вернуться и узнать, что является источником этого аромата, тем более, им всё-равно было, куда идти. Они вернулись и свернули в боковой ход. По мере их движения запах усиливался. Запах был намного приятнее, чем запах тушеного картофеля с мясом. Где-то готовили такую пищу, которую умели делать только жившие когда-то на поверхности повара. А может даже и они не умели?! Желудки бойцов урчали. Любая пища: грибы, тушенка, которые оставались у них в мешках; да что там грибы и тушенка – картофель тушеный со свиной, не могли сравниться по вкусу с тем, что источает этот запах. Они уже почти бежали, предвкушая, как обменяют на оружие, а если им не дадут – то возьмут силой в этом дивном поселении их пищу. Они подбежали к следующему перекрестку ходов. По центру перекрестка была полуметровая возвышенность, как будто большой гриб или торт. Рядом с этим «тортом, на полу ещё несколько разноразмерных бугров или бугорков. Этот торт, бугры, бугорки, пол возле них и стены на пять-десять метров вокруг были покрыты нежной розовой пенистой массой, источавшей сладкий аромат. Усилив воли Митяй, пришедший первым, раздвинул в стороны локти, заградив проход, и спокойно сказал:

– Назад.

Митяй стал отступать, отодвигая назад недовольно толпящихся за его спиной бойцов. Рахманов, веря интуиции Митяя и переборов свой внезапный голод, тоже потребовал:

– Да назад вы,- и схватил двух наиболее настырных, потащив их за собой.

Один молодой солдат-центровик, поднял руку и сгреб ею со стены кусок пены. Он, не удержавшись, поднёс этот нежный пудинг к своему рту и укусил.

Миллионы микроскопических стрекал мутировавшей плесени гриба-пененила вонзились в губы, язык и нёбо, выплёскивая смертельный парализующий яд. Солдат секунду

постоял, а потом упал лицом вниз – прямо в нежно-розовую плесень. Едва заметно пена вокруг бойца зашевелилась и стала заползать, покрывая тело и одежду солдата. Митяй и кто-то из уновцев схватили солдата и стали его оттащить назад, подальше от эпицентра плесени. Когда его перевернули на спину, на ещё свободной от плесени части лица застыла гримаса смерти. Рахманов руками в перчатках стал оттирать щеки воина, но плесень стиралась вместе с уже отслаивающейся кожей.

Тем временем Митяй обратил внимание на второго централа, который вождественно смотрел на пену, глотая слюну. Не смотря на гибель товарища, наркотические испарения плесени побуждали его тоже вкусить сладостного пудинга. Митяй здоровой рукой смазал ему по лицу, приводя в чувства, после чего скомандовал уходить. Не смотря на желание похоронить боевого товарища, решили, что это только разнесет плесень. Погибшего центровика так и оставили лежать, поглощаемого пеной. Рахманов, уже полностью освободившись от морока, подошел к плесени и бросил туда измазанные перчатки. Теперь он рассмотрел, что за холмики покрывала плесень – это были поглощаемые плесенью животные, пришедшие на сладостный запах. Теперь приторно-сладкий запах был отвратительным. Хотелось быстрее уйти из этой сладкой западни.

Три смерти за день: Ментал, нейтрал, центровик. Отряд редел. Они не знали куда идут – удаляются, приближаются к Нейтральной или ходят по кругу. Нервы были на взводе. Казалось, единственным человеком, который спокойно всё это созерцал, была Майка. Или за свою коротенькую жизнь она успела увидеть и не такое, или она переживала всё увиденное по-другому, внутри себя, или детское сознание не позволяло воспринять ужас всего с ними происходящего. Вот и теперь она сидит на плечах уновца, обхватив его за шею и прижавшись щекой к его голове. Спит. Как не странно, никто не жалел, что девочка была с ними. То, что им было о ком заботиться, помогало бойцам держать себя в руках.

Прямо в канализационном туннеле, по которому они шли, ночевать было опасно, но и подходящего убежища или помещения им встретить не удавалось. Они слышали какой-то знакомый звук. Звук шел из метровой трубы, жерло которой выходило в канализационный люк. Митяй незвучно пополз в эту трубу. Кто-то из уновцев за ним. Наткнулись на люк. Это был не герметичный люк, а просто кусок жести, переделанный под некое подобие двери. Звук шел из-за него. Почему-то этот звук казался родным и безопасным. Митяй постучал. Жужжание утихло, послышалась суeta, что-то падало. Митяй настойчиво постучался ещё раз.

– Ну что, суки, пришли и за нами? Ну, что ж, входите. Мы готовы встретить вас. Только сдаваться, как Липские, я не намерен. Будем мочить вас, пока силушки есть. Узнайте, как хохлы драться умеют. Я вам тут сечь запорожскую устрою.

Жужжание возобновилось и стало ещё интенсивнее. Засов двери открылся. Митяй толкнул дверь. Прямо в глаза светил фонарь, укрепленный на строительном шлеме мужчины лет сорока. Двумя руками мужчина держал приподнятый меч, готовясь нанести удар. Луч фонаря Митяя осветил стоявших рядом с мужчиной женщину, мальчика лет двенадцати и девочки лет десяти. Они решительно держали копьё, готовые к бою.

– Я пришёл с миром, – сказал Митяй, бросая на пол меч и показывая разряженный арбалет на культи.

– А вы все приходите с миром и с гнидами своими. Ну что ж, заходите по одному, познакомьтесь с семьёй Страпко. Мы не такие как Липские, будем драться.

– Я не ленточник. Видите – я без оружия. Можете проверить меня.

– Тогда ползи сюда на коленях.

Митяй, переборов свою гордость, лёг на пол, по-пластунски подполз к главе семьи и покорно лег. Тот приставил к его шее острие меча. Митяй не отреагировал. Страпко-старший начал давить. Митяй лежал. Страпко стал давить сильнее.

– Э-э-э, зарежешь так, – не двигаясь, сказал Митяй.

– Да, блин, – задумался Страпко-старший, – ленточник бы уже прыгал, как ошпаренный. Но, кто там вас знает, может вы уже научились терпеть это.

– Па! А ты ему перережь шею. Если червячка не увидим – значит не ленточник, – добродушно посоветовала девочка.

– Да цыц ты, нехристь малолетняя. То ж человек живой, – прикрикнул мужик, не отводя меча от шеи Митяя. Он присел и стал рассматривать шею, на которой только немного сочилась кровь от уже убранный острей меча. В остальном состояние шеи Митяя Страпко-старшего удовлетворило.

– Не-а, видать, не ленточник. Ладно, брат, вставай. Ты уж извини. Времена такие. Мы тут последние остались в округе. Всех ленточники наших того: кого повырезали, кого силой побрали, а кто и сам согласился с ними уйти. Меня Михайло звать. А это жена и дети мои, значит.

Митяй поднялся. Теперь он видел, что от шлема Михайло шел провод. Он заканчивался в метрах трех за его спиной – там был установлен велопривод к динамо-машине, который усиленно крутил еще один мальчишка, лет восьми. Страпко снял шлем с фонарем, положил его, что-то переключил возле динамо-машины, фонарь на шлеме погас и сверху зажглось несколько лампочек.

Дом и ферма семьи Страпко – бывший канализационный колодец. Десятилетия назад, во время дождя сюда с городских улиц сбегала дождевая вода. Она по трубе, через которую приполз Митяй, стекала в главный канализационный туннель. Перед Последней Мировой канализационные колодцы также переделали под мини-убежища. Обычный решетчатый люк при необходимости снизу подпирала герметичная металлическая плита с окном из тугоплавкого полимерного стекла, приводимая в движение электроприводом. Не везде такие приводы сработали во время тревоги, но в этом колодце – да.

Выходцы с Украины Страпко, входили в юрисдикцию территории Вест-Гейт и формально подчинялись Америке. Но особых проблем с властями после утверждения губернатором Заенчковского-младшего они не знали. В колодце были установлены обычные для этой части Муоса ящики с землей, уходившие на восьмиметровую высоту – под самое окно-люк. Этому люку повезло – его не завалило сверху во время Удара. Днем через мутное стекло сюда проникал свет. Света для их оранжереи не хватало и поэтому круглосуточно у них светили лампы, действовавшие от установленных где-то сверху двух ветряков. Для того, чтобы очистить стекло от скопившейся грязи и поладить ветряк, одному из них приходилось один-два раза в год выходить наверх в самодельном противорадиационном костюме. Худо-бедно они снимали по два урожая в год со своей оранжереи. Этого хватало, чтоб прокормиться и использовать на обмен с торговцами. Иногда подкармливались слизнями, которые собирали на дне канализационного туннеля.

Но последнее время участились набеги ленточников. Сломался генератор одного из ветряков, а мощности второго было мало, чтобы дать достаточно света всей оранжереи. Торговцы сюда перестали заходить, а сами они боялись идти в Вест-Гейт – дорогу туда знал только Страпко-старший, а если он не вернется – погибнет вся семья. Да и не было на что выменять починку динамика. Прошлый урожай они съели, до малейшего созревания нового при таком свете – не меньше месяца. В туннель за слизнями также было опасно выходить – в любой момент могли напасть ленточники – так было с семьей Сусловых, которые жили тремя колодцами дальше. Страпко тёрли молодые побеги пшеницы и ели их, почти не утоляя голод, но уменьшая и без того малую площадь посевов.

Но прежде голодной смерти, их ждала смерть или перевоплощение от руки ленточников. Этого они боялись больше всего. Оружие у них тоже было слабое. Три имевшихся у них ранее арбалета они давно выменяли у соседей на еду. Остались только меч и копьё.

– Только на Бога и надеемся, – закончил, вздохнув и перекрестившись, Михайло, собравшимся в его тесном жилище бойцам. Его жена и дети, как по команде, также перекрестились.

Они переночевали прямо на полу между ящиками под тихое и доброе жужжание вело-привода. Утром, когда уходили, Митяй молча раскинул на полу плащ-палатку Ментала,

которую зачем-то таскал с собой, открыл свой вещмешок, достал оттуда добрый кусок окорка, штук двадцать печеных картофелин, и положил их на плащ-палатку перед ногами Страпко. Бойцы один за другим стали опустошать свои вещмешки: печеная и сырая картошка, вяленое мясо, сушеные грибы, тушенка, сухари. На плащ-палатке уже лежала добрая горка продуктов, которая поможет этой семье дожить до нового урожая. Женщина плакала, шепча что-то: «Спаси вас Господи...». Дети с жадностью смотрели на сокровища, не смея ничего взять без разрешения родителей. Потом Митяй отдал два арбалета и штук двадцать стрел, оставшиеся от убитых бойцов. Рахманов – пистолет ПМ с двумя магазинами патронов.

– Чтoб защищались, или обменяете на что-нибудь... А с дверью вы что-нибудь сделайте.. Слышно вас далеко.

У решительного и смелого украинца Михайло затряслись губы:

– Спасибо.. Боже, да зачем вам мое «спасибо»?! Я по гроб жизни не откуплюсь от вас.. Я должник ваш, хлопчики вы мои... Митяй, ты прости меня, Бога ради, что встретил так тебя не по-христиански..

Они вышли в канализационный канал и уверенно пошли. Все Страпко долго смотрели им вслед. Михайло объяснил бойцам, когда надо повернуть с этого канала, чтобы попасть прямо на Нейтральную.

7.6.

За три часа они без происшествий добрались до бокового ответвления канализационного туннеля. Это было то ответвление, которое вело на Нейтральную. Перед тем, как в него войти, сделали привал. Как всегда, с двух сторон выставили дозорных. Остальным разрешалось отдохнуть, сидя или лёжа на бетонном полу туннеля.

Вдруг они услышали детский крик. Это кричала Майка. Крик был из глубины канализационного туннеля – там где они недавно шли. Пока бежали, дозорный-уновец испуганно объяснял:

– Она пописать попросилась. Я её пропустил. Фонарём не светил – хоть и ребёнок, но ведь девочка, не удобно как-то. И тут она кричит уже где-то далеко.

Крик Майки то прерывался, то она снова начинала кричать, сдавленно, как будто кто-то пытался ей закрыть рот. Тот, кто её держал, бежал тоже, но не так быстро, как бойцы. Они на крик свернули в какой-то проход и внезапно выбежали в довольно большое помещение. Это было подвальное помещение какого-то предприятия, раньше использовавшееся под склад или под цех. Теперь здесь было пусто. Странно, что его до сих пор не заселили. Оказавшись в центре этого помещения, они остановились, думая, куда бежать дальше. В помещение, кроме маленькой двери, через которую они вбежали, вело двое больших производственных ворот – в торцевых частях данного подвала. Майка уже не кричала.

Вдруг ворота скрипнули, резко распахнувшись. Через одни и другие ворота, а также через дверь, в которую они только что вбежали, в помещение входили люди: мужчины, женщины, дети. Их было уже не менее сотни, а они продолжали идти из ворот. Они подходили, обступая кругом бойцов, которые также стали кругом, спина к спине.

Это были ленточники. Рассеянный взгляд, несколько замедленные движения, отсутствие даже попыток выглядеть аккуратными, у многих – улыбка на лице – всё выдавало в них ленточников. Радист их увидел впервые в жизни, но сразу понял, что это ленточники.

Если на помещение смотреть сверху, то оно представляло собой прямоугольник, наполненный людьми, внутри которого двадцати метровый полый круг, внутри которого четырехметровое кольцо из стоящих спина к спине бойцов.

Из толпы вышел мужчина. Он хромал, был стар и явно не здоров. Он заговорил:

– Ну что ж, несчастные, мы долго вас ждали. Вы знаете, кто мы, мы знаем кто вы. Я – Миша – носитель Третьего Прародителя. Мне выпало счастье удостоиться неземного счастья, которое я предлагаю вам, несчастные. Сложите своё оружие, идёте с нами. Я

обещаю безболезненные операции каждому из вас и тогда вы тоже познаете счастье быть носителем Хозяина. А одному из вас выпадет всечудесное блаженство быть носителем Третьего Прародителя. Видите – я стар и болен, я не могу рисковать жизнью Третьего Прародителя и ищу для него нового носителя. Я познал в своей жизни эту неисчерпаемую любовь, но теперь мне надо уходить в небытие. Хотя в небытие я не уйду – в этом мире останется моя любовь к моему хозяину...

Его изливание прервал Лекарь:

– Не, ну ты debil! Ты что и вправду считаешь, что мы должны воспылать любовью к вонючим глистам, которые сидят в ваших башках? Да пошел на хер, придурок. Я сейчас твоего глиста вместе с твоей башкой отстрелю.

По толпе ленточников прокатился ропот негодования. Их лица перекосили гримасы злобы. Некоторые ступили через условный круг, желая быстрее расправиться с оскорбителями. Миша, явно испугавшись угрозы Лекаря, отошел в толпу и кричал уже оттуда:

– Меня не удивляет твои слова, несчастный. Хотя ими ты очень оскорбил согревающего меня своей любовью Третьего Прародителя. Посмотри вокруг: все эти благородные, которых ты видишь здесь, когда-то тоже не хотели быть носителями хозяев. (Толпа почти синхронно закивала головами, кто-то выкрикивал: «да-да!»). Но спроси у любого из них, какая жизнь им больше нравится: та, которая была до появления хозяев или та, которая у них сейчас. (Толпа, впадая в экстаз заорала: «Сейчас! Сейчас!»). Не может же столько благородных за раз ошибаться, подумай об этом! Я не прошу вас ничего. Просить мне у вас не зачем – через пару дней вы все так или иначе будете согреты любовью хозяев. Я предлагаю вам сложить оружие, чтобы не причинять вреда другим хозяевам, которые сидят в телах этих благородных. Ведь это бесполезно.

Радист, терзаясь смутными догадками, спросил:

– Где Майка?

– А-а-а! Майка. Покажите будущему носителю его подругу ... или приёмную дочку... ха-ха.

Из толпы выступил здоровый мужик-ленточник. На плечах у него сидела Майка. Она блаженно улыбалась. Боже, это же их Майка! Это Майка, которая прошла с ними весь путь. Майка, которую решила удочерить Светлана! Майка, которую он успел тоже полюбить! Она была ленточником! У Радиста помутнело в глазах. А Миша хладнокровно продолжал:

– Да и вот ещё. После обретения хозяина ты, Радист, сможешь забрать Майку. А потом заберёшь с собой Светлану, убедишь или заставишь ее принять хозяина. Вы будете жить и работать вместе! Разве ты ни этого хотел! Кстати вы можете принять детёнышей хозяина Майки – у него скоро период деления! Это такой прекрасный акт: три носителя объединяют свои усилия ради блага хозяев! Решайся, Радист!

Радисту, от осознания предложенного Мишей, хотелось плевать. Митяй, боясь, что Радист сейчас упадёт, схватил его за плечё, втянул в круг. Растянувшись, бойцы заняли пустое пространство. Митяй крикнул:

– Пропустите нас или мы проложим дорогу из трупов!

Миша, как бы с грустью произнёс:

– Ну что же. Я и не сильно-то надеялся... Внимание! Носители с хозяевами годовалого возраста, взять их живыми.

Из толпы стали выступать ленточники. Они, не вооруженные, протягивая руки, шли к кругу бойцов. Митяй скомандовал:

– Огонь.

Прогремели одиночные выстрелы Калашниковых и щелчки арбалетных механизмов. Несколько ленточников упало, но из толпы выходили новые и шли в центр круга – прямо под пули и стрелы. Некоторые, раненные, продолжали ползти к бойцам и их приходилось добивать. Так продолжалось минут десять. Поток идущих закончился, закончилась стрельба. Истекавшие кровью трупы образовали бруствер. Миша также невозмутимо произнёс:

– Носители с хозяевами двухгодичного возраста, вперёд!

Новый поток ленточников двинулся из толпы в центр.

Радист ушел в прострацию. Он сел на пол в центре круга и схватил голову руками. Ему не было страшно. Просто чёрная тягучая пустота и безнадёга наполнили его изнутри. В этом уголке ада под названием Муос всё перевернуто. Даже ребенок, которого он полюбил, оказался другим... даже не человеком, а существом, хладнокровно заведшим их в западню.

Радист не был солдатом, и у него не было желания «воевать до последнего», как у Митяя и других. Он считал бессмысленным эту перестрелку, потому что исход её был и так понятен. Он даже не обратил внимание, как кто-то схватил его вещмешок, достал оттуда их последнюю гранату и швырнул её прямо в толпу ленточников. Прогремел взрыв, ошметки плоти упали Радисту на руки, которыми он всё также зажимал голову. А ленточники всё шли и шли.

У обороняющихся у одного за другим закончились патроны и стрелы. Муосовцы обнажили мечи, уновцы прикрепили штык-ножи. Миша, заметив это, хладнокровно скомандовал:

– Третий, четвёртый и пятый год выйдите вперёд.

Круг ленточников сузился.

– Взять их живыми.

Озверевшая толпа безоружных людей-глистов, карабкаясь по брустверу трупов, быстро приближалась. Остальные, более старые ленточники напирали на них сзади. Ходоки и нейтралы, махая мечами, отсекали головы подходившим, у уновцев дела обстояли хуже – АК со штык-ножами не могли долго сдерживать всё подступавший поток людей, каждый из которых тянул к ним руки. Одного за одним уновцев похватали и повтягивали в толпу. Радиста, сидящего на полу, утащили за ноги. Остались только Митяй и нейтрал, которые спина к спине в унисон друг другу танцевали кровавый танец с мечами. Видя неумоимость бойцов, с ног до головы залитых кровью ленточников, сопереживавший десяткам погибших хозяев, Миша несколько взволнованно крикнул:

– Все назад, назад... Арбалетчики, расстреляйте их, эти нам не так нужны...

Взвод арбалетчиков поднялся на бруствер трупов, окружив Митяя и нейтрала. Арбалетчики прицелились. Митяй, зная, что его смертный час приближается, перекрестился, хлопнул по плечу нейтрала и они вдвоем в момент, когда командир взвода арбалетчиков крикнул: «Огонь!», бросились вперёд, на бруствер. Щёлкнули механизмы арбалетов, но только несколько стрел попали в сместившиеся мишени. Нейтрал упал – одна стрела вошла ему в шею. Митяй был ранен, но не смертельно. Он успел, подымаясь на бруствер, отсечь ноги двум ленточникам и бросился с бруствера туда, где по его мнению был Миша. Митяй, крутя мечом, врубился в толпу, но щёлкнул второй залп, и десяток стрел вошли ему в спину и затылок. Умирая, Митяй сожалел только о том, что он так и не достал Мишу.

7.7.

Радист медленно выходил из прострации. Он начал осознавать, что его тащат сквозь толпу. Потом его посадили и приковали к какой-то маленькой тележке с колёсиками. Впереди тележки были веревчатые ручки, за которые взялись два ленточника и потащили тележку с Радистом за собой. Ноги Радиста были вытянуты на всю длину тележки, на лодыжках они были закованы в кандалы. Руки были закованы в наручники, которые крепились к полику тележки как раз между ногами Радиста. По бокам тележки были ручки и когда встречалось препятствие – лестница или порог, ленточники брались за ручки и переносили Радиста вместе с тележкой. Он представил себя со стороны, сидящего в этой маленькой тележке, – наверное, это смотрелось бы очень смешно, если бы всё не было так печально.

Впереди на такой же тележке тащили закованного Рахманова. Извечный оптимист вступал в разговор с ленточниками, пытаясь получить максимум информации, и уже строил

какие-то совершенно нереальные планы их побега.

Их охраняли вооруженные ленточники – их было много. Очень много. Они шли рядом, впереди и сзади. По топоту ног можно было определить, что с ними идёт не меньше сотни ленточников. Сзади был слышен скрип ещё нескольких тележек, видно остальных уновцев тоже тащат.

К тележке Радиста сквозь толпу пробился Миша. Он, идя рядом с тележкой, дружелюбно спросил:

– Ну как ты, Игорь? Как самочувствие?

Радист злобно, чтобы тот отцепился от него, ответил вопросом на вопрос:

– А чего-ты, глист, о моем здоровье так беспокоишься?

Как бы и не заметив грубости ответа, Миша, с прежней благожелательностью и умилением ответил:

– Ну как же, Игорь. Ведь мой хозяин будет пересажен тебе (У Радиста кольнуло в сердце от этих слов). Я должен заботиться о том, какое тело достанется Третьему Прародителю. Это уже вторая пересадка моего хозяина. Прежний носитель даже просил у меня, чтобы я после пересадки себя назвал его именем – Миша... Я думаю, тебя интересуют некоторые вопросы. Спрашивай. Мне надо передать определенную информацию. Ведь, когда ты будешь осчастливлен, меня, как носителя, уже не будет.

– Сгинь, ублюдок!

Миша, не обратив никакого внимания на ответ Радиста, слащавым голосом продолжал:

– Так вот, Майя. Не знаю, знаешь ты или нет, но эта девочка и её мама из одного американского бункера. Незадолго до вашего прихода мы взяли этот бункер. Майина семья тоже там была. Мы б, конечно, могли всей семье пересадить хозяев. Но мы решили пожертвовать сиюминутной выгодой от расширения популяции в надежде получить господство над всем Муосом. Нам нужны были разведчики. А, как ты знаешь, несчастные научились нас изобличать с помощью нехитрых тестов. Мы, конечно, трудимся в этом направлении, разрабатываем систему автотренинга носителей, которая позволит не проявлять реакций при «затылочном тесте», стараемся делать аккуратные операции с незаметными швами. Но пока наши изыскания не весьма успешны. Приходится импровизировать. Да, что-то я отвлекся... Так вот, Майя и её семья были взяты нами в плен. Ленточниками мы сделали только Майю и её отца. А мать с двумя братьями оставили несчастными. Правда, мать с братьями не знали о брагородстве Майи и её отца. Отец по нашей легенде внушил своей жене и сыновьям, что он является землянином – может быть ты слышал сказки о таких волшебниках, которые хотят спасти Муос?... Так вот, они в это поверили. Через него мы послали Майю, её мать и братьев в Партизанские лагеря под видом беженцев. Возможен был провал, но, к счастью, наш расчёт оказался верен. Мать и братьев проверили, а Майю, которая прикинулась спящей на руках у матери, решили не проверять: ну конечно, разве может быть у нормальной матери, зараженный ребенок (Миша довольно засмеялся). Майя – очень смышленный носитель. Мать искренне веря в то, что делает это на пользу всего Муоса, собирала информацию и передавала это Майе. Майя же проскакивала в туннели или боковые ходы и передавала это своему отцу или другому связному из наших. Если девочку и встречали вне лагеря, её просто приводили к матери, а та, для виду, её отшлёпает, а потом снова отправит к связным. Особо ценной информации они нам, правда, не передали. До того момента, пока не пришли вы.

Полученное от Майи сообщение о вашем приходе – это самая радостная новость за последние десятилетия. Вы нам очень нужны, нужны живыми, настолько нужны, что мы позволили твоим друзьям убить стольких хозяев...

На лице Миши появилась неподдельная печаль за погибших хозяев... только за них, гибель полутора ста людей его не волновала. Он, немного поскорбив, продолжил:

– Тогда мы через Майю передали задание её матери возвращаться в Америку. Отец встретил их в туннеле между Пролетарской и Первомайской. Для того, чтобы пробраться туда по неметрошному Муосу, погибли шесть хозяев (Лицо Миши опять нахмурилось). По

нашему заданию он убил свою жену, имитируя нападение диких диггеров, а Майю проинструктировал, как ей себя вести с вами, оставив в туннеле. Это дитя и её добрый хозяин оправдали все наши ожидания. Она сделала даже больше, чем мы ожидали. Девочка настолько хорошо играла, что вы не только не додумались её перепроверить на ленточника, но и оставили при себе, а твоя подружка решила её удочерить. Ха-ха-ха... Мы дадим ей такую возможность со временем... Вот только этот мутант ваш с этими своими способностями. Стал что-то там подозревать. Но девочка и тут не сплеховала. Высунула незаметно из его же мешка гранату, выдернула колечко и всунула ему, спящему, в руку. Умная девочка, всё правильно рассчитала. Этот Ментал, мужественно спасая всех, решил накрыть гранату своим телом. Что было дальше – ты сам всё знаешь (Радист вспомнил последний шепот Ментала: «ааа, ..ааа». Это он называл имя – Майка). Мне кажется, что у этой девочки присутствие хозяина не только не ухудшило интеллект, но возможно в чём-то его и обострило.

Ну а теперь, ты конечно хочешь знать, за что тебе уготована такая честь быть носителем Третьего Прародителя. Объясняю тебе, несчастный. В первые годы с момента Великого Зарождения, мы были заняты тем, чтобы выжить, захватить Независимые Станции Востока. Даже планы о захвате всего Муоса нами тогда рассматривались, как далёкая мечта. Но когда тупые умники центровики отдали нам весь Восток, и мы его, конечно, взяли, гнёзда хозяев-носителей, или как вы нас называете, ленточников, стали расти и укрепляться. Теперь ленточники господствуют чуть ли не на половине Муоса. Мы пока что ограничиваемся набегами на Американские поселения, воюем с диггерами. Но скоро пробьёт тот час, когда мы захватим Америку. Старикашки с Центра будут испуганно на это смотреть, сложа руки, и в конце-концов подпишут с нами новый пакт, по которому Америка будет принадлежать ленточникам.

Сейчас мы работаем над тем, чтобы осчастливить лесников. Знаешь таких дикарей, который на Автозаводской линии, начиная с Партизанской? С ними тяжело – ум они свой потеряли, а новому носителю всё-таки надо кое-что объяснить, чтобы он не наломал дров. Но пройдёт год, даже меньше, и все лесники будут осчастливлены. Тогда мы двинем на Партизан. Мы бы могли это сделать и сейчас. Но Партизаны – ребята отчаянные, все такие идейные, драться умеют хорошо, не то что американцы.. с ними будет не просто, очень много хозяев погибнуть может... А вот когда с нами будут лесники с их опытом войны с партизанами, с их дружбой с лесом, три несчастных партизанских лагеря мы возьмём за пару месяцев.

Нейтральную придётся брать штурмом. Она уже будет обложена со всех сторон и тоже долго не выстоит... Я преклоняюсь перед подвигом хозяев, которые погибнут в этой благородной войне и жалею, что мне не удастся в ней поучаствовать и погибнуть за великое дело роста популяции хозяев (Радист не удержался и быстро взглянул на Мишу в этот момент. Тот последнюю фразу произносил с совершенно искренней скорбью).

Ну вот видишь, со временем мы окружим Центр, за счёт десятикратного превосходства в численности захватим все станции. И чтобы ты думал? Всех обратим в ленточников? Нет! Мы оставим население Площади Независимости и бункеров-лабораторий несчастным. Почему? Видишь ли, Игорь, когда человеческий мозг контактирует с хозяином, от созерцания этого совершенства, любви к хозяину, у него мыслительная деятельность немножко замедляется, становится немного проще в мышлении. В отплату за дар совершенной любви к своему хозяину, носитель платит некоторой долей своего интеллекта. Трудно уже такому носителю открыть что-то новое. У нас есть учёные, но с открытиями дела у них обстоят не очень хорошо. В основном мы прибегаем к принудительной помощи неосчастливленных учёных и специалистов.

Радист не удержался и съязвил:

– Короче червь в башке заставляет вас тупеть и деградировать.

– Ну, зачем такие грубые фразы... Хотя мою мысль ты понял правильно... Вот и я, скажем, в прошлом – физик-ядерщик, а теперь лишь смутно помню, в чём суть ядерной

реакции... Но у нас ведь есть исключения – вспомни Майю. Когда она выполнит все свои разведывательные задания, мы её направим на исследование. Возможно Майя – это основа будущей высокоинтеллектуальной расы носителей... Ладно, так ты понял, почему мы не тронем Площадь Независимости и бункера? Думаю, понял: мы заключим с ними перемирие, подпишем ещё один пакт и даже будем оказывать им сякую-такую помощь. Пусть неосчастливленые учёные трудятся на благо гнёзд хозяев. Нам, например, очень интересны их разработки, связанные с созданием морлоков. Знаешь про таких? Это было бы просто замечательно! Кстати, мы разрешим моральный конфликт по поводу морлоков, который возникает между гуманистами и учёными. Морлоки, после того как они будут осчастливлены, станут равными всем другим носителям. Они выйдут на поверхность и начнут отвоёвывать её обратно у природы и радиации. Правда, надо будет решить задачу по безопасности хозяев внутри морлоков. В этом, нам учёные тоже согласятся помочь. Не скрою от тебя: мы хотим завоевать всю планету. А потом, кто знает, двинемся – к другим мирам. Популяция хозяев будет всё увеличиваться и увеличиваться. Мы научимся осчастливливать не только людей и морлоков, но и змеев, хищников, других животных. Через тысячелетие этот мир будет просто не узнаваем. Всё живое будет жить одной счастливой семьей, согретой любовью к своим хозяевам. Не будет войн и распрей, злобы и зависти. Разве не об этом мечтали люди на протяжении тысячелетий?

Видишь, как мы далеко мыслим! Разве не захватывает дух?! Разве тебе не хочется стать сопричастником всего этого?!... Ничего – захочется!

Всё-всё, возвращаюсь к теме нашего разговора. Когда появились вы, мы поняли, что можем сделать огромный скачок в осуществлении наших планов. Мы, вернее вы... да-да, Радист, ты и твои друзья... после осчастливливания вернётесь в Москву на своём вертолете, может быть, захватите небольшую делегацию муосовцев и начнёте освоение огромного Московского метро.

Радист начал рваться с кандалов, кусая губы и крича:

– Суки, сволочи.. Грёбанные пьявки.. Не бывать этому.. Я не буду этого делать..

– Ещё как будешь, Игорь. Да ты успокойся и подумай, какое тебе выпало счастье! Ты будешь не только носителем Третьего Прародителя. Твой хозяин станет Высшим Прародителем в Москве. Это большая честь и радость... Ну да ты ещё этого до конца не понимаешь... На этом планы наши не останавливаются. Когда ты в достаточной мере в Москве расширишь влияние своих гнёзд, захватишь власть в определённой части своего метро, тогда ты займёшься серьёзными разработками по созданию более мощных радио-устройств. Параллельно с завоеванием Москвы, начнёте искать новые убежища. Ты, или твой преемник, будете посылать в походы новые и новые группы ленточников. Ты будешь чувствовать себя великим императором! Ну неужели тебе этого не хочется!?... Вот ещё, чуть не забыл...

Миша раскрыл рваную папку, которая была у него под мышкой, достал оттуда несколько истрёпанных листков..

– Нашли в твоём вещмешке один документик. Помнишь?

Радист рассеянно посмотрел на листки, мелко исписанные рукописным текстом. Это было письмо мёртвой сталкерши. Дехтер, перед уходом на Немига-Холл, ему отдал эти листки на сохранение. Обернувшись, Миша крикнул:

– Кожановские, подойдите.

Подбежали парень и девушка, они угодливо смотрели на Мишу, который продолжал разговаривать с Радистом:

– Знакомся: Сергей и Валентина Кожановские – это дети автора письма. Ты ж с другими уновцами там на вышке давал себе обещание найти детей и рассказать им о подвиге их матери! Обещание надо выполнять..

– Пошёл ты...

– А зря. Именно благодаря Галине, а я её знал лично, вы сюда прилетели. Когда мы взяли Академию Наук, там было много бывших учёных. Здания самой Академии Наук

располагались недалеко от одноимённой станции. Поэтому многие учёные спаслись в метро во время Последней Мировой. Нам пришла мысль их как-то использовать на благо расширения популяции. Вот тогда-то впервые и возникла ещё у моего предшественника мысль о создании радиопередатчика.

Галина была ревностной и довольно сообразительной ленточницей – ей и поручили быть начальником шабашки неосчастливленных учёных. Кого пытками, кого моря голодом, кого угрозой убить детей – она их заставила создать радиопередатчик. Три года мы, губя наших хозяев, подымались наверх: в руины Академии Наук, на предприятия и в другие места, и собирали там радиодетали. Когда учёные создали передатчик, они предупредили, что магнитные поля или что-то там ещё слишком сильны. Чтобы радиопередатчик действительно заработал, его антенну надо было установить в максимально высокой точке на поверхности. Галина сама с группой таких же преданных ленточников вызвалась нести передатчик к специально присмотренной для этих целей вышке и запустить его. А учёных мы после окончания разработок, в благодарность за службу, осчастливили. Ни Галина ни члены ее группы не вернулись, поэтому мы думали, что они погибли по пути и проект провален. А оно видишь, как оказалось...

Радисту медленно доходил смысл сказанного. Значит тот сигнал, который он целую вечность назад слышал в тесной радиорубке Полиса, был послан ленточниками! Он мог просто не проснуться или не придать значения этому, но нет же... он проснулся и, надеясь на какую-то там похвалу или благоприятное отношение властей Полиса, с глупой гордостью докладывал о своем открытии... Он стал невольным виновником отправки этой экспедиции, погубившей почти всех её участников. Более того, он – виновник планируемого чудовищного действия – захвата ленточниками Московского метро. Он – не только виновник, но и будущий исполнитель и предводитель этого захвата! Ему захотелось умереть. Нет, он просто должен умереть! Лучше б его тогда на Пушкинской, много лет назад, еще мальчиком просто расстреляли, как сына фашистки. Нет, лучше ему было совсем не рождаться...

Миша что-то ещё говорил Радисту. Сидеть было очень не удобно: спина затекла, зад немел. Радист ничего не слышал и не чувствовал. Он хотел заставить своё сердце перестать биться и свой мозг – умереть. Но он не мог сделать даже этого.

7.8.

Они бесконечно шли коридорами, ходами, туннелями. В какой-то момент впереди послышалась суeta: крики, щелчки арбалетов. У Радиста возникла надежда, что на них сейчас нападут змеи или другие твари, ему откусят голову и он погрузится в сладкое небытие, которое спасёт его от чудовищной реальности. Но надежда не оправдалась – это был набег диких диггеров, которые явно не рассчитывали на своей территории встретить столь большой отряд чужаков. Когда тележка Радиста докатила до того места, где была стычка, они увидели несколько трупов голых диггеров и одного ленточника. Каждый из проходивших диггеров с жалостью всматривался на носителя, в теле которого покоился умирающий хозяин. Некоторые женщины и дети при этом всхлипывали.

Наконец они пришли на станцию Площадь Победы – первую станцию ленточников. Прежде увиденные Радистом станции не восхищали его своим убранством. Но станции ленточников – это была одна большая мусорка. Ленточники не заботились об аккуратности и чистоте: это ведь никак не влияло на расширение популяции хозяев и только отвлекало от созерцания «чистой любви». Кругом валялись кучи мусора: грязь, ношенное тряпье, картофельные лупины. Квартиры, оставшиеся ещё от прежних хозяев, вернее от этих же – но в другом облиии, со времен осчастливливания не ремонтировались и не убирались. Радисту показалось, что оправляются местные тоже не выходя со станции. Во всяком случае на это указывал характерный запах. Вся станция была похожа на одну смердящую трущобу, по которой вяло слонялись грязные ленточники в каких-то обносках, тоже давно не обновлявшихся. Многие дети, подростки и молодые люди, которые родились после

осчастливливания, ходили голыми или в кусках тряпок и кожи, едва прикрывавших их тело. «Согреваемым любовью» не обращали внимания на холод и им были неведомы такие эмоции, как стыд и стеснение. Зато лица у них были расслаблены и изображали пребывание в неестественном покое и погружении в себя. Многие сами себе улыбались.

Увидев подходящую процессию, ленточники всех возрастов оживились, они подбегали к гостям и видя несчастных, с надеждой спрашивали: «Мы будем видеть сегодня осчастливливание?!», «А когда же я пересажу своего нового хозяина, ведь мне же обещали?», «Почему нам не разрешают идти в поход во владения несчастных и самим искать носителей для пересадки хозяев?»

Выступил вперёд Миша и с абсолютно неуместным на этой свалке пафосом громогласно объявил:

– О, благородные! Ваши прекрасные хозяева в скором времени найдут себе новых носителей! Скоро мы двинемся с вами на запад, расширять территорию наших гнёзд. Каждый из вас найдёт себе новых носителей и будет иметь счастье наблюдать размножение своих хозяев! Но будьте терпеливы, во имя хозяев! Этих взятых в плен несчастных мы должны доставить к Первому Прародителю, так как они очень ценны для наших гнезд. Там мы их осчастливим и двинемся завоёвывать Муос, а затем и всю планету. А сегодня мы только переночуем в вашем гнезде, чтобы идти дальше.

Ленточники этой станции закивали головами. Радиста, Рахманова и других пленников отвели в клеть, в конце станции. Радист отказался есть и пить, наивно рассчитывая умереть от голода или жажды. Ему дали оправиться, после чего насильно уложили на пол в клетки и приковали руки и ноги к вмонтированным в бетонный пол кольцам. Он явно не первый прикованный к этим кольцам. Сколько людей лежало здесь также как он и ожидали операции по пересадке червя.

Радист закрыл глаза, хотелось забыться во сне. Но что-то ему не давало спать. Он открыл глаза и повернул голову. Вокруг клетки собралась толпа ленточников. Они смотрели на него жадными глазами. Некоторые тянули, а потом снова одергивали руку. Радист испугался, уж не съесть ли его хотят. Трёхлетний совершенно голый мальчик-ленточник нарушил это молчание и спросил:

– Мама, а пацему незя этому дяде сыночка маево хазяина пелесадить?

Радист подумал: «Лучше бы вы меня съели!».

Услышав то, что сказал малыш, охранник стал разгонять толпу:

– А ну разойдитесь, во имя хозяев, мать вашу... Чё столпились тут... Не для вас их привели, не понятно что ли носитель Третьего прародителя Вам объяснял?... А ну вон отсюда..

Он, матерясь, стал их нещадно бить своим арбалетом. Толпа неохотно разошлась, оглядываясь на клетку. Это происшествие отнюдь не улучшило настроение Радиста. Он долго не мог заснуть.

Неожиданно клетка открылась. В клетку вошла Катя – та девочка-вдова с Тракторного. Она была совершенно голой. Что она тут делает? Катя нагнулась и посмотрела в лицо Радисту:

– Узнал меня, Игорь?

Речь Кати была смазана, на лице – умиленная улыбка.

– Ты – ленточница? Когда они тебя успели?

– А я, мой сладенький, после того, как ты отказался от меня, так и решила, что среди дебилов-партизан мне делать нечего. Сама пошла ленточников искать и деток с собой своих взяла. Теперь мы согреты любовью хозяев наших.

Катя села Радисту на бёдра и стала расстегивать ему брюки.

– Катя, не надо, прошу тебя...

– Ну как не надо? Надо. Сегодня ты будешь моим. Скоро Светку, сучку твою, приведут. Ты ж к ней сбежишь. Пока её нет, я должна получить своё.

Радист стал дёргаться, вырываться, но он намертво был прикован к полу. А Катя

стянула с его брюки настолько, насколько позволяли оковы на ногах.

– Да ты, дурачек, расслабься, это же не больно.

Катя посмотрела на Радиста. Радист увидел её лицо – это не Катя, это была та смуглянка с его родной Пушкинской. Рядом с ней стояла мать Радиста в эсесовской форме. С блаженной улыбкой на лице она ласково сказала:

– Не бойся, Игорек, это совсем не больно. Скоро ты будешь ошастливлен.

Смуглянка расстегнула Игорю его куртку, стала поднимать футболку и нагнулась, чтобы поцеловать живот. Тогда Игорь увидел голову смуглянки. О нет!. Черепной коробки не было, а вместо мозга там кишели черви-хозяева. Игорь закричал «Нет!».

Смуглянка подняла голову и стала приближать своё лицо к лицу Игоря, открывая рот. Оттуда стали выпадать черви, они падали ему на лицо, мерзко ползли по его щекам. Он крутил головой, чтобы сбросить червей с себя. Смуглянка схватила руками его голову, сильно удерживая, взяла в руку одного червя и стала запихивать ему в рот. Игорь быстро дёрнул головой и громко закричал: «Не-е-ет!». От своего крика он проснулся.

Он не понял, что произошло. Казалось один сон, переходил в другой, не менее страшный. В клетке толпились ленточники. Один из них держал ему голову и закрывал рот, испуганно озираясь. У второго в руке была тряпка – видимо кляп, который тот неудачно пытался всунуть в рот Радисту. Крик Радиста явно не входил в планы ленточников. Один из них, суетливо поднимаясь, приставил к губам свой палец и шепнул:

– Не кричи! Всё уходим...

Они быстро стали отходить к выходу из клетки, оставив Радиста и других пленников в покое. Не поняв всего до конца, Игорь сделал вывод, что его крик в данном случае не на руку ленточникам, и стал ещё громче орать:

– Помогите! Спасите!!! А-а-а!!!

Зажглись дополнительные лампы. Ленточники на станции попроспались. Некоторые бросились к клетке и увидели выбегавших из неё охранников.

– Ах вы, гады... Здесь нарушители... Нарушители... Сюда-сюда..

Охранников похватили. Их тут же, перепуганных разоружили и потащили в другую клетку. Вздволнованный Миша сам, распахивая других, забежал в клетку и стал осматривать пленников. Сначала он бросился к Радисту, бесцеремонно схватил его за волосы и повращал головой, рассматривая с разных сторон шею:

– Этого не успели...

Он перешел к Рахманову, у которого торчал кляп во рту.

– Этого тоже не успели...

Потом к Лекарю:

– Сволочи... Подонки годовалые...

Он засунул свои пальцы в кровоточащую рану Лекаря, пытаясь словить червя пока он не присосался к спинному мозгу. Но он не успел:

– Поздно... Этому сделали пересадку.... Сволочи... Сволочи... Сволочи... Достаньте их из камеры – немедленно казнить...

Не смотря на досадность своего положения, Радист повернулся. Он решил понять, что же произошло, и рассмотреть, что будет происходить дальше. Миша, видимо чтобы успокоиться, стоя рядом с Радистом, стал нервно ему разъяснять:

– Видишь ли, Игорь. Тебе придется сталкиваться и с таким, у нас в Муосе и у себя в Москве. Мы все любим наших хозяев. Я тоже получаю радость, вернее даже неопишуемый экстаз, когда мой хозяин размножается и его детеныш получает нового носителя. И я, со своим положением, вернее с положением, которое занимает мой Третий Прародитель, мог бы неограниченно размножаться. Но интересы популяции хозяев важнее интересов отдельного хозяина. А некоторые носители не хотят этого понимать, они преследуют свои, эгоистичные интересы. Ваши тела предназначены другим, более высоким хозяев, а они захотели преступным путем всунуть в вас своих. Это при всем при том, что охранников мы отбираем среди самых лучших и преданных носителей. Какое осквернение... Хорошо, что

ты закричал. А то бы эти недоноски лишили бы тебя чести быть носителем Третьего Прародителя.

Радист на секунду задумался о сложностях отношений между ленточниками, ничего не понял, и снова съязвил:

– Я правильно тебя понял: ты приказал казнить этих охранников? Но ведь их хозяева тоже погибли. Ты ведь убьешь своих хозяев... Как ты так можешь...

– Я не убью их хозяев, они сами их убьют. Мы, конечно, потом будем оплакивать гибель этих невинных хозяев, загубленных из-за сумасбродства их носителей.

Пока они разговаривали, на кострище в центре платформы разожгли большой костер. Перед этим четверых охранников – участников самовольного осчастлививания, привязали друг к другу. Их подвесили вниз головой к цепи, крепившейся на крутящийся блок, прикрепленный к самому потолку. Палачи натянули цепь, подняв казнимых на полутораметровую высоту, после чего развели под ними костер и цепь дали в руки подвешенным. Если они отпустят цепь, то уткнутся головой в костер. Цепь могли держать только двое. Они изо всех сил старались, кричали, плакали, просили прощение у Миши и у своих хозяев. В это же время солдаты сгоняли население станции, чтобы все видели казнь. Миша, по прежнему стоя в клетке рядом с Радистом, назидательно вопил:

– Смотрите, как они подвели своих хозяев. Они их загубили. Сейчас эти несчастные, да-да – несчастные, ибо благородство они свое утеряли, убьют своих бедных хозяев, всунув свои мерзкие головы в костер. Помните: каждый, кто совершит самовольное размножение – убивает своего хозяина!

Люди, особенно дети, плакали. Они оплакивали не людей, а червяков в их шеях. Руки у казнимых тряслись. Языки пламени уже лизали их головы. В какой-то момент они не выдержали и цепь вырвалась из рук. Они повисли, уткнувшись головами в костер. Истощенный вопль и запах палёного мяса. Радист не смог этого смотреть, он отвернулся.

Через полчаса, когда обугленные трупы уже утаскивали в туннель, внезапно зашевелился Лекарь. Он открыл глаза, покрутил головой, посмотрел на лежащих рядом Радиста и Рахманова и тихо произнёс:

– Ребята, я уже чувствую эту тварь и, кажется, начинаю по-другому к ней относиться. Она мне уже кажется не такой страшной.

Он закрыл глаза и полежал минуту. Радист подумал, что плохие события сегодняшней ночи для него ещё не закончились. Через десять минут Лекарь открыл глаза. Лицо его изменилось. Он закричал:

– Во имя хозяев! Выведите меня отсюда, заберите меня от этих несчастных!

Уже вновь назначенные охранники засуетились:

– Что, уже наш? Что-то рано.

– Всякое бывает, ты что хозяина в нём не чувствуешь?

– Ну чувствую, только не очень сильно. Ну так что с ним делать? С несчастными и вправду не хорошо благородного держать.

– Давай его отцепим и в другую клетку переведем. А Миша появится – его и спросим.

Они расцепили Лекаря кандалы. Он поднялся, растирая онемевшие руки и ноги. Охранник торопил:

– Давай-давай, пошли!

Лекарь медлил. Внезапно он ударил локтем в солнечное сплетение охранника, стоявшего ближе. Спустя мгновение – удар ногой в пах охраннику, который был у входа в клетку. Оба согнулись. К клетке бросились двое других охранников, чтобы её закрыть, но Лекарь уже выбежал и с силой ударил плечом дверь, которая резко распахнулась и ударила по голове одного из подбегавших. Спустя секунду он уже карабкался на саму клетку и залез на её самый верх. В руке у него была стрела, которую он выхватил из колчана одного из охранников. Он стоял на прутьях и смотрел вниз, на Рахманова и Радиста. Охранники навели на него свои арбалеты, но стрелять они не могли: Лекарь уже был ленточником и ничего такого, чтобы угрожало всей популяции, он не делал. Рахманов спросил:

– Что ты задумал?

– Я задумал сделать свою последнюю операцию в жизни. Я много раз оперировал, но это будет самая уникальная операция, какой не делал никто и никогда! Лекарь умирает счастливым.. Ха-ха-ха.. Эту операцию опишут в учебникам по медицине.. ха-ха..

Потом он уже серьезно и устало сказал, обращаясь к своим друзьям:

– Ещё немного и я этого сделать не смогу, вернее не захочу..

Говоря это, Лекарь сел на колени и согнулся, уткнувшись лбом в прутья решетки. Стрелу, взятую в две руки, он занес над своей шеей, и стал медленно вводить её в надрез, сделанные ленточниками при его «осчастливлении», а затем в канал, по которому полз червь, приближаясь к его мозгу. Ленточники-охранники, поняли, что задумал Лекарь, и теперь пытались влезть на клетку. Но сноровка у них была не та, что у Лекаря.

Терпеть боль тяжело, но в десять раз тяжелее терпеть боль, которую сознательно себе причиняешь сам. Зубы сведённой челюсти Лекаря скрипели, мышцы лица дрожали, на лбу выступил пот, по шее стекала кровь и капала на одежду Радиста, лежащего как раз под Лекарем. Дойдя до той точки, которую Лекарь считал местом расположения червя, он с усилием несколько раз провернул стрелу. Потом он прошептал: «Кажется всё» и упал на бок. Стрела по-прежнему торчала в его шее, убив червя и вместе с ним – Лекаря.

В это время подоспел Миша. Он тут же устроил новую казнь – уже новым охранникам, которые пробыли таковыми всего несколько часов. Радисту свои действия он прокомментировал так:

– Помни, Игорь! Хозяева – совершенны, носители – дерьмо. Но тебе в Москве надо научиться переступить через себя, через свою любовь к хозяевам, для пользы всей популяции. Тяжка моя печаль, но крепка решительность, и я не отступлю и готов перебить всех этих придурков, лишь бы осуществить свои планы. Не подвергая страданиям некоторых хозяев, мы не сможем победить.

Миша о себе и Радисте говорил «мы», как будто бы Радист уже имел в себе хозяина или соглашался с идеями Миши.

7.9.

Вскоре Радиста подняли и опять привязали к тележке. Тележку установили на специальную велодрезину с клеткой. В этой же клетке был и Рахманов на своей тележке. Четыре ленточника медленно крутили педали. Спереди и сзади шли ленточники-солдаты по полсотни с каждой стороны. Миша сидел на скамье, установленной на помосте велодрезины рядом с клеткой. Теперь Миша не отходил от Радиста – он его уже никому не доверял – слишком он был для него ценен. Он всю дорогу, не обращая внимания на огрызания и оскорбления пленника, знакомил его с особенностями жизни ленточников, секретам выживания и размножения их популяции. Видимо он делился опытом, готовя Радиста к осчастливлению и предстоящей экспансии в Москву.

Станции ленточников, или как их называли сами хозяева – гнёзда, были все как одна: унылы, убоги и грязны. Население было доходяжным, еле двигалось, но многочисленным. Ленточникам не важно было состояние носителя, лишь бы он не протянул ноги. Им важно было их количество – в увеличении количества носителей, а значит и населявших их хозяев, они видели смысл своего существования. Радист смотрел на это с печалью. Справиться с таким количеством ленточников не под силу не Партизанам не Центру не, тем более, Америке.

В каждом гнезде были «питомники». В такие питомники отбирались наиболее сильные и здоровые женщины. Их работа – вынашивать и рожать новых носителей. Осеменителей тоже отбирали среди самых здоровых и сильных мужчин. Таким примитивным путем ленточники пытались осуществить селекцию носителей на пользу хозяев. Женщины с питомников практически не выходили – они осеменялись, рожали, вскармливали младенцев, которым тут же вживляли хозяев. Пока ленточницы вскармливали одних младенцев, их снова осеменяли... Другим ленточникам было запрещено половые отношения. Да и

основной инстинкт у них был практически утрачен. Поэтому это табу никогда не нарушалось.

У ленточников были школы. Однако паразитизм червей во много раз снижал возможность человеческого мозга к восприятию новых знаний. Поэтому в течении трех месяцев среди детей отбирали наиболее толковых, каковых были единицы, и обучали дальше – в гнезде Академия Наук. Остальные шли в войска, в рабочие или в питомники.

Академия Наук – своеобразный научный центр Ленточников. Здесь находилась шарашка – тюрьма, лаборатория и университет по совместительству – для нескольких десятков неосчастливленных учёных. В их число входили профессиональные учёные и обычные специалисты, оставшиеся со времен захвата Независимых Станций Востока и захваченные во время набегов на Америку, Партизан и Диггеров. Они должны были обучать ленточников и делать из них будущих специалистов. По команде Миши, тележку с Радистом закатили в учебный класс: десять юных ленточников с обычными для них придурочными выражениями лиц, погруженные в себя, рассеянно смотрели на своего учительницу. Учительница, силясь, пыталась протолкать в их затуманенные головы какие-то знания. Сама учитель во время урока находилась в клетке. Чтобы не сбежала и чтобы ученики не поддались искушению её осчастливить. Радист посмотрел на учителя – это была уже немолодая женщина. Со своей клетки будущим агрономам она рассказывала правила возделывания почв. Она тоже увидела Радиста. Истлевшее за время длительной носки платье женщины было оборвано так, что одна грудь была видна. Но ленточников ничего, кроме её шеи, не интересовало и не смущало. Определив по тележке, что Радист пока не ленточник, женщина смутилась, прикрыла грудь своей рукой и продолжила сбивчиво объяснять тему.

Миша с гордостью объяснял:

– Сейчас у нас мало учителей. Мы сделали маленькую глупость – во времена захвата Независимых Станций мы были все охвачены романтизмом и осчастливили практически всех. А потом оказалось, что нам нужны учёные и учителя, мозг которых не погружен в блаженное созерцание и может отвлекаться на земные проблемы. Но ничего, скоро наш интеллектуальный капитал пополнят специалисты Америки и Партизанских ЛагереЙ, а также учёные Центра. А ты, в свою очередь, не допускай наших ошибок в Москве, не гонись за количеством осчастливленных. Там возможности для создания таких шарашек ещё больше – не гнушайся ими. Пока они нам нужны. По крайней мере, пока мы не захватим всю Землю. А там – посмотрим.

Затем Миша зашел, а Радиста завезли на тележке в лабораторию. Здесь было три учёных: один неосчастливленный старик-биолог и две тётки-ленточницы, скорее выполнявшие роль надсмотрщиц, нежели учёных. Старик на шее носил странный воротник – из металлической толстой жести, застёгивавшийся спереди на навесной замок. Радист понял, что это были меры предосторожности по отношению к научным сотрудницам его же лаборатории. В лаборатории стояли клетки с собаками, котами, поросятами, некоторыми мутировавшими животными. Здесь проводились опыты по осчастливлению животных. Вот и сейчас биолог ковырялся в шее поросёнка, лежащего со связанными ногами, дёргавшегося, но удерживаемого «ассистентками». Миша продолжал:

– Если мы научимся осчастливливать животных, это будет огромный скачѐк в расширении популяции. Представь, когда-то мы сможем осчастливить не только мелких животных, но и змеев. А осчастливленные змеи в целях роста популяции смогут делать ходы в другие убежища. Это займѐт много времени, но мы умеем терпеть. Пока же мы ещё в начале исследований. Бедные хозяева в большинстве случаев погибают. Видишь, как этому бездарю достаѐтся от своих ассистенток за его неудачные опыты (Действительно, лицо учёного было всё в кровоподтеках: свежих и давних). Некоторые хозяева приживаются, начинают жить, но нам не удаѐтся наладить контакт с животным-носителем, содержащим в себе хозяина. И такое животное не способно само осчастливливать других животных или людей. ... Ничего. Этого дебила, которого мы терпим только за неимением лучшего, мы осчастливим, как только на нас начнут работать лаборатории Центра. А ты в Москве,

возможно, сможешь эту проблему решить ещё быстрее и поделишься с ленточниками Муоса своими научными открытиями.

Учёный поднял голову, виновато посмотрел на Радиста и опустил глаза. Одна из ассистентш тут же ударила его кулаков в лицо: мол, не отвлекайся. Учёный угодливо наклонился над телом свиньи.

На следующих станциях не останавливались. Эти гнёзда ничем не отличались от предыдущих – та же убогость, грязь, вонь. И ленточники, которые подбегают к краю платформы и хищно смотрят на проезжающую велодрезину с неосчастливленными пленниками внутри клетки.

Наконец они вкатились на станцию Восток – столичное гнездо владений ленточников. Здесь было больше ленточников, а значит больше грязи и вони. Как только дрезина вкатилась на станцию, ленточники начали тиснуться к платформе, крича: «Несчастных привезли! Несчастных привезли!».

Радиста вытащили из клетки и посунули прямо на тележке в центр гнезда. Когда-то здесь была резиденция Независимой Станции. Теперь тут обитал носитель Первого Прародителя.

Они вошли в помещение, такое же грязное, как и вся станция, но довольно просторное. Носитель Первого Прародителя – здоровенный мужик лет сорока пяти с бородой и спускающимися ниже плеч грязными слипшимися волосами. Носитель Первого Прародителя, или как его ещё называли Первый, в отличии от своих сородичей питался очень хорошо. Нет, здесь не было ничего личного и лишнего, никакого пристрастия к пище. Просто он пришел к выводу, что носитель Первого Прародителя должен быть сильным, ради безопасности носимого им хозяина. Кроме того, Первый занимался неким подобием спорта, по несколько раз в день подымая тяжелые бетонные глыбы, которые лежали у него в жилище. От чрезмерного потребления пищи Первый был просто огромен, а постоянные упражнения сделали его очень сильным. Одежда Первого состояла из грязной бельевой верёвки, завязанной на могучей поясице, с которой спускались лоскутья, имитирующие набедренную повязку. Но одежда Первому и несильно была нужна – он был чудовищно волосат и напоминал громадную гориллу, которую Радист когда-то видел в каком-то школьном учебнике.

Первый имел небольшие проявления мутации или наследственного психического заболевания: огромная нижняя челюсть, выступающие вперёд надбровные дуги, маленькие, постоянно бегающие, впалые глаза. Вид у него был свиреп. Увидев вошедшего Радиста, он бросил бетонную глыбу, от чего по его квартире раздался глухой рокот и поднялась пыль, и в три шага подошел к Радисту. Две мощные волосатые лапы схватили куртку Радиста в охапку и оторвали его от земли. Он не очень силясь, приподнял Радиста вместе с тележкой и подтащил его к себе. К досаде и боли, причиняемой этим унижающим жестом, добавились омерзительный запах от потного тела и особенно изо рта Первого. Первый медленно пророкотал:

– Я тебя ждал, сучёнок.

Неожиданно Первый высунул здоровенный язык и стал им лизать оторопевшего Радиста, пытаясь прикоснуться к губам. Радист, не зная как ещё можно избавиться от этой блевотины, находясь в подвешенном состоянии, харкнул Первому прямо в лицо. В ту же секунду он отлетел вместе с тележкой в угол квартиры Первого, больно ударившись затылком о стену и плечом о пол. Первый, не вытирая стекающий по его бороде огромный плевок, сказал, обращаясь с Мише:

– Он мне нравится, Третий! Мой хозяин хочет к нему...

Миша жалобно запричитал:

– Ты же обещал... ты же обещал мне... пожалуйста...

– Ха-ха-ха... Не сцы.. А может Вторая его хочет...

Тут Радист обратил внимание, что в дальнем углу квартиры Первого, в грудe тряпья, служившей ему постелью, сидела голая женщина лет пятидесяти. Услышав Первого, она

резво вскочила и с надеждой заискивающе стала просить:

– Первый, дай мне его, пожалуйста.. Второй Прародитель хочет делиться... пожалуйста, дай..

Она подбежала к Радисту, села голым задом на пол рядом с ним, схватила его за волосы, положила его голову к себе на ноги, уткнув лицом в своё бедро, и стала больно щупать ему затылок, приговаривая:

– Мой мальчик, мой сладенький...

Раздался жалобно-истеричный голос Миши:

– Третий, ты ж обещал...

В мгновение Первый оказался возле Второй, схватил её за волосы, и отшвырнул её в угол с тряпьем:

– Пошла отсюда. Он принадлежит Третьему. А Второго Прародителя в его сучку пересадим, когда словим. Этот щенок сам после пересадки её найдёт и приведёт тебе. Поняла?

– Да, Первый.

– Ты её научишь всему, всё объяснишь.. И полетят ваши Прародители на Москву. А я с Первым Прародителем здесь останусь. Дел здесь много... Так, этого пока в клетку... И ещё.. Сегодня нашим носителям праздник надо устроить, давно ждали. Кто в очереди записан, пусть готовятся. Команду этого сученка им отдадим для пересадок.

Вечером был «праздник». На рельсы была опущена клетка.

Все ленточники от мала до велика собрались на свободной от хижин части платформы, на специальных помостах над рельсами и прямо на полотне самого туннельного прохода. Они толпились, буквально заползая друг на друга, чтобы увидеть зрелище – любимое зрелище всех ленточников. Подойти к клетке их не пускали ленточники-солдаты, сомкнувшиеся в плотную цепь. Радиста и Рахманова на их тележках выкатили на специально очищенную от ленточников площадку на краю платформы. Предварительно, во избежание недоразумений, им обоим надели на шеи жестяные воротники, замкнутые спереди на навесные замки.

Радисту было плохо. Он по-прежнему голодал, надеясь умертвить себя таким способом, и поэтому во рту была невыносимая сухость, желудок сводили спазмы, голова кружилась. От постоянного сидения на тележке в полусогнутом положении спину ломило, а ноги затекли. Грубый металл кандалов натер лодыжки и запястья, и теперь они сильно саднили. Тяжелый металлический воротник ломил шею, клонил голову вниз, усиливая и без того невыносимую боль в спине. Радист не смотрел на окружавших его ленточников, но чувствовал на своём затылке их алчные взгляды, жаждущие всадить ему в шею личинок своих червей. Гомон ленточников, постоянно усиливаясь, давил на виски Радиста. Радист себя чувствовал подвешенным в противной паутине сотканной из боли, моральных страданий и этого гула.

В какой-то момент ленточники закричали: «Везут! Везут!». Пара солдат, одетых в латы, бесцеремонно нанося удары дубинками, разгоняли толпу, проделывая в ней коридор. Они катили тележку, с прикованным к ней уновцем. В отличии от Рахманова, Радиста и Лекаря, которых ленточники считали наиболее важными кандидатами в носители, к остальным пленникам относились жестоко. Лицо у уновца превратилось в один большой окровавленный кусок распухшего мяса. Радист с трудом узнал в нём ганзейского спецназовца. Спецназовца ввели в клетку, расковали кандалы на тележке, от чего его тело безвольно упало на пол. Его всё-равно заковали в кандалы на полу клетки, но на сей раз лицом вниз. Возбуждение толпы нарастало.

Через несколько минут через этот же коридор в толпе прошли Первый, Вторая и Третий. По приставленной лестнице, они забрались наверх клетки, в которой лежал ганзеец. Наибольшим интеллектом до обращения обладал Миша и поэтому по части словопрений он являлся здесь главным оратором. Миша, выглядывая из-за могучей спины Первого, не смея ступить перед ним, обратился к оторопевшей толпе:

– О, благородные! Да блаженствуют ваши хозяева. Мы дарим Вам это великое зрелище переселения хозяина в этого несчастного. Вглядитесь в него – это человек из другого мира, из другого муоса, называемого Москвой. Он пришёл сюда со сворой несчастных, чтобы обидеть наших хозяев. Но он не знал могущества нашей цивилизации. Он не знал, что мы сильны. И мы сильны не только числом, оружием, крепостью мышц и умением драться. Главная наша сила – это наше единство, которое является воплощением нашей любви к хозяевам. Наша цель благородна и прекрасна – выплеснуть нашу любовь на весь Муос, на другие муосы и на всю эту планету, которая когда-то была загублена несчастными. Этот несчастный и его дружки думал нас сломить. И что с этого получилось: он валяется сломленный и ничтожный и ждёт своей участи. А какой участи он достоин? – он достоин участи быть мучительно казнённым. Но наша согреваемая хозяевами любовь безбрежна и мы можем прощать обиды. Мы осчастливим этого несчастного, переселив в него хозяина от одного из наших братьев. Он, став благородным, в числе других вернётся в свою Москву и внесёт благородное семя в тот несчастный мир. Скоро у каждого из вас будут новые носители. Нет у каждого – десятки, а может сотни новых носителей, в которых вы пересадите своих хозяев и их детёнышей! Во имя хозяев! Да будет так!

Впавшая в экстаз толпа орала: «Во имя хозяев! Да будет так!»

Ганзейский спецназовец очнулся и слышал последние слова Миши. Он приподнял голову и безумно оглядывался, ища защиты. Но видел только алчные лица впавших в безумство людей.

В клетку вошел ленточник-врач. Он был в халате, который десятилетия назад был белым. Теперь это был грязный окровавленный обносок. В руке врач держал коробку, которую он поставил прямо на пол, рядом с ганзейцем, и раскрыл. Смочив грязную тряпку мутной жидкостью, он протёр шею уновцу. В это же время в клетку внесли голую старуху. Старуха была чем-то больна – её тело покрывали язвы и красные пятна. Но она умудрялась улыбаться беззубым ртом – явно радуясь происходящему. Толпа ленточников в предвкушении их любимого зрелища ликовала.

Врач достал из коробки самодельный скальпель, присел рядом с уновцем, схватил свободной рукой его за волосы и... Радист закрыл глаза и опустил голову. Тут же стоявший сзади охранник схватил за волосы Радиста и сильно потянул его голову. Острая боль ударила по шейным позвонкам Радиста, он застонал. Он открыл глаза и увидел, что уновец дергается, с шеи из недавно сделанного разреза течёт кровь. Старуха, видя это, противно смеётся, а врач уже ковыряется в её шее. Толпа бесновалась. Охранники еле сдерживали её напор. Врач бережно достал червя из шеи бабки, после чего на её лице умильную улыбку сменила гримаса ужаса. Старуха умерла. Врач перенёс червя в надрез на шее уновца. Толпа рукоплескала и топала ногами. Радист потерял сознание.

8. ДИГГЕРЫ

8.1.

До Последней Мировой диггерами называли искателей приключений, которым было скучно на сытой и безопасной поверхности. Они спускались вниз – в канализации, древние подземные ходы, русла подземных рек и прочие подземные пустоты, рискуя жизнью и здоровьем исследовали эти природные и человеческие творения.

Но пришло время, когда именно поверхность стала средоточием смертельной опасности, чуждой пребыванию там человека. Люди сошли в подземелья, которые не стали для них уютным домом, а лишь временным полным опасностей пристанищем, продлевающим агонию человечества.

Серёга Тишук ходил в десятый класс. Учиться он, мягко сказать, не очень любил. Но мозги у него работали неплохо. Хотя школу он посещал не регулярно, на уроках сидел без особого интереса, а на домашние задания тратил времени чуть больше, чем на утренний

туалет, феноменальная память позволяла ему схватывать то, что монотонно бубнили учителя на уроках. И только за счёт этого ему удавалось плавать в «середняках», а иногда даже получать оценки, которым завидовали завзятые зубрильщики.

Года четыре назад Серёга, лёта на велике по пустырю, чуть не влетел в канализационный люк, почему-то оказавшийся здесь открытым. В последний момент он увидел зияющее тёмное жерло, резко повернул руль велосипеда и налетел на кем-то отброшенную чугунную крышку люка. Он проделал вынужденный кульбит через велосипедный руль и больно бухнулся спиной на траву, усыпанную битым кирпичем и прочей дребеденью. От досады и боли навернулись слёзы. Он приподнял голову и хотел сказать какое-то матерное слово, которое слышал от старших пацанов, но вместо этого замер от увиденного чуда. Из люка выглядывала очаровательное создание года на два старше Серёги. У создания был оранжевый строительный шлем на голове, из-под которого выбивалась рыжая челка и в стороны торчали два рыжих хвоста. Создание сочувственно спросило:

– Ой, чё, ударился?, – и быстро стало выбираться из люка для оказания немедленной помощи.

Девушка подбежала, охая и ахая, стала хлопотать около Серёги, что-то спрашивала, почему-то низко наклоняясь и вглядываясь в его лицо. А Серёга смотрел в эти огромные глаза, один из которых был изумрудно-зелёным, а второй карим, что-то невпопад отвечал, и удивлялся, почему у него так потеют подмышки и бешено стучит сердце. Хотелось так лежать и лежать, чтобы этот волшебный оранжевый подсолнух не отходил от него. Но тут он увидел, что из люка один за одним выползают пацаны в таких же шлемах. Они деловито подошли к Серёге, отодвинув «золотую» девушку, и хотели было начать его обследование. Серёга мужественно поднялся, отказавшись от всякой помощи и стал с нарочитой смелостью «наезжать» на старших пацанов по поводу открытого люка.

Вечером Серёга, потягивая специально для него купленную «Кока-Колу» в баночке, сидел в подвале пятиэтажки, являвшейся штаб-квартирой диггеров-самоучек. Возглавлял группу рыжий семнадцатилетний качёк – брат Маргариты. Маргарита была единственной девушкой и самой младшей в группе – ей было четырнадцать. Серёга рассеянно слушал рассказы диггеров о прелестях подземного Минска, изредка подглядывая на Марго. Во время его обследования обнаружилось, что при падении напоролся на битую бутылку, кромка которой пробила ему футболку и сильно поранила спину. Марго заботливо обработала и заклеила пластырем его рану. От каждого прикосновения её пальцев его бросало в дрожь. Благо, что все думали – это от боли.

Серёгу пригласили на следующую вылазку, даже бесплатно снабдили его соответствующей экипировкой. Его не сильно задела романтика диггеров, но отказаться – значит никогда больше не увидеть Марго. И Серёга пошёл.

Теперь Серёга – командир группы диггеров. И он уже не Серёга, а Драйв (кличку выбрал сам). Брат Марго ушёл в армию, его первый заместитель – в детскую колонию, в третий заместитель стал наркоманом и перестал интересоваться диггерством. Серёга же возмужал, наловчился и стал лидером в их группе, разросшейся до двадцати человек. Марго поступила на юрфак, но своего хобби не оставила. И она не стеснялась того, что её парень – школьник.

Им всем наверху было скучно, а внизу их ждал огромный и загадочный мир. Этот мир принадлежал им. Коллекторы, канализации, теплосети, ливнёвки, подземное русло таинственной реки Немиги, подземные ходы древнего города, системы гражданской обороны, коммуникации метро... Они исходили и использовали сотни километров. Феноменальная память Драйва сохраняла всё однажды увиденное. Весь исследованный подземный Минск был у него в голове, как на карте в компьютерной стратегии. Но впереди было ещё столько открытий.

Теперь он с Марго и ещё тремя фанатами шли по теплосети где-то в районе Зелёного Луга. Прокатился гул, посыпалась пыль со стен и потолка, покачулся пол. Видимо вверх

роет экскаватор или на стройке вбивают сваи – подумал Драйв. Через час они добрались к точке выхода. Когда Драйв открыл люк, в груди у него ёкнуло. Разрушенный город пылал, небо было чёрным от дыма и оседавшей пыли, метались обожженные люди. Драйв всё понял. В школе им говорили, что в мире неспокойно, но диггеры, как никто, знали, что власти открывают лишь часть правды. Судя по всему в мире было совсем не спокойно. Под землёй, в секрете от всех, военные и невоенные строители делали убежища. Драйв несколько раз наткнулся на таких строителей. Один раз их даже с Марго «задержали», задали несколько тупых вопросов и отпустили, пригрозив больше здесь не появляться. Значит, это делалось не зря. Драйв знал, что им наверх идти пока нельзя. «Пока» продлилось до конца жизни Драйва.

Драйв со своей группой направились к ближайшему известному им убежищу. Однако туда им войти было не дано – входы забаррикадировали и никого к убежищу близко не подпускали. Второе убежище оказалось вблизи зоны попадания ядерной боеголовки – всеходы к нему были завалены. Они вышли к станции Парк Челюскинцев. Станция была битком набита изувеченными испуганными людьми. Паника, стоны, крики, плач. По описаниям выживших, было не менее пяти взрывов только в восточной части города. Правда те, кто видел эти взрывы, больше ничего уже видеть не могли.

У всегда бойкой и веселой Марго текли слёзы при виде обожженных взрослых, умирающих детей и при воспоминании о своих родителях и брате.

Они стояли в очереди за пайком, но им не хватило. Ход к ближайшему продовольственному складу был завален. Драйв, просканировал свою карту в мозгу, нашёл другую дорогу к складу и таким образом на время решил проблемы этой станции. Способности и знания Драйва и его команды были востребованы – они были путеводителями в подземном неметрошном мире, который уже начинали называть Муос. Диггеры нашли несколько складов, незанятых убежищ; налаживали связи с другими неметрошными убежищами.

Драйв и Марго как-то сразу стали мужем и женой. В Муосе возраст не имел значения, а ритуал вступления в брак упразднился. У них был отгорожен брезентом свой уголок на уже сооруженной террасе станции Парк Челюскинцев, но станция не стала их домом. В пространстве станции невидимо, но ощутимо свили плотную сеть отчаяние, боль и смерть. Здесь постоянно кто-то кричал, плакал, умирал. Им нравилось уходить со станции – по заданию или просто так. В неметрошном подземелье почти ничего не изменилось и казалось, что время переносило их назад – в детство, где подземелье было игрой, а наверху ждали родные, вкусный ужин и тёплая постель.

Но со временем и ходы стали небезопасны. Сюда забредали одичавшие животные, пробившиеся с поверхности, и у некоторых из них уже проявлялись мутации. Встречались бандиты, каннибалы. Муос становился всё опасней.

Драйв с Марго сидели в ответвлении городской ливнёвки, в одном из своих любимых мест и тихонько разговаривали, держа друг-друга за руку. Послышались приближающиеся шаги. Кто-то либо случайно либо специально направлялся к ним. Драйв включил фонарь – их было четверо. Судя по форме – все военные. У одного было обожжено лицо, ожог оставил чудовищные рубцы. У двоих были явные признаки лучевой болезни. У единственного на вид здорового военного с капитанскими четырьмя звездочками на погонах-лоскутках – в руках Калашников.

- Ай да голубки! Откуда ж вы такие?
- С Парка Челюскинцев.
- Это наша территория – здесь чужим делать нечего.
- Эта территория в юрисдикции Парка Челюскинцев, но если вы хотите, мы можем уйти, – пыталась сгладить назревающий конфликт Марго.
- Эта территория – Милитария полковника Стрельцову. Вы нарушили границу, а значит подлежите трибуналу по законам военного времени. Обыщите их.

Ещё до команды капитана его подчинённые уже осматривали рюкзаки Марго и Драйва.

Потом начали обыскивать Марго. Покрытые язвами руки солдата пробежались по одежде Марго, после чего он стал похотливо щупать её груди. Марго отстранилась и со всего маху врезала пощёчину солдату.

– Ах ты шлюха!, – завопил солдат и ударил Марго кулаком в лицо.

Драйв дёрнулся, но тут же получил удар автоматным прикладом в голову. Уже падая, до потери сознания, он слышал слова капитана:

– Она ваша.

Когда Драйв пришёл в себя, на его гудящей голове стоял тяжёлый сапог капитана. У Марго на лице наливался синяк, взгляд был отрешенным. Она вяло застёгивала пуговицы своего комбинезона, уставившись в никуда. Двое солдат посмеивались над третьим:

– Тебе ж говорили водку от радиации пить надо. Не слушал – теперь и бабу трахнуть не можешь.

Капитан скомандовал:

– Ладно, побаловались и хватит. Идём к Стрельцову. Он будет рад пополнению гарема.

Марго и Драйва не связывали, им просто сказали идти впереди. В спину им смотрел автоматный ствол. Если капитан выстрелит, то не промажет – это было ясно. Идя сзади, капитан дружелюбно говорил:

– Видите ли, молодые люди. Вы, может быть, и будете обижаться на нас первое время. Но потом всё поймёте и примите как есть. Обижаться надо не вам на нас, а нам на вас. Это ж мы ваши хилые зады прикрывали, когда война началась! Мы: я – капитан ПВО, эти бедолаги солдаты-срочники и наш уважаемый полковник Стрельцов. Нашим дивизионом только на подлёте к Минску уничтожено восемь крылатых ракет – все они упали в полукруге Молодечно-Новогрудок-Барановичи. И это только нашим дивизионом! А таких только в окрестностях Минска семь. А сколько ракет сбили лётчики. Представьте, если бы все они долетели до Минска! Этим подземельям был бы конец. Мы, рискуя собой, спасали ваши худосочные задницы. И что с того? Шесть лет мы дохли с голодухи и от радиации в своем бункере, в то время как вы здесь жрали военные запасы тушенки. Полковник Стрельцов, слава ему, повёл нас в Минск. Что это была за дорога! На двенадцать МАЗов у нас был только один офицерский с герметической противорадиационной изоляцией. Остальные – пылесборники для бедолаг-солдат. Дошло до цели только пять машин. Мы пришли в ваш вонючий Муос, как защитники. Ожидали достойных почестей и отдыха от войны. А нас, как последних колхозников, отправляют копать картошку и выращивать свиней. Нас – меня и этих героев! Но полковник Стрельцов сказал «Нет, это не для нас! Мы отстояли Минск, значит Минск наш! Не хотят добром – возьмём силой!». Теперь владения полковника Стрельцова – шесть поселений. Они ж тоже не хотели признавать Стрельцова, но сраные крестьяне не умеют воевать, и мы за пол-года малыми силами и большой кровью создали Милитарию Стрельцова. Всё справедливо: они нас кормят, мы их защищаем. Кстати, у нас мало оружия, но есть техника. Скоро мы выдвинемся в военное училище на окраине города, возьмём там оружие и вернёмся, чтобы начать победоносное создание Великой Милитарии Стрельцова. Это единственное решение проблемы Муоса: единая жесткая власть офицерства, единая цель, единые задачи, порядок и справедливость... Ты мужик, смотрю, крепенький, такие нам нужны. Если не нравится свиньям жопы мыть, тогда поступай в мой взвод, скоро сам офицером станешь. А за бабу твою не обижайся. Баба воевать не может! Её задача трахаться, рожать детей и работать. У нас полковник Стрельцов установил такой порядок: все женщины – это его гарем. Но каждый солдат имеет право пользоваться любой из этих женщин в любое время. Поэтому можешь сам, сколько хочешь, её потрахивать, но голову себе этой дурью не забивай, не зачем. Наша задача – война!

Драйв почти не слушал разговор сумасшедшего капитана. Он сканировал карту этой части Муоса. Они, согнувшись, шли по трубе канализации. Фонарь, включённый у одного из солдат, едва выхватывал на несколько метров туннель трубы. Драйв незаметно взял ладонь Марго, которая шла, опустив голову, и в нужный момент резко дёрнул её в сторону. Капитан явно не сообразил, что произошло – ему показалось, что пленники ушли в стену. Но,

подбежав, он увидел, что туда уходит узкий сворачивающий в сторону ход. Он из автомата пустил очередь в темноту, пули цыркнули по изгибу стены.

– Мать твою, за ними давай!

Солдаты бросились догонять, однако у них не было никаких шансов. Не один человек в этой части Муоса не знал его так хорошо, как Драйв.

Драйв и Марго добирались назад молча. Придя на станцию, Драйв рассказал о захвате администратору станции. Умолчал только об изнасиловании Марго. Он требовал осуществить немедленное нападение на Милитарию Стрельцова с целью предупреждения их экспансии. Однако администратор отказал ему, сообщив, что непосредственной угрозы нет, а тратить людские ресурсы и боеприпасы он не желает.

Драйв самовольно собрал всех диггеров станции. Он был безоговорочным лидером и ослушаться его никто не посмел. Они разоружили охранника и захватили практически все оружие из оружейного склада, после чего ночью ушли со станции. Марго его отговаривала, объясняла, что ей легче не станет, если Милитария будет захвачена, но Драйв жаждал мщения. Марго, сжимая в руках охотничье ружьё, также шла рядом с Драйвом. Она надеялась, что если Драйв уничтожит Милитарию, он станет прежним. После произошедшего, он с ней отказывался разговаривать. Когда она пыталась с ним заговорить – это вызывало вспышки раздражения и злобы. Если она к нему прикасалась – он отстранялся, как будто брезговал ею.

Описания капитана было достаточно, чтобы догадаться, где находится Милитария – она была в районе улиц Якуба Коласа и Сурганова. С Драйвом было шестнадцать человек. Уникальный слух Драйва, выработанный за долгое время диггерства, позволил заблаговременно услышать тихий разговор милитарийских дозорных. Он знал ходы, которых не знали военные. Заслон обошли с тыла. Драйв и ещё двое спокойно подошли к дозорным. Те не думали, что с тыла могут появиться чужие и думали, что это идёт проверка караула. Двоих хладнокровно зарезали, у третьего узнали, как попасть в бункер и задушили.

На условный стук дверь открыли, но увидев чужих, сразу стали стрелять. Тогда зияющую дверь бункера забросали гранатами. После десятка взрывов отстреливаться перестали. Диггеры вошли в первое помещение бункера. Все, кроме Драйва, ужаснулись. Здесь находился главный гарем полковника Стрельцова. Искорёженные от разрывов гранат тела женщин валялись в перемешку с телами внутренней охраны. Драйву было всё равно. Он гладнокровно прошёл по залитому кровью полу и нашёл дверь в следующее помещение – там были мужчины-рабочие. Они испуганно жались друг к другу. Подошли к третьей двери – она была заперта изнутри.

Обследовав первое помещение, Драйв нашёл вход в энергобудку. Энергоустановка бункера изначально питалась дизтопливом. Теперь местные перешли на велотягу, но одну бочку дизтоплива оставили. Оставшиеся две гранаты привязали проволокой к ручке двери и, отойдя на расстояние, взорвали. Бочку выкатили и опрокинули, дизтопливо потекло по уклону в третье помещение. Драйв, держа в руке факел, смело вышел и стал у самой бочки в лужу дизтоплива.

– Если я выроню факел из рук, вы все поджаритесь. Выходите, и сдавайте оружие, я всем гарантирую жизнь и безопасность.

Раздался выстрел – покончил с собой полковник Стрельцов. Вышли военные: в основном умирающие от лучевой болезни солдаты, два офицера, несколько новобранцев. Военных выставили у стены под прицелами оружия диггеров. Драйв проходил мимо пленённых, свирепо всматриваясь в их лица. Остановившись возле одного из них, уже совсем больного и еле держащегося на ногах, тихо спросил:

– Узнаёшь?

Тот испуганно кивнул. Драйв тут же всадил ему в пах нож. Марго закричала:

– Драйв! Не надо! Что ты делаешь?!

Но тот уже подходил ко второму насильнику. Он пытался сделать гримасу, рассчитывая, что Драйв его не узнает. Драйв нанёс такой же удар ножом. Солдаты корчились

на полу, крича, плача и хватая руками свой окровавленный пах. Марго подбежала к Драйву, схватила его за руку и плача просила:

– Сергей, Серёженька, миленький, я прошу тебя, не надо..

Он грубо оттолкнул её и в присутствии всех съязвил:

– Тебе нравилось, когда они тебя трахали?

Марго села прямо на пол, обхватила руками голову и зарыдала.

Капитан, который их когда-то пленил, бросился к Драйву. Он думал, что его расстреляют диггеры. Но Драйв сильными руками схватил его, перебросил через себя, заломал руку и адским тоном сообщил:

– А ты у меня будешь долго мучаться...

Капитан в пытках умер только через сутки..

После ухода с оружием они не могли уже вернуться на станцию Парк Челюскинцев. Да Драйв этого и не хотел. Они быстро освободили остальные поселения Милитарии Стрельцова. Драйв провозгласил это территорией Диггеров. Он провозгласил законом диггеров – неподчинение каким бы то ни было законам и властям. Всем была объявлена абсолютная свободы. Каждый мог делать всё, что захочет, если это не причиняет вреда другим диггерам. Племени диггеров разрешалось всё, что не причиняет вреда племенам других диггеров.

Территория диггеров разрасталась. Драйв со своей командой наиболее опытных диггеров, используя доскональные знания подземелий Муоса, и приобретённый в боях военный опыт своего племени, захватывал одно поселение за другим. Он забирал самых сильных мужчин для пополнения своей команды и объявлял всему поселению свободу. Большинству нравились анархические законы диггерства. Поэтому бывшим администраторам, королям и управляющим поселений, если они и оставались в живых, не возможно было восстановить свою власть.

Но диггерский закон имел и другую, мрачную сторону. Анархия и децентрализация явилась следствием развала и одичания поселений. Племена диггеров катились к первобытнообщинному строю.

В своих подземных исследованиях племя Драйва отыскивали подземные склады завода шампанских вин, спиртзавода «Кристалл», пивзавода. К и без того деструктивной анархии добавилось поголовное пьянство голодных диггерских племён.

Пьянство стало причиной распутства. Драйв после случая с Марго её возненавидел, а вместе с ней возненавидел всех женщин. Он принял «гаремные» обычаи полковника Стрельцова. Все женщины племени входили в гарем вождя, но каждый мужчина с разрешения вождя мог пользоваться этим гаремом. Женщины становились бесправными.

Марго родила мальчика, назвав его Денисом. Он был похож на Драйва. Но Драйв этого не замечал. Марго он тоже как будто не замечал. Правда он не провозглашал её частью гарема, и никто не решался спросить разрешения у вождя взять его женщину, пусть и бывшую.

Марго не могла смотреть на дичание племени и ушла. Она была диггером, пожалуй, вторым по опыту и знанию подземелий после Драйва. Она работала проводником – проводила торговцев по запутанным подземельям Муосам. Сына она брала с собой. Он молча сидел у неё за спиной – в специально сшитом рюкзаке. Торговцы первоначально недоверчиво смотрели на Марго с такой обузой за плечами, но уже через километр пути, еле поспевая за ней, меняли своё мнение.

Иногда встречались на пути враги и хищники. Марго молниеносно выхватывала его изобретённое и по её заказу сделанное смертельное оружие – секачи, и в мгновение ока отсекала ими головы врагам – будь то звери или люди. Слава о проводнице Марго разошлась по всему неметрошному Муосу, вернее по его неодичавшей части. Когда она приходила в поселения, люди бежали посмотреть на сильную огненно-рыжую женщину с прекрасным и добрым лицом. Она рассказывала Муосские новости, ободряла их, советовала молиться Богу, не унывать и держаться вместе.

Сын, сидя за спиной Марго, вырос и стал ходить рядом. Скоро у него появились свои секачи, которыми он владел не хуже матери. Он был весь в отца – такой же ловкий и умный. У него в голове также ясно и отчётливо рисовалась, дополняясь подробностями по мере взросления, карта Муоса. В двенадцать лет он уже стал самостоятельным проводником. Они с матерью редко встречались. При встрече мужественная Марго плакала. Это были не только слёзы радости. Она видела перед собой точную копию того парнишки, который наехал на канализационный люк и свалился с велосипеда много лет назад. Она по-прежнему любила Драйва.

Дикость в племенах диггеров достигала предела. Проблему голода там решали путём набегов на мирные поселения, торговые караваны. Кое-где уже начался каннибализм. Из-за установившегося примитивизма отношений диггеры почти не разговаривали между собой, а дети, не слыша человеческую речь, не могли научиться говорить.

Спиртное закончилось и это вызвало ярость алкоголизированных вождей, особенно Драйва. Для унятия этой ярости было решено залить её кровью. Драйв объявил сбор вождей для большого похода на свободные поселения восточной части Муоса. К своему удивлению Драйв заметил, что некоторые вожди уже неконтактны – они практически разучились разговаривать и с трудом понимали человеческую речь.

Марго, узнала о намерениях своего мужа. Она с сыном обошли все известные восточные поселения. Авторитет их был огромен и они собрали две бригады для решающей битвы. Они тоже называли себя диггерами.

Диггеры Драйва шли на восток, разоряя свободные поселения. Они подошли к поселению Трактористы, расположенному в большом подземелье бывшего тракторного завода – самом крупном в этой части Муоса. Выломав дверь, они ворвались внутрь с диким воплем и улюлюканьем. Но вместо растерянных слабых поселенцев, они увидели вооруженный отряд, бригаду воинов, выстроенных в боевой порядок и спокойно ожидающих смертельного боя. Командиром бригады защитников была женщина с двумя секачами в руках.

Защитников было вчетверо меньше и дикари, не раздумывая, вступили в бой. Спустя минуту в задних рядах диггеров Драйва началось смятение -со стороны входа ворвалась ещё одна бригада, возглавляемая юношей с секачами в руках. Юноша, а затем и его воины смело врубались в тыл полчища диггеров Драйва. Но не смотря на то, что дикари были менее организованы и к тому же окружены, их было намного больше.

Они сошлись и на секунду остановились, глядя друг-другу в глаза. Она стала старше, морщинки разбегались от её глаз в разные стороны по веснушчатому лицу. Но глаза были также прекрасны – один зелёный, а один карий. Собранные в хвост волосы были такими же огненно рыжими. Какая-то тепленькая искорка пыталась пробиться в затуманенную душу Драйва. Уже начал формироваться какой-то нечёткий мысленный образ: вроде бы он лежит на спине на земле возле открытого люка и эти два прекрасных глаза смотрят на него сверху-вниз; и вроде бы ему тогда было очень хорошо. Он вроде бы её узнал, но пропитая совесть и ожесточенное сердце, впустившее в себя табун демонов, быстро затушили эту искорку. Она – его враг, а врагов надо убивать! Драйв размахнулся своей булавой, но почему-то побоялся разбить это прекрасное лицо. Он ударил её в грудь. Длинные шипы булавы достали сердце. А она так и держала опущенные руки с секачами, с которых стекала кровь десятков убитых до этого диггеров. Пока булава приближалась к её груди и шипы ломали её рёбра, она смотрела в глаза диггера, которого очень любила.

– Мама!, – пронзительный вопль заглушил шум битвы. Денис видел происходившее, так как в это время дрался на лестнице у стены. Он быстро перебежал по трубам и подвесной лестнице и спрыгнул с пятиметровой высоты прямо перед Драйвом. Драйв увидел себя – именно это лицо он видел в детстве в зеркале, чистя по утрам зубы. Но что-либо ещё подумать он не успел. Пацан, лихо крутя секачами, двигался к нему. Драйв пытался несколько раз ударить парня булавой, но тот ловко уворачивался. В какой-то момент от неудачного удара булавой он повернулся спиной к парню. Тот нанёс молниеносный удар

секачом, разрезав сонную артерию Драйва. Драйв быстро теряя силы, упал на землю. Пацан отбросил ногой булаву и наклонился к нему. Последней мыслью Драйва было то, что пацан отличается от него только одним – цветом глаз. Один глаз у парня зелёный, а один – карий.

После гибели вожака, диггеры запаниковали. Вопя, они стали пробиваться к выходу. Они разбежались и вернулись в свои племена. После Драйва не было диггера, который бы смог их объединить. Они всё больше дичали, разучались говорить, скатились к полигамии и каннибализму. В остальной части Муоса их называли тёмными или дикими диггерами.

Сын Марго Денис возглавил диггерские бригады – так теперь назывались восточные поселения Муоса. Его называли Бригадиром бригадиров. Они, в отличие от одноименных дикарей, поддерживали осторожные отношения с другими государствами Муоса, где их называли светлыми диггерами. У светлых диггеров формировалась своеобразная культура, обычаи и традиции.

8.2.

Светлана и Глина прошли мимо восточного кордона Немига-Холл. Охранники – бывшие рабы – были уже не прикованными. Пройдя мост, Светлана посмотрела в яму. В воде, вверх лицом, плавал тот самый прыщавый юнец-американец, который с ней не так давно заигрывал. Глазницы без глаз смотрели в потолок. Революция в Америке, как и любая другая революция, собирала богатую жатву смертей.

Светлана едва поспевала за здоровенными шагами Глины. Тот по-прежнему с ней не разговаривал, если не считать грубых высказываний: «Тебя долго ждать?», «Ты что заснула?».

Они прошли мимо одного из боковых ответвлений туннеля. Светлане стало тревожно, но Глине она ничего не сказала, чтобы не нарываться на очередную грубость. Впереди включился фонарь:

– Гоу сюда, май фрэдс. Сюда идите, я сказал! Оружие бросить.

Глина схватил Светлану за руку, больно сдавив её, развернул её и потащил за собой, убегая в сторону Немига-Холл. Сзади насмешливо с американским акцентом орали:

– Опа-опа-опа... ай да хорошо бегут.. ха-ха-ха...

Глина смекнул, что впереди будет засада. Он шепнул Светлане: «пригнись и прикрывай», сунул ей свой арбалет, выхватил из ножен меч, выключил фонарь и, пригнувшись, побежал дальше, в направлении предполагаемой засады. Засада вышла из бокового тоннеля. Они слышали, что к ним кто-то бежит, но в темноте не видели – кто. Щёлкнули арбалеты. Стреляли наугад и поэтому не попали. Кто-то из них включил фонарь и тут же выстрелил арбалет Светланы, направленный чуть выше источника света. Державший фонарь вскрикнул. Фонарь выпал из рук, покатился по полу туннеля и остановился так, что теперь освещал участников засады. Кроме корчившегося на земле, оставалось трое, двое из них – в американской военной форме. Светлана выстрелила ещё раз, уже с арбалета Глины. Второй американец упал замертво со стрелой в груди. В это время к растерянным арбалетчикам, подбежал Глина и сделал два смертельных взмаха своим мечём. Путь назад был свободен.

Светлану схватили те, кто был в дальней засаде. Стреляя, она выпустила из виду, что сзади тоже есть враги. Услышав заминку, они бросились на выручку своим и напали на оставшуюся без прикрытия Светлану. Ей заломали руки, приставили к шее стрелу взведенного арбалета и направили фонарь в лицо. Тот же американский акцент:

– Эй ты, бульбаш. Кидай меч, иди сюда, говорить будем. Не придёшь – твою гёрл убивать будем.

– А мне она – похрен! Оставьте её себе или закопайте. Она не моя и мне не нужна. А меч я не брошу. По-ка-а-а!!

Послышались шаги убегающего человека.

Американцы дёрнулись бежать, но потом передумали – вспомнили, как только что этот

офицер из Центра прирезал их товарищей.

Светлана, скрипя зубами, прошептала: «Сволочь!». Один из американцев подтвердил:

– Точно сволочь. Плохой френд у тебя. Сказал тебя закапывать. Значит будем закапывать – очень хорошо подсказал. Но сначала будешь нам говорить, кто такая, откуда такая.

– Я торговка из Центра.

– Врёшь. Не из Центра ты. Если из Центра – были б у тебя нашивки с цифрами. Ты не американка – их всех знаю. Ты не раба – нет клейма. Ты не диггерка – диггеры по большим туннелям не ходят и по двое не ходят и не одеваются так. Остаётся одно – ты есть партизанка. И стрелять хорошо умеешь, как партизанка. Ты со своим плохим другом наших людей убивала. Это есть плохо. Ещё хуже, что ты идёшь из Немига-Холл, а там американцев, наших беленьких братьев, убивают. И стало это после того, как туда отряд непонятных солдат с какой-то бабой пошёл. И я думаю, что ты – эта баба есть. И наверно хочешь наше Мавританское королевство захватить. И король наш любимый убить. Но мы будем тебя долго пытаться. Ты нам расскажешь всю правду, а потом тебя закопаем, как твой плохой друг просил.

Светлана, быстро взглянула на лица американцев. Так и есть – это были мавры.

Во время Американского нашествия среди захватчиков были и афроамериканцы, проще говоря, негры. Пока шла Американская война, цвет кожи не имел значения. Но в мирное время вековые предрассудки, подогреваемые ограниченностью ресурсов, снова одержали верх. Белокожие захватчики считали, что они заслуживают больше благ, чем «черномазые». Между черными и белыми начались столкновения. Покойный президент считал это всё глупостями, но дабы избежать никому не нужной гражданской войны, выделил неграм три дальних поселения на праве автономии.

Рабства, как такового, у них не было и формально между расами было равноправие. Вот только наверх шли одни белые, чернокожим король это делать якобы запрещал.

Со временем афроамериканцы побрали жен – белорусок, и новое поколение «чернокожих» уже представляли сильные мулаты и красивые мулатки. Назвать их неграми не поворачивался язык и поэтому в Муосе их называли древним словом «мавры». А страну их – Мавритания. Маврам это название понравилось. Они сами стали называть свою территорию Королевство Мавритания. Возглавлял Королевство выборный король.

Мавры не были агрессивны, не вели захватнических войн и даже поначалу вели активную торговлю практически со всеми цивилизованными государствами Муоса. Но из-за смешанных браков, от которых рождались мулаты, сокращался удельный вес белокожих, а значит и работников для выхода на поверхность. Да и смертность среди белокожих из-за необходимости работать на поверхности, была катастрофична. Поговаривали, что эту проблему мавры решают за счёт похищения людей, захвата бродяг и диких диггеров. Но так ли это – точно не знал никто.

Мавры связали Светлане руки, больно стянув их за спиной, и повели к развилке туннелей. Послышался надрывный крик, кричала девушка или ребёнок. Мавры бросились туда, держа под руки Светлану. Они вбежали в боковой туннель и метров через тридцать увидели свет фонаря. Фонарь лежал на полу и освещал что-то длинное, лежавшее рядом. Подошли ближе. Светлана рассмотрела, что на полу лежат два мальчика лет десяти-двенадцати. Оба мавры, привязанные друг к другу прочной верёвкой из амуниции Глины. Верхний парнишка с ужасом смотрел вверх. Подойдя ещё ближе, они увидели самого Глину. Он стоял рядом с мальчишками и держал в руках поднятый меч. Меч был обращен острием к лежащим внизу детям. Если тяжёлый меч Глины выпадет у него из рук, он пронзит обоих пацанов насквозь.

Светлана поняла, что предательство Глины было «показным». Он имитировал, что убегает в сторону Немига-Холл, а сам, пока с ней разговаривали мавры, тихо пробрался в ответвление туннеля, надеясь там устроить засаду. В туннеле он наткнулся на двух мавритян. Отцы уже начали их брать «на охоту», но на момент самой охоты учеников оставляли

отсиживаться в безопасном месте. Глина без труда обезоружил и связал детей и решил их использовать в своих целях. Он хладнокровно сказал:

– Теперь стойте там. Я думаю вы поняли, что случится, если я специально, или по неосторожности или по другим причинам выроню меч. Нам надо всем стараться, чтобы это не случилось.

– Отойди от моего сына! – взволновано сказал один из мавров, – чего ты хочешь?

– Я передумал насчёт неё. Она мне всё-таки нужна.

– Забирай её и уходи.

– По голосу слышу, что обманешь. Если я от этих крысёнышей ступлю на шаг, ты, не задумываясь, нас расстреляешь. Так не пойдёт.

– Твои предложения.

– Она пусть идёт. Идёт сама. Твой малый пусть громко считает до ста. Если всё нормально, после ста я отхожу от пацанов, и делайте со мной, что хотите. Я буду драться, но это будет честный бой – дети останутся невредимыми. Согласен?

Мавр подумал, потом ответил:

– Да. У меня нет выхода. Мой сын мне дороже этой партизанки... Развяжите ей руки. А ты, сынок, громко считай, как просит этот господин...

Светлане развязали руки. Она что-то хотела сказать Глине, но тот её перебил:

– Слушай сюда! Ты сейчас побежишь. Побежишь быстро, как можешь. Меня не волнует как ты это сделаешь, но ты должна передать моему отцу, что я выполнил его приказ. Приказ не дать тебе умереть, пока жив сам. Вот: мне осталось не долго, для тебя я больше ничего сделать не могу, да и не сильно хочу. Дальше выпутывайся сама, как знаешь. Я приказ выполнил.

– Кто твой отец?

– Я единственный сын Владимира Барановского...

– Учителя?!

– .. но ношу фамилию своей матери. Видите ли, так захотел отец, чтобы не давать мне фору. Он всё-время твердил мне: «ты должен всего добиваться сам» и постоянно тебя в пример ставил. Как это унижительно: с детских лет одно и то же: ты не такой умный, не такой сообразительный, ты не такой справедливый. Ты бы стал Членом Учёного Совета, если б ума в тебе было хотя бы треть от ума Светланы ... Он любит не меня, а тебя... блин, он боготворит тебя. И на это задание послал меня. Меня – офицера УЗ-3, как какого-то последнего солдата, послал охранять партизанку. И наказ ещё дал: «Если она погибнет, а ты останешься жив – ты мне не сын!». Ты, понимаешь, дрянь, что ты мне жизнь сломала?! Пусть отец радуется: партизанка жива, а его сын – мёртв! Попробуй не сообщить ему, что я выполнил его приказ. Я тебя с того света достану! Всё, уходи, видеть тебя больше не могу...

Светлана стояла. Смысл слов Глины медленно доходил до неё. Значит её учитель, Член Учёного Совета Центра Владимир Барановский послал в это задание своего сына, которого когда-то при их разговоре в бункере предлагал ей в женихи. Он не пожалел своего сына, отправив в это опасное задание только для того, чтобы он охранял её. Мавры изумлённо слушали диалог, не понимая, о чём он.

Глина уже кричал:

– Я сказал: иди! Чего стала?! Сейчас брошу меч и засранцам и тебе и мне кранты будут! Беги, стерва!

Светлана развернулась и быстро побежала. Побежала, чтобы не слышать крик этого непонятного человека, который её так ненавидел и вместе с тем за неё умирал. Она слышала громкий счёт мальчика. Когда пробежала метров триста, до её слуха уже еле слышно донеслось роковое «Сто!». Больше ничего слышно не было.

Было страшно, ужасно страшно. В туннелях никто один не ходит, тем более женщина. Жуткие шорохи, шум сквозняка, капание воды. Страх наполнял всё её сознание. В голове Светланы крутили слова Глины: «дрянь», «стерва», «жизнь сломала», «видеть тебя не могу». Каждое слово причиняли боль. Так и есть, она погубила этого офицера, который с честью

выполнил приказ своего начальника и отца одновременно. От страха и душевной боли слёзы текли по щекам. Где Игорь? Где Майка? Почему этот мир так жесток? Почему кругом смерть, горе, страдания? Почему она не может быть вместе со своими любимыми? Тогда бы всё было по-другому! Хотя бы один день прожить так: всем вместе, никуда не спешить и ни с кем не воевать! Боже, но почему мне нельзя быть немного счастливой?

Впереди слышался или почудился топот. Страх сковал тело. Светлана не могла идти дальше – подкашивались ноги. Она села у округлой стены тоннеля, обхватила руками колени, уткнув лицо между них, и громко зарыдала. Сил идти не было. Пусть подходят и делают с ней, что хотят! Но никто не подходил.

Светлана снова вспомнила Радиста – она всегда делала так, когда ей было трудно. Она представила его добрый, немного наивный, взгляд. Вспомнила, как он нежно и с трепетом относился к ней – своей женщине – так не умел не один мужчина Муоса. Какой он стеснительный и одновременно смелый. Наверно и сейчас, не смотря ни на что, пробивается к своей заветной цели – к своему радиопередатчику, который соединит невидимыми нитями два мира. У него есть цель, и он упрямо идёт. «И у меня есть цель! У меня есть клятва! Я должна идти! Мы с Игорем сделаем своё дело! Мы спасём Муос!» . Страх не отошел, но появилась решимость. Тогда Светлана поднялась и, перебарывая себя, зашептала, потом заговорила в пол-голоса, а потом в полный голос: «Господь – Пастырь мой. Я ни в чём не буду нуждаться. Если я пойду и долиной смертной тени – не убоюсь зла...». Топот слышался снова. Но теперь это: человек, животное или призрак – убегал от Светланы. А Светлана шла прямо, делая крепнущими ногами шаги навстречу своей судьбе.

Вскоре громкую молитву одиноко идущей девушки услышали удивлённые дозорные с Нейтральной.

8.3.

Уродливая цивилизация ленточников выработала свою систему поклонения червям и взаимоотношений между носителями. Обычным людям понять смысл этого было не возможно. Зачем-то ежедневно по вечерам осуществлялось прилюдное осчастливливание новых пленников и новорожденных. Это обставлялось обязательным сбором большей части населения гнезда, присутствием Трёх Прародителей и неизменными речами Миши, проповедующего скорый и полный захват Муоса, Москвы и всей земли. Ленточники, наблюдая процедуру пересадки бывших в употреблении или только что делившихся червей, впадали в состояние, сходное с наркотическим опьянением или гипнозом. Они кричали, смеялись, плакали, стучали в ладоши, топали ногами; некоторые визжали и от восторга теряли сознание. Трудно поверить, что у этих людей когда-то были другие жизненные интересы: они любили, мечтали, учили хорошему детей, старались сделать этот мир лучше, жили для себя и других людей. Теперь всё это для них утратило смысл – они прибывали под мороком псевдолюбви к безмозглым низшим беспозвоночным, насильно всаженным в их тело.

Каждый вечер Радиста и Рахманова тащили наблюдать эти оргии. Радист не мог отвернуться: ему насильно подымали голову и били, чтобы он открыл глаза. Когда процедуру прошли все пленники из их отряда, на операции приводились другие пленники из захваченных поселений Америки – там уже в открытую шла война. Ещё более ужасной была процедура пересадки червей в тела новорожденных деток. Малыши кричали, а толпа от их воплей впадала в экстаз. И так было каждый вечер. Миша сказал, что Радиста и Рахманова берегут «на закуску» – такова суть ритуала – наиболее важных пленников осчастливливают в самом конце.

Радист по прежнему отказывался есть и пить, отдавая воду и пайку Рахманову. Тот сначала не хотел брать, но потом согласился. Не смотря на то, что оптимизм Рахманова поуogas, в отличии от Радиста, он не видел смысла в самоубийстве. В свободное от «зрелищ» время они лежали на полу клетки, с прикованными руками и ногами. Радист потерял счёт

времени: сколько они были в плену – неделю или месяц – он определить не мог, да и не задавался таким вопросом. Рахманов сначала пытался о чём-то говорить с Радистом, но тот отвечал редко, всё время молчал, уставившись в одну точку. Рахманов подумал, что у Радиста «поехала крыша» и бросил свои попытки разговаривать напарника, исправно при этом употребляя его пайку.

Охранники доложили Мише о сухой голодовке Радиста. Миша вызвал врача – того самого экзекутора, который осуществлял пересадки. Он после осмотра сообщил, что у Радиста истощение. Миша безуспешно уговаривал Радиста отказаться от голодовки. Радист ничего ему не отвечал. Тогда опять пришёл врач и несколько дюжих ленточников. Они насильно разжали челюсть Радиста, засунули ему в пищевод тонкий шлаг. К другому концу присоединил огромный клизменный шприц, наполненный мутной смесью воды и разболтанной пищи, и вдавили содержимое прямо в желудок. В результате этой процедуры шлангом повредили горло. Физическая боль дополняла моральное страдание от ощущения, что тебя таким образом изнасиловали. Вместе с тем Радист решил не сдаваться в своих попытках самоубийства, он и далее упрямо отказывался самостоятельно есть и пить, не смотря на уговоры Миши и Рахманова. И унижительная болезненная процедура повторялась.

Однажды Миша привел с собой бывших уновцев, а теперь – новоиспечённых ленточников. Они часами сидели с Радистом, якобы поддерживая его в его страданиях, и рассказывали о необыкновенной любви и счастье, которые им недавно открылись. Было трудно поверить, что это недавние боевые товарищи Радиста. Радист молчал – он пребывал в постоянном ступоре, спасающей его от кошмарной действительности.

От голода, сознательной жажды, накопленного нервного стресса, постоянного дискомфорта и боли явь у Радиста слилась со сном и бредом. Он спорил со своей матерью, которая утверждала, что ленточники – это идеал нацизма. К нему приходила смуглянка без черепной коробки, которая просила заняться с ней любовью. Он, уже будучи ленточником, делал надрез на шее Кати и вставлял туда, почему-то, свой палец, отрезанный от ноги. Он присутствовал на церемонии осчастливливания пленников, будучи в роли Миши, и пытался отговаривать новообращенного принимать к себе в шею червя. Иногда к нему в клетку приходила Светлана. Тогда он успокаивался, ему становилось хорошо. Но как только он пытался прикоснуться к Светлане, её образ рассеивался. А его снова тащили на церемонию осчастливливания.

В редкие минуты возврата сознания, Радист, чтобы заглушить тяжёлые мысли, повторял про себя короткую молитву, которой его научила Светлана: «Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи...». Это отгоняло мысли и давало крошечную надежду: а вдруг Тот, Которому он так безучастно молится, есть на самом деле.

В пике его бредового состояния ему послышался вой. Это был ужасный, пронизывающий всё существо вой, которого в реальности быть просто не могло. На станцию ворвались чудовища. «Демоны» – отрешенно про себя подумал Радист. Один демон остановился у клетки и горящими глазами посмотрел на Радиста. Он отдалённо был похож на собаку средних размеров, но на нем вообще не было шерсти; бледно-розовая дрожащая шкура, обтягивавшая мускулистые лапы и худое туловище, была покрыта коричневыми бородавками и ярко красными пятнами. Вытянутая голова имела огромную челюсть с выступающими клыками. Вместо ушей – бугорки. И горящие страшные ненавидящие глаза. Чудовище бросилось на клетку, встав на задние лапы и секунду эти два маленьких красных глаза смотрели на Радиста, приводя его в оцепенение. Демон щёлкнул челюстью и тут же загрыз охранника, пытавшегося нанести ему удар мечом.

Этот бред был самым затяжным, и Радист воспринимал его почти безучастно. Демоны ревели и рычали. Они двухметровыми прыжками носились по платформе, нападая на ленточников. Ленточники металась по станции и вопили, почти также громко и пронзительно, как демоны. Миша отдавал какие-то команды. Ленточники выпрыгивали со своих квартир, брали оружие, пытались отстреливаться из арбалетов, отбиваться мечами. Но эти омерзительны твари подпрыгивали чуть ли не на двухметровую высоту и перекусывали

шеи метавшимся паникующим ленточникам. Они не останавливались не на секунду.

Миша, собрав вокруг себя два десятка ленточников и выстроив их в строй, ошетилившийся арбалетами, копьями и мечами, шел по направлению к клетке, заградив весь коридор между многоэтажками хижин. Он отдавал команды, подбадривал ленточников. Сразу два демона бросились на Мишин отряд, но один замертво упал под их ноги, иссеченный мечами, а второй с двумя арбалетными стрелами в туловище отползал, жалобно скуля. Третий демон по лестнице взобрался на второй, а затем третий этаж хижин, быстро разбежался и прыгнул прямо на Мишу, и с ходу перегрыз ему шею. Спустя секунду демон кромсал второго ленточника, разрывая его тело когтями и клыками. Строй без предводителя рассыпался, за недавними смельчаками гнались другие демоны.

Пока здесь демоны творили кровавый пир, в другой части станции Первый и Второй Прародители собирали и выстраивали ленточников. Вот они плотной стеной идут по станции. Шесть или семь демонов не могут найти слабое место и отступают. Арбалетный залп и два демона заскулили, остальные рыча отступают к клетке.

Со стороны туннелей ворвалось ещё с десятков демонов, а за ними – толпа людей в кожаных юбках. У людей в руках блистели зубчатые полудиски, которыми они отсекали головы попадавшимися на пути ленточникам. «Слуги демонов», подумал Радист. Слуги сделали арбалетный залп, метнули дротики, после чего смело бросились вперёд. Пока ленточники были в замешательстве, демоны и слуги, обежав клетку, стали вокруг неё плотной стеной и стали отбиваться от напавших ленточников. Один из них тяжелым молотом сбил замок, после чего трое или четверо влетели в клетку и при помощи каких-то приспособления сбили оковы с ног и рук пленников. Радист подумал: «Демоны или их слуги пришли за мной. Значит я умираю или уже умер.»

Ослабевшего Радиста схватили и подтащили к адской упряжке из двух демонов с ошейниками, соединённых друг с другом. Радиста положили лицом вниз на спины демонов, его руки обвились вокруг шеи каждого из них и закрепили на ошейниках, так, что он вынужденно обнимал этих чудовищ. Его ноги волочились по полу. Демоны быстро помчались в туннель, таща Радиста. Они противоестественно воняли, прикосновение к их коже было омерзительным, но руки Радиста были прикованы и сделать он с этим ничего не мог. «Меня уносят в ад», только подумал он.

К Радисту вернулась Светлана. Он ещё лежал с закрытыми глазами, когда понял, что она рядом. Так пахла только она и дышала так тоже только она. Он не открывал глаза, боясь, что она снова исчезнет. «Значит я не в аду, ведь Светлана не могла попасть в ад. Значит это снова видение.». Радист пересохшими губами неузнаваемым голосом тихо просипел:

– Света?

– Очнулся, Слава Богу... – дальше произошло чудо. Ладонь, которую он узнал бы среди миллионов других ладоней, нежно прикоснулась к его лбу. В прошлых видениях Светлана к нему не прикасалась и он не мог прикоснуться к ней, – ... ты бредил, с какими-то «демонами» и «слугами» ругался. Меня от них спасал. Давай, подымайся, немного покушай.

Радист, боясь, что сделает что-то непоправимое, открыл глаза. Непоправимого не случилось – Светлана не исчезла. Измученная душа Радиста не могла принять эту явь:

– Ты не настоящая...

Светлана нагнулась и поцеловала его в губы. Радисту не было с кем сравнивать, но он мог поспорить, что целоваться так тоже могла только Светлана. Она, улыбаясь, продолжала:

– Ты давай, покушай, а когда наберешься сил, у тебя появится возможность мою подлинность перепроверить всеми доступными способами.

Радист с трудом приподнялся и сел. Они были в маленькой комнатке. Радист лежал на застеленном старым половиком полу. Вверху висел «светильник» – мутировавший слабо фосфоресцирующий гриб, света которого едва хватало для того, чтобы рассмотреть лица друг-друга. Из-за тряпки, закрывающей лаз, который вёл в это помещение, были слышны какие-то звуки, выдававшие близкое присутствие людей. Пока Радист осматривался, Светлана уже запихивала ему в рот ложку с бульоном. С показной строгостью она сказала:

- Ешь, кому говорю.
- Где мы?
- В Муосе. Все вопросы потом.

На дальнейшие вопросы Радиста она отвечать отказывалась, настойчиво скармливая ему суп. От приёма тёплой пищи пораненной глоткой ослабевший Радист устал и вспотел. Он лёг, почти упал. Светлана, отставив миску, легла рядом, обняла его и прошептала:

- Игорь, все разговоры – потом, теперь спи.

Радисту не хотелось разговаривать. Ему хотелось, чтобы случившееся чудо, будь то явь, сон или бред, никогда не кончалось. Он впервые с момента пленения по-настоящему заснул: крепко и без снов.

8.4.

Радист проснулся. Светланы не было. Неужели это опять был бред? Радист нервно стал искать выход из конуры, в которой он лежал. Выход был занавешен тряпкой, отодвинув которую, Радист вошел в довольно большое помещение, освещаемое грибами-светильниками, развешенными по стенам. В центре помещения на полу были сложены или росли несколько грибов, которые давали свет достаточный, чтобы рассмотреть группу людей – человек пятнадцать, сидевших прямо на полу, образуя круг.

Все были раздеты, если не считать коротких кожаных юбок на бедрах. Причем так одеты были и мужчины и женщины и дети. Все они были худы, но мужчины – достаточно мускулисты. Они сидели неподвижно, закрыв глаза. В немного мерцающем люминесцентном свете грибов-светильников их бледно-синие лица выглядели зловеще. Все участвовали в каком-то странном ритуале.

Мужчина постарше заунывным голосом, будто бы молитву, затягивал:

– Кислород есть восьмой элемент ибо в его атоме восемь протонов и электронов. В условиях Муоса свободный кислород – молекула из двух атомов. Является газом без цвета и запаха, из которого состоит пятая часть воздуха, коим мы дышим. Легко соединяется с прочими элементами. Наиболее известные соединения: вода (один атом кислорода и два атома водорода), ржавчина (различные соотношения атомов железа и атомов кислорода), органика...

Радист, открыв рот, слушал это странное песнопение, похожее на выдержку из учебника давно им забытой химии. Спустя минут семь, все присутствующие, от мала до велика, затянули:

– Кислород есть восьмой элемент ибо в его атоме восемь протонов и электронов...

Они пели эту песню разными голосами, но в унисон друг-другу. Радист мог поспорить, что они слово в слово повторили сказанное «запевалой». Радист надеялся, что на этом всё закончится, но потом «запевала» затянул снова:

– Фтор есть девятый элемент ибо...

Радист подумал, что возможно у него очередной бред, и решил не предавать этому особого значения. Он выполз из конуры и встал в полный рост. В голове немного шумело, в теле была слабость, но чувствовал он себя значительно лучше. Никто из поющих не открыл глаз и не пошевелился. Даже если это – бред, эти «химики» вряд ли могут быть опасны. Не возможно представить, чтобы они, отпев оды химическим элементам, тут же кинулись его поджаривать. Но и стоять тут, как дурак, он тоже не хотел. Он уже думал было кашлянуть, чтобы привлечь внимание, но увидел в углу нечто, что его враз отвлекло от певцов-«химиков».

В углу, как раз под светящимся грибом, сидела Светлана с каким-то долговязым «химиком». Это был молодой парень, но своей внешностью больше напоминал взрослого мужика. Она, обняв мужика рукой за шею, что-то шептала ему на ухо. Мужик кивал головой и улыбался. Так обнимать Светлана имела право только его – Радиста! Всё верно: Светлане он был просто нужен, как радист, как московский посланец. А как мужчина – он её не

интересовал: слишком хилый, трусливый и молодой, не то, что этот... Мужик был голый, если не считать крохотной юбки. Светлана, что-то важное шепнув ему, наклонилась и посмотрела собеседнику в глаза, и от этого прижалась всем телом к его волосатому торсу. Этого Радист вытерпеть не мог.

Светлана его заметила и махнула рукой, зовя к себе, а потом приложила палец к губам, показывая, чтобы он шел тихо. Радист хотел резко развернуться и уйти, но потом подумал, что это – глупо; надо держаться мужиком. Он с наигранным безразличием пошел к Светлане. Детская обида распирала его. В глаза Светлане он смотреть не хотел, боясь, что она различит в нём приступ ревности. Поэтому смотрел на бородачу. Таких бабы любят! Он был не намного старше Радиста, но у него такой уверенный, решительный взгляд, правильные черты лица, небольшая борода, делающая его старше и мудрее на вид.

Бородач почему-то встал и сам направился навстречу Радисту, а потом не дойдя двух метров, присел на одно колено и склонил голову. Радист растерялся и решил, на всякий случай, сделать также, думая, что это какой-то местный ритуал. Быстро подошла Светлана и, схватив их обоих за руки, потащила в конуру. Певцы в это время затягивали гимн натрию.

Радист и Бородач сели на пол, а Светлана, за неимением места – на колени Радисту. Она, как ни в чём не бывало, чмокнула его в щёку и сказала фразу, которая обрушила на сердце Радиста ливень счастья:

– Игорь, это – мой брат! Знакомься – Юрий или, как его здесь называют, Юргенд.

Счастливый Радист был готов расцеловать Юргенда, но решил пока ограничиться рукопожатием:

– Игорь.

Юргенд растерянно протянул руку и робко пожал её Радисту.

– Я рад тебя видеть, Посланный!

– Кто?, – удивился Игорь. Но Светлана перебила:

– Об этом потом.

– Ты же говорила, что твой брат погиб?

– Нет, я тебе говорила, что он пропал. Через четыре года мы встретились, Юра нашёл меня. Нас от диких диггеров отбили светлые диггеры. Думали, что я не выживу и поэтому Светлые оставили меня недалеко от нашего лагеря. А Юру забрали к себе. Теперь он тоже диггер, он вырос в этой бригаде и стал бригадиром. Иногда мы встречались – есть у нас некоторые общие вопросы... Но встречи бывают редкими. Последний раз виделись года полтора назад. Сам понимаешь, как мы рады этой встрече.

Юргенд по-прежнему ошалело, не сводя глаз, смотрел на Радиста. Радиста такое внимание смущало, и чтобы не молчать, он спросил у Юргенда, кивнув на выход из конуры:

– А что это там такое?

Юргенд даже не шелохнулся, и за него ответила Светлана:

– Они учат Поэму Знаний. Когда-то давно бригадиры пришли к выводу, что в условиях разобщённых поселений диггеров трудно сохранять знания и не впасть в дикость. Ведь это уже случилось у их бывших собратьев. Была создана Поэма Знаний – своеобразная энциклопедия, включающая в себя основные положения основных наук: математики, физики, химии, биологии и других. Каждый диггер обязан знать эту поэму наизусть и научить ей своих детей. Почти всё свободное время диггеры занимаются изучением и повторением Поэмы. Можешь поверить, это достаточно эффективный способ, особенно в исполнении диггеров, владеющих «погружением» и «исключением».

– Чем владеющих?..

– Видишь ли, диггеры не выходят на поверхность, а возможностей пропитаться внизу не так уж много. Чтобы выжить в условиях голода, они научились «исключению». Усилием воли они могут те или иные органы или части тела, а при сне и отдыхе – все тело, как бы исключать из организма, погружая в полуживое состояние, требующее минимальных затрат энергии и питательных веществ. Это им помогает: то, что ты съедаешь за день, диггеру может хватить дня на три, а при полном исключении всего тела – даже на целую неделю. Ну

а «погружение» – это, наоборот, максимальная активизация работы тех или иных органов. В том зале они все погружены в изучение Поэмы, мозг у них работает во всю, а другие органы почти не задействованы. Кстати, это не так ново. До Последней Мировой на поверхности жили люди, которые могли годами пребывать в полумертвом состоянии. Их называли, кажется, ёгами.

Радист не был уверен, что понял объяснения Светланы. Не имея большого рвения в изучении наук, он подумал о сомнительной пользе такого времяпрепровождения, но решил ничего не говорить, боясь обидеть по-прежнему не сводящего с него глаз Юргенда. Светлана тоже заметила застывшую маску на лице брата, и с улыбкой сказала:

– Всё, брат, давай. Посланный должен отдохнуть. Он ещё слаб.

Юргенд секунд пять не шевелился, потом суетливо и виновато закивал: «Да-да, пусть Посланный отдыхает!» и выполз из конуры. Светлана, поправив занавесь на двери, неожиданно навалилась на Радиста, уложив его на пол. Быстро расстегивая ему пуговицы на одежде, она прошептала:

– Я надеюсь, ты не совсем ослаб....

К своему удивлению Радист обнаружил, что он не совсем ослаб.

Радист лежал и смотрел на переливающийся неоновый гриб-светильник. Светлана лежала рядом, положив голову ему на плечё, а руку – на грудь. Она спала, сопя тихонько, как ребёнок, – тёплый воздух из её приоткрытого рта, приятно щекотал Радисту щёку. Всё было так же, как когда-то давным-давно на Пролетарской.

Но сколько всего произошло за это время. Отряд уновцев почти уничтожен, а он так и не приблизился к своей цели. Перед глазами проплывали лица его боевых товарищей: Дехтер, Лекарь, Бульбаш, Комиссар... Муос – этот жестокий мир, который стал для него почти родным, стоит на грани захвата ленточниками. Неужели они вообще пришли сюда зря? Неужели зря погибли его товарищи? Нет, пока он жив, всё не зря! Пока он жив – жива их миссия! А он дойдёт, доползёт до цели, чего бы это ему не стоило! Он уже не тот зашуганный ученик старого радиомеханика. Он – Радист. Он многое успел увидеть за это время. И он чудом спасался в самых критических ситуациях. Ему помогал Бог, которому молится Светлана и которому начал молиться он. А раз ему Бог помогает, значит он на правильном пути! Он заставит работать этот передатчик и только тогда вернётся в Москву. Вернётся вместе со Светланой.

От своих мыслей Радист сжал кулаки и напрягся. Светлана проснулась, подумала, что он хочет уйти, крепче его обняла, открыла глаза, смешно сморщила нос и уверенно заявила:

– Не пуцуй!

– А я и не ухожу.

– Я тебя больше никуда и никогда не отпущу. Я от тебя не на шаг не отступлю. Ты – мой муж. Я так решила. А муж и жена должны быть вместе. Всегда, до самой смерти. И после смерти тоже. Ты понимаешь меня?

– Понимаю..

Светлана вздохнула:

– Да разве ты можешь это понять? Знал бы ты, как мне без тебя плохо было. Я чуть сума не сошла. Хорошо хоть Майка нашлась..

– Что?!

– Да, нашлась! Представляешь чудо какое! Я уже перестала надеяться, а мне сообщают, что она на Нейтральную сама добралась и ищет свою маму – это меня, значит. Ну её ж на Нейтральной тогда запомнили, когда мы два раза проходили. Они там все такие нелюдимые, а вот Майке помогли в Лагеря добраться, всё-таки есть у них что-то доброе в душе. Как увидела её – сердце кровью обливается, вся такая исхудавшая, исцарапанная. Когда Майка узнала, что мы идём тебя освободить, так она давай: «Хочу к папке! К папке хочу!». Представляешь, она тебя папой называет!

Онемевший Радист боялся перебить Светлану.

– Решила я её с собой взять – ведь она привычная уже. А она проказница такая – всё

убежать в туннели норовит. Её не пускают. У диггеров это строго: никто из бригады не должен никуда отлучаться без разрешения бригадира. Её уже ловили раза два или три. Она плачет, вырывается, а перед набегом на Восток даже в истерику впадала. Думаю, что это стресс у неё так проявляется. Ничего удивительного: я, взрослая баба, пока от Немиги до Нейтральной дошла – чуть не поседела. А она – ребёнок – столько дней не понятно где блукала... Но ничего, теперь мы будем все вместе...

– Где она?, – не своим голосом перебил Светлану Радист.

– Хочешь увидеть? Пошли. Я на всякий случай её всегда на ночь, когда спать уложу, закрываю.

Светлана быстро оделась, и они вышли из комнаты. Диггеры спали – видимо была ночь. Они спали, не одеваясь, не накрываясь и ничего не подстилая – на голом полу. Владение телом позволяло им спать в таких условиях.

Радист и Светлана подошли к какому-то помещению с ветхой дверью. Дверь была подпёрта арматурой. Радист открыл дверь. Здесь тоже висел гриб-светильник. Майка спала, но услышав открывшуюся шум, открыла глаза. Она увидела Радиста. В глазах была неестественная для ребенка злоба и ненависть. Радист и Майка, не моргая, смотрели друг-другу в глаза. Светлана, ничего не понимая, ласково обратилась к девочка:

– Майка. Вот папа твой. Ты ж так его увидеть хотела.

– Мама, я боюсь его. Он меня хочет убить. Он сумасшедший.

– Что ты такое говоришь, глупенькая..., – Светлана хотела подойти к Майке, но Радист отстранил её и подошёл к девочке сам. Майка пронзительно завизжала:

– Не-е-ет!.. Уйди!

Радист хотел её схватить, но она, ловко извернувшись, прокусила до крови его руку. От неожиданной боли он отступил на шаг. Светлана, схватила Игоря за плечи и испуганно потребовала:

– Игорь, не трогай её! Что с тобой такое?

Девочка, пользуясь моментом, проскользнула мимо Игоря и Светланы и побежала к выходу из основного помещения. Уже на выходе её схватил Юргенд. Майка закричала:

– Защитите меня! Он сумасшедший! Он чуть не убил меня!

Недоумевающий Юргенд, крепко держа девочку, которая по-прежнему вырывалась из его рук, произнес:

– Посланный?

– Юргенд, посмотри ей затылок.

Майка истерично билась, пытаясь вырваться из рук, но подбежал ещё один диггер и уже держал её за туловище. Юргенд повернул девочку и поднял волосы с её затылка. Радист подошёл. На шее ребёнка, как раз по границе волос, проходила едва заметная белая полоса – след от искусного хирургического шва. Юргенд поднял глаза:

– Она – ленточник?

– Она погубила наш отряд.

Два диггера положили извивающуюся Майку на пол. Юргенд молниеносным движением выхватил секач и приставил остриё шипа к шее ребёнка. Девочка дёрнулась, позвоночник её изогнулся, на губах проступила пена, глаза были полны ужаса:

– Не на-до!

Радист держал со всей силы Светлану, рвавшуюся к Майке:

– Не трогайте мою дочь! Не убивайте её!

Юргенд ответил:

– Светлана – она ленточник. Ты знаешь, что это значит.

– Она мо-о-я до-о-очь!

Юргенд обратился к Радисту:

– Посланный?

– Делай, что должен делать.

Юргенд уверенным движением остриём секача сделал надрез на шее уже хрипящей

Майке, быстрым движением двумя пальцами извлёк оттуда червя и бросил его к ногам Светланы. Девочка сразу обмякла. Радист, отпустив Светлану, со всей силы наступил ногой на червя. Светлана, рыдая, подбежала к Майке и схватила её на руки. Девочка спокойно смотрела в её глаза и едва двигая синееющими губами произнесла:

– Мамочка.. прости Майку... я тебя...

Майка вздохнула последний раз.

8.5.

Радист смотрел на Майку. Она уже не была ленточником. Это был ребёнок, мёртвый ребёнок! Радист еле сдерживался, чтобы не заплакать самому, глядя на трупик этого маленького человечка, лежащий на руках содрогающейся от плача Светлана. Он не чувствовал в своём сердце не капли злости к ней за то, что она заманила в западню их отряд и за то, что всеми силами пыталась воспротивиться его освобождению.

Юргенд, участливо взял Светлану за плечи и сказал:

– Она громко кричала, могли услышать, надо уходить.

Девочку похоронили. Диггер-капеллан отпел православную молитву. Отряд диггеров продолжил движение. Все молчали. Светлана шла, опустив плечи, иногда вздрагивая от давящего её плача. Не разговаривая, шли несколько часов. Идти было трудно. Диггеры вели отряд только им известными путями – они сторонились широких проходов и туннелей, боясь встречи с ленточниками. Иногда приходилось ползти, залазить по почти отвесным стенам, спускаться в глубокие ямы.

Неожиданно два мощных силуэта появились в туннеле, быстро приближаясь к ним. Радист замер – это были демоны из его видений, кровожадные чудовища с блестящими красными глазами! Но диггеры никак не отреагировали на их появление. Юргенд, шедший впереди, прибавил шаг и сказал:

– Бригада Зозона уже близко.

Демоны подбежали к диггерам, и шли рядом. Оцепенение Радиста не прошло. Видение кровавой драмы в гнезде Восток всплыло у него перед глазами. До этого момента сознание прятало от него это воспоминание.

Юргенд, видя замешательство отставшего от бригады Радиста, подошел и, слегка подтолкнув его в спину, сказал:

– Не бойся их. Это нопсы – наше секретное оружие против ленточников. Мутировавшие собаки, «новые псы». Они очень сильны, выносливы, относительно мало кушают. У ленточников, из-за присутствия в их теле паразита, метаболизм проходит по другому, и они имеют другой запах – не уловимый для человека. Мы научили нопсов по запаху отличать ленточника от обычного человека и научили их уничтожать ленточников. Для обычного человека они безопасны, никогда его не тронут. Но при запахе ленточника они впадают в боевой транс и успокаиваются только когда прокусят червя. Мы надеялись вырастить много нопсов для борьбы с ленточниками. Но нопсы плохо размножаются. Хотя едят не очень много, но диггерам тяжело найти для них и эту еду. Вырастили в собакопитомнике всего девятнадцать нопсов. При вашем освобождении погибло пятнадцать...

– А сколько погибло людей?

– Шестьдесят два человека.

Радисту это было больно слышать. Он не понимал, зачем такие жертвы ради недоученного радиомеханика и полувоенного дипломата? Лучше бы он сам погиб. А Юргенд, не обращая внимание на смущение Радиста, продолжал:

– Мы думали, что жертв будет больше. Ещё никогда диггеры не нападали на станции ленточников. В гнезде Восток почти тысяча ленточников, как минимум семьсот могут в стать в строй. Мы собрали двадцать бригад и всех нопсов. Мы знали об одной вентиляционной шахте, которая выходит почти в центре платформы Восток. Человек там не

пролезет, а нопс -сможет. Мы послали нопсов. Появившись из ниоткуда, они посеяли среди ленточников панику, очень многих загрызли, в том числе одного из предводителей. Слыша крики на станции, почти вся стража с кордона в туннеле побежала им на помощь. Тогда двести диггеров и оставшиеся нопсы уничтожили этот кордон и напали со стороны туннеля. Вас освободили и утащили в туннели. Несли тоже нопсы. Оставшиеся нопсы и три бригады остались прикрывать наш отход. Они все с честью погибли, выполнив своё задание. Конечно, второй такой налёт нам повторить удастся не скоро, а может и никогда. Ленточники уже будут на стороже, да и численность нопсов мы восстановим не раньше, чем лет через пять.... Если у нас ещё есть эти пять лет...

Юргенд замолчал. Он думал о чём-то грустном. Значит видение «демонов» и их «слуг» не было видением. Это были нопсы и диггеры, которые, жертвуя собой, освобождали его и Рахманова из плена. Радист по-другому посмотрел на диггеров. Они шли молча, необычной походкой. Полуприкрытые глаза, опущенные руки, расслабленные лица. Они экономили энергию, так как ели давно и неизвестно когда будут есть в следующий раз. Из одежды – только юбки. Даже у женщин не была прикрыта грудь. На широком поясе, которым затягивалась юбка на пояснице ленточника, была подвешена практически вся амуниция диггера – два секача, кинжал, моток верёвки, фляга с водой.

Секачи – страшное оружие диггеров. Нигде прежде такого оружия Радисту видеть не приходилось. Секач напомнили Радисту одновременной пилу, кастет и школьный транспортёр, только гораздо больших размеров. Основание транспортёра – деревянная или пластиковая ручка, за которую весь секач удерживался в руке. Остальная часть – из твёрдой стали. По круглому контуру «транспортёра», как лучи, выступали пять остро заточенных зубьев, длиной в палец каждый. Секачем можно было наносить прямой удар, боковой, рубить, бить наотмашь – в любом случае один из зубьев либо резал либо колол врага. Это было и оружием защиты: секачем можно было блокировать удар меча, лезвие которого соскальзывало по кромкам зубьев и останавливалось, а если повезет, то и застревало в специальных расщелинах между зубьями. С детских лет диггеры приучались к владению секачами. Ката с секачами – любимое искусство и единственный вид спорта диггеров. И это было боевым искусством. В бою один опытный диггер мог на равных сражаться с двумя, а то и тремя мечниками. Необходимость разработки специального оружия возникла из-за особенностей помещений, в которых диггеры, как правило, пребывали. В узких коридорах и ходах мечом было тяжело размахнуться – обязательно заденешь либо стену либо потолок либо своего товарища. Меч становился больше обузой, нежели оружием нападения. Другое дело – секач.

Были у диггеров и арбалеты, но меньших размеров, что сказывалось на их убойной дальности и точности, однако несколько повышало маневренность и скорострельность.

У некоторых диггеров за плечами вещмешки, в которых они несли практически все свои пожитки: посуду, какие-то орудия труда, обязательно Библию и текст Поэмы Знаний, небольшой запас еды. Крайний аскетизм диггеров, отсутствие потребностей в одежде и других благах, ограниченные потребности в еде, позволяли им передвигаться налегке и вести полукочевой образ жизни. Кочевые диггеры, главной задачей которых являлось оборона диггерских территорий и осуществление торговли, питались слизнями, убитыми дикими животными, а также продуктами, выменянными у оседлых диггеров. Не менее аскетичные оседлые диггеры, жившие в поселениях, занимались выращиванием кур, которым скармливали слизней и различных подземных насекомых; свиней, которых кормили лесом. Продуктов они получали немного, жили впроголодь, но благодаря их способностям, этого было достаточно, чтобы существовать.

Вскоре они встретили ещё одну бригаду диггеров. После нападения на гнездо ленточников, диггеры решили разделиться, чтобы не рисковать сразу двумя уювцами. Одна бригада сопровождала Радиста, вторая – Рахманова. Миновав территории ленточников, в условленном месте они объединились.

Не смотря на то, что Рахманов своим назойливым оптимизмом порядком раздражал

Радиста, и не смотря на ужасное происшествие с гибелью Майки и депрессией Светланы по этому поводу, Радист был очень рад встрече земляка. Рахманов сам его обнял:

– Ну вот, малый, а ты боялся... Спасибо скажи ленточникам, что тебя от голодной смерти спасли – заморить себя голодом не дали. А то б точно до освобождения не дожил... Ладно-ладно, не дуйся, я ж шучу... Ты молодец, конечно. У меня, братишка, нет такой силы воли. Я б не смог так долго не есть и не пить. Ну, слава Богу, выбрались...

Отряды объединились и теперь они шли вместе одной большой бригадой. Рядом с ними гордой поступью шли чудовища-нопсы.

Рахманов, не обращая внимание на уныние Светланы и Радиста, бодрым тоном повествовал:

– Ну молодцы эти диггеры. Я думал, когда этих их нопсов увидел, что всем кранты – и нам и ленточникам. А потом, когда клетку нашу окружили и нас оттуда вытащили – сразу понял, что это – свои. А как они дерутся – загляденье! Ты эти секачи их видел? Они ж ими ленточников в опилки рубили. Правда погибло диггеров много и собачек их тоже. А ты допёр, почему они нас освобождали? Нет?.. Я тоже. Мне они пытались объяснить; говорили про каких-то там землян и посланных. Но я ничего не понял. Это какой-то сложный местный фольклор... И вот они мне говорят: «Веди нас, посланный, к своей цели!». А я думаю, какая цель у нас-то? Радиопередатчик мы уже знаем, кто сделал. Создать новый – возможности нет. Значит, идём к мёртвой сталкерше, вернее ленточнице, и заимствуем у неё радиопередатчик. Настраиваем связь, связываемся с Москвой. Две задачи, считай, выполнены. Третью, это значит помочь местным, выполнить не получается по объективным причинам – весь отряд погиб. А мы с тобой, Радист, – не вояки. Форс-мажор, так сказать. Садимся в вертолёт и летим в Москву!. Задание выполнено! Нам с тобой – почёт и уважение. А власти пусть потом решают, что делать дальше и как Муосу помогать... Радист, слышишь, ты чего кислый такой? Сейчас-то, как раз, нет особых поводов для уныния – складывается всё не так плохо. Особенно – у тебя!

Рахманов толкнул в плечё Радиста и, подмигнув, кивнул на Светлану. Радист в двух словах рассказал Рахманову про Майку. Тот понял, что его весёлость здесь была не уместна. И тоже замолчал.

Они остановились в бывшей котельной какого-то предприятия. Было время отдыха. Радист ещё был слаб, он сильно устал, болели икры ног. Диггеры дали ему, Светлане и Раханову по куску вяленого мяса размером с детский кулачек. Оно едва утолило голод. Сами диггеры съели по маленькому ломтику мяса.

Светлана села рядом с Радистом, прижалась к нему и сказала, как будто подвела итог своим мыслям:

– Наша Майка на небе, с Ангелами. Ей там хорошо и не страшно. Так?

– Конечно, так. Конечно.

Диггеры уселись в круг на полу котельной. Они запели Поэму Поэм, содержащую самую сокровенную тайну диггеров

«Создал Бог землю и создал на земле рай.
И создал Бог в раю людей и дал им рай в управление.
И в раю было много пищи, были мир и безопасность.
Но гордые люди воспротивились Богу и согрешили.
И изгнал Бог людей из рая и поселились они на земле.
Но дал Бог людям надежду вернуться в рай.
И была у людей пища, но добывали её тяжким трудом.
И был у людей мир, но в перерывах между войной.
И была у людей безопасность, но не всегда и не везде.
Но гордые люди воспротивились Богу и сказали – мы боги.
Мы можем управлять миром и делать, что захотим.
И подружились люди с демонами и сами создали демонов.

И сожгли люди землю и разрушили свои дома.
И изгнал Бог людей с земли и вошли они в Муос.
И добывают люди пищу тяжким трудом, но нет у них пищи.
И хотят люди мира, но у них постоянно война.
И хотят люди безопасности – но нет у них безопасности.
И созданные людьми демоны мучают своих творцов.
И нет у людей надежды вернуться на землю -проклята она.
Но даст Бог людям Муоса последний шанс.
И родятся среди людей Муоса другие люди.
И назовут их землянами ибо хотят они вернуться на землю.
И будет среди них человек, которого назовут Посланный.
И соберет он людей Муоса в один большой строй.
И наступит момент истины и последний бой.
И тогда посмотрит Бог и решит – нужен ли ему Муос.»

В то время когда молодой диггер мягким баритоном начинал медленно петь слова этой поэмы, остальные диггеры издавали негромкий ненавязчивый звук, отдалённо напоминающий мычание. По мере дальнейшего пения, бек-вокал усиливался, темп песни нарастал. От этого у Радиста пошли по спине мурашки. И в последний момент, на словах «нужен ли ему Муос» песня резко оборвалась и в воздухе зависла давящая тишина.

Радист вспомнил, что Юргенд называл его Посланным. Он тихо спросил Светлану об этом. Она отрешенно произнесла:

– Посланный – это ты.

– Почему я?

– Я так решила.

– ...?

– Давным-давно, когда меня ещё не было, среди детей разных государств в Муосе появилась игра или увлечение – как хочешь это понимай. Ведь дети намного прогрессивней взрослых в плане общения, дружбы; меньше подвержены предрассудкам. Думают, что началось всё с Партизанских ЛагереЙ. Дети начали переписываться. Например, дети с Партизанской писали письмо детям с Тракторного. Рассказывали о разных своих проблемах, радостях и надеждах; рисовали рисунки. Посылали его с ходоками. На Тракторном получали письмо, зачитывали его до дыр, всем детским миром лагереЯ писали ответ, посылали на Партизанскую, с нетерпением ждали ответа. Одновременно посылали письмо на Пролетарскую, рассказывали там и о своих новостях и о новостях с Партизанской. Переписка между маленькими жителями Партизанских ЛагереЙ стало любимым их занятием. Со временем маленькие Партизаны стали переписываться с Нейтральной, Центром, Америкой, Независимыми Станциями Востока, неметрошными поселениями. Свою переписку они называли странным словом – «интернет», начальное значение которого уже забыто.

В своих детских мечтах они видели Муос единым и безопасным. Они верили, что когда-то смогут друг к другу запросто ходить в гости. Они даже клялись, что когда вырастут большими и станут управлять своими поселениями, сделают всё, чтобы объединить Муос. Но закон жизни таков, что по мере взросления у большинства людей сердца черствеют. Все заняты добычей хлеба насущного и мечты детства уже видятся бесполезными грёзами. А некоторые, власть держащие, которые ещё вчера были фанатами интернета, повзрослев, увидели в нём угрозу безопасности своего маленького мирка. Интернет был запрещен. Дети, не смотря на это, передавали письма тайно, через ходоков. Несколько ходоков казнили только за то, что при них были обнаружены такие письма. Детей за переписку отправляли в верхние лагереЯ.

Интернет канул в лету, и о нём почти никто не помнит. Почти... У самых активных интернетчиков, с повзрослением, мечта о едином Муосе не угасла. Некоторые из них стали

торговцами, ходоками и дипломатами. Они создали тайную организацию «За Единый Муос», сокращённо – ЗЕМ. Члены организации – ЗЕМляне. Сегодня я – Первый секретарь организации. Купчиха – лучшая связная. Может тебя удивит, но Купчиха – девственница. Все мужики, к которым она ходит – это земляне, она не с одним из них не переспала. Она имитирует распушенный нрав, дабы отвести от себя подозрения. Мой брат Юрик отвечает за диггерский сектор. Правда он увлёкся идеей землян настолько, что сам начал верить в правдивость созданных нами легенд и таинственность землян и Посланного. Галинский (его не знаешь) – главный представитель землян в Америке.

Нас мало. Мы, боясь разоблачения, действуем в глубоком подполье. Главным образом, распространяем легенды о землянах и Посланном. Люди передают легенды друг-другу. Они считают, что земляне – это таинственные существа: добрые, мудрые, справедливые и обладающие большими способностями. Мы рассчитывали, что когда-то наступит момент и мы подыдем весь Муос против ленточников, а победив их, люди не захотят разбежаться по углам и станут жить вместе. Мы уже думали о том, кого наречь Посланным, чтобы он, воплотившись из легенд, повел подготовленный к восстанию народ. Думали о Галинском.

Но тут появились вы. Вы идёте по Муосу и за вами движется шлейф перемен. Вы изменили Партизанские Лагерь. В Учёном Совете Центра возникли разногласия после нашего посещения бункера. Америку после подвига Дехтера охватила революция. Даже Нейтралы и те чего-то ждут. И вы появились как раз в момент нашествия ленточников, когда мы висим на волоске от гибели. Я поняла, что это – не случайность. Было решено Посланным выбрать кого-то из уновцев. Мы вас уже в тайне готовили к этому. Сначала думали Посланным объявить Дехтера, но Дехтер погиб. Потом Комиссара, но он тоже погиб. Потом думали Рахманова, но он не похож на Посланного. Он умён, силен, энергичен, но чего-то в нём нет такого, что повело бы народ. А в тебе я чувствую эту силу. Ты – Посланный.

– Света, это – бред!

– Может быть и бред, но этот бред даёт нам надежду, без которой жизнь в этом кошмарном мире теряет смысл. И если этот мир не изменится – ему тоже конец. Ленточники уже во всю штурмуют поселения Америки. Был один набег на Немигу. В Партизанских Лагерях – своя беда. Помнишь, когда вы пришли на Тракторный, Батура собирался воспользоваться случаем, очистить туннель до Партизанской и саму Партизанскую и заселить эту станцию? Так вот, они сделали это. С большими потерями они дошли до Партизанской и захватили её. На радостях как следует не проверили станцию. А оказалось, что лесники за это время нарыли там нор разных. И ночью, когда все кроме туннельных дозоров спали, лесники хлынули из этих нор прямо на станцию и устроили бойню Партизанам. Говорят, что их было не меньше тысячи, а то и больше. Больше ста лучших партизан погибло, остальные еле оттуда ушли. Батура тяжело ранен, не знаю – выжил ли. После победы леса и лесников нет дня, чтобы они на Тракторный не ломились. Решетка там еле выдерживает. Долго партизаны сдерживать напор не и одним им эту проблему не решить. Как не решить проблему ленточников одной Америке. Другого посланного нам ждать нет времени. Или ты – Посланный или Муосу – конец, как ты говоришь.

– Да ты посмотри на меня – я затюканный пацан. Я был последним человеком в Москве. Я дойду до передатчика и возвращаюсь в Москву! И тебя забираю с собой. Этот мир гибнет! Света! Твой Муос гибнет! Ты это понимаешь? Никто его не спасёт. И я его не спасу.

– Ты мой герой. Ты мой Посланный. Всё, что было хорошего у меня в жизни – это ты. Но я никуда не полечу. Муос – мой мир и, если он погибнет, я готова погибнуть с ним. У меня – клятва. Клятва, которую я дала, когда становилась землянкой. И я не могу её нарушить... Ну а до передатчика мы обязательно дойдём. Туда мы сейчас и движемся. А там – как Бог даст.

9. ПОВЕРХНОСТЬ

9.1.

С Алексеем Родионовым охранять вертолёт оставили двух уновцев. Калорийной еды им хватит надолго; фильтров для очистки воздуха – тоже. В вертолёте есть даже маленький туалет, с канализационным выводом наружу. А мини-реактор будет их снабжать энергией в течении десятилетий.

Родионов был счастлив. Почти так же, как когда-то давным-давно, когда он вернулся из госпиталя после Чечни.

Он забирал солдат, раненных в бою с просочившимися в чеченские горы боевиками. На подлёте по рации сообщили, что обнаруженный отряд боевиков был подавлен с воздуха и его остатки добивают спецназовцы. Но, когда посадили вертолёт, высадили десантников, внесли в вертолёт раненных, с другой стороны ущелья по временной базе россиян начался прицельный огонь. Очередь с крупнокалиберного пулемёта прошла обшивку, убила командира, и теперь ему старлею-«праваку» надо было в одиночку спасти вертолёт и тех, кто в нём находится. Поднялся и вышел с зоны обстрела. Потом выяснилось, что повреждён задний редуктор, вертолёт становился неуправляемым. К тому же пробит топливный бак. Садиться пришлось в горах. Посадка была похожа на падение: вертолёт был сильно повреждён, но все остались живы. Вертолёт загорелся, вот-вот взорвётся. Он – единственный здоровый – должен был спасти тяжело раненных, тех, кто не мог выйти из вертолёта сам. С контуженым старшиной, единственным кто мог ему помочь, вытаскивали раненных, не церемонясь буквально бросали их за большие камни, чтоб защитить от ударной волны в случае взрыва, и бежали к вертолёту за другими ранеными. Когда уносили одного из последних, вертолёт взорвался. Куском обшивки оторвало голову старшине, а Алексею повезло – ударная волна бросила его на камни. Было сломано плечё, сильно разбита голова, но он остался жив.

И вот его выписали с госпиталя, он с орденом на груди вернулся в Москву к жене. Последний раз он её видел беременной, а теперь она встречала его с сынишкой на руках. У него было впереди две недели без войны. Как они были счастливы! Однажды вечером жена ему так и сказала: «Лёша, всё настолько замечательно, что я предчувствую скорый конец нашему счастью...». Он, конечно, её успокаивал, говорил, что ей лезут в голову всякие глупости... Но жена была права. Отпуск был позади, он должен был ехать в аэропорт, чтобы лететь на службу в Ингушетию. Алексей спустился в метро, из которого ему было суждено выйти через десятилетия...

Он несколько лет искал жену с ребёнком, надеясь, что она, услышав сирену, спаслась. Обошёл пол-метро, пока понял, что его поиски тщетны. Летчики в метро были не нужны, бывших военных хватало и он освоил новую специальность электрика. Пытался заводить отношения с женщинами. Но в каждой из них он придиричиво искал черты своей жены. И не находил. Он так и остался один.

Тело его старело, но сознание застыло в возрасте двадцати четырех лет. Ему снилось небо, а также горы, леса, реки. Они снились ему такими, какими их видно с высоты полёта на вертолёте. И он всегда во сне летел домой – туда, где его ждёт жена и сынишка.

Когда уже старику Родионову предложили, вернее приказали, участвовать в проекте, он думал, что это тоже сон. Слишком всё было нереально. Он оказался единственным живым лётчиком в метро. Это не удивительно, в Москве во время Удара могли оказаться, а значит и спастись, только те, кто был не на службе. А таких было мало – незадолго до Удара всех отозвали из отпусков. На него это не распространялось из-за ранения. Ещё больше радовало Родионова то, что ему была предложена роль не просто лётчика, а исследователя. Ему надо было понять и научиться владеть самым совершенным вертолётom, который был когда-либо построен в России, если не во всем мире.

Десятилетиями Родионов жил, вернее существовал, в психологическом коконе, живя тем, что было до Удара: он ни с кем не общался, ни за что не переживал и не получал новых впечатлений. И благодаря этому знания полученные в лётной академии, и навыки

полученные на практике до Удара, практически не затёрлись в его голове – он как-будто позавчера сдал выпускные экзамены и вчера вылез из вертолѐта.

В течении месяцев Родионов буквально жил в «камбале». Он полюбил этот вертолѐт с первого взгляда. Общаясь с ним посредством компьютера, Родионов воспринимал его, как живой организм. Вертолѐт имел довольно совершенную систему автообучения пилотов и даже встроенную компьютерную обучающую программу-симулятор. Родионов был счастлив и ждал от жизни только одного – взлететь.

Цель миссии он, конечно, знал, но она его мало интересовала. Полѐт Родионову был нужен только ради полѐта. Когда они летели в Минск и другие уновцы спали, старое сердце Родионова радостно билось – он летел! Смерти он не боялся уже давно, даже одно время ждал и звал её. А теперь он – летит! Он чувствовал себя всё тем же двадцатичетырёхлетним старлеем. Ему даже казалось, что, когда он вернѐтся, к посадочной посадке его выйдут встречать жена с сыном...

После посадки и ухода основной группы, Родионов не скучал. Он с утра до ночи постигал свою «камбалу». Благодаря симуляторам он уже в совершенстве овладел искусством управления и ведения боя на вертолѐте, во всяком случае – в виртуальном виде.

А вот двум уновцам, которые Дехтером были назначены ему в подчинение, заняться было нечем. Они бестолково смотрели на обзорные мониторы; с вялым интересом вглядывались в на экран симулятора, когда Родинов вѐл бой сразу с тремя «апахами»; топтались взад и вперѐд по вертолѐту; по десять раз на день разбирали, чистили и собирали свои автоматы; спали, играли в карты и просто сидели, тупо уставившись в одну точку.

На обзорным мониторах смотреть было особо нечего. Вертолѐт стоял на покрытой бетонными обломками, кирпичной крошкой и не густой травяной и кустарниковой порослью детской площадке, размером в полгектара, ограниченной с четырёх сторон руинами многоэтажек. Эти руины были похожими на трибуны, а площадка – ареной какого-то абстракционистского амфитеатра. Они так и называли это место – амфитеатром. На площадке торчали ржавые остовы детских лестниц и качелей. Кое-где перекрытия первых этажей рухнувших многоэтажек выдержали и теперь пустые глазницы оконных проѐмов злобно смотрели на чужаков. Из-за одной из трибун подымалась вышка мѐртвой сталкерши.

Вертолѐт имел усиленную броню и всего один иллюминатор – спереди. Иллюминатор был метровой щелью в броне вертолѐта, залитой прочным оргстеклом. Этот иллюминатор закрывался бронированными ставнями, так как ситуацию вокруг вертолѐта можно было наблюдать на мониторах и по приборам. Он был предусмотрен на случай аварии электронных средств наблюдения. Однако Родионов открыл этот иллюминатор – так камбала больше напоминала ему обычный вертолѐт, на котором ему приходилось летать.

Иногда он смотрел в иллюминатор. Он старался вспомнить, какими были деревья и кусты до Удара. В снах ему они представлялись более зелёными. Он вспоминал, как в детстве любил на спор с друзьями побороться на траве недалеко от их дома. Потом они, уставшие, запыхавшиеся и побитые, лежали на этой траве и смотрели на голубое небо сквозь кроны деревьев. Всё имело какой-то добрый, тёплый зелёный цвет. А теперь в этой листве зелёный цвет угадывается лишь с трудом. Он сильно разбавлен оттенками серого, бурого, тѐмно-коричневого. Нет, однозначно, это уже не та растительность, которая была. И вид она имеет отталкивающий, вселяющий не спокойствие, а, наоборот, чувство опасности.

Ещё более отталкивающими были звуки мѐртвого Минска. Через броню звуки практически не проникали. Но иногда Родионов включал приёмник забортного звука. Недружелюбный шелест листьев, постоянные завывания, ухания и стрекотания каких-то далѐких и близких монстров, заставляли выключить звук, чтобы не слышать эту адскую какофонию.

Зато небо, очистившись за десятилетия от поднятой в него тысячами ядерных взрывов гари и пыли, стало таким же прекрасным и голубым. Даже ещё более голубым, чем было. Ещё бы, его столько лет не коптили автомобили и заводские трубы. Родионов смотрел на небо и невольно улыбался. Это небо принадлежит ему – единственному лѐтчику на

ближайшие тысячи километров, если не на всей планете.

Иногда эхо- и фотодатчики срабатывали на движение. На мониторе эхорадара появлялась движущаяся точка, указывающая передвижения какого-то мелкого животного вблизи вертолёта. Воочию увидеть этих местных обитателей удавалось редко – они боялись вертолёта и не подходили к нему, прячась в кустах, кронах деревьев и в руинах домов. Лишь несколько раз они видели ворон – обычных ворон без видимых мутаций. Они прилетали, садились вдали вертолёта, что-то клевали, рыли своими лапами в земле и улетали.

Исключением был «Тузик» – так они называли мутировавшего потомка лисы, волка или собаки. Он постоянно находился или в поле зрения или на экране эхорадара. Шерсть у него была только на голове, конечностях и хвосте. На остальной части тела – голая шкура, обтягивающая рёбра и позвонки худющего животного. На шкуре – раны или язвы – не то проявления какой-то болезни животного, не то следы от схваток с другими зверями. Выглядел Тузик отвратительно, но его суетливая манера, да и то, что он был единственным постоянно наблюдаемым ими живым организмом в амфитеатре, заставило уновцев считать его чуть ли не своим питомцем. Тузик быстро пробегал по амфитеатру, что-то вынюхивая и метя территорию. Двигался он быстро, вздрагивал и прятался от каждого постороннего звука. Иногда он неожиданно бросался в кусты и вытягивал оттуда какого-то мелкого грызуна. Иногда резко взбегал на руины и был истощенным воем, лишь отдалённо напоминающим собачий. Иногда подходил к дюзе канализационного вывода, через который они выбрасывали банки из-под тушенки, специально не до конца вычищенные ложками. Тузик усердно разгрызал банку и вылизывал её содержимое.

Первое происшествие случилось через неделю после прилёта. Был сильный дождь. Он длился уже третий день и залил почти всю арену амфитеатра. Даже Тузик спрятался в свою «будку» – под излом упавшей железобетонной плиты.

Уновец предложил пополнить запасы воды. Родионов глянул на столитровую прозрачную бутыль, заполненный почти наполовину. Он понял, что спецназовец просто хочет выйти из вертолёта, размяться и сменить обстановку. Он решил ему не препятствовать. Спецназовец поспешно, с едва скрываемой радостью, одел костюм и противогаз, быстро вышел в шлюзовой отсек, а потом – за борт. Спустился по небольшому вертолётному лестничному трапу и оказался в воде почти по колено. Он опустил в воду канистру и погрузил её горловину. Вода быстро побежала в канистру. Она была мутной и, безусловно, радиоактивной. Но это не имеет значения. У них есть дистиллятор, который даже мочу может превратить в чистейшее аш-два-о.

Пока набиралась вода, спецназовец огляделся. Снаружи пейзаж смотрелся ещё более мрачно, чем из вертолёта. Не смотря на дождь, где-то всё-равно выли и скулили. Капли дождя, падая на листья мутировавших растений, создавали звук, который не на шутку тревожил.

Случайно спецназовец посмотрел на шасси вертолёта, большое колесо которого наполовину было погружено в воду. Какое-то растение, вроде лианы, подымалось из воды и обвивало шасси. Эта лиана имела древовидный стебель в руку толщиной. Стебель, словно змея, извивался по шасси, подымался к корпусу и под корпусом разделялся на два побега. Они, как две лапы, охватывали корпус и скрывались из виду за изгибами вертолётного корпуса.

Страх у спецназовца может присутствовать только во время безделия и при отсутствии боевой задачи. Теперь же у него была задача – вертолёт необходимо было освободить от этого растительного лассо. Может быть, мощь вертолётного двигателя и сможет разорвать путы, но стоит ли рисковать. Уновец закрыл наполненную канистру, поставил её на ступень трапа, достал штык-нож и уверенными шагами пошёл через воду к шасси. Он начал резать побег ножом. Это было не дерево – намного мягче и эластичней. Он сделал небольшой надрез по резиноподобному побегу. На месте пореза проступил бесцветный сок и побег упал в воду. Что-то насторожило в этом падении – так безжизненный шланг не падает. Побег как-будто отдёргнулся назад и быстро спрятался в воду. Уновец, пожав плечами, развернулся,

чтобы подойти к трапу. Он ступил шаг, острая боль обожгла лодыжку. В то же мгновение скрытая под водой петля затянулась на его ноге и потянула от вертолета. Уновец с высоты собственного роста упал в воду. Невидимая верёвка тащила его, он цеплялся за утопленные под водой кусты и траву, но они выскальзывали из перчаток его костюма. А его медленно тащили. Боль в лодыжке усиливалась и стала уже невыносимой. Уновец выхватил нож, как мог изогнулся и провёл лезвием под водой возле ноги. Лезвие наткнулось на скрытую под водой плеть. Он её резанул и хватка ослабла.

Испуганный спецназовец развернулся и быстро пополз на четвереньках к вертолёту. Его оттащили метров на десять. Дополз до трапа. Пока карабкался по трапу – упал. На ногу было невозможно встать – она горела огнём, разрываясь от боли. Вертолётный люк открылся и его товарищ, одетый в противорадиационный костюм, уже втаскивает уновца в шлюзовой тамбур вертолета.

Голенище сапога в обхвате лодыжки было как будто расплавлено. То же самое было и с носком. Кожа на ложыке превратилась в большую кровоточащую язву. Обезболивающие уколы едва помогали.

Ночью у уновца был бред. Ему виделось, что щупальца побеги оплетают их вертолёт со всех сторон. Камбала, как катушка внутри клубка, беспомощно обвит этими змеями. Потом побеги начали сжиматься, ломая вертолёт. В разломы обшивки в кабину вползают побеги, на концах которых человеческие головы. Каждая из них норовит укусить уновцев. Раненый кричал, бился, порывался выйти из вертолёта. Его пришлось связать, сделали укол психотропа.

Через два дня раненный пришёл в себя. Нога ему по-прежнему болела, иногда он резко вздрагивал и покрывался испариной от внезапных сильных приступов боли. Бреда у него не было, и он рассказал о том, что с ним произошло. Он высказывал опасения насчет хищных побегов и просил осмотреть, не оплели ли они вертолёт. Внешние мониторы не давали обзора корпуса вертолёта и поэтому убедиться в обратном можно было только выйдя на поверхность. Второй уновец осуществил вылазку и, вернувшись, заверил товарища, что всё нормально, никаких побегов или другой опасности вертолёту не наблюдается. Раненный не верил, он просил, чтобы его отвели самого посмотреть, обвинял пилота и второго уновца, что они не дооценивают опасность.

Схватка с неведомым растением добавила уныния на борту. Единственное, что их успокаивало, это наблюдения за Тузиком. Он был им как свой. Наблюдая постоянно за ним, они заметили, что амфитеатр является территорией Тузика. Он несколько раз дрался на пограничных брустверах с наглыми соседями. Вот он, завидев пресмыкающееся, напоминающее одновременно большую ящерицу или маленького крокодила, смело вступил с ним в схватку. Кровожадные челюсти несколько раз смыкались у самой головы Тузика. Но он всякий раз вовремя отпрыгивал. Тузик делает прыжок и уже разгрызает позвоночник рептилии. Дёргающееся животное он притащил в свою будку, и приступил к трапезе, с удовольствием пожирая недавнего врага. Уновцы радостно заплодировали очередной победе их невольного соседа по амфитеатру.

Раненный снова начал жаловаться на боль – нога распухла. Назойливо просил, чтобы вышли и проверили, не оплели ли побеги корпус вертолёта. У него развивалась своеобразная фобия против местной флоры. В отсутствии медика невозможно понять, что это: психическое расстройство или следствие укуса неведомого растения. Второй спецназовец был вынужден по одному или два раза в день выходить из вертолёта, обходить его и сообщать об отсутствии опасности. Нервозность нарастала. Между спецназовцами возникла явная неприязнь из-за постоянных страхов и жалоб раненного. Со временем он стал просить, а потом требовать, чтобы они улетали из этого места, где растения охотятся на людей. Ему объясняли, что в таком случае отряд, ушедший в метро, их не найдёт и погибнет; взывали к его долгу и мужеству. Но он ничего не хотел слушать – его страхи были сильнее.

Родионов стал серьезно опасаться. Кроме спиртовых компрессов и обезболивающего он не знал, как ещё можно лечить укус неведомого растения. Раненный выходил из под

контроля, он становился агрессивным., никого не слушал и ничего не боялся. Кроме побегов, которые, как он якобы чувствовал, незаметно пролазят в вертолёт.

К концу второй недели случилось ещё одно страшное событие. Пропал Тузика. Раньше, даже если его не было видно на обзорных мониторах, постоянно двигающуюся точку можно было наблюдать на эхорадаре. Но в этот день, с самого утра, ни самого Тузика, ни его изображения на радаре не было. Спецназовцы и даже сам Родионов увидели в этом какое-то дурное предзнаменование. Просмотрели вчерашнюю запись с камер наблюдения и эхорадара. Увидели, что Тузик вечером, как ни в чём не бывало, забежал в свою «будку», но так из неё и не вышел. Родионов увеличил изображение будки. Тузик лежал там. На сколько позволяло разрешение экрана, они рассмотрели, что глаза у него широко раскрыты и мутно смотрели прямо на вертолёт. Так собаки не спят – он сдох.

Это очень сильно встревожило уновцев. Конечно, животное-мутант могло умереть от старости или болезни, но вчерашнее его бодрое состояние не давало к этому предпосылок. Спецназовцы настояли на вылазке. Родионов согласился и даже сам решил принять в ней участие. Он и здоровый спецназовец оделись и вышли. Подошли к будке. То, что они увидели, повергло в шок. По мере приближения создавалось впечатление, что Тузик запутался в какой-то паутине или длинной траве. Но когда приблизились, четко рассмотрели, что десятки побегов-нитей серо-зеленого цвета буквально пронизывали трупик насквозь. Нити, обвившие Тузика, стелились по земле, разделялись и соединялись. Они шли к ближайшему кустарнику и точно также пронизывали его ствол. То же самое случилось наблюдалось и с двумя молодыми деревцами, росшими рядом с кустарником. Нити немного блестели на солнце. Если приглядеться, то становилось видно, что они неровной паутинной полосой сходили с «трибуны» амфитеатра. По центру этой полосы шёл коричневый побег, от него эти нити и росли. Паутина ползла в стороны. Встречая на своём пути траву, кусты, деревья, другие растения, она впивалась в них и становилась с ними одним целым.

Родионов осматривая паутину, вернулся к труп шарика. Живот шарика впал, рёбра стали выделять ещё сильнее. Нити, в месте соединения их с трупом, слегка пульсировали и имели красноватый окрас. Не было сомнений – они пожирают труп.

Родионов присел у края паутины. Кончики нитей едва заметно шевелились и удлинялись. Они росли, ища новую добычу. Он потянул спецназовца за руку и они пошли к вертолёту. В вертолете, раздевшись, Родионов сразу подошёл к обзорному монитору, увеличил изображение будки, включил запись с инфракрасной камеры наблюдения. Красно-оранжевое пятно Тузика ещё в два часа ночи спокойно спало в своей будке. Потом Тузик задёргался, пытался убежать, но какая-то невидимая в инфракрасном свете сила, не отпускала его. Он упал и ещё в течении нескольких часов дёргал лапами.

Спецназовец заметил:

– Я такого не видел. Сколько вылазок на поверхность в Москве делал – не разу такого не видел. И от других сталкеров про такое не слышал. Нет, реально, такого в Москве нет!

– Я думаю, – задумчиво произнёс лётчик, – это какая-то крайняя форма мутации, возможно, что-то среднее между растениями, грибами и животными. Эти твари явно питаются органикой, убивая и паразитируя. Значит ты, браток, не ошибся (обращаясь к раненному). Оно хотело тебя съесть. Если такая дрянь залезла в местное метро – всем хана! И нашим ребятам – хана!

Родионов не знал, что увиденный ими мутант – поглотил всех животных и паразитировал на всех растениях в радиусе нескольких километров от своего центра. Его корневища заползли в метро и захватили все станции Автозаводской линии, начиная с Партизанской и восточнее. Корневища были не так опасны, как наземные побеги. Корневища растения метроразители называли «лесом».

Лес когда-то был одной маленькой мутировавшей одноклеточной водорослью, обитавшей в радиоактивной луже на задворках бывшей исправительной колонии в районе улицы Ангарской. Водоросль случайно столкнулась с другой водорослью. Обычно в таких случаях более сильная клетка поглощала менее сильную. Но сейчас было несколько

по-другому. Мутировавшая клетка пробила мембрану обычной клетки, внедрила туда тонкую нить своей цитоплазмы, достигла ядра и посредством слабых электро-нервных импульсов подчинила клетку себе. Она стала поглощать вырабатываемые подчинённой клеткой вещества. Вскоре мутировавшая клетка делилась. Потом захватила несколько других водорослей, одну или две амёбы и одну инфузорию. Все клетки были ей подчинены и управляемы посредством цитоплазматических нитей. Материнская клетка уже перестала вырабатывать питательные вещества – ими её снабжали подчинённые клетки. Единственной её функцией было управление несколькими десятками прилепленных к ней клеток. Водоросль, или как её потом назовут – лес, разрастался. Уже сотни, тысячи клеток образовывали одну большую колонию, соединённых нитями с центральной клеткой-администратором. Уже одной клетки было не достаточно, чтобы управлять столь большим организмом. Материнская клетка слилась более тесными связями с соседними клетками. Начал образовываться ствол-мозг.

Рывком в развитии леса явился первый захват многоклеточного организма – тростника, росшего прямо в луже. После этой победы темпы роста организма увеличивались. Маленькие нити, а потом и большие побеги, стали расползаться вокруг ствол-мозга, захватывая всё новые и новые растения и животных. Животные были не удобны для паразитирования – они убегали, разрывая тонкие связующие нити. Поэтому ствол-мозг выработал стратегию, по которой каждое животное сначала частично парализовалось посредством впрыснутого яда, а потом из него высасывались все питательные вещества. В отношении растений лес, как правило, ограничивался только паразитированием.

Уже сотни тысяч, миллионы травянок, кустов, деревьев входили в гигантский конгломерат леса, опутанного толстыми и тонкими нитями. У леса появились нападающие органы – шишки, а также боевые побеги, которые могли нападать и захватывать живые организмы и достаточно быстро передвигаться на поверхности. Разросшийся ствол-мозг уже достигал десятков тонн и давно уже раздавил материнскую лужу. Теперь мозг-ствол на девять десятых был погружен в грунт и только двухметровый уродливый холмик с сотнями отходящих от него побегов напоминал, что это – центр гибрида.

Однажды лес попал в метро. В полость туннелей и станций вползло корневище растения. Своими чувствительными нитями-щупальцами лес почувствовал присутствие большой массы людей. Несколько он словил в свои сети и переваривал. Но после этого люди стали опасаться и практически не попадались лесу. Со временем, одичавшие предки будущих лесников стали поклоняться лесу, почитая его божеством, и сами носили ему свою добычу. Лес вступили с лесниками в не-тактильное управление. Они подчинялись ему и так. Они стали союзниками, симбионтами.

Лес не стал разумным. Им двигал один примитивный инстинкт – подчинить себе всё живое, что встречается на пути, и высасывать из каждого нового организма все соки.

После этого случая с Тузиком раненный спецназовец взбесился. Он был явно не в себе. Ему кругом мерещились побеги и нити, которые подбираются к нему. Он постоянно их с себя стряхивал. Он отполз в угол и ошалело глядя по сторонам, пытался вжаться в стену. У него забрали оружие. Но за ночь, пока его товарищи спали, он перерезал себе вены.

Спецназовца похоронили. Изменить место базирования вертолёт было нельзя – в другом месте его могли не найти уновцы, ушедшие в метро. Родионов принял решение. Он поднял вертолёт на безопасную высоту и сбросил прямо в амфитеатр половину бомбового боекомплекта. Повисев в воздухе несколько часов, пока погаснет пожар в амфитеатре, он опустил вертолёт на прежнее место – на выжженную арену амфитеатра.

Пейзаж вокруг стал ещё более зловещим: только выжженная земля, железобетонные и кирпичные обломки.

После этого случая Родионов со спецназовцем поочередно делали обход арены. Мутант по-прежнему пытался заползти в амфитеатр. Тогда они отстреливали побег и обрубали нити.

Может из-за близкого присутствия леса, может быть из-за массированного применения оружия, что могло быть замечено местными обитателями, может быть по другим причинам,

другие хищники не заходили в амфитеатр. И Родионов со спецназовцем проживали день за днём в относительной безопасности.

9.2.

Впереди послышался звук, похожий на скрип далёкой двери, открываемой сквозняком. Юргенд, приложив особым способом руки ко рту, издал такой же звук. Это бы условный сигнал. Через несколько минут они встретились с ещё одной бригадой, вернее тем, что от неё осталось: семеро диггеров, двое из которых были тяжело ранены.

Бригадиром этой бригады был Гапон – невысокий диггер. Тело и лицо Гапона были испещрены шрамами и рубцами от ран, полученных в схватках с людьми и хищниками. Он сухо поздоровался с Юргендом, грустно посмотрел на Радиста и Рахманова и быстро изложил:

– Ленточники тоже идут на юг. Их много. Сотни. Они идут всеми ходами в этой части Муоса. Они нас окружили. Нам с трудом удалось пробиться к вентшахте и уйти от них. Как видите – не всем. Но задание выполнено. Мы нашли старый склад и захватили десять костюмов с противогазами. В схватке с ленточниками шесть комплектов утеряно. Осталось четыре.

Бригада Гапона выполняла свою роль в большом замысле землян. Пока остальные бригады осуществляли нападение на гнездо Восток, освобождали Рахманова и Радиста и доставляли их в юго-восточную часть Муоса, бригада Гапона напала на охраняемый ленточниками склад военной амуниции и захватила десять костюмов химзащиты. Четыре из них теперь лежали на полу в развёрнутом виде. В результате столкновения с ленточниками один костюм в рюкзаке был полностью изрублен и поврежден арбалетными стрелами. Остальные – без видимых повреждений. Светлана лично осматривала костюмы, что-то проверяя и поправляя в них. В какой-то момент она с Юргендом и Гапоном отошли и приглушенными голосами спорили. Радист слышал упрямые высказывания Светланы: «я пойду...», «...одного не оставлю...», «...я так решила...», «...что будет – то будет...».

Рахманов описал диггерам, где находятся вышка и вертолет. Это было вблизи станции Партизанская. Диггеры рассчитали ближайшую точку выхода на поверхность в этом месте. Диггеры никогда не выходили на поверхность, так как считали её проклятой. Это было для них табу. Поэтому к мертвой сталкерше должны были идти Рахманов, Светлана и Радист. Так было задумано изначально. Но Гапон и Юргенд почему-то стали отговаривать Светлану идти на поверхность, указывая на какую-то опасность для неё. Что это за опасность – Радист узнал позже.

Они одели костюмы и противогазы. Из нижнего подземелья поднялись в верхнее – в старую теплосеть. Диггеры с ними уже попрощались, так как в верхнем подземелье был слишком высок уровень радиации. Они быстро нашли канализационный люк, по проржавевшей лестнице поднялись и вылезли на поверхность.

Это было оптимальное время для вылазки – восход солнца. Ночные хищники ушли в свои норы и жилища, а дневные ещё не вышли на охоту. Люк открывался на Партизанский проспект – когда-то одну из крупнейших транспортных артерий Минска. Солнце зловещим кругом вздымалось над руинами, поросшими деревьями и кустарником. Было тихо, очень тихо. Радист слышал своё дыхание, тяжело пробивающееся через фильтр и клапана противогаза, слышал биение своего сердца. Разрушенный город и искалеченная мутациями природа враждебно смотрели на трёх существ, которых считали виноватыми в своих бедах. В метрах трехстах была вышка – та самая ржавая вышка, с которой вещал передатчик. До неё надо дойти.

Они шли медленно по проспекту. Сквозь асфальтобетонное покрытие пробивались деревья, кусты и травяная поросль. Они обходили эти редкие деревья и заросли, опасаясь нападения невидимого врага. Их наблюдали – это чувствовалось. Десятки глаз или других органов чувств наблюдали, изучали и одновременно ненавидели этих давно чужих для

поверхности существ.

Через сто метров деревья полностью разломали асфальтобетон и небольшой рощей перегородили весь проспект. Интуитивно чувствовалась опасность, таящаяся в кронах деревьев. Но обойти рощу можно было только по руинам, что казалось ещё более опасным. Немного постояв, они сделали шаг к роще. Даже сквозь резину противогазов слышалось зловещее острое шуршание в кронах, хотя ветра не было.

Вся роща была затянута какой-то паутиной, предающей ей вид обиталища леших и русалок. Рахманов уже собирался ступить в рощу, но его схватила за руку Светлана. Она показала рукой на что-то, привлёкшее её внимание и направилась туда вдоль рощи.

Это был человек. Почти в таком же, как они, противорадиационном костюме и противогазе. Он повис на ветвях рощи, опутанный ещё более густой паутиной и какими-то полупрозрачными нитями. Его согнутые в коленях ноги касались земли. Приглядевшись, они рассмотрели, что нити, пробив прорезиненную одежду и противогаз, внедряются в тело человека, безусловно уже мёртвого. Бедняга стоял спиной к ним, он буквально повис на самом входе в рощу.

Рахманов выхватил меч – подаренный ему диггерами трофеем. Сделав несколько неумелых взмахов, он обрубил нити и побеги, оплетающие труп. Труп упал, упал спиной назад. Стеклообразные окуляры противогаза угрюмо смотрели в небо. Радист стащил противогаз. Высохшее, словно высосанное изнутри, лицо с обвисшей кожей; мутные глаза, в которых застыл предсмертный ужас. Но Радист и Рахманов узнали погибшего. Это был уновец – именно тот ганзеец, которого осчастливили на станции Восток ленточники. Его сделали ленточником. Он на поверхности. Шёл туда же, куда и они. Осознание того, что произошло или может произойти, медленно формировалось в голове Радиста.

Потеряв его и Рахманова, ленточники направили на юг в погоню свои полчища. Но вместе с этим они сами создали экспедицию из числа других осчастливленных уновцев. Эти бывшие уновцы знали, где вертолёт. Их примут в вертолёт. Они объяснят, что с остальными произошло несчастье и летчик, уже будучи осчастливленным или ещё нет, – отвезёт их в Москву. Ленточники начнут захват новых территорий. Этот ганзеец случайно попался в ловушку рощи. Вряд ли он был один. Наверняка остальные ленточники, увидев опасность, пошли в обход. Радист пожалел, что у них сейчас нет огнемёта, чтобы прожечь себе дорогу в роще. Они тоже вынуждены были обходить рощу через руины.

Когда-то это была пятиэтажка – теперь куча восьмиметровой высоты из кирпича, ломанного бетона и мусора. В костюмах было очень неудобно. Становилось жарко. Изменённый в результате Последней Мировой климат планеты сместил субтропический пояс вплоть до Балтийского моря. Они метр за метром по наклонной стене взбирались на вершину. Светлана с этим справлялась успешней, чем Радист и Рахманов. Она даже им помогала, подавая руку или подсказывая знаками, где лучше ступить.

Из расщелины вылезла змея. Она хотела укусить Радиста, но вцепившись своими ядовитыми зубами в прорезиненную перчатку, она так и не смогла её прокусить. Радист сбросил рептилию и спокойно подымался дальше. Они взобрались на гребень холма и увидели человека. Он сидел между бетонными глыбами, вяло глядя на внезапно появившихся путников. В руке у него был заряженный арбалет. Он пытался его поднять, чтобы выстрелить в незнакомцев, но у него ничего не получалось.

Человек был одет в муосовское подобие противорадиационного костюма: прорезиненный кожаный плащ, такие же кожаные штаны и сапоги. На голове – прорезиненная матерчатая шапка в виде спецназовской маски с прорезями для глаз, носа и рта, закрывающая почти всю голову и лицо. Нос и рот закрывала толстая повязка, наполненная ватинотом – ненадёжный противорадиационный фильтр.

Светлана подошла к несчастному, ногой отбросила арбалет, который он всё также пытался поднять, сорвала с лица ватиновую маску, а потом и шапку. Это была женщина, вернее девушка. Радист сразу её узнал – Валентина Кожановская – дочь мёртвой сталкерши. Тоже ленточник. Она с ненавистью смотрела на врагов. У неё были явные признаки лучевой

болезни, так как самодельные муосовские повязки только частично задерживали радиоактивную пыль при вдыхании. Лицо у неё было бледным, на лице и снятом фильтре – следы рвоты. Видимо экспедиция ленточников вышла на поверхность где-то далеко и шла долго – к счастью ленточники пока не знали более близких точек выхода на поверхность. Валентина ослабела и поэтому её бросили умирать. Слабым хриплым голосом Валентина сказала:

– Поздно... Вам нас не догнать... Вертолёт будет нашим и Москва будет наша... Слава хозяевам.

– Сколько ваших? Куда они пошли? Как давно здесь были?

– Нас – легион... мы победим... земля будет наша... слава хозяевам...

Девушка явно бредила. Светлана кивнула Рахманову и тот схватил ленточницу за руки. Светлана взяла умирающую за волосы, пригнула голову и сделала надрез на шее. Из последних сил женщина дёрнулась, но Светлана уже доставала червя. Она просто бросила его в бетонную крошку, не посчитав нужным даже задавить. Она нагнулась и посмотрела ей в глаза:

– Помоги нам!

Трудно понять, что чувствовала женщина, после удаления из неё червя, всаженного ещё в младенчестве. Весь её разум в течении всей сознательной жизни было подчинено одной цели, которая теперь оказалась мороком. В немного прояснившихся глазах чувствовалось глубокое замешательство, растерянность. Но она сделала последнее усилие и едва слышным шёпотом произнесла:

– Осталось пять... час назад... сперва – вышка, потом – вертолёт...

Она ещё немного шевелила губами, но разобрать было невозможно. Потом она застыла. Светлана произнесла отходную молитву, слова которой неразборчиво вырывались из фильтра противогаза. (Радист заметил, что так Светлана молится над всеми убитыми – и над своими и над врагами). Они двинулись дальше.

Ленточников осталось пятеро. Они собирались сперва пробраться к вышке, чтобы снять рацию, а потом к вертолёту. Видимо в Москву должны лететь не все – ведь кто-то должен доставить рацию в Муос.

Быстро оценили ситуацию. Вертолёт расположен в метрах двухстах за вышкой, до него было идти почти в два раза дальше. Но вышка расположена дальше от проспекта, чем вертолёт. Путь от этих руин к вышке и от вышки к вертолёту – пол-километра по кривой через руины и редколесье. До вертолёта по проспекту – триста метров по прямой и потом сто метров по руинам. Если ленточники замешкаются у вышки, есть шанс опередить их и придти к вертолёту первыми.

Светлана, а за ней Рахманов и Радист, прошли по гребню руин дома, и снова вернулись на проспект, уже за полосой рощи. Хотелось бежать, но бежать было нельзя – слишком много шума. Они шли средним шагом, глядя по сторонам. Слева оставалась вышка.

Из кустов выбежал ящер. Метровое пресмыкающееся быстро семенило с открытой пастью, чтобы откусить ногу одному из путников. Щелчок арбалета и пасть захлопнулась – только оперение пущенной Светланой стрелы торчит между зубов. Животное, слабея, поползло обратно в кусты. Больше местная фауна на них не нападала.

Радист уже узнавал местность. Именно здесь они проходили в первый день высадки. А вот и гермоворота на станцию Партизанская, захваченную лесом и лесниками, через которую они впервые попали в Муос. Вот ложбина между холмами руин, через которую они шли к этой станции от вертолёта. Светлана, Радист и Рахманов пошли через ложбину.

Им открылся вид на наружную сторону южной «трибуны» амфитеатра, в котором прятался вертолёт. Пять фигур карабкались туда со стороны вышки. Пять ленточников – они их всё-таки опережали. У одного за плечами – большой рюкзак, который он еле тащит на гору.

Светлана бросилась бежать. Теперь им тишина не к чему. Радист и Рахманов тоже побежали. Светлана направлялась прямо к подножию руин, как раз туда, где взбирались

ленточники. Ленточникам до гребня руин оставалось метров десять. Они увидели бегущих, на несколько секунд остановились, обдумывая, что делать, а потом двинулись дальше. Ленточники считали Светлану и её спутников не опасными.

Светлана бежала быстрее Рахманова и Радиста. В какой-то момент она сорвала противогаз и бросила его. Радист, схватив его, закричал: «Что ты делаешь, дура?!» Но она не слушала и бежала дальше. Светлана остановилась у ржавого остова грузовика, прицелилась и выстрелила. Первый из ленточников, который уже влез на гребень, вздрогнул, остановился, сделал два шага назад и покатился вниз.

Радист и Рахманов подбежали к Светлане. Радист почти кричал, протягивая в руке противогаз:

– Одень!

Светлана, выхватила у Радиста его арбалет, вскинула его к плечу и выстрелила ещё раз. Второй ленточник согнулся и завалился на бок. Ленточники стали перекрикиваться. Их осталось трое. Они поняли, что на вершине разваленного дома они видны как на ладони и меткий арбалетчик их может запросто всех перестрелять. Втроём через оконный проём они влезли в помещение квартиры на третьем этаже дома.

Пользуясь заминкой ленточников, Светлана взяла из рук ничего не понимающего Радиста противогаз и натянула его себе на голову. Она скомандовала:

– Заряжайте арбалеты.

Со стороны руин щелкнуло. Стрела, пролетев высоко над их головами, упала где-то в зарослях кустов за их спиной. Светлана с облегчением вздохнула. Ленточники отстреливаются, значит они не ушли. Значит они не нашли другого выхода из квартиры, значит они будут пробиваться через окно.

Светлана, оценив ситуацию, указала на будку теплосети в десяти метрах от того места, где они были. Будка была развалена, но стены частично сохранились. Светлана быстро перебежала к будке. Со стороны окна – два щелчка, но стрелы прошли опять мимо. Пока неумелые стрелки перезаряжали арбалеты, Радист и Рахманов тоже подбежали к будке, и впрыгнули в дверной проём без двери. Крыша будки и частично стены обвалились. Но стена, обращённая к руинам дома, сохранилась. Светлана заняла позицию у небольшой брешки в кирпичной кладке. Отсюда окно квартиры, где засели ленточники, было отлично видно. Если ленточники попытаются выйти, им надо перелезть через подоконник и аккуратно стать на карниз под окном, а потом вдоль стены идти влево или вправо. Но тогда они станут отличными мишенями для партизанки. Ленточники тоже это понимали и ничего не предпринимали.

Радист взволнованно спросил:

– Светлана, ты что делаешь? Зачем ты сняла противогаз...

– Мне надо было успеть, а с этим бежать и дышать очень неудобно. Ты, Игорь, сам понимаешь, чтобы было бы, если б они перелезли на ту сторону. А мне надо было не только добежать, но и добежать без сильной одышки, чтобы метко выстрелить. Видишь – у меня получилось! Да и смертельной дозы за это время я не получила, не переживай...

Радист понимал, что она говорит правду. Светлана, как всегда, всё правильно и чётко рассчитала. Но его сердце отказывалось принимать эту жертву храброй девушки ... его девушки.

Светлана быстро вскинула арбалет и выстрелила ещё раз. Попала или нет – видно не было. Но стрела прошла именно там, где только что была голова выглянувшего ленточника. Видимо ленточники поняли, с кем имеют дело – больше они не высывались. Рахманов спросил:

– Что будем делать?

Светлана, не думая, ответила: останусь здесь...

– Я тебя не оставлю одну!, – перебил Радист, но Светлана спокойно продолжала:

– Вы пойдёте вдвоём, потому что идти всегда опасней, чем сидеть в засаде. Дойдёте до вертолётки, возьмёте подкрепление и нормальное оружие и придёте сюда. Со мной ничего не

случится. Я здесь в безопасности, а эти (она кивнула на окно) пусть только высунутся.

– Радист, она права!, – поддержал Рахманов, – это наш единственный шанс. Если мы уйдём все, они или перелезут или сами нас перестреляют. Да тут ведь не далеко. В обход метров двести будет. А потом мы с нашими вернёмся и выкурим этих придурков.

Они оба говорили всё правильно. Но сердце Радиста разрывалось на кусочки. Он не хотел её оставлять одну. Рахманов потянул его за руку и они пошли.

– Стой!

Радист остановился и снова подошёл к Светлане. Она прижалась своей головой к его и посмотрела через две пары противогазных окуляр ему в глаза. Противогаз исказил её голос, но не повлиял на тепло её слов:

– Я люблю тебя, Посланный..

Игорь пошёл к пролому в задней стене будки, потом что-то почувствовал и повернулся. Светлана делала крестное знамение, крестя уходящего мужа. Так делали все женщины Муоса.

Неведомо откуда у Радиста появились силы. Рахманов еле за ним поспевал. Солнце взойшло высоко и нещадно жгло уновцев, зажатых в резину их противорадиационных костюмов. Пот тёк по лицу и по туловищу. Окуляры противогазов запотели. Они дошли до следующей ложбины в круге руин амфитеатра и стали карабкаться. Рахманов где-то отстал. Радист спешил. Он должен успеть, должен вернуться. Светлана говорила всё правильно – опасность ей не угрожает, ленточники в мышеловке. Но что-то было в её последнем взгляде такое, что заставляло болеть сердце юноши. Случится или уже случилось что-то непоправимое. Нет, из-за трех минут без противогаза вряд ли могла произойти беда. Это что-то другое...

Эта ложбина была менее удобна для восхождения. Два раза Радист чуть не оборвался и не упал в пустоты между руинами. Оттуда он точно не выберется, даже если не разобьётся в результате падения. Сколько длилось восхождение: пол-часа или пол-дня, Радист не мог сказать. Он только говорил про себя: «Только бы успеть, только бы успеть!».

Наконец он залез наверх. Радист не узнал местности. Вся поверхность Минска неживописна, но амфитеатр явился вопиющим кошмаром. Поверхности амфитеатра была выжжена и превратилась в сплошную черно-пепельную чашу. Только обугленные остовы стволов деревьев упрямо торчали, как сюрреалистические памятники. Радист рассмотрел вертолёт, который стоял на том же месте и, кажется, был цел. Что произошло в амфитеатре – не время думать об этом.

Радист, пренебрегая осторожностью, быстро спускался вниз. Через двадцать минут он был у подножия и бежал, перепрыгивая через обугленные бетонные глыбы к вертолёту.

Его заметили и встречали. Радостные пилот и спецназовец вышли из вертолёта с тем, чтобы поприветствовать своего. Но Радист грубо оттолкнул от себя пилота, который хотел его обнять, и, уже вбегая в шлюзовой тамбур, тяжело дыша, произнёс:

– Взлетаем!

Вертолёт подобрал еле шедшего Рахманова, поднялся и полетел за бруствер амфитеатра. С другой стороны трибуны он развернулся и завис на высоте третьего этажа. Пока взлетали, Радист объяснил в двух словах ситуацию. Родионов предложил пустить в оконный проём ракету, чтобы враз уничтожить ленточников. Но Радист запретил это делать. Ведь с ленточниками была бесценная рация. Да и обломки здания, вырванные взрывом, могли рухнуть на будку, в которой находилась Светлана. Спецназовец с автоматом вышел в тамбур и открыл люк. Три ленточника сидели на полу небольшой комнаты, выход из которой был завален обвалившейся плитой перекрытия. Двое были в противогазах. Наверное, это были уновцы. Один, местный, – с повязкой на лице. Уновцы, увидев вертолёт, встали, стали махать, показывая, что здесь, мол, свои. Спецназовец, подавляя в себе противоречивые чувства, прицелился и сделал выстрел. Один уновцев медленно сползал по стене, оставляя на ней кровавый след. Второй схватил арбалет, пытался прицелиться, но второй одиночный выстрел отбросил его к стене. Затем спецназовец выстрелил в третий раз,

убив умирающего ленточника.

Места, достаточного для посадки, здесь не было. Пилот посадил вертолёт на площадке в метрах ста от будки. Светлана видела, что происходит, что ленточников расстреляли, но почему-то не вышла на встречу уже бегущему к будке Радисту. Радист вбежал в будку. Девушка сидела на полу. В руках у неё был арбалет. Она до последнего наблюдала за окном, но теперь голова в противогазе была опущена. На комбинезоне было пятно рвоты. Её стошнило. Значит, она получила дозу. Радист схватил девушку за плечи и стал трясти. Она открыла глаза:

– Я знала, что ты придёшь.

Радист схватил Светлану на руки и понёс из будки. Он сам себя успокаивал, вспоминая всё, что знал о радиации. Нет, она не могла за три минуты получить смертельную дозу – это однозначно. Значит, она выживет; должна выжить.

Вопреки своей усталости, Радист не разу не споткнулся, он не мог споткнуться, потому что нёс самое ценное, что у него было в жизни. Рахманов и спецназовец, увидев приближающегося Радиста с девушкой на руках, подбежали и чуть ли не силой забрали её у ослабшего Радиста. Они быстро внесли её в вертолёт и сняли костюм.

На лице у Светланы и на внутренней поверхности противогаза тоже была рвота. При последнем приступе у неё уже не было сил снять с себя противогаз. Светлану трясло.

Пока Родионов доставал лекарство от радиоактивного заражения, Радист успокаивал Светлану, делясь своими надеждами:

– Всё будет хорошо. Это временно. Ты за пару минут не могла сильно заразиться.

Светлана покачала головой.

– Клапан... выпускной клапан моего противогаза не исправен. Я всё время дышала этим...

Радист быстро схватил противогаз и посмотрел на выпускной клапан. Мембрана не прилегала к отверстию, а свободно болталась. Он не хотел этому верить:

– Ты это знала? Ты знала, что противогаз неисправен? Но почему ты ничего не сказала? Зачем ты пошла с нами?

– Сам видишь, без меня вы бы не справились. А если б я сказала или одела повязку вместо противогаза, ты бы меня не взял. Ведь правда?

Она вымученно улыбнулась, но потом гримаса боли пробежала по её лицу. Светлане становилось хуже. Радист вспомнил тот спор между Светланой, Юргендом и Радистом, когда они не хотели её отпускать. Они знали, что один из трёх противогазов – не исправен. Но Светлана сознательно шла на верную смерть, выбрав себе именно неисправный противогаз. Она поставила себе последнюю задачу – довести Радиста до вертолёта. Она её выполнила и теперь умирает...

У Радиста на глазах появились слёзы. Родионов сделал укол лекарства и обезболивающего прямо в вену. Но это уже не могло ей помочь. Несколько часов без противогаза в Минске неминуемо влекут необратимое разложение желудка, лёгких и костного мозга человека.

От обезболивающего Светлане стало немного легче. Она взяла Радиста за руку. Он слегка сжал в руке её пальцы. Они не сводили друг с друга глаз. Она произнесла последние слова:

– Благослови тебя Бог, мой Посланный.

Её указательный палец провёл две перекрёстные черты по ладони Радиста. Это было крестное знамение. Светлана закрыла глаза.

Земля. Небо. Руины. Вертолёт. Пилот и спецназовец. Всё в миг исчезло. Всё вокруг растворилось в невиданной вспышке боли, эпицентром которой явилось юное сердце Радиста. Он не плакал. Он выпал из бытия, вместе с этим милым созданием, которое любил больше жизни. Эта вспышка выжгла Радиста изнутри, враз уничтожив все страхи, желания, сомнения. Она не поделила его жизнь на «до» и «после». Этот раздел был давно – ещё на Тракторном, когда Светлана впервые к нему подошла возле Катиной квартиры. А теперь

закончилось «после». Дальше нет жизни. Единственное, что осталось – это цель. Цель которой жил человек, холодеющую ладонь которого он держал в руке. Ради этой цели она пожертвовала собой, она пожертвовала своей молодостью и любовью. Теперь эта цель – цель Радиста. Радист становится Идущим к Цели. Он становится Посланным. В нём нет больше ничего, кроме этой цели и смутной надежды на обещание Светланы встретить его после смерти...

9.3.

– Радист, пора, – пробубнел сквозь противогаз Рахманов.

Они стояли возле холмика рыхлой земли. Радист не позволил Светлану забросать обломками бетона. Он вырыл ей могилу в земле и похоронил, как хоронили когда-то давно. Он не произнёс не слова.

Рахманов, пилот и спецназовец, не узнавали вчерашнего пацана. Это уже был другой человек – юношеское лицо превратилось в кусок стали.

Радист вернулся со всеми в вертолёт. Разлили по кружкам спирт и, помянув усопшую, выпили. Радист не притронулся к кружке. Он подошёл к оружейной стойке и взял АКСУ. Из ящика под стойкой достал запасной магазин, несколько жмень патронов, гранаты, которые небрежно ссыпал в свой вещмешок.

Его друзья растерянно смотрели на его сборы. Потом Рахманов осторожно спросил:

– Ты куда собрался?

– Я иду в Муос.

– Зачем?

– Отнесу передатчик – он принадлежит им.

– Ты с ума сошёл! Радист, сядь, остынь. Я понимаю, погибла твоя девушка. Она – герой. Она спасла меня и тебя. Но твоя жертва – бессмысленна. Мы вернёмся в Москву и организуем новую экспедицию. Общими силами мы поможем нашим новым друзьям. А что ты можешь один? Или ты уверовал в то, что ты – Посланный?

Радист молчал.

– Радист, не дури.. Поверь мне, взрослому мужику... В юношестве всегда так кажется, что первая любовь – она же и последняя. Но потом ты встретишь другую девку и всё забудется...

Радист сделал шаг на встречу Рахманову. Рахманов не на шутку испугался. Он понял, что сказал лишнее... Это был не влюблённый пацан, который переживает расставание со своей пассией. Это был взрослый мужчина, который потерял свою жену... Радист молча, в упор, посмотрел в глаза Рахманову, отбив ему этим взглядом желание говорить, потом отошёл и стал собираться дальше...

Спецназовец, взяв свой вещмешок, сказал:

– Я иду с ним.

– Не, ну вы оба подурели что ли? А тебе-то что там делать?

– Там погибли все мои друзья. И я не знаю почему, но мне кажется, что прав парень, а не ты. И я должен ему помочь...

Рахманов снова хотел парировать, но его перебил Родионов:

– Оставь их. Они знают, что делают.

Радист хотел идти пешком, но Родионов его остановил. Из памяти компьютера он извлёк карту довоенного Минска с обозначением станций метро. Радист посмотрел на названия станций и тыкнул пальцем на «Тракторный завод». Он хотел вернуться туда, где начиналось его недолгое счастье.

Родионов поднял вертолёт. Намётанный взгляд пилота в поросших редколесьем руинах определил расположение улиц и других ориентиров. Вертолёт завис над руинами центральной проходной тракторного завода. Кругом были очищенные от леса и обломков площадки, удобные для посадки. Но Радист запретил приземляться:

– Это – картофельные поля. Не надо их портить.

Вертолёт завис над тропой разделявшей картофельную грядку и маковое поле. Спецназовец и Радист спустились по лестничному трапу. На них смотрели испуганные жители Верхнего Лагеря Тракторного. Три десятка мужчин и женщин в самодельных противорадиационных костюмах и с ватиновыми масками на лицах, осуществляли последнюю прополку картофеля, очищая его от свирепых мутировавших сорняков.

Поля были огорожены заборами из железобетонных плит, металлическими штырями и деревянными колами, вкопанными в землю. Увидев невиданный доселе вертолёт, Партизаны схватили арбалеты и были готовы выстрелить. Радист, подняв руки, произнёс:

– Партизаны! Мы пришли с миром. Мы – уновцы, которых вы знаете!

Видимо старший из этой группы грубо ответил:

– А почём мы должны вам верить?

До боли знакомый голос партизанки, снял недоверие:

– Игорь?! Здравствуй, Игорь!

К нему подошла девушка с тяпкой в руке. Лица за маской видно не было. Радист не хотел верить догадке:

– Катя?

– Да, я.

Почему-то к этой женщине-ребёнку, которая его когда-то назойливо домогалась, он испытывал почти братские чувства. Этот человечек – житель той станции и того времени, где и когда ему ещё было хорошо, где у него всё самое лучшее было впереди. Он обнял Катю:

– А почему ты тут?

– Да я сама попросилась. Детки мои умерли. Заболели и умерли. Их Боженька забрал. И я хочу быстрее к ним. А убивать себя нельзя – это грех. Вот я сюда и попросилась...

Комок подступил к горлу Радиста, а Катя спокойно продолжала:

– А ты как? Светлана погибла, да?

– Ты знаешь?

– Да вчера диггеры приходили в Нижний Лагерь. Рассказывали, что она тебя сопровождать пошла, и что шансов вернуться живой у неё нет. Они боялись, что ты улетишь домой к себе. А ты вот к нам идёшь. Так?

– Так. У меня здесь дела...

– А-а-а. А Купчиха говорила, что Светлана влюблена в тебя и считает тебя Посланным. Ты и вправду Посланный?

– Не знаю.

– Ну ладно, я вас провожу в Нижний Лагерь. А мне работать надо...

Радист повернулся к вертолёту и махнул рукой. Вертолёт, сделав круг, улетел.

Рахманов, глядя на приборы, обратил внимание, что они направляют не на восток, а на юг. При этом Родионов явно изучал лежавшую под ним поверхность разрушенного города.

– Мы не в Москву летим?

– Пока что нет. У меня здесь есть одно дело.

Родионов вернулся к их месту стоянки, к выжженному амфитеатру. Вертолёт завис, и Родионов изучал поверхность. Вот, под одному из склонов стелется побег с отходящими от него тысячами нитей, которые поблескивают на солнце. Сюда он со спецназовцем каждый день ходил, чтобы пресечь дальнейший рост хищного растения. Родионов, на предельно низкой высоте, на малой скорость летел над этим побегом. Побег, по мере приближения к началу, утолщался, с ним соединялись ветви, расходившиеся в разные стороны, захватывая наземный Минск. Уже ветвь достигла метровой толщины. Наконец, Родионов увидел ствол-мозг. Это была огромная серо-чёрная глыба размером с одноэтажный дом, погружённая большей частью в землю. От неё, как лучи от солнца, в разные стороны расходились наземные побеги. Именно она была центром этого многотонного плотоядного растения, убившего Тузика, спецназовца и тысячи других животных, а также подчинившая миллионы растения от мельчайших травинок до больших деревьев. Её рост ничем не

ограничен. Возможно, когда-то оно доползёт до Москвы.

Родионов нажал на пуск и две тяжелые ракеты отделились от вертолётa. Через секунду прогремел взрыв. На месте ствол-мозга дымилась черная яма. Куски ствол-мозга и оторванные концы побегов горели. Родионов огляделся и увидел, как задёргались отходящие от основных побегов щупальца. Родионов не знал точно – убьёт ли это монстра. Он сделал, что мог, и теперь с облегчением направил вертолёт к Москве.

Рахманов угрюмо смотрел на монитор, по которому пробежали однообразные пейзажи. Он не был трусом. Он говорил Радисту и спецназовцу именно то, что думал. Рахманов действительно считал бессмысленным двум москвичам с двумя автоматами спускаться в Муос. Он действительно рассчитывал на повторную победоносную миссию москвичей, которые, вооружившись до зубов и уже знающие об опасностях Муоса, освободят местных жителей. Начнётся великое взаимовыгодное сотрудничество двух миров. Осуществится давняя мечта Рахманова. Умом он чувствовал, что эти рассуждения – логичны и правильны.

Но почему-то на душе было так гадко! Почему-то гибель этой девчонки что-то перевернуло и в нём самом. Почему-то в поступке Радиста была какая-то своя, другая правда.

Нет, он непременно вернётся в Муос. Он поможет этому миру, а, если и нет, то заберёт Радиста. Ему хотелось стать другом этого постаревшего за один день пацана. Рахманов верил, что будет так.

Но Рахманов не знал, что в Полисе сменилась власть. Он не знал, что их миссию признали сущим расточительством. Он не знал, что ему предстоит долгие месяцы обивать пороги чиновников Полиса, Ганзы и даже Красной Линии, чтобы убедить их в необходимости повторной экспедиции, но его не захотят слушать. Особенно после того, как он расскажет про ленточников.

Рахманов не знал, что от отчаяния и чувства вины перед оставшимися в Муосе он пойдёт добровольцем в сталкеры и погибнет уже при первой вылазке на поверхность...

10. ПОСЛАННЫЙ

10.1.

Радист сидел в лаборатории Центра. Лаборатория раньше осуществляла исследования по созданию в условиях Муоса ветряков – ветряных пропеллеров с динамиками, которые будут снабжать электроэнергией дальние поселения. Теперь, по приказу Владимира Барановского её срочно перепрофилировали. В подчинении Радиста было отдано пять электриков. Это, конечно, не радиомеханики, но лучше, чем ботаники или медики. Как могли, они помогали в налаживании рации. По требованию Радиста ему предоставлялись любые доступные средства, которыми владел Центр.

На месте пленения уновцев, ленточники побросали вещи пленников, которые им показались ненужными. Они же выбросили портфель с инструментом, тестером и замызганным справочником, подаренные Радисту его учителем. Портфель был найден разведотрядом Центра и был очень кстати. Этот справочник и еще несколько растрёпанных учебников, найденных в библиотеках Центра, явились единственным пособием Радиста. В остальном он мог полагаться только на свои знания, вложенные в него старым радиомехаником, смекалку и удачу. Перед началом работы он крестился, как делала это когда-то Светлана. В конце делал то же самое.

Задача стояла не лёгкая. Передатчик ленточников от долгого нахождения в сыром ящике был уже не исправен. Солнечные батареи не забирали из-за их громоздкости и хрупкости. Необходимо было передатчик отремонтировать и усовершенствовать таким образом, чтобы он работал от электросети Центра и находился на момент вещания в Муосе, а не наверху.

Радист составил список недостающих деталей. По старым картам Минска определили

возможные места, где они могут быть. Среди УЗ- 7, 8, 9, было объявлено, что их уровень значимости будет повышен на три уровня, если они найдут нужные радиодетали на поверхности. Из пятидесяти сталкеров-самоучек вернулось тридцать. Радист из принесённого ими хлама выбрал подходящие детали. Всего не хватало, пришлось импровизировать.

Антенну, сконструированную по схеме Радиста, вынесли на верхние этажи выстоявшего Дома правительства. Несколько высокопоставленных особ с уровнем значимости от третьего и выше, собрались в лаборатории. Радист включил передатчик.

– Внимание! Говорит радиомеханик отряда особого назначения Игорь Кудрявцев. Идёт вещание из Минска. Москва, как меня слышишь? Приём...

Спустя долгие секунды хрипа динамика послышался далёкий и такой родной голос:

– Игорь, Игорь! Москва тебя слышит! Игорь... сынок... ты сделал это... Ты жив...

Наверное, старый радиомеханик плакал. Спустя пару дней после ухода в экспедицию своего ученика, он понял, что остался один. Один уже во второй раз. И он услышал голос последнего родного человека на земле, который вещал ему из другого города и другой страны.

– Степаныч! Передайте властям, что задание выполнено. Мы сделали всё, что могли. Мы ждём помощи.

– Игорь, я знаю, знаю.. Рахманов всё рассказал, но тут у нас кое-что изменилось... Это ужасно, но помощи вам не будет... не ждите помощи...

Они сидели друг напротив друга, как когда-то давно – в бункере. Но теперь Барановский сам пришёл к Радисту в лабораторию. Он очень сильно постарел и грустно смотрел на Радиста:

– Почему в моей жизни так всё складывается, а? Почему всех, кого я люблю, уходят? Сначала ушла Светлана. Потом я сам послал своего сына и он погиб, выполняя мой приказ охранять Светлану. Потом погибла Светлана, защищая тебя. Это- великий подвиг любящей женщины. Она тебя любила, а значит ты – мой друг. И вот ты тоже куда-то уходишь! Почему? Почему вы все куда-то бегите? Вы что, специально смерти ищете?! Вы мне, старику, упрёк такой ставите, погибая один за другим? Ты мне скажи, что тебя не устраивает?... Нет-нет! Я даже речи не веду про материальные блага – с вами бесполезно об этом говорить! Но ты имеешь всё, чтобы творить добро! Ты создал рацию! Ты ведь знаешь, что сюда идут паломники со всего цивилизованного Муоса. Идут на сеанс связи с Москвой. Они записываются в очередь. И, заметь, я с них не беру за это платы – пусть люди слушают и радуются. Они уходят и рассказывают об этом Великом Чуде. Ты стал героем, хотя, вижу, тебя это тоже не интересует. Чего ты хочешь?

– Ты знаешь, что Муос в опасности; может быть даже на волоске от гибели. Светлана хотела его объединить и спасти. Теперь этого хочу я.

– Да, ради Бога, – спасай Муос. Старый Председатель Учёного Совета умер. Меня на днях изберут новым Председателем. Ты пойдёшь на моё место – после создания рации тебя изберут без проблем. Мы будем в Учёном Совете в большинстве и станем править Центром. И давай спасать Муос – я ведь тоже этого хочу!

– И именно поэтому ты отдал ленточникам Америку?

– А-а! Ты про это? Это – вынужденный шаг; временная мера. Да, я должен был подписать новый пакт с Ленточниками, по которому Америка отходит к ним. Но пока они будут воевать с Америкой, мы с тобой соберём силы, окрепнем и выйдем на помощь американцам. Сам понимаешь, пока что мы не настолько сильны, чтобы вступить в войну с ленточниками. Пока...

– Пока вы не сильны, в Америке убивают и обращают детей и женщин. Немига уже еле держится, а вы хладнокровно на это смотрите.

– Не забывай, кто такие американцы. Мы их сюда не приглашали. Ты слышал, сколько горя они нам принесли в своё время.

– Это отговорки. Ты говоришь про предков некоторых из них. Там живут люди, такие

же, как мы с тобой.

– Ладно, не будем пафосничать. Ты мне лучше объясни, как же так ты собираешься спасти Муос. Где будешь брать силы, войска?

– Я не знаю.

– Отлично! Он не знает! Он уходит спасти Муос – и не знает как будет это делать! И куда ж ты пойдёшь, спаситель?

– Есть одно место, где я думаю, мне помогут.

– У меня нет шансов тебя отговорить?

– Нет.

Барановский помолчал, потом кивнул и устало спросил:

– Я могу чем-нибудь тебе помочь?

– Можешь. Ты думай о той цели, ради которой погибла Светлана, а значит и твой сын. Думай о той цели, ради которой на гибель иду я. Может эта цель – важна? Может быть ты, учёный муж, всю жизнь заблуждался? Если найдёшь ответ – принимай решение, что тебе делать дальше... А пока – прощай.

10.2.

Радист пришёл в Свято-Ефросиньевский монастырь. Монастырь был назван в честь древней белорусской святой – Ефросиньи Полоцкой. Юная прекрасная княгиня, у которой было всё: власть, богатство, красота, отказалась от всех мирских радостей и стала монахиней, посвятив свою жизнь Богу и людям. «Совсем, как Светлана» – думал Радист.

Монастырь был оборудован в коллекторе Немиги, древней загадочной реки, некогда протекавшей по Минску, а потом заключённой в трубу под землёй. Отец Тихон прямо в коллекторе организовал свою келью. К нему начали приходили паломники, многие из них оставались. Они расширили коллектор, раздолбав бетон трубы, и терпеливо вынося мешками на поверхность грунт. Установили сваи, чтобы потолок не обвалился. Поставили палатки. Людей становилось всё больше. Здесь были церковь, мужской и женский монастырь, школа и больница.

Монастырь не охранялся. По поверью его на входе и выходе из коллектора охраняли Ангелы. Может это было и неправдой, но на монастырь никогда никто не нападал.

Радист нашёл отца Тихона в его келье. Это был маленький, лысый, с жиденькой бородкой дедок, в старых штанах и рубашке. С виду он производил впечатление простоватого крестьянина, а не великого святого. Отец Тихон «отдыхал», вернее чинил мотыгу для обработки картофеля, тщательно прилаживая металлическую насадку к деревянному черенку. Он быстро поднял глаза на Радиста и без особого интереса спросил:

– Чего пришёл?

– За советом, отец Тихон.

– За каким?

– Как спасти Муос?

– Хм-м.. Спасти Муос... Похвальное рвение.. А с чего ты взял, что я знаю ответ? Иль думаешь, тебя первого осенил такой вопрос? И вот я сейчас достану приборчик, дам его тебе, ты нажмёшь на кнопочку и Муос спасён?

– Да, ну...

– Я вижу тебя. Тебе выпала нелёгкая доля, но такая же доля у всех жителей Муоса. Погибла твоя любимая, но тут постоянно гибнут чьи-то любимые. Ты сделал радио, но были и другие изобретатели. Ты не есть особенный – ты понимаешь это?

– Да, но...

– Иди в прислужники к сестре Марфе. Ты пока не готов найти ответ на свой вопрос. Придёшь через пять дней.

Отец Тихон перекрестился, демонстративно развернулся и принялся дальше строгать свою мотыгу.

Радисту ничего не оставалось, как выйти из кельи отца Тихона. Он расспросил, как найти сестру Марфу. Какой-то инок указал ему на её палатку, стоявшую отдельно от других, в вырытой в земле нише. Он участливо посмотрел на Радиста.

Сестра Марфа – низенькая женщина лет тридцати пяти – стирала грязное тряпье. Радист взглянул на тазик – вода там была мутно-красная. Сестра Марфа быстро взглянула на Радиста и спросила:

– Хоть день выдержишь?

Радист промолчал. Он не знал, о чём речь.

Сестра Марфа взяла его за руку и повела в палатку. При приближении к палатке Радист уже чувствовал знакомую вонь, только ещё более сильную, – такая вонь была в Верхнем Лагере Тракторного – вонь разлагающихся человеческих тел.

Палатка сестры Марфы – это палата безнадежно больных. В основном здесь были раковые больные и больные лучевой болезнью. Это те, кто схватил крайнюю дозу радиации при сельхозработах на поверхности. Христианская мораль не позволяла их умерщвлять или облегчать их страдания наркотиками, как у партизан. Больные медленно умирали, мучаясь сами и мучая тех, кто был с ними.

Радист, войдя в палатку, подумал, что попал в дом ужаса. Больных было пятнадцать. Они лежали на некоем подобие постелей, на двухярусных нарах.

Какая-то женщина, лежа на боку и согнувшись, дико кричала, сдавливаемая спазмами боли. Она просила умертвить её.

Со второго яруса высунулась голова. Мужчина это или женщина – определить было не возможно. Вся голова превратилась в сплошную опухоль синюшно-розового цвета. Только узенькие щёлочки глаз, отверстие рта и бугорок носа, а также редкие седые волосы, пробивавшиеся сквозь опухоль на макушке, указывали, что это – человек.

Ярусом ниже лежал мужчина без ног и без рук. У него только голова, шея, туловище и маленькие обрубки-культи, оставшиеся после ампутации гниющих конечностей.

Чуть дальше лежал мутант с большой бугристой головой и длинными, почти ниже колен, руками. В монастыре не делали различий между мутантами и обычными людьми. С каждым выдохом мутант извергал стон, нечеловеческий стон. Он лежал голым и ненакрытым. Приглядевшись, Радист понял, что это – женщина. У неё были ампутированы груди, с которых началась болезнь. Но было поздно – метастазы захватили весь организм. Теперь от паха и до шеи её тело было сплошным гниющим пятном.

На каждой кровати – воплощения боли и страдания! Почти все стонали, кричали, плакали, чего-то просили. И эта чудовищная вонь! Радист выбежал из палатки, согнулся и стошнил. К нему подошла сестра Марфа и равнодушно сказала:

– Силой не держу, можешь уходить.

Радист поднялся и направился к выходу. Зачем отец Тихон так над ним издевается? Это выше сил Радиста! Неужели он мало выстрадал за свои недолгие годы, и ему надо пройти ещё и это.

Радист вышел к коллектору, там где кончается монастырь, вошёл в трубу и остановился. А что дальше? Куда ему идти и что делать? Он ведь не знает! Он не сможет достичь цели, не сможет выполнить немую клятву, данную над могилой Светланы. Только здесь у него есть шанс через пять дней получить ответ. Всего пять дней.

Радист, перебарывая себя, повернулся и снова пошёл к нише. Сестра Марфа по-прежнему стирала. Теперь Радист рассмотрел – она стирала бинты, ватин и марлю, которыми уже много раз перевязывали больных.

– Вернулся? Ладно. Даст Бог, сработаемся. Пошли со мной.

Они снова подошли к палатке. Как Радисту не хотелось туда идти! Но он вошёл. Сестра Марфа обратилась к больным:

– Братия и сестры. Отец Игорь – новый ваш санитар. Он добровольно пришёл принять сие послушание. Будьте терпеливы друг ко другу и Бог даст нам всем благодать.

Сестра Марфа объяснила, в чём заключается работа Радиста. Такого унижения ему не

приходилось испытывать никогда в жизни. Он должен был убирать в палатке. Приносить и уносить утки за больными. За теми, кто не мог пользоваться утками, он должен убирать и стирать постель, а также обмывать их самих. Перевязывать и смазывать специальными растворами гноящиеся зловонные раны пациентов. Переворачивать лежачих, чтобы у них не образовались пролежни. Приносить еду и воду, кормить и поить тех, кто не мог этого сделать сам. Выполнение каждой такой обязанности требовало огромного усилия. Радисту казалось, что лучше погибнуть в бою, чем делать эту отвратительную и унижительную работу.

Некоторые больные были капризны, у некоторых явно было не в порядке с психикой. Какой-то мужик по несколько раз на час просил пить, Радист приносил ему, тот едва притронувшись губами к кружке, говорил, что больше не хочет. Через десять минут он снова просил пить. Когда Радист отказался ему нести воду, тот жалобно заплакал и плакал до тех пор, пока Радист снова ему не дал кружку.

Тяжело больная женщина средних лет, когда Радист её кормил, выплёвывала еду прямо ему. Какой-то парень норовил его постоянно ударить ногой в пах.

До вечера у Радиста совершенно не было времени. Он выдохся полностью: физически и морально. Вечером сестра Марфа зашла в палатку и сказала:

– Отдохни, я тебя подменю.

Радист вышел и обессиленный сел прямо на пол возле палатки. В палатке продолжали плакать, кричать, жаловаться. Но он уже этого не чувствовал. Послышалось какое-то пение. Он заинтересовался, поднялся и пошёл в палатку-церковь. Там шла служба. Монахи, монахини и прихожане, столпившись в палатке, пели на малопонятном старославянском языке. Службу вёл отец Тихон. Изнутри палатка освещалась несколькими лучинами – муосовским подобием церковных свечей. На стенках палатки висели иконы, в основном заключённые в рамки под стекло православные календари, каких много выпускалось в первом десятилетии 21 века.

Почему-то Радисту стало спокойно. Здесь было хорошо и уютно. Люди молились все вместе и были едины, как нигде в Муосе.

После службы отец Тихон пошел в палатку тяжелобольных. Радист тоже пошёл за ним. Больные, даже самые буйные, присмирели, слушая проповедь священника, призывающего к терпению и надежде на скорую встречу с Создателем. Какое-то подобие покоя посетило душу Радиста.

Он спросил у сестры Марфы, где ему спать. Она его снова завела в палатку к больным и указала на свободную койку. Увидев удивление и протест в глазах Радиста, она резко сказала:

– А что ты думал? А если кому-то из них ночью нужна будет помощь, кто им поможет? Сестра Марфа фыркнула и вышла из палатки.

Радист почти не спал ночью. Больные уже не различали дня и ночи и их просьбы и капризы ночью только усилились.

Под утро умерла женщина-мутант. Её тело вынесли. Все обитатели монастыря сошлись на панихиду. Люди плакали, как будто для каждого из них она была сестрой. Радист ни в Муосе ни в Москве не видел такого отношения к усопшим.

Умершую отпевал отец Тихон. Радист пристально смотрел на него, даже специально подошел поближе, надеясь, что священник досрочно снимет с него это невыносимое послушание. Ведь он добросовестно отбыл целые сутки.

Когда закончилась панихида и люди расходились, Радист специально не уходил, чтобы отец Тихон заметил его. Тот, собирая в ящичек кадило, церковные книги и прочие принадлежности, не подымая глаз, произнёс слова, по смыслу которых Радист понял, что он обращается к нему:

– Что, хорошим себя считаешь? Думаешь кучу добра сделал за сутки? Думаешь теперь тебе эти несчастные должны? Нет, сын мой, это ты им должен!

Радист, не сдерживая обиды, воскликнул:

– Я ничего не должен им!

– Должен, ещё как должен. Ты должник перед ними только за то, что ты не такой как они. Ты молод, здоров, силен. Вот и отдавай им долги сполна. Когда на этом поприще станешь таким же – вот тогда можешь залазить в ту же палатку на нары и тебе будут должны другие. Таков закон любви. Тебе его ещё долго постигать.

Отец Тихон развернулся и пошёл к церковной палатке.

Радисту хотелось спать, он очень устал. Обида на отца Тихона за его слова, и обида на себя, за то, что он чувствовал эти слова правильными, душили Радиста. Он снова хотел уйти, только надо было найти для этого оправдание.

Он сидел возле палатки, уже не реагируя на крики и призывы о помощи больных. К нему подошла миловидная молодая женщина в платке. Она по-доброму улыбнулась и спросила:

– А ты – новенький санитар? Здравствуй, рада тебя видеть.

Она протянула Радисту руку и тот, вставая с пола, поздоровался:

– Здравсьте.

– Сестра Марфа говорила про тебя. У неё на тебя большие надежды, говорит: «Этот не на один день пришёл! Этот – наш будет!». Она ни про кого так никогда не говорила, поверь мне... А я – Анастасия Галинская, можешь просто – Настя. Я – врач, на обход пришла... Ну, пошли, как там наши лапушки, посмотрим.

Увидев врачиху, «лапушки» начали в один голос кричать и жаловаться на боли, просили обезболивающего, просили вылечить, просили умертвить, а некоторые даже просили «отрезать то, что болит».

Настя, как-будто не слышала их. Она к каждому подходила, улыбалась всё той же неподдельно доброй улыбкой, ласково говорила:

– Потерпи, миленький, потерпи ещё немножко...

– О-о-о. Я ж тебе, солнышко, говорила, что заживёт! Видишь, заживает.

– Так-так-так. С тобой, зайчик, надо что-то делать. Мы тут ручкуотрежем, чтоб гангрена не разошлась. Ну, ничего-ничего, без руки жить можно. Вон, на Михалыча посмотри: без рук без ног, а какой бодрячок!

Радист вспомнил Мясника с Нейтральной. Он не знал, кто более квалифицированный врач: Настя или Мясник. Но он видел, что после обхода Анастасии настроение у больных повышалось, часа два его почти не беспокоили. Даже Михалыч и тот начинал улыбаться и пытался шутить, рассказывая какие-то несмешные истории.

К обеду в палатку прибежали двое детей Анастасии – двойнята Александра и Сергей. Больные этих детей ждали также как отца Тихона и Анастасию. Дети приходили каждый день. Они абсолютно не гнушались составом и состоянием больных в этой палате. Часа два или три они пели песни, рассказывали выученные наизусть недетские стихи, вслух читали книги, в основном церковные, как могли, помогали Радисту. Некоторые больные, правда, в присутствии детей по-прежнему кричали. Но остальные не обращали на крикунов никакого внимания, как и сами дети.

Радисту всё также сильно хотелось уйти. Но после встречи с Настей и её детьми, он не мог уже найти этому оправдания. Тем более, что шли вторые сутки его послушания. Осталось трое суток.

Так день за днём Радист прожил пять суток в этом бессонном кошмаре, разбавляемым общением с Настей, приходами Сашки и Серёжки, и вечерними службами в церковной палатке. Наступал долгожданный срок получения ответов от отца Тихона на интересующие Радиста вопросы.

Умываясь утром, Радист случайно увидел себя в зеркале. Он и раньше не был упитанным, но теперь у него впали щёки; вокруг глаз – чёрные круги, на лбу – проступают морщины. Он выглядел явно старше восемнадцати лет. Если он побудет здесь ещё немного, то станет стариком.

После службы он зашёл в келью священника. Тот опять что-то мастерил.

– Здравствуйте, отец Тихон!

– Здравствуй, брат Игорь.

Радист думал, что отец Тихон сам начнёт разговор, но тот по-прежнему что-то строгал. Радист подумал, что отец Тихон забыл о нём и о наложенном на него послушании и начал сам:

– Отец Тихон. Прошло пять дней. Я пришёл за ответом.

– За каким?

Радист подумал, что отец Тихон издевается над ним, и резко произнёс:

– На который вы мне обещали ответить через пять дней, если я выдержу послушание.

– Нет, сын мой. Я не сказал тебе, что через пять дней отвечу на твой вопрос. Я сказал, что ты можешь придти через пять дней.

– И что дальше мне делать?

– Иди к сестре Марфе ещё на пять дней, потом придёшь.

Радист вскипел:

– Отец Тихон! Муос гибнет, вы что не знаете? Если вы не знаете ответа – так мне и скажите, я пойду его искать в другом месте. Гибнут люди! Гибнут каждый день! А вы меня заставляете таскать горшки тех, кто завтра и так умрёт. Время не ждёт!

– Ты юн. И да простит тебе Бог твою юную дерзость. Юношам характерно мнить себя вершителями судеб мира. А многие, вырастая, такими и становятся. Они наполнили мир несчастьем. И каждый из них считал, что идёт по правильной дороге... А за Муос не волнуйся, если Богу угодно – он сам всё устроит...

– Угодно Богу? А почему ваш Бог допускает столько страданий? Зачем он погубил мир и загнал нас в подвалы?

– Бог ли погубил мир? Бог создал мир! Мир был прекрасен и совершенен. Тебе это тяжело понять. Я вырос в маленьком Полесском городке, посреди которого протекала речка. В пяти минутах ходьбы от моего дома начинался лес. По утрам я ходил на рыбалку. Отец мой был атеистом и говорил, что Бога нет, и я ему верил. Но когда я смотрел на зелёные заросли над водой, освещаемые восходом солнца, слышал щебет птиц, шуршание травы, плесканье рыб, я не понимал, как такая совершенная красота может появиться сама собой. Ты даже представить себе не можешь, как был прекрасен созданный Богом мир! А вот погубили его люди. Священники всех религий и вероисповеданий, гуманисты, философы и просто здравомыслящие люди взывали к миру. Но, кто их слушал? Каждый правитель шёл по своему единственно правильному пути. Каждый хотел, чтобы только по его пути шёл весь остальной мир. У людей было время одуматься. И все соглашались, что война – это зло; что когда-то гонка вооружений может закончиться плохо. Но они упрямо создавали новое оружие, чтобы загубить себе подобных. Из-за каких-то мелких споров, они выпустили созданных ими демонов и эти демоны уничтожили человечество. А теперь всё сваливают на Бога – это Бог де нас так несправедливо покарал. Бог этого не хотел – этого хотели люди!

– Вы говорите о тех, кто жил давно. А причём здесь мы, зачем нас мучает ваш Бог?

– А что изменилось после Последней Мировой? Люди одумались, стали жить мирно? Обустраивать этот тесный, неудобный, но всё же пригодный для проживания подвальный мир? Нет, они по-прежнему воюют, по-прежнему с бычьим упрямством что-то доказывают себе и друг-другу! Ничего не изменилось! Люди по-прежнему губят даже то небольшое, что у них осталось. И ты хочешь того же, по крайней мере пока... Ладно, при многословии не избежать греха... Приходи через пять дней...

Радист развернулся, резко откинул занавесь на дверном проёме кельи отца Тихона, и вышел. Священник может его так мучить до бесконечности! Где гарантия, что когда он придёт через пять дней, он снова не продлит срок послушания. Радист опять направился к выходу из монастыря. Но потом снова резко развернулся и, перебарывая себя, пошёл к палатке тяжело больных.

Когда он подходил, обратил внимание, что в палате относительно тихо. Он даже встревожился. Войдя туда, он увидел обращённые к нему взгляды тех, кто ещё мог

целенаправленно смотреть. Женщина с раковой опухолью на голове робко спросила:

– Брат Игорь, а вы не уходите от нас?

Оказывается, эти несчастные знали, что у него заканчивается срок послушания. Оказывается, они сильно привязались к угрюмому послушнику. Радист ответил:

– Нет.. пока нет.

Вздых облегчения прошёлся по палате. Даже Михалыч заулыбался так, как он улыбался только тогда, когда приходила Настя. о больные его мучить стали меньше.

Через день на место умершей женщины-мутанта принесли девочку. Её принесли в монастырь родители и брат из какого-то далёкого неметрошного поселения. Аннушка пошла на запах мутировавшего гриба-пенецила; и, думая, что нашла много еды, схватила пудинговую грибную массу. Стрекала грибницы впрыснули в её руку парализующий яд, она упала лицом прямо в плесень. Её успели вытащить и организм чудом справился с ядом. Местный фельдшер кое-как очистил её лицо и руки от грибницы. Но гриб успел переварить значительную часть плоти. Несчастные родители и брат девушки, рискуя собой, принесли сюда. Анастасия сделала ей операцию, вырезая повреждённые ткани, но было уже поздно. Кровь была подвергнута вторичному заражению продуктами гниения тканей. Девушка медленно умирала, она была безнадёжна, и её принесли сюда.

Ей было лет тринадцать, не больше. Скорее всего, она была когда-то красива. Но сейчас на её исковерканное грибом и последующими операциями лицо было страшно смотреть. Только глаза – большие красивые голубые глаза, беспомощно смотрели на Радиста.

Ей было больно, но она не плакала, не жаловалась и ничего не просила. Когда Радист смазывал рубцы на её лице обезболивающей мазью, она не сводила с него глаз. Однажды она произнесла:

– Ты похож на моего брата. Ты такой же красивый, сильный и добрый.

В следующий раз она попросила его рассказать про себя. Радист начал говорить, что ему некогда, но другие больные тоже хотели побольше узнать про загадочного послушника. Они настаивали и Радист был вынужден согласиться. Тем более, что ему тяжело было всё накопившееся носить внутри себя.

Радист стал рассказывать. Он ничего не скрывал и не приукрашивал. Не стеснясь, рассказывал и про свою трусость в битве со змеями и диггерами и про пленение ленточниками. Рассказал, кто такие фашисты, рассказал, что он был сыном фашистки, рассказал, чем занималась его мать. Рассказал про Москву. Свободного времени было мало, поэтому рассказ затянулся на несколько дней.

Больные, кто был в сознании, замирали, слушая его рассказ. Их боль, страдание, шаги приближающейся смерти, затихали при повествовании о великих подвигах, совершенных москвичами и муосовцами, очевидцем которых явился Радист. Они чувствовали себя не только слушателями, а участниками этой великой битвы добра со злом.

Анна свою боль переносила терпеливо. Но когда она слушала о гибели Светланы, у неё потекли слёзы. Она сказала:

– Если бы я могла, я бы для тебя стала Светланой. Поверь мне – я сильная и тоже могу сильно любить; и тоже смогла бы умереть за тебя и за Муос. Но, к несчастью, я беспомощна и умираю вот так...

Однажды Радист, копошась возле палаты, во время вечернего прихода отца Тихона, слышал, как больные, особенно Анна, просили священника помолиться за «нашего брата Игоря».

Анне становилось хуже и хуже. Она уже еле дышала. Радист не отходил от неё. Она из последних сил протянула свою слабую руку к руке Радиста. Радист взял её ладонь. И не отпускал. Сестра Марфа, которая по вечерам приходила на несколько часов подменять Радиста, увидела его у постели Анны и ничего не сказала. Весь вечер она сама хлопотала возле больных, а Радист сидел с Анной. Ночью Анна умерла. Это была вторая женщина Муоса, которая умирала, держа Радиста за руку.

Он сам вынес Анну и положил на столешницу для отпевания усопших. После панихиды отец Тихон подошёл к Радисту.

– Чего ты не пришёл ко мне – десятый день ведь уже?

Радист молчал, ему было не до решения глобальных вопросов. Он и в правду забыл, что сегодня был последний день второго срока послушания. Отец Тихон, видя настроение Радиста, сказал:

– Ладно, освободишься – заходи. Я думаю, ты уже готов получить ответы.

Радист с грустью посмотрел на палатку тяжело больных – он не знал, как им сообщит о своём уходе. Это противоречило здравому смыслу, но он по-настоящему привязался к этим людям.

– Отец Тихон! Я понял – я никчемный, эгоистичный болван, возомнивший себя Посланным. Я хочу остаться в монастыре.

– В монастыре тебе остаться нельзя... пока нельзя. Ты ещё не сделал того, что должен сделать. И ты не выполнил свою клятву.

– Откуда вы знаете про мою клятву?

– Я знаю о тебе больше, чем ты сам о себе знаешь... Ты пойдёшь и поведёшь народы Муоса на последнюю битву с ленточниками. А там будет так, как поётся в диггерской Поэме Поэм: «...и тогда посмотрит Бог: нужен ли ему Муос».

– Как я их поведу? Я не солдат. Я слаб и не умею драться. Я – посмешище, а не воин.

– В твоей слабости – твоя сила.

– Как это?

– Ты был среди своих самым слабым, но ты единственный, кто остался жив. Ты не умел драться, но дошёл до цели. И ты никого не убил, я это вижу: на тебе нет крови. И ты никого не убьёшь. Но за тебя будут проливать кровь тысячи.

Радист как-то не задумывался об этом раньше, но это действительно так: он прошёл столько кровавых боев и смертоносных испытаний, но не разу никого не убил: ни человека, ни зверя. Отец Тихон продолжал:

– Ты – чистая душа! Всё: испытания, боль, гибель друзей и близких людей закаляли твою душу, и она стала кремнем добра и справедливости. Тебе трудно это принять, но гибель Светланы была одним из самых сильных сеансов закаливания твоей души... Не спеши возражать. Я вижу, что она для тебя значила. Но подумай сам, остался б ты в Муосе, если бы Светлана не погибла за тебя? Конечно, нет. Ты бы улетел, найдя себе в оправдание, что ещё вернёшься за ней. Но тебя бы из Москвы второй раз не отпустили. Всё шло к тому, к чему должно было прийти. И вот ты пришёл в монастырь за советом. Я увидел тебя и понял, что ты – Посланный, о котором слагают предсказания. У тебя для этого есть всё и не доставало только одного – любви. Ты делал всё в память единственного человека – своей девушки. Этот порыв прекрасен, но не надёжен. Я хотел, чтобы ты это делал ради людей Муоса. Поэтому я тебя кинул на самое дно – в палатку сестры Марфы, туда где страдания и боль наиболее остры, где жизнь наиболее близка к смерти, где ты должен был сломить свою гордость, где ты должен полюбить тех, на кого страшно смотреть. Ты выдержал это испытание и теперь я уверен: ты – Посланный... А то, что не умеешь драться – не беда. Найдутся и те, кто умеет драться и те, кто научит тех, кто не умеет. Ты пойдёшь к цели не с мечом, а со словом. И да поможет тебе Бог!

10.3.

В ворота Октябрьской постучали со стороны Большого Прохода. Стражник УЗ-6 открыл смотровое окно и произнёс:

– Что это за...

– Здравствуй, добрый солдат. Не дай своему благородному языку творить кощунственные слова. Ты так и будешь держать бедного воина Христова у двери?

Удивлённый стражник поднял ворота. На станцию вошёл молодой инок. Он был в рясе

с капюшоном, надетым на голову. В руке держал посох.

Войдя, инок громко крикнул:

– Да хранит Бог вашу станцию!

Было самое утро, как раз после подъёма. Людей на станции было много. Многие слышали благословение и с любопытством стали подходить к молодому инок.

Стражники, в том числе офицер, отвечавшие за эти ворота, заволновались. Не будут ли самочинные действия этого странника потом дурно расценены их значимостями? Но, увидев, что администратор станции сам выглянул в окно своей квартиры, интересуясь происходящим, немного успокоились. И не препятствовали собираться народу, явно ожидающему каких-то вестей от одинокого инок.

На станции было тревожно. С Немиги и других американских поселений шли беженцы, которые рассказывали про творящиеся там беды. Пытались под видом беженцев пробраться и ленточники, но их выявляли и убивали либо отправляли в лабораторию для исследований. Паники пока не было, но было то тревожное состояние, когда люди боятся думать о завтрашнем дне и вздрагивают при каждом подозрительном звуке со стороны туннелей.

Инок сам подошёл к офицеру, откинул капюшон и показал свою шею. Офицер промямлил: «что вы, что вы, святой отец», но при этом затылок осмотрел с предельной внимательностью.

Кроме приносящих тревогу американцев, на станцию заходили и диггеры. Раньше они сторонились метрошных поселений, но теперь сами приходили, пели Поэму Поэм, говорили о землянах и Посланном, который «мечём и правдой будет стяжать победу». Исполняющий обязанности Председателя Учёного Совета Барановский, выслушав доклад офицера внутренней безопасности о «чрезвычайной опасности сепаратистских призывов диггеров», выругался на него, сказал: «вы лучше ленточниками займитесь!» и выгнал из кабинета. После этого диггеры посещали Центр почти беспрепятственно, только подвергались серьёзным тестам на обнаружение ленточников.

А вот монахи и священники на станциях Центра были редкими гостями. Атеистическое руководство Центра считало их «бесполезным отвлечением от общественно полезных работ» и требовало не пускать «святош» на станции. Инока бы тоже не пустили, но почему-то стражникам показалось, что человек, решившийся один пройти через Большой Проход, уже заслуживает доверием и прогнать его обратно будет кощунством.

Инок медлил. Было видно, что он собирается сообщить что-то важное. Да и мог ли человек по пустякам идти через Большой Проход, когда там даже вооружённые до зубов ходоки боятся ходить. Наконец инок начал:

– Я рад приветствовать жителей благословенной Октябрьской! Я вижу, братия и сестры, что сердца ваши переполнены тревогой и тревога ваша не напрасна. Полчища ленточников захватывают дальние американские поселения и штурмуют Немигу. Я был там. Я общался с людьми. Они отчаянно дерутся, но силы не равны. Они молят о помощи. Если весь Муос им не поможет – Америка падёт и станет владением ленточников. Есть среди вас кто-нибудь, кто сомневается в этом?

Инок слушал гробовое молчание и продолжил:

– Я вижу, что Октябрьцы – мудрые люди. Вы все понимаете, что Америке не устоять. А что будет потом? Вы знаете, что ленточники мечтают захватить весь Муос. Неужели они остановятся после захвата Америки? Нет, я вам говорю – нет! Следующая их цель – Партизанские Лагеря. Я был в Лагерях, общался с храбрыми партизанами. Они, так же, как и вы, понимают, что Америка скоро падёт и что следующая цель ленточников – Партизаны. Но они боятся вступать в войну, потому что знают, что Партизаны и Америка даже вместе не победят Ленточников. И это так! Рано или поздно Партизаны и Нейтралы также станут ленточниками и что будет тогда? Неужели тогда ленточники, опьяневшие от своих побед остановятся? Неужели они будут терпеть присутствие в Муосе независимого Центра?...

Один из чиновников с нашивкой УЗ-4, перебил инок:

– Ленточники с нами подписали Пакт о ненападении. Они не могут нарушить Пакт!

Инок спросил:

– Ты – младший администратор – умный человек. Скажи, какой это по счёту пакт?

– Второй.

– А что было написано в первом?

– Ленточникам отходят Независимые Станции Востока...

– ... а Америка, Партизаны, Нейтралы и Центр остаются в тех границах, в каких существуют на момент подписания Пакта. Ленточники нарушили первый Пакт! Точно также они нарушат и новый Пакт. Они начнут войну с Центром. Но это будет другая война: Центр будет один, а в числе Ленточников будут обращённые американцы, Нейтралы и Партизаны. А ведь вы знаете, как те умеют драться, и их умение уже будет принадлежать Ленточникам! Выстоит ли Центр один против всего Муоса ленточников?

Тот же администратор, чтобы как-то оправдаться, язвительно спросил:

– И что ты предлагаешь? Объединиться с вонючими Партизанами и с Американцами, которые принесли нам когда-то столько горя? Да даже если и так, наших объединённых войск не хватит, чтобы победить Ленточников.

– Братия и сестры! Бог создал прекрасный мир, который самые старые из вас ещё помнят! Он создал людей равными. Но люди стали делиться на богатых и бедных, рабов и рабовладельцев, правителей и подчинённых, сильных и слабых. Они поделили огромную Землю на множество больших и маленьких государств. Государства всё время воевали, захватывая друг-друга. И, в конце-концов, развязали самую безумную войну, погубившую весь мир. Неужели мы должны уподобляться им? Неужели мы тоже должны делиться на своих и чужих; неужели вас устраивает разделение на уровни значимости? Я прошу объединить силы не только между государствами Муоса, но и объединить силы внутри каждого из государств. Откажитесь от позорного разделения по уровням значимости, возьмите друг-друга за руки, простите обиды, вложите в ножны свои мечи и выступайте всем Муосом на великую и святую битву с настоящими врагами человечества!

Администратор станции, до которого дошло, что это – призыв к свержению существующего строя, из окна своей квартиры крикнул:

– Взять его, взять его!!

Несколько солдат приблизились к инок, но он спокойно сказал:

– Дайте договорить Посланному, а потом делайте, что считаете нужным.

Солдаты остановились. По толпе пробежали удивлённые возгласы:

– Посланный?!... Это – Посланный?!... Не может быть!.. Но он говорит, как Посланный!..

Администратор кричал из своей квартиры, но его не слушали. Только несколько солдат неловко переминались, не зная, что делать в такой ситуации. А инок продолжал:

– Ничего не бойтесь. Вам поможет Бог и земляне!..

– Земляне? А где эти земляне? Что они не приходят к нам? Почему прячутся?

– Земляне среди вас есть! Вы все – земляне, если захотите быть ими. А теперь я говорю: Земляне, подойдите ко мне!

На станции воцарилось гробовое молчание. Даже выбежавший из своей квартиры администратор остановился, как вкопанный.

У Сергея Селяха или, как его здесь называли, Серика, перехватило дух. Его недавно повысили в УЗ-4 и он стал командиром всего войска станции. Четыре года назад, ещё будучи простым стражником на воротах в Большой Проход, он обратил внимания на девочку, постоянно ходившую с партизанскими обозами. Она ему приглянулась, да и сама постоянно строила ему глазки. Перекинулись парой слов. Другие стражники стали подначивать Серика: мол, чего теряешься, сама рыбка в руки плывёт. Однажды он осмелел и пригласил её в свою квартиру.

Купчиха сразу согласилась. Серик, не смотря на показную смелость, был стеснителен с девушками, стесняясь своего рыжего цвета волос и конопатого лица, и никогда даже не целовался. Поэтому, пока шёл к своей квартире, он просто не знал, что он будет там делать с

этой бойкой партизанкой. Но всё оказалось просто. Купчиха, когда они заставили картоном дверь, придвинулась к Серику и стала ему на ухо шептать...

Купчиха сразу предупредила, что она девственница и таковой будет оставаться в течении неопределённого времени. Пока, по крайней мере, не выполнит свою клятву. Серик ей симпатичен, но напросилась она к нему не поэтому. Она видит, что он сильный, добрый и ещё неиспорченный центровик. Она уверена, что Серику не нравится то, что творится в Центре и во всём Муосе. Она сказала, что очень хочет, чтобы Муос был единым. Что только общими усилиями, они смогут победить ленточников; смогут отстроить свой мир, отказаться от верхних помещений и жить счастливо. Все вместе: без разделения на партизан и центровиков, и без градации по уровням значимости.

Поначалу Серик хотел просто вытащить Купчиху из квартиры и сообщить, что она занимается антигосударственной агитацией. Но побоялся, что его потом засмеют: повёл, мол, девку любить, а она его обманула и лапшу на уши развешивать стала. Потом он стал вслушиваться в то, что говорит Купчиха. Потом вспомнил, как его сестру в четырёхлетнем возрасте из-за болезни Дауна забрали в лабораторию Центра, а отца, который пытался этому воспротивиться, разжаловали в девятый уровень и отправили наверх. Он не был сторонником системы, хотя из-за своих военных способностей продвигался вверх. И то, что говорила Купчиха, было словесным оформлением его ещё несформировавшихся переживаний. В завершение Купчиха сказала ему думать до её следующего прихода, по-сестрински чмокнула в щёку и вылезла из его квартиры. Специально повиливая бёдрами и как будто бы застёгивая блузку, она прошла мимо сослуживцев Серика, не обращая внимание на их пошлые замечания. Затем под восторженные поздравления своих сослуживцев из квартиры вылез Серик.

Серик был сам не свой. Каждое слово Купчихи, сказанное простым языком, по десять раз всплывало в его мозгу. Он понял, что уже не сможет жить так, как живут все его приятели: ползти вверх по карьерной лестнице, пока не сдохнешь сам, не погибнешь в бою или не совершишь ошибку из-за которой тебя разжалуют и отправят наверх. Ему не давала покоя нарисованная Купчихой картинка единого Муоса, где люди всем миром живут без врагов и опасностей, ходят от станции к станции в гости друг ко другу, трудятся и получают удовольствие от своего труда. Он уже сам дорисовал к этой картинке просторную квартиру, в которой живут он, Купчиха и много детишек разных возрастов. Нет, он уже не сможет от этого отказаться! Он должен сделать, чтобы было так, или погибнуть ради этого. Он с нетерпением ждал прихода Купчихи, чтобы сообщить о своём решении.

Как только на станцию вошёл очередной обоз, Серик, ничего не говоря, схватил Купчиху за руку и потащил в свою квартиру под весёлое улюлюканье своих друзей. Они думали, что Серик с Купчихой занимаются любовью, а на самом деле в квартире Серика происходило таинственное посвящение в земляне. Серик дал клятву, и ему стало легче: он уже на пути к своей мечте. Когда Купчиха собиралась уходить, он спросил, станет ли она его женой, если они победят. Она его опять, но уже не по-сестрински, поцеловала.

Его квартира стала явкой. По заданию Купчихи он восстановил подпольную ячейку землян на станции, которая развалилась давно, после гибели бывшего связного – отца Купчихи. Основной задачей землян было готовить народ к предстоящим великим событиям, распространяя легенды, поверья и слухи о землянах и Посланном.

Он готовился к этому моменту, но всё-равно решиться было не просто. Монах назвался Посланным, но Серик то знал, что это – всего лишь легенда. Если он сделает шаг навстречу к этому монаху, их всех схватят и отправят наверх. Это будет абсолютно бессмысленным самоубийством. Но может ли он поступить иначе? Посланный может быть и не знает, что Серик – глава Октябрьского подполья землян. Но на Серика теперь смотрят другие, рядовые члены подполья разных уровней. И об этом, конечно, потом узнает Купчиха. Серик, скрипнув зубами, сделал шаг.

Администратор думал, что этого не переживёт: Серик – самый надёжный и благоразумный воин станции объявил себя сказочным землянином и присоединился к этому

сумасбро́дному священнику. Но что это? Один, второй, третий... четырнадцать человек на его станции, считают себя землянами. Столько сумасшедших на его станции! И как они могли объединиться: ведь у них разные уровни значимости?! Администратор онемел, он еле держался на ногах. Надо было что-то делать, но он просто был парализован происходящими событиями.

Серик, подойдя к иноку, присел на одно колено и сказал:

– Я приветствую тебя, Посланный!

То же самое сделали и остальные члены его ячейки. А инок всё продолжал:

– Вы думали, что земляне придут откуда-то. Но нет – они всегда были среди вас. И каждый из вас может стать землянином! Каждый из вас, прямо сейчас, прямо здесь...

Серика его солдаты любили. Он был строг, но никого не наказывал незаслуженно. Он формально придерживался разделения своих подчинённых на уровни значимости, но в действительности относился одинаково хорошо и к пятому и к седьмому уровню. Авторитет его был огромен; солдаты даже подражали своему командиру. Они, восхищённые речами монаха, а теперь увидев, что их командир – землянин, безусловно сами хотели быть такими, как командир. Один за другим они присели на одно колено и также громко и чётко произнесли:

– Я приветствую тебя, Посланный!

Видя решимость солдат, гражданские разных уровней начали приседать и приветствовать монаха.

Только администратор стоял, держась за сердце и с ужасом наблюдая происходящее. Несколько приближённых тоже стояли рядом, явно желая отдать честь Посланному и боясь гнева администратора. Инок обратился к администратору сам:

– Неужели, администратор, ты пойдёшь против своего народа и против Бога! Или ты боишься? Думаешь, что это – революция? Ты думаешь, что тебя твои подчинённые сейчас потащат наверх? Я тебе говорю – нет! Этого не будет! Древнее прошло. Мы не будем мстить и вспоминать старые обиды. И твоему народу нужен умный и опытный администратор. Такой, как ты! Я даже прошу тебя: будь администратором этой станции, помоги своему народу! Но будь не повелителем, а старшим среди равных. Неужели ты не хочешь этого?

В голове администратора быстро проносились мысли. Если он воспротивится, даже если ему удастся каким-то образом переубедить своих подчинённых и прогнать этого монаха, о произошедшей попытке переворота узнают в Центре. Его, как допустившего это, разжалуют и отправят наверх. Так уже было на Институте Культуры. Но люди действительно верят в этого Посланного. У него переубедить их шансов нет! Убивать его вроде не собираются, но что он будет делать, если не пойдёт с ними? Идти на Площадь Независимости? Его тогда тем более отправят наверх! А может этот инок и вправду Посланный? Монах прав: идти против народа и против Бога, если он есть, – не под силу ему – старому администратору. Скорее всего переворот подавят. Но тогда его всего-навсего отправят наверх. Значит, он ничего не теряет. А если переворот не подавят? Тогда всё будет хорошо. И Оля будет жить и им не надо будет её прятать!

Оля – четырёхлетняя дочь администратора. У неё была мутация – она родилась со сросшимися на ногах пальчиками и неправильно сформированными ступнями. Медик, принимавший роды и делавший осмотр ребёнка, был другом администратора. Медика удалось убедить не заявлять о мутации. Оля росла красивым и очень смышленным ребёнком. Но она очень плохо ходила. Пока была маленькой, они всем объяснили, что она просто не может научиться ходить. А последний год её просто не выпускают из квартиры. Но долго ли он сможет скрывать мутацию дочери? Нет, он должен пойти с этими людьми. Перед тем, как сюда придут войска Центра, он попросит монаха или его друзей, чтобы они забрали Олю с собой. А там: будь что будет.

Администратор присел на одно колено и произнёс:

– Я приветствую тебя, Посланный!

Его приближённые с облегчением вздохнули и сделали то же самое.

10.4.

Это был недостроенный подземный гараж – самый грандиозный гараж не только в Минске, но и во всей Европе. Последний Президент Республики Беларусь Валерий Иванюк лично инициировал постройку гаража с комплексом сопутствующей инфраструктуры в центре столицы. Автопарк минчан увеличивался, стоянок не хватало, поэтому грандиозная стройка гаража размером в пять гектаров между улицами Димитрова, Мельникайте и проспектом Машерова ни у кого не вызвала удивления. Но Валерий Иванюк видел в будущем гараже и другую функцию – функцию самого большого бомбоубежища в Минске: большего, чем любая станция метро.

Гараж достроить не успели – началась Последняя Мировая. Гермодвери в гараже не были установлены и радиоактивный воздух и пыль заполнили его гигантское помещение. Иванюк пытался в первые годы подземной жизни обустроить гараж: строители замуровали все выходы на поверхность, началась трудоёмкая дезактивация гаража. Но после убийства Президента продолжать эту работу никто не пожелал. Потом началась Американская война – было не до гаража. Гараж так и остался огромной нежилой полостью с уровнем радиации таким же, как в верхних помещениях Муоса. Именно этот гараж был выбран местом Последней Битвы.

Американцы вызвали на эту битву Ленточников. Ленточники посчитали условия приемлемыми: вместо долгой осады штатов Америки или, как её теперь называли, – Республики; им предлагалась быстрая и лёгкая победа. Чтобы она была именно такой, Первый и Второй Прародители привели в гараж почти всё население гнёзд. Они вошли в гараж с восточных ходов и заполнили его наполовину. При этом огромное число ленточников ещё толпилось в восточных ходах, ожидая, пока и для них в ходе битвы освободится место. Ленточники были возбуждены. Они рвались в бой, ожидая скорой пересадки своих хозяев. Такого крупномасштабного осчастливливания, которое ожидалось в ближайшее время, не было ещё никогда.

С западных ходов в гараж вошли Земляне – теперь они себя называли именно так. Их было намного меньше, чем ленточников. Но их было значительно больше, чем ожидали ленточники. Ленточники рассмотрели, что среди несчастных не только американцы, но и представители других государств, ещё не захваченных ленточниками. Их это ещё больше возбудило: значит новых носителей ещё больше! Значит они смогут победить за раз не только Америку, но и весь оставшийся Муос! Ну а то, что победить будет чуть сложнее, – это не страшно. Ведь имеющие хозяев не ведают страха смерти!

Земляне выстроились в боевые порядки, в отличие от ленточников, которые стояли толпой. Огромной, многочисленной, но всё-таки толпой. Земляне заполнили четверть гаража – его западную часть. И эта была вся их армия – в ходах никто не остался.

Земляне чего-то или кого-то ждали. Ждал и их Командор. Командор – друг Посланного. Он с ним пришёл в Муос во второй раз. Пока Посланный искал ответы на свои вопросы, с Божьей помощью объединял народ Муоса, Командор занимался сбором и обучением будущей единой армии. Спецназовцу, в совершенстве владевшему огнестрельным оружием, было нелегко учить тех, кто вооружен средневековым арбалетами, копьями и мечами. Командор не боялся за себя. Но он волновался за этих людей, которых привёл на смерть. Выстоят ли они? Смогут ли они победить эти бесчисленные полчища нелюдей? И ещё он переживал, придёт ли Посланный? Без Посланного им точно не победить! Он уже давно не называл его Радистом. Для Командора, как и для всех землян, он был Посланным.

Посланный вошёл тихо. Земляне расступились, пропуская его вперёд. Даже ленточники перестали шуметь, заинтересовавшись происходящим. Командор, увидев приближающегося инока, присел на колени и сказал:

– Я приветствую тебя, Посланный!

Все земляне почти одновременно присели на колени и повторили слова Командора. Среди ленточников пробежала тень смятения: они не понимали, что происходит с несчастными и их страшила эта непонятность происходящего.

Радист медленно провёл взглядом по войскам землян.

По Левому флангу – Американцы с секирами и арбалетами. Многие были ранены, на что указывали повязки на головах и руках. Они были измучены месяцами непрекращающихся боёв, но чудом выстояли до сих пор. Впереди стоял их Президент – Игнат Заенчковский. Он был решителен. Для него, как и для Радиста, уже не было чего бояться в этой жизни. Кроме одного: встретиться со своей женой, которая наверняка стоит в этой толпе ленточников. Он не сможет её убить... Он попросил это сделать своего заместителя и друга – Геннадия Галинского. И тот пообещал, что не отойдёт от своего Президента, пока они не победят или не погибнут.

Правее Американцев стоял отряд Мавров. Король лично привёл своих людей. Привёл всех мужчин, которые могли держать оружие. Сорок воинов: темнокожих и белых – все стояли в одном строю.

В центре стоял сводный батальон Центра. Впереди – штатные военные, сзади – ополченцы: мужчины и женщины. У многих на одежде – следы оторванных нашивок с обозначением уровней значимости. Для них это уже не имело значения. Батальонным командиром был Серик. Он смело смотрел вперёд. Три дня назад Купчиха объявила его своим мужем. Его мечта уже почти осуществилась, осталось только победить и вернуться домой. Ну а если придётся погибнуть – он солдат и готов к этому. Он был уверен, что три ночи с Купчихой не прошли даром – она родит ему сына, пусть даже после его смерти. Рядом с Сериком стоял Владимир Барановский. Он еле держал тяжёлый меч в своих стариковских руках. Он вряд ли сможет его поднять хотя бы один раз. Он это понимал, но посчитал нужным идти на этот бой со своим народом и погибнуть одним из первых. После разговора с Радистом в лаборатории он долго думал и понял, почему погибли его сын, Светлана и ушёл Радист. Они хотели счастья не только себе и своим близким. Они хотели счастья всему Муосу! Они любили каждое существо в этом ужасном мире, как самого себя. Председатель Учёного Совета так любить не мог. А, значит, ему не место в Муосе. Он погибнет – и пусть этот Радист, или Посланный, как его все называют, пусть он знает, что старик Барановский не трус и тоже умеет умирать за других.

По правую руку от центровиков – угрюмые Нейтралы. Они пришли все, кроме детей и больных. Они сняли свои серые повязки. В Нейтралах уже не было нужды – им некого было разделять. Даже Мясник со своей женой Остапой стояли за войсками землян, готовые принимать раненных. Рядом с ними – Анастасия Галинская, сестра Марфа, медики Центра и Партизан. Они перебирали и раскладывали нехитрый хирургический инструмент, перевязочный материал, мази. Им предстоит самая ужасная медицинская практика в их жизни.

На правом фланге – Партизаны. Вот – Анка с двумя мечами в руках с первомайцами – самыми отчаянными воинами Муоса. Она пришла погибнуть, чтобы встретить на том свете своего героя – Дехтера. Но прежде, чем она погибнет, многое успеет сделать в этом бою.

Вот Степан Дубчук со своим отрядом. Он стал командиром Пролетарцев после смерти Талаша. Дед, после того, как к ним на станцию пришёл Посланный, объявил: «Ну теперь я могу спокойно умереть» и к утру его уставшее сердце остановилось.

Кирилл Батура тоже тут. Людей, правда, с ним немного. Много погибло в результате неудачного похода на Партизанскую. И оставлять на Тракторном многих надо было, чтобы защищали станцию от леса с лесниками. С лесом что-то последнее время стало происходить: он понемногу стал вянуть и обмирать. Зато лесники от этого взбесились – нет дня, чтобы они не штурмовали дозоры. Батура и сам ещё не очень оправился после ранения. Но не придти на этот бой он не мог.

За Партизанами – ополчение дальних поселений. Посланный и диггеры обошли всех, возвещая идею объединения. Дальние поселения, как никто, устали от разобщённости и

одиночества. В залог будущего единства они выставили свои отряды.

Самих диггеров здесь не было. Их неразумно было использовать на открытом пространстве. Командор поручил Бригадиру бригадиров Юргенду охранять боковые ходы возле гаража. Ленточники неверняка попытаются окружить землян и зайти с тыла. Если получится – диггеры сами должны ворваться со своими секачами в тылы ленточников и душить их прямо в ходах.

Все пришли сюда добровольно. Все готовы к смерти ради манящей идеи единого и счастливого Муоса. Радист понимал, что шансы у них невелики. Даже если они победят, количество погибших будет огромно. И в этом случае им ещё предстоит долгая кровопролитная война с оставшимися ленточниками. Это отбросит землян ещё дальше от их мечты. Восстановить даже текущее состояние дел удастся не скоро, если удастся вообще. Даже в случае победы их ждут долгая война, голод, разруха. Но он уверен, что земляне не смогут после этого боя разбежаться по углам и снова быть врагами. Не смогут после этого боя, где сошлись плечом к плечу, снова поделиться на уровни значимости; рабов и рабовладельцев. А, значит, у этих людей есть надежда! Если же они проиграют – надежды нет никакой!

Этим людям надо что-то сказать.

– Встаньте, братья! Я – Посланный, но не избранный и не лучший из вас. Я такой же, как вы. Я послан к вам из другого далёкого мира. Я пришёл в ваш жестокий мир без цели и без любви. Я пришёл сюда из любопытства. Но прошло время. Погибли все мои товарищи. Погиб человек, которого я любил больше жизни. Погибли те, с кем я успел подружиться здесь. Они погибли ради счастья Муоса; ради надежды, которой вы достойны. Я полюбил ваш мир. Теперь Муос – это мой дом. И я вместе с вами пришёл сюда защитить уже свой дом и его жителей. У меня есть цель – единый и процветающий Муос! Нас ждёт страшный бой. Последний Бой! Но я говорю вам: Земляне! Теперь вы – великий народ! Вести вас в бой – это великая участь, дарованная мне Богом! И да поможет вам Бог в этой битве!

Акустика гаража делала голос Радиста нереально громких, оттеняемым гулким эхом. С землянами говорил не слабый парнишка, а человек с огромной волей и силой. Эта воля к победе и сила передалась всем землянам. Они вставали с колен и кричали: «Ура!». Даже ленточники от этого громогласного звука немного попятились назад.

Внезапно из толпы выступил Первый Прародитель, у него в руке был увесистый меч. Гориллаподобное чудовище пророкотало:

– Иди сюда, щенок, и я надеру тебе зад.

Он вызывал Радиста драться один-на-один. Земляне, услышав такое обращение к Посланному, дёрнулись со своих мест, чтобы наказать ленточника. Некоторые уже целились из арбалетов и были готовы выстрелить.

Но Радист поднял руки, останавливая землян. Он спокойно развернулся к Первому и спросил:

– Ты хочешь со мною драться, червяк?

– Я тебя хочу видеть мёртвым. Я отсеку тебе руки, ноги и твой вонючий язык. Я даже не подарю тебе хозяина, ублюдок. Ты будешь болтаться вниз головой под потолком станции Восток до тех пор, пока не высохнешь как скелет.

– Я буду драться с тобой.

Земляне и ленточники зашумели. Земляне восхищались смелостью Посланного, но видели огромную разницу в весе и силе. Командор подошел к Посланному:

– Посланный, дай эту возможность: я буду драться. Ты – велик, но драться ты не умеешь. Ты не сможешь его победить.

– Невозможное человеку – возможно Богу. Не переубеждай – это бесполезно.

Командор печально посмотрел на Посланного, потом кивнул, достал свой меч и дал ему.

Радист взял меч. Меч был для него тяжел. Он даже не знал толком, как его брать в руки. Он отрицательно покачал головой и вернул меч в руки Командору. Радист

перекрестился и вышел в центр свободного от людей пространства между двумя армиями.

Первый, увидев, что Радист идёт без оружия, оскалился, что-то прорычал и бросил на пол свой меч.

С тех пор, как Дехтер спаринговал с Радистом прошла целая вечность. Но Радист запомнил те уроки. Дехтер был не таким мощным, как Первый. Но он был намного более ловок. Первый хотел схватить Радиста за шею и махнул своей рукой. Радист отошёл – рука прошла мимо. Радист отошел назад. Первый нанёс мощный удар, но Радист снова отошёл назад. Так он уворачивался и отходил от ударов Первого. Первый был раздражён:

– Что ты бежишь от меня, как таракан?

Дальше отступать было некуда. Он слышал тревожное дыхание землян за своей спиной. Они были на грани того, чтобы сорваться и разорвать Первого, как собаку. Первый оскалился снова – он видел, что Радисту отступать дальше некуда. Он размахнулся со всей силы. Радист не отошёл – он пригнулся. Кувалда пронеслась над его головой, задев капюшон. По инерции Первый развернулся боком. Радист подпрыгнул и двумя руками нанёс ему удар в шею. От неожиданной боли тот согнулся, и стал балансировать руками, чтобы не упасть. Но Радист уже наносит удар в нос. Первый не удержался на ногах и упал на спину. На лице у него была кровь, ручьём текшая с разбитого носа. Радист, конечно, его не убил, – он не мог никого убить, как говорил отец Тихон. Но земляне думали по другому. Они видели, как худосочный Посланный повалил на землю огромного великана. Вопль восторга прокатился по рядам землян. Их натянутые до предела нервы не выдержали. Земляне без команды ринулись в бой, обходя неподвижно стоящего Посланного и затаптывая ногами ещё живого Первого.

И начался Последний Бой!!!
В СОЗДАННОЙ БОГОМ ВСЕЛЕННОЙ,
НА ЗАГУБЛЕННОЙ ЛЮДЬМИ ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ,
В ПОДВАЛЕ МЁРТВОГО ГОРОДА ПОД НАЗВАНИЕМ
МИНСК
ДОВЕДЁННЫЕ ДО ОТЧАЯНИЯ ЗЕМЛЯНЕ
ВЕЛИ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ
ЗА ПРАВО ЗВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ
И ИМЕТЬ НАДЕЖДУ!...